

Андрэ
НОРТОН

ЛУННАЯ
МАГИЯ

АНДРЕ
НОРТОН

ЛУННАЯ
МАГИЯ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

*том девятый
книга первая*

*Луна трёх колец
Изгнанники звёзд*

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
Издательство «Сигма-пресс»
Москва
1994

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андре

Лунная магия. Книга первая: романы/Пер. с англ. —
Зеленоград: Изд-во «Зеленоградская книга»,
1994г. — 416 стр. Вып. 16.

В книгу включены романы цикла ЛУННАЯ МАГИЯ, главные герои которых — Вольный Торговец Крип Ворланд и волшебница с планеты Йиктор Певича Луны Майлин — переживают удивительные приключения, сталкиваясь с происками межпланетного торгового Синдиката в первом романе и пресекая операцию Воровской Гильдии во втором романе, обретают новые тела.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое
использование данного издания возможно исключительно
с ведома издателя.

Н $\frac{4701000.000 - 16}{480 (03) - 94}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 016 — X

MOON OF THREE RINGS

© 1966 by Andre Norton

EXILES OF THE STARS

© 1971 by Andre Norton

© Издательство «Зеленоградская книга», 1994г.

© Пер. с англ. «Луна трех колец», К. Прилипко, 1993г.

© Пер. с англ. «Изгнанники звезд», К. Прилипко, 1993г.

© Художник Д. Аввакумов, 1993 г.

ЛУНА ТРЁХ КОЛЕЦ

Глава 1

КРИП ВОРЛАНД

Что такое космос? Это пустыня, познать которую не дано человеку, даже если бы он обладал сотнями, тысячами жизней, чтобы провести дороги между солнечными системами и планетами, чтобы расспрашивать, чтобы пытаться узнать, что находится за следующим солнцем, за следующей системой.

Подобные искатели знают, что не должно быть пределов человеческой вере в чудесное, которая отсутствует у тех, кто следует проторенными дорогами, не принимает ничего, отказывает собственным чувствам.

Те, кто осмеливаются проникнуть в неизвестное, — первые разведчики пространства, исследователи и, не в меньшей мере, Вольные Торговцы, рвущиеся за пределы Галактики, — быстро привыкают к тому, что легенды и фантазии одной планеты легко могут оказаться счастливой или мрачной действительностью на другой. Каждое приземление на новую планету приносит свои тайны и открытия.

Быть может, это вступление в какой-то мере псевдофилософское, но я не знаю, как начать иначе, потому что раньше я рассказывал обо всём произошедшем со мной только в том объёме, в каком это требовалось для отчёта в Лигу Вольных Торговцев. Когда человек собирается описывать невероятное, ему трудно начать.

Перворазведчики во время своих бесконечных путешествий по мирам и системам сообщают в Управление много странного и необычного. Но планеты, ставшие благодаря их работе доступными людям, могут хранить свои тайны и после того, как их признают удобными стоянками для кораблей или даже пригодными для новых поселений.

Вольные Торговцы, целиком зависящие от внешней торговли и не получающие для поддержки жирных кусков, какие дают своим монополиям Объединения планет внутренних систем, то и дело сталкиваются с явлениями, неизвестными даже в Управлении. Так и случилось на Йикторе во время Луны Трёх Колец. И кто может рассказать об этом лучше меня, с которым всё это произошло,

хотя я был всего лишь помощником суперкарго на «Лидисе», к тому же последним в списке команды этого корабля.

Благодаря специфическому образу жизни, за годы своего существования Вольные Торговцы стали почти что обособившимся племенем Галактики. У них нет домов, у их кораблей нет постоянного порта приписки, они всегда скитаются. Поэтому для нас корабль — единственная наша планета, и вне его мы все выглядим иностранцами. Но это не значит, что мы неприязненно относимся ко всему непонятному, чужому; тяга к исследованию и восприятию окружающего нас внешнего пространства стала уже неотъемлемой частью нашей природы.

Мы рождаемся торговцами, потому что семьи живут на больших кораблях. Так было решено уже давно, и это было гораздо лучше для нас, чем короткие непрочные связи в портах, могущие привести к потере своего корабля. Крупные космические станции-порты являются городами, торговыми центрами для каждого сектора, где совершаются крупные сделки, и где семьи могут насладиться чем-то вроде домашнего уюта в промежутках между вояжами.

Но «Лидис» — корабль Д-класса для холостяков, предназначенный для торговли на опасных окраинах, на которую отваживаются только одинокие мужчины. Я, Крип Ворланд, был очень доволен, что взялся за это дело. Мой отец не вернулся из последней экспедиции уже много лет тому назад. Моя мать, по обычаю Торговцев, через два года снова вышла замуж и уехала куда-то со своим супругом. Так что меня некому было уговаривать, когда я записывался в команду.

Нашего капитана Урбана Фосса считали хорошим командиром, хотя он был молод и любил риск; но именно последнее и устраивало членов его команды: они хотели иметь вожаком человека, который каким-нибудь рискованным предприятием продвинет их в ряды тех, кто пользуется солидным авторитетом в торговых центрах. Джел Лидж заведовал торговым отделением. Он не любил давать лёгких заданий, но я повздорил с ним только один раз, и то из-за того, что он ревниво охранял торговые секреты, заставляя меня доискиваться до всего самому. Но, может быть, это и было лучшим способом обучения —

держат меня в постоянном напряжении во время вахты и давать возможность подумать, когда я был свободен от своих обязанностей.

Мы совершили уже две удачные экспедиции до того, как приземлились на Йикторе, и, конечно, возомнили о себе бог знает что. Вольные Торговцы никогда не забывают об осторожности. Когда мы совершили посадку, то прежде чем открыть люки, Фосс включил для прослушивания магнитофонную запись, содержащую все предупреждения, необходимые на этом свете.

Единственный порт — так как это действительно был окраинный мир — находился вблизи Ырджара — главного города планеты (если вообще можно говорить о существовании городов на Йикторе), расположенного в центральной части большого северного материка.

Мы приурачили наше прибытие к большой торговой ярмарке — встрече купцов и простого люда со всей планеты, что происходило раз в два планетарных года, в конце сезона сбора урожая.

Как и во многих других мирах, когда-то эти сборища имели, да и до сих пор не утратили до конца, религиозное значение. Считалось, что эта дата связана с битвой древнего народного героя с каким-то демоническим врагом, в которую он вступил ради своего народа и одержал победу, но погиб и был похоронен с необычайными почестями. До сих пор разыгрывалось подобие этой битвы, после чего следовали соревнования, в которых феодалы соперничали друг с другом, ставя на своих чемпионов. Победившие в каждом соревновании получали богатые призы, а главное — престиж не только для себя, но и для своего хозяина вплоть до следующей ярмарки.

Глава 2

КРИП ВОРЛАНД

Общество на Йикторе находилось в феодальной стадии развития. Несколько раз за историю его существования короли и завоеватели пытались объединить под своей

властью целые континенты, хотя бы на время своего правления. Эти объединения порою существовали и в последующие династии, но, как правило, вскоре распались в результате междоусобиц. Развития не происходило. Священники, правда, хранили какие-то легенды о ранней цивилизации, достигшей большой стабильности и более высоких технических знаний.

Никто не знал, почему они остановились на этой стадии, и никто из местных жителей не хотел знать, существует ли другой образ жизни, или не верил в это. Мы прибыли во время полной разрухи и беспорядка, когда шесть феодалов напали друг на друга, но ни у кого не оказалось ни должной ловкости, ни смекалки, ни везения, чтобы взять верх. Таким образом, имело место своего рода равновесие власти.

Для нас, Торговцев, это означало некоторые трудности и неудобства, ограничивая нашу деятельность, чем мы были очень недовольны. Это означало «запрет на мысли» и «запрет на оружие».

Давным-давно, ещё в самом начале Вольной Торговли, для защиты от власти Патруля и якобы для того, чтобы не раздражать Контроль, Торговцы осознали необходимость этих двух предосторожностей на примитивных планетах. Определённая техническая информация ни в коем случае не должна была продаваться, как бы ни высока была предлагаемая цена. Оружие внешнего мира, а также секреты его изготовления, находились под строжайшим запретом. Когда мы совершали посадку на такую планету, всё оружие, не считая небольших дубинок, запиралось в сейф и доставалось только после того, как мы покидали планету. Мы также проходили профилактику, чтобы из нас нельзя было вытянуть никакой запретной информации.

Может показаться, что в результате всего этого мы оказывались абсолютно беззащитными перед грубой силой какого-нибудь феодала, решившего узнать от нас как можно больше. Но закон ярмарки полностью охранял нас от опасности, по крайней мере до тех пор, пока мы придерживались правил, установленных жрецами в первый день.

По закону, общему для всех миров Галактики и кажущемуся везде естественным и справедливым, территория ярмарки являлась нейтральной площадью и святыней. Смертельные враги могли встретиться тут, но ни один не посмел бы взяться за оружие. Если кто-нибудь из преступников достигал ярмарки и не нарушал её законов, он был полностью свободен от преследования и наказания до её окончания. Сама ярмарка имела свои законы и полицию, и любое преступление, совершённое на ней, жестоко каралось. Таким образом, ярмарка представляла собой также место переговоров между феодалами, где они разбирались в своих междоусобицах и, возможно, заключали новые союзы. Нарушивший закон ярмарки объявлялся вне закона, что было почти равносильно приговору к смертной казни, только более продолжительной и мучительной.

Всё это мы хорошо знали, однако терпеливо выслушивали запись; на торговом корабле никто никогда не относится к такого рода предупреждениям как к простой трате времени. Затем Фосс вновь обратился к распределению обязанностей во время пребывания на планете. Во время экспедиций на разные планеты мы выполняли их по очереди. Охрана корабля была постоянна, остальные же были относительно свободны и могли работать парами. Начиная с утреннего гонга и до сумерек мы должны были налаживать контакты с местными купцами. Фосс один раз уже побывал на Йикторе как помощник капитана на «Коал Сэк» и теперь вытащил свой дневник, чтобы освежить в памяти образ жизни планеты.

На всех кораблях Вольной Торговли безотносительно к тому, что суперкарго руководит распределением товара и основными сделками, каждый член команды может работать самостоятельно, смотреть во все глаза и предлагать по собственной инициативе выгодные сделки. Так что, разбившись на пары, мы исследовали рынки, выясняя нужды местных жителей, которые можно было бы удовлетворить во время следующей экспедиции, а также подыскивали возможные предметы экспорта.

Основной груз, который мы забирали в Ырджаре, был спрод — густой сок, выжатый из листьев местных растений

и спрессованный в блоки, которые мы легко укладывали в нижнее отделение, когда оттуда были выгружены тюки с мурано — блестящим плотным шёлком, который жадно расхватывали ткачи с Йиктора. Они терпеливо распускали его на отдельные нити и смешивали с лучшей пряжей местного производства, в результате чего работа занимала вдвое больше времени. Иногда какой-нибудь феодал платил все деньги, вырученные за сезонные работы, за платье, целиком сшитое из нашего шелка. На обратном пути мы рассчитывали сбыть блоки спрода закатанам, которые перерабатывают его в вино. Они считают, что это вино повышает умственное развитие; в этом отношении они и так нас сильно обогнали.

Но спрод не составлял полного груза, и мы должны были искать новые товары. Догадки не всегда оправдывались, случалось и так, что сначала казавшееся сокровищем, на проверку оказывалось бесполезным грузом, и его выкидывали. Но предыдущие операции прошли настолько удачно, что мы были уверены — нам повезёт и на этот раз.

Каждый Торговец, участвующий в опасных операциях, имеет возможность довольно скоро заключить контракт с хозяином и получать большую долю прибыли. Поэтому каждый из нас был очень внимателен, запоминал результаты предыдущих экспедиций и старался чутьём определить то, что невозможно понять даже в результате упорной подготовки и обучения.

Конечно, всегда можно столкнуться с заметными товарами — новое производство, драгоценные камни, это бросается в глаза. Опытный Торговец замечает их сразу во время больших ярмарок. В таких ярмарках, как эта, и заключается основной соблазн для инопланетных торговцев.

С другой стороны, существуют товары-загадки, которые вы вынюхиваете в расчёте на спекуляцию. Чаще всего это неизвестный товар, который местные купцы привозят на ярмарку, надеясь продать его с выгодой — какие-нибудь мелкие предметы, лёгкие и удобные для перевозки, с расчётом продать свои безделушки в тысячу раз дороже, чем они стоят, простофилям из этой толпы инопланетян,

которые всегда ищут что-то такое, чем можно удивить соседей.

Ходят легенды о том, как однажды повезло Фоссу с Эспанскими коврами — шедеврами качества и сочетания цветов. Их можно свернуть в рулон не длиннее человеческого предплечья, в развёрнутом же виде это — огромные сверкающие полотна, целиком покрывающие пол большой комнаты, прочные, радующие глаз переливами цветов. Мой же непосредственный начальник Лидж был причастен к открытию дальше на Крантаксе. Случилось так, что этот незаметный сморщенный плод оказался чрезвычайно нужен в промышленности, и это принесло Лиге порядочное количество кредитов, перевело Лиджа на следующую должность и оказалось выгодным планете. Конечно, в самом начале службы на такие удачи рассчитывать не приходится, но я думаю, что весь младший состав нашего корабля в глубине души тешил себя подобными надеждами. Хотя и так имеется много возможностей выслужиться и улучшить свою характеристику более мелкими находками.

В первый же день я отправился на встречу с местными торговцами вместе с Лиджем и капитаном. Встреча происходила в Большой Палатке — средних размеров здании, находящемся в поле за стенами Ёрджара, в центре ярмарки. В то время как вся архитектура на Ёикторе довольно мрачная и тяжёлая — здания строятся так, чтобы в любой момент стать крепостями, — Палатка, которой не грозят никакие нападения, выглядит немного веселее. Её стены сложены из камня только частично. Внутри просторно, лишь по краям стоят колонны, поддерживающие острокопечную крышу, края которой далеко выступают за стены и представляют собой прекрасное укрытие от ненастья. Впрочем, ярмарка проводится обычно в сухую погоду. Освещение в Палатке гораздо лучше, чем в других домах Ёиктора.

Мы были единственными представителями Вольных Торговцев в порту, хотя тут стоял ещё имеющий лицензию корабль Синдиката. Но он перевозил только спецгрузы по контракту, против чего мы не возражали. Это был редкий

случай перемирия между инопланетянами, и не было необходимости изворачиваться.

Наш капитан и суперкарго Лидж сидели по-дружески со старшими купцами, мы же устроились с меньшими удобствами. Мы приравнивались к их торговцам второй гильдии и по правилам должны были помещаться в других отделениях; кроме того, мы должны были, помимо демонстрации товара, ещё и вести счёт. Эта двойная работа отделяла нас от наших офицеров и внушала местному населению, что инопланетники глупы и нуждаются в таких помощниках, потому что расчёт — это движущее начало разумной торговли. И вот мы усаживались на высокой платформе, для вида записывали экспонаты и расхваливали предлагаемый товар.

Здесь продавали северные меха глубокого красного цвета, отливающие золотом, когда торговцы, показывая, вертели их в руках. Ткани стояли в рулонах на подставках, принесённых помощником. Много было металлических изделий, главным образом, оружия. Мечи и копья — видимо, самое универсальное и примитивное оружие в Галактике — ковались мастером, явно знающим своё дело. Были здесь и кольчуги, шлемы с миниатюрными животными или птицами на гребнях, щиты. Торговец, прибывший последним, с важным видом показывал военные материалы. Двое его подручных демонстрировали стрельбу по мишени из самострела нового типа, и его превосходство доказывалось оживлением, вызванным этой демонстрацией.

Выставка оружия, которая была немаленькой для местного рынка, надоела нам. Конечно, время от времени кто-нибудь из нас покупал меч или кинжал, чтобы потом продать какому-нибудь коллекционеру. Это была небольшая спекуляция с минимальным риском.

Торговля — дело другое. Местные купцы делали перерыв, чтобы освежиться, подходили к бочкам их лучшего, но для нас неприемлемого, пива, и к «твёрдой еде», состоящей из оладий с фруктово-мясной пастой, а нас отпускали с заходом солнца. Как обычно, капитан Фосс и Лидж шли на специальный банкет, который давала адми-

нистрация ярмарки, а мы, второсортные, возвращались на корабль.

Младший представитель Синдиката, деливший со мной неудобное сидение на платформе, с усмешкой потянулся, предварительно засунув для безопасности свои записи под ремень.

— Вот и всё, — сказал он. — Ты свободен? Пошли в порт?

Как правило, Вольные Торговцы и люди Синдиката не общались между собой. В прошлом у нас было много неприятностей с ними. Торговец с единственным кораблем не может и надеяться на победу. Однако в наши дни вещи охраняют лучше, чем они того стоят. У Лиги сильная рука, и лидеры Синдиката дважды подумают, прежде чем толкнуть локтём Торговца, имеющего такую защиту. Но чувства и память идут ещё от тех времён и держат нас в стороне, поэтому я ответил не слишком сердечно:

— Не сейчас, после рапорта.

— Всё равно, — если он и понял смысл моей холодности, он ничем не выдал этого. Наоборот, он уселся ждать меня, а я медлил, давая ему возможность уйти. Но он не ушёл.

— Меня зовут Гек Слэфид.

— Крип Ворланд, — я неохотно двинулся за ним.

Выход был забит торговцами, и мы, как полагается иноземцам, среди них не толкались. Он бросил взгляд на мой значок, я сделал то же. Он был с грузового судна, но по его диску проходило две полосы, а у меня только одна. Правда, продвижение по службе в Синдикате шло тогда более медленно.

Никогда нельзя судить о планетном возрасте тех, кто большую часть жизни проводит в космосе. Некоторые даже и сами не знают, сколько им лет. Однако я прикинул, что этот Гек Слэфид немногим старше меня.

— Ещё не подкалымил? — спросил он.

Это был слишком наглый вопрос даже для людей Синдиката. Я подумал было, что он просто не соображает, что подобных вопросов не задают никому, кроме родственников и близких друзей. Возможно, что он слышал

об обычаях Вольных Торговцев и воспользовался этим неудачным способом завязать разговор.

— Нам ещё не освободили порт, — я не стал показывать, что оскорблён: может, его вопрос был совсем безобидным, хотя и выглядел скверно. Надо уметь отвести оскорбление в сторону, когда имеешь дело с чужаком, а Синдикат для нас более чужой, чем иные негуманоиды.

Видимо, он уловил мои ощущения, потому что не стал развивать эту тему. Пока мы шли по заполненным народами улицам, он указывал на безвкусные флажки и полосы ткани, где были написаны местными загогулинами объявления о всевозможных развлечениях — от совершенно невинных, до граничащих с пороком. На ярмарке собирались продавцы и покупатели, жрецы и уважаемые люди, так что здесь сосредотачивались все, кто добывал себе средства к жизни предложением развлечений для ума и чувства.

— Здесь есть на что посмотреть — или ты дежуришь вечером? — не был ли его тон чуть-чуть покровительственным, или мне показалось? Я решил не доискиваться. Мы не были связаны какой-нибудь торговлей, а я был осторожен.

— Да, мне говорили, что тут есть кое-что интересное. Но я ещё не отстоял вахту.

Он ухмыльнулся и поднёс руку ко лбу, как бы салютуя.

— Тогда у тебя счастье впереди, Ворланд. Мы уже отстояли, и ночь у меня свободна. Если освободишься, посмотри это, — он повёл рукой, указывая на полосу ткани в конце улицы.

Та не блестела красками, как другие, а была странного серого оттенка с розовыми прожилками, однако от неё нельзя было отвести взгляд.

— Это что-то особенное, — продолжал Слэфид. — Конечно, если тебе нравятся шоу животных.

Шоу животных? Я снова смутился: я полагал, что у людей Синдиката совершенно другие понятия о развлечениях — что-нибудь близкое к извращениям, почти упадочным удовольствиям внутренних планет. Затем у меня возникло подозрение — не эспер ли этот Гек Слэфид? Ведь он безошибочно спикировал на такое раз-

влечение, которое должно было в первую очередь заинтересовать меня. Я развернул один из усиков своего мыслеискателя — не имея целью вторгнуться в мозг, конечно, этого я ни в коем случае не должен был делать — а только чтобы осторожно обнаружить ауру эспера. Её не оказалось, и я, слегка подсадив на себя за подозрительность, ответил:

— Если мне повезёт, я обязательно последую твоему совету.

Тут моего собеседника наконец-то окликнул кто-то, носящий знак его корабля, он лёгким поклоном простился со мной и пошёл к своему другу. Я же постоял некоторое время перед этой почти бесцветной рекламой, пытаясь понять, чем она так привлекает взгляд. Такие вещи очень важно знать Торговцу. Действует ли это так сильно только на меня или на других тоже? Мне почему-то так важно было получить ответ на этот вопрос, что я решил найти самого спокойного члена нашей команды и проверить на нём действие рекламы.

Мне повезло. В эту ночь я был свободен. Команда «Лидиса» была столь мала, что незанятыми обычно оставались только четверо, и трудновато было заставить их ходить по двое, если у них разные понятия о развлечениях. Мы считались младшими, и я вышел вместе с Грисом Шервином, вторым механиком. Прекрасно! Мне нужен был практичный спутник для проверки рекламы, а Грис подходил как нельзя лучше. Он был потомственным Торговцем, как и все мы, но основной его любовью был корабль, и я не думаю, что он так уж интересовался торговлей — кроме тех случаев, когда от него этого ждали. К счастью, я вспомнил, что неподалёку от рекламы шоу животных висела тёмно-малиновая реклама выставки мечей, и воспользовался этим, как приманкой для Гриса. Он был игроком, но такая деятельность не рекомендуется на чужих планетах. Игра, наркотики, пьянство и чересчур пристальное внимание к дочерям чужеземцев могли привести к неприятным последствиям, вплоть до угрозы кораблю, так что подобные желания временно блокировались, и мы, в конце концов, соглашались, что это разумно.

Улица, где располагалось шоу, была теперь ярко освещена фонарями, висевшими каждый над своей рекламой и окрашенными в тот же цвет. Светящиеся изображения на них извещали о том, что происходит внутри. Серая с розовым полоса всё ещё висела здесь, фонарь в виде серебряного шара качался над ней, и никакие изображения не разбивали его перламутровый свет.

— Что это? — спросил Грис, подойдя.

— Говорят, шоу животных, — ответил я.

Поскольку Вольные Торговцы большую часть жизни проводят в космосе, понятно, что у них мало контактов с животными. Много лет на всех кораблях жили кошки — в том числе и для защиты груза, поскольку они охотились на всяких паразитов, прячущихся в трюмах. Веками они считались членами команды. Но число их всё уменьшалось: они уже не приносили так часто и много потомства. Мы уже забыли, откуда родом эти животные, и не могли добыть для них притока свежей крови, чтобы восстановить их размножение. Несколько кошек осталось на базах, их высоко ценили, охраняли и заботились о них в надежде, что размножение восстановится. Все мы пытались время от времени заменить кошек другими животными из многих миров. Один-два вида обещали размножение, но большинство животных так и не смогли приспособиться к корабельной жизни.

Вероятно, желание иметь компаньонов-животных так привлекало нас к инопланетным зверям. Не знаю как Грис, но я считал, что просто обязан посетить палатку под лунным шаром. Оказалось, что уговаривать Грису не потребуется: он охотно пошёл со мной.

Откуда-то доносился глухой тяжёлый звук гонга. Постепенно стихали смех, разговоры, песни на улицах: толпа платила дань призыву храма. Но тишина длилась недолго, потому что, хотя ярмарка и имела свои религиозные традиции, они с годами потускнели.

Мы прошли под тенью серой рекламы в сиянии лунной лампы. Я рассчитывал увидеть какое-нибудь изображение животного, могущее послужить приманкой для публики, но там оказался только экран с надписью на местном языке, а над дверью качалась странная эмблема — маска

— не животного, не птицы, а комбинация того и другого. Увидев её, Грис издал негромкое восклицание:

— Что это?!

Его тон меня не удивил. Я слышал его и раньше, но только в тех случаях, когда Грис стоял перед новой и непонятной машиной.

— Это же настоящая находка!

— Находка? — переспросил я, решив, что речь пойдёт о какой-нибудь удачной покупке.

— Настоящее зрелище, — поправился он, как будто прочёл мои мысли. — Это шоу Тэсса.

Грис, как и капитан Фосс, бывал на Йикторе и раньше. Я же мог только повторить:

— Тэсса?

Я думал, что изучил ленты Йиктора достаточно внимательно, но смысл этого слова ускользнул от меня.

— Пошли! — Грис подтолкнул меня к стройному туземцу в серебряной тунике и высоких красных сапожках, принимающему плату за вход. Туземец взглянул на нас, и я поразился.

Вокруг нас гудела толпа йикториан. Они лишь немногим отличались от людей нашей породы. Но этот юноша в бледной одежде казался более чужим этому миру, чем мы.

Он был так хрупок, что казалось, ветер, треплющий рекламу над ним, может закрутить его и унести. У него была очень гладкая кожа без всяких признаков бороды, очень белая, почти без красок. Черты лица человеческие, за исключением громадных глаз, таких тёмных, что нельзя было определить их цвет. Брови подходили к самым вискам так, что сходились с серебристо-белыми волосами.

Я старался не пялиться на него. Грис заплатил, и туземец поднял полотнище палатки, чтобы впустить нас.

Глава 3

КРИП ВОРЛАНД

Там не было сидений, только ряды ступеней в одном конце палатки, которые легко убирались после представ-

ления. Перед ними возвышалась эстрада, пока ещё пустая, за ней колыхался занавес того же серо-розового цвета, что и вывеска. Наверху висели фонари серебристо-лунного цвета. Всё это выглядело просто, но элегантно, и никак не вязалось с показом дрессированных животных.

Мы, видимо, пришли вовремя: складки занавеса раздвинулись и перед публикой появился мастер-дрессировщик. Несмотря на ранний час, здесь было много народу, в основном, дети.

Мастер? Нет, несмотря на тунику, брюки и высокие сапоги, такие же как и у привратника, это явно была женщина. Её туника не облегла горло, а поднималась сзади стоячим воротничком-веером, отделанным по краю маленькими рубиновыми искорками того же цвета, что и сапожки и широкий пояс. Тунику облегал короткий жилет из золотисто-красного меха, какой я видел сегодня утром в Большой Палатке. Её рук сжимали бич, которым большинство дрессировщиков подкрепляет свои указания, и тоненький серебряный жезл, который не мог служить ни для наказания, ни для защиты. Он подходил по цвету и блеску к её высокой причёске, заколотой шпильками с рубинами. В середине лба блестел серебряный арабеск с рубином, неизвестно как прикреплённый — он не шевелился при движениях её головы. В ней чувствовалась уверенность, как у всех мастеров, умеющих владеть собой и своим искусством.

— Лунная Певица! — выдохнул Грис с некоторым оттенком страха — редкой эмоцией у Торговцев. Я хотел было попросить у него объяснений, но в это время она взмахнула палочкой, и все разговоры смолкли. Публика относилась к ней с явно бóльшим почтением, чем толпа на улице к храмовому гонгу.

— Дамы и господа! — прозвучал низкий, напевный, вызывающий желание слушать голос. — Окажите внимание нашему маленькому народу, который рад повеселить вас, — она отошла и снова взмахнула жезлом.

Драпировки раздвинулись, чтобы пропустить шесть маленьких пушистых созданий.

Они шли на задних лапках, прижимая к круглым брюш-

кам маленькие рубиново-красные барабаны. Их передние лапки очень походили на человеческие руки, с той лишь разницей, что пальцы животных были длиннее и тоньше. На круглых головках с высоко поставленными бесшерстными блестящими острыми ушками поблескивали глаза, которые, как и у их хозяйки, были очень велики по сравнению с круглой широконосой мордочкой. Позади крючком загибался пышный шелковистый хвост. Они гуськом прошли в противоположный конец сцены и уселись там, поставив перед собой барабаны и положив на них передние лапы. Видимо, она подала какой-то сигнал, потому что они стали бить в барабаны, но не как попало, а в определённом ритме.

Снова раздвинулся занавес, и появились новые артисты. Эти были крупнее барабанщиков и, видимо, менее ловки в движениях. Обладая слишком массивными телами для своих размеров, грубой шерстью, приличным ростом, длинными ушами и узким вытянутым туловищем, они выглядели гротескно и по-настоящему чуждо. Они шли в такт барабанам, ритмично покачивая головами и шевеля кончиками морд. Однако они служили всего лишь верховыми животными для ещё одной группы зверюшек. У всадников были маленькие кремовые головки с большими, более тёмного цвета крутами вокруг глаз, что придавало их мордочкам довольно удивлённое выражение. Похоже, что они, как и барабанщики, пользовались своими передними лапками не хуже, чем мы руками.

Тапироподобные «лошади» и их всадники церемониальным маршем прошли по авансцене. Вот тут-то я и стал свидетелем явной магии. Я повидал немало шоу с животными в разных мирах, но ничего подобного не встречал. Тут не было ни щёлканья бича, ни словесных приказов. Они выступали не как обученные трюкачи, а скорее как будто приносили что-то своё, неожиданное для тех, кто не относился к их породе. Стояла полная тишина, нарушаемая одними лишь рваными ритмами, отбиваемыми мохнатыми музыкантами, и сложными звуками, которые время от времени издавали артисты. Всадники и «лошади» были первыми, но только после ухода артистов я сообра-

зил, что мы видели по крайней мере десять разных пород.

Хозяйка ещё раз вышла на середину эстрады и отсалтовала своим жезлом.

— Мой народ устал. Если он понравился вам, дамы и господа, он этим вознаграждён. Завтра они выступят снова.

— Я никогда не... — я взглянул было на Грису, но тут кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидел юношу, который впускал нас сюда.

— Достопочтенные Люди, — сказал он на Бэйсике, а не на ырджарском наречии, — не желаете ли вы взглянуть на маленьких артистов поближе?

Я не мог понять, с какой стати нам было сделано это предложение, но жаждал его принять. Однако укоренившаяся в нас осторожность предъявила свои права, и я заколебался, поглядывая на Грису. Поскольку он, как видно, что-то знал об этих Тэсса (кем или чем бы они ни были), я предоставил решение ему. Но у него, похоже, сомнений не было. Мы встали и последовали за нашим гидом через сцену за занавес. Там странно пахло животными, но очень чистыми и ухоженными, травяными подстилками и чуждой для нашего носа пищей. Пространство, открывшееся перед нами, было раза в три больше театра. Его разгораживал широкий деревянный экран. Рядом с ним стояли фургоны вроде тех, в которых перевозят продукты, это была линия для крупных ездовых животных — казов. Рядами, почти как город с узкими улицами, тянулись клетки. В конце ближайшей «улицы» стояла женщина. Я не мог определить её возраст, но издалека она казалась девочкой. При ближайшем рассмотрении хитроумная причёска, украшение на лбу и самоуверенность выдавали паутину лет. Она всё ещё вертела в руках серебряную палочку, словно якорь спасения. Не знаю, почему мне пришла мысль: в её манерах и выражении лица не было ничего, указывающего на неприятности.

— Добро пожаловать, Достопочтенные Люди! Меня зовут Майлин, — произнесла она на Бэйсике.

— Крип Ворланд.

— Грис Шервин.

— Вы с «Лидиса», — это был не вопрос, но утверждение. Мы кивнули. — Малик, — обратилась она к юноше, — может быть, Достопочтимые Люди выпьют с нами?

Он не ответил, но быстро прошёл куда-то по «улице» из клеток с решётчатой стенкой с правой стороны для охраны животных. Майлин продолжала изучать нас, а затем указала жезлом на Грису.

— Вы что-то слышали о нас, — и она повернула жезл ко мне, — а вы — нет. Грис Шервин, что вы о нас знаете? Только ни о чём не умалчивайте, ни о плохом, ни о хорошем — если что-то хорошее действительно было.

Грис был загорелым, как и все мы, живущие в космосе. Рядом с этими людьми он казался почти чёрным. Но даже через эту черноту было видно, как он вспыхнул, и я понял его самочувствие.

— Тэсса — Лунные Певицы, — сказал он.

— Неточно, — она улыбнулась. — Только некоторые из нас воспевают власть Луны для пользования ею.

— Но вы как раз из них.

— Это правда, — она ответила без улыбки, — раз уж вы, Торговцы, об этом знаете.

— Все Тэсса — иной крови и рода. Никто на Йикторе, кроме, может быть, вас самих, не знает, откуда вы пришли. Вы древнее, чем самые старые записи у лордов или в храмах.

— И это правда, — Майлин кивнула. — Что ещё?

— Остальное — слухи. О власти над добром и злом, которой не имеет человеческий род. Вы можете наслать беду на человека и весь его клан, — он засмеялся.

— Суеверие? — спросила она. — Однако существует множество способов омрачить человеческую жизнь, Достопочтенный. Слух всегда имеет две стороны — правдивую и фальшивую. Но мне кажется, нас нельзя обвинить в том, что мы желаем зла кому-нибудь в этом мире. Мы и в самом деле древний народ и хотим жить по своим обычаям, не мешая никому. Что вы думаете о нашем маленьком народе? — она резко повернулась ко мне.

— Я никогда не видел равных им.

— Как вы думаете, их хорошо встретят в других мирах?

— Вы имеете в виду шоу в космосе? Это рискованно. Перевозка животных требует различной пищи, специальных забот. Некоторые животные вообще не могут переносить полёт. Можно, правда, построить и экипировать корабль, Достопочтенная, но это будет...

— ...стоять целое состояние, — закончила она. — Да, об эту скалу разбивалось немало грёз, не так ли? Но если показывать не всё представление? Может быть, некоторые мои артисты смогут путешествовать. Пойдёмте, посмотрим на мой народ — вам будет что вспоминать потом.

Она была совершенно права. Когда она провела нас над одним рядом клеток и под другим, мы увидели, что эти клетки были для животных не местом заключения, а только местом для их защиты от вреда, который может принести им человеческое любопытство. Животные приближались к передней решётке своих жилищ, когда она подходила к каждому и официально знакомила нас. И у нас усиливалось ощущение, что это действительно народ с мыслями и чувствами, странный, но приближающийся к моим собственным мыслям и чувствам. Это пробуждало во мне страстное желание иметь такого товарища на корабле, хотя осторожность возражала против подобного безрассудства.

Мы подходили к концу последней «улицы», когда прибежал один из «мальчиков», слоняющихся по ярмарке и зарабатывающих монетку, бегая по поручениям, а возможно, и менее легальными способами. Он переминался с ноги на ногу, словно у него было важное поручение, но он боялся потревожить Тэсса. Она резко оборвала свою речь и повернулась к нему.

— Госпожа, продавец животных... Ты велела мне узнать — у него есть один мохнатый в тяжёлом состоянии, — посыльный замолчал.

Её лицо как бы сузилось, губы сжались. Сейчас она выглядела ещё более чужой, и мне показалось, что она вот-вот зашипит, как разъярённая кошка. Затем она вновь надела маску спокойствия.

— Похоже, то существо нуждается во мне, Достопочтенные. Малик останется с вами, а я скоро вернусь.

— Достопочтенная, не могу ли я пойти с вами?

Не было никаких оснований полагать, что ей нужен помощник, и я ожидал, что она так и скажет. Но выражение её лица изменилось, и она кивнула.

— Если желаете.

Грис поочерёдно оглядел нас, но не предложил себя в сопровождающие, а пошёл с Маликом в жилые помещения. Мы же двинулись за посланцем. В этот поздний час на улицах было полно народу, хотя существовало правило, по которому торговцы и покупатели могли действовать только при свете дня, когда ясно видны недостатки товара. Ночью мужчины и женщины искали развлечений, и мы шли как раз через ту часть ярмарки. Я обратил внимание, что местные жители, узнав мою спутницу, уступали ей дорогу и глядели вслед с каким-то опасением, даже со страхом, как если бы она была жрицей. Она же ни на кого не обращала внимания.

Мы шли молча. Согласившись на то, чтобы я пошёл с ней, она как бы забыла обо мне и сосредоточилась на чём-то более важном.

Вскоре мы добрались до конца широко разбросанной коллекции развлекательных заведений и увидели претенциозную палатку, кроваво-красную, с ядовито-зелёными пятнами, откуда доносились крики игроков. Там стоял такой шум, словно выигрыш зависел не от умения игрока, а от силы его рёва. Через открытую дверь я мельком увидел стол, где играли в распространённую в Галактике игру «Звёзды и кометы». И за этим столом сидел мой сегодняшний знакомый Гек Слэфид. Видимо, на его корабле не было той дисциплины, что у Вольных Торговцев, потому что перед ним лежал столбик фишек, более высокий, чем у соседей, которые, судя по одежде, принадлежали к местной знати, но были слишком молоды для правителей.

Когда мы проходили, Гек поднял голову и пристально посмотрел на меня, а затем, не спуская глаз со стола, приподнял руку, будто хотел то ли помахать мне, то ли позвать. Один из потомков лордов тоже уставился на меня с таким изумлением, что я отстал на шаг от Майлин и так же внимательно оглядел его. Он смотрел не то с вызовом,

не то просто с любопытством, я не смог понять, но мысли читать не осмелился.

За игорной палаткой сгрудились маленькие хижины — как я предположил, жилые дома для прислуги. Оттуда несло странной кухней, тошнотворными запахами. Мы снова повернули, держась на почтительном расстоянии от хижин.

Затем мы подошли к палатке, где пахло совсем уж гнусно. Я подумал, что слышу яростное шипение Майлин, когда она толкнула полотнище у входа своим серебряным жезлом, как бы не желая касаться его руками. Внутри отвратительный запах перебивался другим, поднимающимся душным облаком, и там стоял невообразимый шум от лая, ворчания, рычания и шипения. Мы стояли в тесном пространстве между клетками. Они отнюдь не были заботливо отделанными жилыми квартирами, а служили, скорее, тюрьмой для несчастных обитателей.

Торговец животными, который ни о чём не заботился, кроме быстрой наживы, вышел из тёмного угла. Его губы растянулись в улыбку, но глаза не выражали приветливости. Когда же он узнал Майлин, его улыбка исчезла, в холодных глазах сверкнула ненависть, умеренная страхом перед властью той, кого он ненавидел.

— Где барск? — спросила Майлин тоном оскорбительного приказа, даже не поздоровавшись.

— Барск? Какой дурак захочет иметь дело с барском, Госпожа? Барск — зло, демон безлунной ночи, это всем известно.

Она оглянулась и прислушалась, как будто в шуме, производимом несчастными зверями, уловила единственную ноту и пошла по следу к источнику этого звука. Она не обращала больше внимания на хозяина, а просто шла вперёд. Я увидел, что его ненависть поборола страх, и что он собирается остановить Майлин. Он сунул руку за пояс, и моя направленная мысль как луч света показала мне его оружие — интересную, тайную и очень опасную штуку, не похожую на честную сталь: небольшой, прячущийся в ладони крючковатый коготь, смазанный чем-то зелёным, так что, видимо, всякая царапина, сделанная им, стала бы

смертельной. Хотя его снедала злоба и ненависть, я не был уверен, что он пустит оружие в ход. Но шансов у него всё равно не было: из моего станнера вылетел слабый луч, и пальцы его, державшие оружие, онемели. Он отшатнулся, ударился об одну из своих вонючих клеток и отчаянно заорал, когда животное в клетке попыталось добраться до него. Майлин оглянулась и вытянула жезл.

— Дурак, двойной дурак! Не хочешь ли ты, чтобы я обвинила тебя в нарушении мира?

Можно было подумать, что она плеснула ему в лицо ледяной водой: так быстро исчезло с него пламя ярости. Ненависть в его глазах сменилась страхом. То, чем она грозила торговцу, могло поставить его вне закона, а это было на Йикторе самым страшным наказанием.

Он пополз на коленях и локтях назад в темноту. Однако я счёл всё же нужным держаться настороже и сказал об этом Майлин. Она покачала головой.

— Нечего его бояться. Если хотите знать, низшие не могут обмануть Тэсса!

Она не то, чтобы презрительно назвала его «низшим», как ничтожного прихлебателя. Она просто констатировала факт.

Она прошла за занавеску, где стояло ещё больше клеток и ещё большее зловоние, и бросилась к тюрьме, находившейся поодаль от других. Тот, кто жил в ней, лежал без движения. Я подумал, что он умирает, когда увидел, как выпирают его кости под шкурой, и услышал слабое редкое дыхание.

— Здесь тележка... — она встала на колени перед клеткой и внимательно вгляделась в животное, а её жезл указывал на доску на колёсах.

Я подтолкнул доску вперёд. Мы вдвоём поставили на неё клетку и покатали к выходу. Майлин остановилась, достала из кошелька два денежных знака и бросила их на одну из клеток.

— Пять весовых единиц за барска и две за колёса, — сказала она торговцу, всё ещё корчившемуся в тени. — Хватит?

Мыслеуловитель сказал мне, что торговец только и

мечтает, чтобы мы ушли. Но за страхом пробудилась жадность. Он заскулил:

— Барск — редкий зверь...

— Этот барск вот-вот умрёт, и даже его шкура ничего не стоит, потому что ты заморил его голодом. Если не согласен — подавай в суд, — я заметил, что этот разговор её забавляет.

Обратно мы шли другой дорогой.

Когда клетка приблизилась к тягловым казам, те пригнулись, зафыркали, некоторые встали на дыбы, вскинув головы и раздувая ноздри.

Майлин остановилась перед ними, поводила жезлом и тихо запела. Это успокоило животных. Мальчики отвезли клетку подальше и остановились. Навстречу вышли Малик и Грис. Юноша Тэсса заглянул в клетку и, покачав головой, расплатился с ребятами.

— Он безнадёжен, — сказал он Майлин, когда она отошла от успокоившихся казов. — Даже ты не сможешь повлиять на него, Певница.

Она задумчиво посмотрела на клетку. Всё ещё сжимая в одной руке свой жезл, другой она гладила мех короткого жилета, как будто это было любимое избалованное животное, живое и дышащее.

— Возможно, ты и прав, — согласилась она. — А может, его смерть ещё не занесена во Вторую Книгу Моластера. Если ему придётся пойти по Белой Дороге, то пусть начнёт это путешествие спокойно и безбоязненно. Он слишком истощён, чтобы бороться с нами. Открой клетку, потому что его тошнит.

Они открыли клетку и перенесли животное в одну из своих, побольше и пошире, на мягкую подстилку. Этот зверь был крупнее тех, что выступали в этот вечер на сцене; если бы он мог встать, он оказался бы на уровне моих нижних рёбер. Его шерсть запылилась и свалялась, потускнела, но сквозь грязь проглядывал тот же красный цвет, какого был и жилет Майлин.

Это животное имело странные пропорции: маленькое тело и такие длинные и тонкие ноги, будто они достались ему по ошибке от кого-то другого. Хвост заканчивался

веерным пучком, а между острых ушей, по шее и вокруг плеч лежала острая грива более светлого оттенка. Нос был острый и длинный, за чёрными губами виднелись крепкие зубы. Не будь он таким измождённым, я бы сказал, что это опасный зверь.

Он слабо огрызнулся, когда они укладывали его на подстилку в новую клетку. Майлин слегка коснулась его жезлом, ласково проведя им по носу животного, и его голова перестала дёргаться.

Малик принёс чашку с какой-то жидкостью, окунул в неё пальцы и влил чуть-чуть питья в запёкшийся рот, из которого высовывался почерневший язык.

Майлин стояла рядом.

— Сейчас мы больше ничего не сможем сделать. Остальное... — её жезл нарисовал в воздухе символ. Затем она повернулась к нам:

— Достопочтенные, час уже поздний, а этот бедняга будет нуждаться во мне.

— Благодарим за вашу любезность, Госпожа, — мне показалось, что она довольно-таки резко отсылает нас. Похоже, у неё были какие-то основания пригласить нас, но теперь мы стали лишними. Собственно, эта мысль не подтверждалась никакими фактами, но была мне почему-то неприятна.

— И вам спасибо за помощь, Достопочтенный. Вы придёте ещё раз.

Это был не вопрос и тем более не приказ, а просто утверждение, с которым мы оба были согласны.

На обратном пути к «Лидису» мы с Грисом мало разговаривали, я только рассказал ему, что произошло в палатке торговца животными, а он посоветовал мне сообщить об этом в своём рапорте — на случай каких-либо осложнений.

— Что это за зверь — барск? — спросил я.

— Ты сам видел. Их мех был выставлен утром, из него же сшит жилет Майлин. Они считаются умными, хитрыми и опасными животными. Время от времени их убивают, но вряд ли часто захватывают живыми. Может, только этого...

Мы уже миновали охрану порта, когда я неожиданно

почувствовал поток ненависти, и не одну только ненависть торговца животными, но связанную с резким, направленным против меня умыслом. Это соединение эмоций ударило в мозг как копье, входящее в тело. Я остановился и обернулся навстречу этому мозговому удару, но в темноте ничего не увидел. Грис, стоящий рядом, сжал в руке станнер, и я понял, что он тоже почувал это.

— Что?

— Торговец животными и ещё кто-то...

Я часто мечтал иметь полную внутреннюю власть эспера. С ней можно иногда без оружия искалечить человека. Грис предложил сообщить капитану.

Конечно, он был прав, но мне почему-то крайне неприятно было согласиться с этим. Капитан Фосс может запереть меня на «Лидисе» до самого отлёта. Осторожность — щит торговца в чужих мирах, но если человек только и делает, что хватается за щит, он может прозевать удар меча, который навсегда освободит его от каких бы то ни было опасностей. И я был достаточно молод, чтобы вести свой собственный бой, а не сидеть в укрытии и ждать, пока меня унесёт штормом. Итак, угроза исходит от двоих, а не от одного. Я мог понять вражду продавца зверей, но кто присоединился к нему? Какого ещё врага я приобрёл на Йикторе и как?

Глава 4

МАЙЛИН

Талла, Талла, волей и сердцем Моластера и властью Третьего Кольца, должна ли я начать эту часть рассказа так, как начал бы любой певец какого-нибудь лорда?

Я — Майлин из Контра, Лунная Певица, водитель малых существ. В прошлом я была многим другим, а теперь — вновь под оковами на время.

Зачем мне было остерегаться лорда или Торговца в этой встрече на ярмарке в Ырджаре? Для нас они не более, чем пыль городов, что душат своей грязью, жадностью, шумом

и продажными мыслями тех, кто живёт добровольно в подобных тюрьмах. Но нет необходимости говорить о Тэсса, об их верованиях и обычаях, надо сказать лишь о том, как моя жизнь была вытолкнута из одного будущего в другое, потому что я не остерегалась людских действий и не замечала людей, чего никогда не делала с малыми существами, которых уважала.

Озокан пришёл ко мне в полдень, сначала прислав своего оруженосца. Я думала, что он держался так больше из страха, что он станет обращаться со мной, как с низшей, — местные жители считают Тэсса бродягами, не говоря, однако, этого нам в глаза. Он просил разрешения поговорить со мной — так сказал этот молодой щенок из крепости. Мне это показалось интересным, потому что я знала репутацию Озокана — довольно мрачную репутацию. Людям свойственно часто менять власть. Тот, кто сумел подмять под себя своих соперников или избавиться от них, становится королём. Так нередко бывало в прошлом. Под властью одного человека устанавливался непрочный мир, который немедленно нарушался снова, и уже на протяжении многих десятилетий здесь не царствовал Верховный лорд, а правило множество мелких, ссорящихся между собой.

Озокан, сын Осколда, горел желанием совершить великие дела, жаждал власти. Такие желания в сочетании с ловкостью и удачей могли привести человека на трон, но если подобного соединения не происходило, он весьма тяжело переживал это.

Наверное, со стороны Тэсса было не вполне разумно безразлично относиться к ссорам других, потому что это усыпляло мудрость и предвидение.

Я не отказалась принять Озокана, хотя Малик счёл это неразумным. Признаться, мне хотелось знать, зачем Озокану понадобился контакт с Тэсса, раз он считает нас ниже себя.

Хоть он и прислал своего меченосца договориться о встрече, сам он пришёл без эскорта, только с инопланетником, молодым человеком с приятной улыбкой и любезными словами, но за его испытующим взглядом

таилось что-то тёмное. Озокан назвал его имя — Гек Слэфид.

Они церемонно поздоровались, и мы пригласили их к столу. Нетерпение, которое могло свести Озокана и все его планы к нулю, заставило его влезть в дело по-настоящему опасное — в основном, для него, а не для меня, поскольку законы, связывающие его, не являются Уставными словами для моего народа.

Всё стало более или менее ясно: Озокан желал получить сведения об оружии других планет. Вооружив преданных ему людей, он мог немедленно стать Военным лордом всей страны и таким королём, какого доселе не знали.

Мы с Маликом улыбались про себя. Мой голос не выдавал внутреннего смеха и звучал по-детски наивно, когда я достаточно вежливо ответила:

— Господин Озокан, известно, что все инопланетники знают способ прятать знание, прежде чем ступить на землю Йиктора. А на их кораблях принимаются такие меры безопасности, которые невозможно преодолеть.

Озокан нахмурился, но его лицо быстро разгладилось.

— Для обеих этих преград мне нужно одно решение. С вашей помощью...

— Наша помощь? О, мы имеем древние знания, господин Озокан, но они ничуть не помогут вам в данном случае. И я думаю, что наша репутация среди местных жителей может в какой-то мере пострадать. Возможно, сила Тэсса и могла бы сломать барьер инопланетника, но она никогда не станет делать этого.

— Нам нужно захватить Вольного Торговца. Этот господин, — он указал на своего спутника, — снабдил нас информацией.

Озокан достал из поясного кармана исписанный пергамент, прочитал его, а затем разъяснил. Инопланетник улыбался, кивал и старался обшарить наш мозг, чтобы узнать, что там. Но я держала свои мысли на втором уровне, так что он решительно ничего не добился.

План Озокана был достаточно прост, но бывают такие моменты, когда простота поддерживается дерзостью исполнения, и это был как раз такой случай. Вольные

Торговцы поощряли своих людей разыскивать новые товары. Таким образом, требовалось только выманить кого-нибудь из членов команды Торговцев за пределы ярмарки и её законов и захватить его. Если Озокану не удастся выжать из пленника нужную информацию, он возьмёт её с капитана корабля как выкуп.

Слэфид согласился с этим.

— Вольные Торговцы гордятся своей заботой о команде. Если одного из них захватить, они охотно заплатят за его освобождение.

— А какое отношение к вашему плану будем иметь мы? — спросил Малик.

— Вы послужите приманкой. Шоу животных заинтересует некоторых из них, поскольку им запрещено пить, играть или искать женщин на чужих планетах, и мы не можем соблазнить их обычными способами. Пусть они придут на одно из ваших представлений — пригласите их посмотреть как вы живете, постарайтесь их заинтересовать, а затем придумайте какой-нибудь предлог, чтобы они вышли за пределы ярмарки. Пригласите одного из них посетить вас ещё раз — и ваше участие в этом деле закончится.

— А зачем вам это? — спросил Малик с некоторой враждебностью.

Озокан посмотрел нам в лица.

— Я ведь могу и пригрозить...

— Грозить Тэсса? — я засмеялась. — Ох, господин, вы смелый человек! У меня нет причин играть в вашу игру. Поищите другую приманку, и пусть вам сопутствует счастье, то, которого вы заслуживаете, — я протянула руку и опрокинула гостевой бокал, стоящий между нами.

Озокан покраснел и схватился за рукоять меча, но инопланетник дотронулся до его локтя. Озокан злобно взглянул на него, встал и вышел, не простившись. Слэфид опять улыбнулся, делая вид, что ничуть не расстроен, а просто вынужден искать другие пути к цели. Когда они ушли, Малик захохотал.

— Они что, считают нас дураками?

Я катала гостевой стакан по гладкой зелёной поверхности стола. Потом тихо спросила:

— С чего они взяли, что мы станем их орудием?

— Да, — Малик медленно кивнул. — Почему это? Может, они думают, что выгода или угроза так же сильны, как наш связующий жезл?

— Видимо, я поступила неразумно, отпустив их слишком быстро, — меня раздражало, что я сделала это недостаточно тонко. — И вот ещё что: почему один инопланетник готов похитить другого? Озокан хватается неприятностей с любым пленником, которого он захватит.

— Не представляю, — ответил Малик. — Существовала старая вражда, хотя в наши дни она забыта, между людьми, проверяющими грузовые корабли, и Вольными Торговцами. Может, по каким-то причинам эта вражда снова ожила? Но это их дело. Тем не менее, — он встал и положил руки на пояс, — мы поставим Старейших в известность.

Я не высказала ни согласия, ни возражения. В те дни я испытывала какие-то неприятные чувства по отношению к некоторым нашим Верховным, но это было моим личным делом и не касалось никого, кроме моего клана.

Наш маленький народ показал днём свою магию и доставил зрителям огромную радость. Моя гордость расцвела, как цветок лалланда под луной. Я, как в прежние годы, договорилась с мальчишками на ярмарке, чтобы они выискивали для меня животных. Это была моя личная служба Моластеру: я выводила из рабства — где и как могла — мохнатых существ, которые страдали от дурного обращения тварей, которые смели считать себя людьми.

В тот вечер, когда зажглись лунные шары и мы приготавились к вечернему представлению, я сказала Малику:

— Возможно, найдётся способ узнать об этом побольше. Кто-нибудь из Торговцев придёт посмотреть шоу. Если они покажутся тебе безвредными, предложи им пройти сюда, после спектакля я поговорю с ними. Всё, что мы сможем узнать, станет пищей для разума Старейших.

— Лучше было бы не вмешиваться... — начал он и замялся.

— Дальше этого дело не пойдёт, — пообещала я, не зная, сколь быстро это обещание превратится в утренний туман, тающий в лучах солнца.

Слэфид оказался более чем прав: на представление пришли два Торговца. Я не умею определять возраст инопланетников, но была уверена, что они молоды, тем более, что на их туниках отсутствовали какие-либо нашивки. Кожа их была смуглой, как у всех космонавтов, волосы тоже были тёмные и коротко подстриженные, чтобы шлем лучше держался. Они не улыбались всё время, как Слэфид, и мало разговаривали друг с другом, но когда мой маленький народ показал свои таланты, они восхищались как дети, и я подумала, что мы могли бы стать друзьями, живи они на Йикторе.

Как я и просила, Малик после шоу пригласил их к нам. И когда я взглянула на них поближе, я поняла, что они не такие, как Гек Слэфид. Возможно, они были простыми людьми, такими, как мы, Тэсса, считаем большинство рас, но это была хорошая простота, а не невежество, которое легко поймать на хитрость и честолюбие. Я заговорила с одним из них, назвавшимся Крипом Ворландом, о моей давней мечте — показать маленький народ на других планетах.

Я встретила в нём родственный интерес, хотя он тут же указал мне на множество опасностей, которые могут стать непреодолимыми препятствиями, и на то, что выполнение этого желания потребует много денег. Глубоко во мне вспыхнула мысль, что я, возможно, тоже имею цену, но эта мысль быстро угасла.

Этот инопланетник был по-своему красив: не так высок, как Озокан, но гораздо стройнее и мускулистее. И я подумала, что если бы он сразился с сыном Осколда даже голыми руками, то последнему наверняка не поздоровилось бы. Мой маленький народ очаровал его, и это расположило меня к нему, потому что животные, такие как наши, умеют читать в душах. Фэтэн, который очень застенчив с чужими, при первом знакомстве подал ему лапку и кричал вслед, когда инопланетник отошёл, так что юноша вернулся и ласково поговорил с ним, как будто успокаивал ребёнка.

Я намеревалась и дальше изучать этого человека и его товарища, но прибежал Уджан, мальчик с ярмарки, и

рассказал о барске в жестоком плену, и я бросилась туда. Этот Ворланд спросил, не может ли он пойти туда со мной, и я согласилась, сама не зная, почему — разве что мне хотелось побольше узнать о нём.

И, наконец, быстрота его реакции спасла меня от беды, когда этот мучитель мохнатого народа, Отхельм из Ылта, захотел пустить в ход нож с когтистой зарубкой. Ворланд воспользовался своим инопланетным оружием, которое не могло убить, но наносило большой вред, и остановил возможное нападение, предоставив мне время сбить желание этого низшего.

С помощью инопланетника я отняла барска и привезла его домой. Но тут же поняла, что не смогу заниматься чем-то ещё, пока ухаживаю за этим безнадёжным существом, и отпустила Торговцев с той вежливостью, на какую была способна в своём нетерпении.

Проводив их, я сделала для барска всё, что могла, применив всё искусство служанки Моластера. Я увидела, что тело его можно вылечить, но с его мозгом, угнетённым болью и ужасом, не удастся восстановить контакт. Однако я не могла найти в себе силы отпустить его по Белой Дороге. Я погрузила его в сон без сновидений, чтобы лечить его тело и избавить от тяжёлых мыслей.

— Бесполезно, — сказал мне Малик перед рассветом. — Тебе придётся держать его спящим или дать ему вечный сон.

— Возможно, но подождём пока. Тут есть кое-что... — я сидела за столом, ослабев от напряжения, тело как бы налилось свинцом, и я с трудом думала. — Есть кое-что... — но груз усталости не давал мне продолжить. Я с трудом встала, свалилась на кровать и крепко заснула.

Тэсса могут спать по-настоящему, но только в обстоятельствах контроля. То, что я рисовала себе в глубине сна, было поворотом памяти, смешивающей гротескное с настоящим и рождающей возможное будущее. Во-первых, я держала в объятиях кого-то, кто кричал в отчаянии, потому что ему было тут плохо, и смотрела на другого, с безупречно красивым юношеским телом, но без малейшего признака разума, который нельзя вернуть. Затем я шла с молодым

Торговцем, но не по ярмарке, как сегодня ночью, а где-то на холмах, и знала, что это место печальное и страшное. Но человек превратился в животное, и рядом со мной шагал барск, который вертелся туда и сюда и смотрел на меня глазами, полными угрозы; сначала он умолял, а потом ненавидел. Но я шла без страха — не из-за жезла, у меня его больше не было, а потому, что животное не могло разрушить оковы, связывающие его со мной. И в этом сне всё было ясно и имело большое значение, но когда я проснулась с тупой болью в глазах и с неотдохнувшим телом, это знание ушло, остались только обрывки призрачных воспоминаний.

Но я знала, что этот сон остался в глубинах моего разума и намеревался расти там, пока не проявится ясной мыслью. Я не отступлю от этой мысли, когда придёт время привести её в исполнение, потому что она заполнит всё моё существо.

Барск был всё ещё жив, и моё внутреннее зрение сказало мне, что его тело поправляется. Мы оставили его в глубоком сне, потому что для него это было самым лучшим. Когда я опускала занавески вокруг его клетки, я слышала металлический звон сапог и радостно обернулась, думая, что пришли Торговцы. Однако это оказался Слэфид, на этот раз один.

— С добрым утром, Госпожа, — приветствовал он меня на городской манер, как человек, полностью уверенный, что он здесь желанный гость.

Желая знать причину его появления, я ответила на приветствие.

— Я вижу, — он огляделся вокруг, — что всё в порядке.

— А почему бы и нет? — спросил Малик, выходя из загона казов.

— Здесь ничего не потревожено, но зато в другом месте прошлой ночью... — Слэфид поочерёдно оглядел нас и, поскольку наши лица ничего не выражали, продолжал:

— Некий Отхельм из Ылта подал на вас жалобу, Госпожа, и упомянул инопланетника.

— Да?

— Использование инопланетного оружия, кража цен-

ной собственности. По законам ярмарки и то, и другое — тяжкие преступления. В лучшем случае вас ждёт судебное разбирательство, а в худшем — штраф и изгнание.

— Правильно, — согласилась я. Самой мне не страшны жалобы Отхельма, но случай с Торговцем — дело другое. Был ли это тот случай, который Озокан мог повернуть в свою пользу? Портовый закон разрешал Торговцу носить личное оружие, потому что оно было относительно безопасным. В сущности, оно было куда менее опасным, чем мечи и кинжалы, без которых лорды и их оруженосцы и шагу не делали. А Ворланд, защищая меня, применил своё оружие против запрещённого ножа, за ношение которого Отхельм может быть наказан строже, чем он думает. Но дело в том, что любое столкновение с законами ярмарки восстановит начальство Торговцев против Ворланда. Мы хорошо знали о строгости их правил поведения на чужих планетах.

— Сегодня начальником городской стражи Окор, родственник Озокана.

— Что вы хотите этим сказать? — нетерпеливо спросил Малик, в упор глядя на Слэфиду.

— Это значит, что вы всё же выполнили желание Озокана, Господин, — улыбнулся Слэфид. — Я думаю, вы можете потребовать благодарности за это, даже если он не намерен воспользоваться результатом.

— Я пока не улавливаю сути. В чём дело?

Он всё ещё улыбался.

— Тэсса считают себя выше местных законов. А если здесь появятся новые законы, Госпожа? И что, если легенда о Тэссе окажется, в основном, только легендой, и потребуется немного, чтобы всё изменить? Разве теперь вы — Великий народ? Говорят, что нет, даже если когда-то вы и были великими. Вы так далеки от местных жителей, что они не считают вас людьми. Как вы бегаєте под Тремя Кольцами, Госпожа, — на двух ногах, на четырёх или парите на крыльях?

Я почувствовала себя как воин, получивший удар меча в жизненно важные органы, потому что такие слова и то, что за ними крылось, были мечом, оружием, которое, если

им умело воспользоваться, может вырезать весь мой народ. Вот, значит, какова была угроза Озокана, с помощью которой он хотел прижать нас! Но я гордилась тем, что ни я, ни Малик не показали, что удар достиг цели.

— Вы говорите загадками, Достопочтенный, — ответила я на языке инопланетников.

— Спрашивать о загадках и отгадках будут другие, — ответил он. — Если у вас есть безопасное место, Госпожа, вам лучше всего собираться в будущем там, иначе вы можете исчезнуть в войне, как меньший вид. Вас будут искать, пока вы не объявитесь.

— Никто не может говорить за всех, пока его не послали под щит объявлений, — заметил Малик. — Вы говорите от имени Озокана, Достопочтенный? Если нет, то от имени кого? Что инопланетник собирается делать на Йикторе? Почему угрожает войной?

— Что такое Йиктор? — засмеялся Слефид. — Маленькая планетка с отсталым народом, который не может добиться ни богатства, ни славы, ни оружия других миров. Его можно разжевать и проглотить, как ягоду тэка, мимоходом.

— Значит, мы всё равно, что ягоды тэка? — теперь уж засмеялась я. — Ах, Достопочтенный, может, вы и правы. Но если съесть ягоду за один день до того, как она созреет, или лишь часом после её созревания, желудку будет очень скверно и неудобно. Да, конечно, мы — малый и отсталый мир, и я только удивляюсь, ради каких сокровищ великие и далёкие миры так заботятся о нас.

Я не надеялась легко поймать его и не поймала. Но зато и он, я думаю, ничего не узнал о нас, по крайней мере, ничего существенного, такого, что показал он сам, когда наносил свой удар, чтобы принудить нас ответить на его вопросы.

— Благодарим за предупреждение, — мысли Малика шли параллельно моим. — Нам есть что ответить суду. А теперь...

— А теперь у вас есть дела, которыми лучше заниматься без меня, — весело согласился инопланетник. — Я ухожу сам, на этот раз вам не придётся опрокидывать кубок, Госпожа.

Когда он ушёл, я взглянула на Малика.

— Тебе не кажется, родич, что он ушёл, весьма довольный собой?

— Да. Он говорил о... — но даже дома, где его мог подслушать только наш маленький народ, неспособный проболтаться или предать нас, Малик не захотел выражать свою мысль словами.

— Старейшие...

— Да, — кивнул он. — Сегодня полнолуние.

Жезл заскользил в моих пальцах, не холодный на ощупь, и не горячий — его меняла лишь жизнь моих мыслей.

Итак, в самом центре этой могущественной, теперь враждебной территории таилась опасность. Однако Малик был прав: необходимость сильнее риска. Он прочитал в моих мыслях согласие, и мы занялись рутинной работой по подготовке шоу.

В течение дня я дважды подходила к барску, каждый раз с мысленным зондом. Его тело поправилось, но ещё не настолько, чтобы его можно было вывести из сна и попытаться коснуться его мозга. Да и не время теперь для подобных экспериментов, когда на нас давило другое.

К нам, как всегда, пришло много зрителей, и наш маленький народ был счастлив и доволен своей работой, а мы постарались закрыть свой разум, чтобы наша озабоченность не встревожила животных. Я огляделась, нет ли в зале Торговцев — если не тех двоих, что были у нас, то других. Ведь если Ворланд доложил о том, что случилось в палатке Отхельма, кто-нибудь из них мог прийти к нам по поводу этого дела. Но никого не было.

В полдень Малик послал Уджана посмотреть, кто занимается покупателями в палатке «Лидиса». Мальчик доложил, что ни Ворланда, ни Шервина там не увидел. Может быть, они быстро закончили работу и ушли.

— Разумно с их стороны, — заметил Малик. — Чем меньше мы их будем видеть, тем лучше. Почему эти инопланетники ссорятся между собой и почему это на руку Озокану, нас не касается. Возможно, нам тоже придётся укладываться и уходить на днях.

Но вот этого-то мы и не могли сделать. В воздухе пахло

слежкой. К вечеру беспокойство достигло маленького народа, несмотря на все мои усилия поставить мозговой заслон для их спокойствия. Я дважды воспользовалась жезлом, чтобы изгнать страх из их мозга, и выключила лампы, чтобы в палатку пришла ночь. Пока всё было спокойно. Страж ярмарки не потребовал меня к ответу на жалобу Отхельма. Я уже не раз подумала, что было бы разумней первой подать на него жалобу.

Мы разместили маленький народ по клеткам, и я зажгла по четырём углам нашего дома лунные лампы средней мощности. Затем мы с Маликом осмотрели барска и пошли за нашим посланником.

Длиннокрылый осторожно завозился, когда Малик поставил его на стол в комнате, слегка развернул сильные крылья и заморгал, как будто только что проснулся.

Я зажгла порошок, чтобы крылатый напился дыма. Он полураскрыл клюв, и его тонкий язычок задвигался туда и обратно с невероятной быстротой. Затем Малик взял в ладонь его голову, чтобы я смогла зафиксировать своим взглядом красные глаза птицы. Я запела, но не так громко, как обычно принято, а полушёпотом, чтобы никто чужой не услышал.

Я вложила чересчур много усилий, сжимая жезл в ладонях, пока он не загорелся жарким огнём, и тогда замерла, чтобы его энергия смогла перелиться через меня в посланца. Когда я кончила петь, моя голова откинулась назад, и у меня едва хватило сил сесть на стул, чтобы не упасть. Теперь Малик смотрел в глаза посланца и говорил быстрым резким шёпотом, вкладывая в его мозг слова, которые посланец должен был передать в том далёком месте, куда он полетит.

Закончив, Малик надел плащ, закрыл им птицу, которая прижалась к его груди, и вышел в темноту. Он отправился на луг, где паслись наши животные, в сторону от палаток и ларьков.

У меня не осталось сил даже, чтобы встать, и я продолжала сидеть, чувствуя тяжесть во всём теле. Собственно, я и не сидела, а почти лежала на столе, обхватив его руками, близкая к обмороку. Но я не спала. Мои мысли бескон-

трольно носились туда и сюда, а память пробивалась сквозь них, требуя здорового и осторожного размышления.

Я ещё раз увидела медленно проплывающее изображение: лицо Торговца в темноте над тем лицом, которое я знала гораздо лучше. И оба стёрлись, превратившись в рычащую маску проснувшегося животного. Мне показалось, что это очень важно, но я не могла понять, почему именно. Затем у меня возникло желание послать читающую мысль, хотя я и знала, что нужная для этого концентрация пока вне пределов моих возможностей. Но я твёрдо решила, что сделаю это.

Узнаем ли мы по этому лучу будущее или только одну из его вероятных линий? Послав читающий луч, не повернём ли мы бессознательно на тот путь, который нам откроется? Я много раз слышала споры учёных по этому поводу и почти поверила, что это оказывает влияние на выбор личного будущего, к чему многие относятся с отвращением. За пользование этим лучом Старейшие могут призвать нас к ответу. Но я должна это сделать, когда моя сила вернётся ко мне. Приняв решение, я уснула. Тело моё было скрючено и напряжено, но зато мысли ушли и оставили меня в покое.

Глава 5

КРИП ВОРЛАНД

Закон причины и следствия не из тех, что наша или любая другая раса может отменить. Можно надеяться на лучшее, но лучше быть готовым к худшему. Мне пришлось безвылазно сидеть на корабле, и я, рассуждая здраво, не мог спорить с этим. По-моему, мне ещё повезло, что капитан Фосс не добавил к этому минимальному наказанию чёрную отметку в моих документах. Другие командиры так бы и сделали. У меня имелась личная плёнка, которую мы все носим в поясе, она дала правильный отчёт о скандале в палатке торговца животными и подтвердила, что мои враждебные действия были вызваны необходи-

мостью защиты уроженки Йиктора, а не просто собственной шкуры. К тому же Фосс знал о Тэсса и их положении больше, чем я. Он с удовольствием бы запер не только меня, но и всю команду. Я оставался в нашем ларьке в течение нескольких часов торговли, но мне дали ясно понять, что дальнейшее нарушение приказа приведёт Крипа Ворланда к полнейшему краху. И капитан сказал мне, что ожидает какой-нибудь жалобы со стороны властей ярмарки, но будет защищать меня в любом суде, и лучшим аргументом послужит плёнка.

Большая часть утра прошла в ларьке как обычно. У меня даже не было возможности пойти поохотиться для себя, так как меня лишили этой привилегии на Йикторе. В свободные минуты я вспоминал о мечте Майлин выйти в космос с шоу животных. Насколько мне известно, такого ещё никогда не было. Но все препятствия, которые я изложил ей, действительно существовали. Животные не всегда привыкают к космосу. Некоторые из них не могут жить вне своего родного мира и едят только очень специфичную пищу, которую нельзя транспортировать, или просто не переносят жизни на корабле. Но, допустим, какой-нибудь вид сможет преодолеть такие трудности и привыкнет к звёздным странствиям — станет ли подобное рискованное предприятие прибыльным? Разум Торговца всегда первым делом поворачивается к этому вопросу, и Торговец готов мчаться к любому солнцу, если ответ будет положительным.

Я мог судить о представлении прошлой ночью только по собственной реакции, а личное суждение может быть случайным. Мы издавна привыкли проявлять свой энтузиазм при первой вспышке интереса и были далеки от того, чтобы проверять и перепроверять всё, прежде чем пуститься в какую-нибудь авантюру.

Я вспомнил барска, которого Майлин так решительного спасала. Почему именно его? Ведь там были и другие, явно подвергающиеся дурному обращению животные, но её интересовал именно барск. Да, это животное редкое, его не увидишь в неволе. Но почему?

— Господин!

Кто-то дотронулся до моего рукава. Я стоял в дверях, спиной к улице. Обернувшись, я увидел оборванного босого мальчишку, перебиравшего грязными ногами. Он прижимал руку к животу и часто-часто кивал головой в «великом поклоне». Я узнал его: это тот самый, что вёл нас прошлой ночью.

— Чего тебе?

— Господин, Госпожа просит тебя прийти к ней. Так она сказала.

Больше для порядка, я на секунду задержался с ответом.

— Передай Госпоже, — я начал свою речь в стиле йикторианской вежливости, — что я нахожусь под влиянием слова лорда моей Лиги и поэтому не могу поступить так, как она желает. Мне очень прискорбно, что я должен говорить так, клянусь Кольцами Истинной Луны и Цветением Хресса.

Он не уходил. Я достал монетку и протянул ему.

— Выпей сладкой воды за меня, посланец.

Он взял монетку, но не ушёл.

— Господин, Госпожа очень этого желает.

— Разве может поклявшийся на мече следовать своим желаниям, если он под приказом своего лорда? — возразил я. — Скажи Госпоже то, что я тебе ответил, у меня в этом деле нет выбора.

Он ушёл, но так неохотно, что я удивился. Извинение, которое я дал ему, звучало вполне приемлемо для любого человека на Йикторе. Вассал связан со своим лордом, и приказ лорда выше, много выше любых личных желаний, выше, чем жизнь. Зачем Майлин послала за мной — инопланетником, почти ей незнакомым, если не считать совместного участия в маленьком приключении с барском и его хозяином? Осторожность говорила, что лучше держаться подальше от палатки Тэсса, от маленького народа и от всего, с ними связанного.

Однако я хранил воспоминание об её рубиново-красном наряде, о ней самой, как она стояла не рядом со своими животными, а в стороне, как будто тоже смотрела на них. Я вспомнил, как она заботилась о барске, её высокомерное презрение, заморозившее продавца живот-

ных, когда её жезл связал его. Люди приписывали Тэсса странную силу, и, похоже, в этих слухах имелась доля истины — по крайней мере, Майлин вызывала подозрение, что так оно и есть.

Мне не пришлось долго рассуждать, потому что в ларёк буквально влетели два северных купца. Сами они не торговали, но предлагали различные изделия в обмен на наш лёгкий груз — мелкие предметы роскоши, которые легко было поместить в корабельном хранилище и получить хороший доход при малом объёме. Капитан Фосс приветствовал их как своих постоянных покупателей, которых привлекал не обычный груз «Лидиса», а наши лёгкие изделия. Это были подлинны аристократы купеческого класса, люди, которые сколотили себе твёрдый капитал и теперь спекулировали вещами, выуживая деньги из кошельков дворян.

Я подал гостевые кубки — пласта-кристалл с Фарна — отражающие свет бриллиантовым блеском. Они так сверкали в руке, будто были сделаны из капель воды. На их круглые чаши можно даже наступить магнитной подошвой космического ботинка, и они не разобьются.

Фосс налил в них вино с Арктура, и тёмно-розовая жидкость засияла в них, как рубины на воротнике Майлин.

Майлин... Я сурово изгнал её из своих мыслей и почтительно стоял, ожидая, когда Фосс или Лидж подадут мне знак что-нибудь показать.

С купцами вошли четыре носильщика, все старые служащие, встали возле своих хозяев и поставили перед ними маленькие ящички, принесённые с собой. Несмотря на мир на ярмарке, они подчёркивали ценность своего груза тем фактом, что были вооружены не кинжалами, как обычно, а мечами для его защиты.

Однако я никогда не видел, чтобы они держались так настороженно. Снаружи через дверь донёсся пронзительный свист, и вся волна шума, к которому мы уже привыкли, разом смолкла, настолько, что можно было услышать слабый звон мечей, извещающий о прибытии отряда судейских чиновников ярмарки. Их было четверо, и они были вооружены так, словно собирались осаждать кре-

пость. Их вёл человек в длинной мантии, одна половина которой была белой (хотя и сильно запылённой), а вторая — чёрной, что символизировало обе стороны правосудия. Он был без шлема, увядший венок из цветов хресса болтался на его голове. Мы поняли, что это жрец, чья временная обязанность состояла в том, чтобы хоть слабо, но напомнить, что это дело имеет священное значение.

— Слушайте внимательно! — провозгласил он высоким голосом, специально натренированным для жреческой декламации. — Это правосудие Луны Трёх Колец, милостью Доматопера, по воле которого мы ходим и двигаемся, живём и дышим, думаем и действуем! Пусть выйдет вперёд тот, кого призывает Доматопер, — тот инопланетник, что поднял оружие в границах ярмарки Луны Трёх Колец!

Капитан Фосс мгновенно очутился перед жрецом.

— По чьей жалобе присягнувшие Доматоперу вызывают моего вассала? — ответил он, как полагается отвечать на вызов.

— По жалобе Отхельма, клявшегося у алтаря и перед мудрейшими. Ответ должен быть дан.

— И он будет дан, — согласился Фосс и чуть заметно кивнул мне, чтобы я подошёл. Моя личная плёнка была в кармане его туники. Она вполне могла оправдать меня за применение станнера. Но, коль скоро мы должны были передать её смешанному суду жрецов и торговцев — это дело простое, а я так понял, что переговоры между капитаном и северными торговцами имели важное значение.

— Отпустите меня, — сказал я на Бэйсике, — если они предлагают сразу же судить меня, я пришлю записку...

Вместо ответа Фосс обернулся и крикнул в глубину ларька:

— Лалферн!

Эльфрик Лалферн — длинный тощий парень — не имел постоянных обязанностей в ларьке, кроме помощи по распаковке и упаковке товаров.

— Этот человек, — объявил Фосс жрецу, — пойдёт как мои глаза и уши. Если присягнувший мне на мече попадёт под суд, этот человек известит меня. Это дозволено?

Жрец посмотрел на Лалферна и через секунду кивнул.

— Дозволено. Давайте этого, — он повернулся ко мне.

— Сдай оружие.

Он протянул руку к станнеру в моей кобуре, но пальцы Фосса уже держали рукоять, и капитан вытащил оружие.

— Оружие ему больше не понадобится и останется здесь. Как и полагается.

Я подумал было, что жрец запротестует, но капитан был прав, поскольку на Йикторе считалось, что оружие подчинённого является законной собственностью лорда и может быть востребовано в любое время, особенно если лорд считает, что присягнувший ему на мече нарушил какое-то правило.

Итак, оставшись без всяких средств защиты, я шагнул вперёд и занял своё место между двумя стражниками. Лалферн пошёл сзади, в нескольких шагах от нас. Хотя станнеру далеко до бластера, я носил его чуть ли не всю жизнь и прямо-таки сжился с ощущением тяжести на поясе, так что теперь я чувствовал себя каким-то голым среди необычайной настороженности вокруг. Сначала я пытался уверить себя, что это просто реакция на то, что я, безоружный, нахожусь в зависимости от чужого закона чужой планеты. Но моё беспокойство возросло, когда я понял, что это одно из предупреждений, идущих наравне со самым слабым даром эспера, которым обладали большинство из нас — прирождённых космонавтов. Я оглянулся на Лалферна как раз вовремя, чтобы увидеть, что он тоже обернулся через плечо и взялся было за рукоятку станнера, но снова опустил руку, сообразив, что этот жест может быть неправильно истолкован.

И только тогда я обратил внимание на путь, которым меня вели. Мы должны были направиться к Большой Палатке, где во время ярмарки размещался суд. Покрутив головой, я увидел её широкий карниз крыши над палатками и ларьками впереди, но значительно левее. Мы же шагали к границе ярмарки, пересекая участок, где стояли палатки тех дворян, которые не жили в Ырджаре.

— Последователь Света! — громко обратился я к чёрно-белому жрецу, который шёл так быстро, что нам пришлось

ускорить шаг, чтобы не отстать от него.— Куда мы идём? Суд находится...

Он даже не повернул головы и не подал вида, что слышит меня. Теперь я увидел, что мы отвернули от последнего ряда ларьков к палаткам лордов. Здесь никого не было, кроме двух-трёх слуг.

— Хэлли, Хэлли, Хэлл!

Из какого-то укрытия вывалился целый водоворот людей и врезался в наш маленький отряд, подняв на дыбы своих верховых животных, которые били пеших своими тяжёлыми копытами. Я услышал яростный крик Лалферна, затем стражник справа дал мне такого толчка, что я, пытаясь удержаться на ногах, влетел в пространство между палатками.

Острая боль в голове — и на время всё кончилось.

Боль отправила меня во тьму, но она же и вывела меня из неё и сопровождала весь период, когда я неохотно приходил в сознание. Сначала я не мог понять, что терзает моё тело. Наконец я осознал, что лежу, привязанный, ничком на спине грузового каза и меня больно подбрасывает при каждом шаге животного.

Я услышал шум, человеческие голоса, стало ясно, что меня сопровождают несколько всадников. Но говорили они не по-ырджарски, и я ничего не понимал, кроме отдельных слов.

Не знаю, долго ли длился этот кошмар, потому что я несколько раз впадал в беспамятство. Под конец, измотанный болью, я даже взмолился, чтобы больше не выходить из благостного мрака, и он тут же вновь поглотил меня.

Жизнь в космосе закаляет тело, оно привыкает к стрессам, напряжениям и опасностям и нелегко сдаётся при дурном обращении, что я болезненно констатировал в последующие дни. Меня сняли с каза самым простым способом: перерезали путы и сбросили на жёсткую мостовую.

Перед глазами мерцали факелы и фонари, но моё зрение было так затуманено, что я лишь смутно различал фигуры моих похитителей, тенями мелькавшие вокруг. Затем меня схватили за плечи и потащили, после чего толчком выпих-

нули на крутой склон, и я скатился в какое-то довольно тёмное место...

Я не понял сказанного мне, и фигура рядом тяжело опустилась. В лицо мне плеснула жидкость, и я чуть не задохнулся. Но вода была хороша для моих пересохших губ, и я облизывал их горящим языком. Меня схватили за волосы, чуть не вырвав их с корнем, подняли голову, в рот полилась вода, и, едва не захлебнувшись, я всё-таки ухитрился сделать несколько глотков.

Этого, конечно, было мало, но всё же мне стало легче. Рука, державшая мои волосы, разжалась, я ударился головой об пол и опять впал в беспамятство.

Когда я пришёл в себя после обморока или сна, или того и другого вместе, кругом стояла кромешная путающая тьма. Я моргал, пытаюсь прояснить зрение, пока не сообразил, что виноваты не глаза, а место, где я находился. С бесконечными усилиями я приподнялся на локте, чтобы получше разглядеть место моего заключения.

Тут не было ничего, кроме грубо сколоченной скамьи. По полу была разбросана гнилая солома, которая крепко воняла, и тем сильнее, чем больше я принюхивался. В одной стене на высоте моего роста было прорезано узкое оконце, не шире двух пядей, через него сочился жидкий сероватый свет, терявшийся в тёмных углах. На скамье я увидел кувшин, и он сразу сделался для меня самой желанной вещью в мире.

Я не смог встать на ноги. Даже попытка сесть вызвала такое бешеное головокружение, что пришлось закрыть глаза, уносясь куда-то в пространство. Но всё-таки я добрался до сосуда, обещавшего воду, — дополз на животе, извиваясь, как червяк.

Пока я полз, во мне попеременно брали верх то надежда, то отчаяние, но в кувшине действительно оказалась жидкость — и не просто вода, а с чем-то смешанная, поскольку у неё был весьма кислый вкус, сводивший рот. Но я жадно пил — ведь приходилось лакать и хуже — и представлял себе, что это вино. Я попытался было разумно ограничить себя, но как только вода попала на язык, облегчая муку пересохшего горла, мои намерения отста-

вить кувшин, пока жидкость ещё плещется в нём, разлетись в пух. В голове наконец-то прояснилось, и вскоре я уже мог двигаться без приступов головокружения. Возможно, странный привкус воде придал какой-то наркотик или стимулятор. В конце концов, я доковылял до оконной щели — посмотреть, что там, снаружи.

Там ещё светило солнце, но его лучи доходили до меня только отражённым светом. Поле зрения было исключительно узким. На некотором расстоянии возвышалась крепкая серая стена, похожая на стены любой крепости Йиктора. Больше ничего не было видно, кроме мостовой, которая, видимо, шла от основания здания, в котором я находился, до той стены.

Зато мимо моей щели прошёл человек. Он ни на миг не задержался, но мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что это вассал какого-то лорда — он был в кольчуге и шлеме, на плаще выделялась жёлтая нашивка с чёрным гербом. Я не успел рассмотреть герб, да, впрочем, и не смог бы узнать его, поскольку геральдика на Йикторе не касалась Торговцев.

Но жёлтое с чёрным — ведь я видел эту комбинацию! Однако, когда и где? Я прислонился к стене и постарался вспомнить. Цвет... В последнее время я часто думал о цветах, о серебряном и рубиновом костюме Майлин, гвоздично-розовом и сером её вывески, оказывающей столь странное влияние, вывесках других мест развлечения... тускло-красная с зелёным вывеска игорного дома, которая не просто зазывала — она прямо кричала!

Игорная палатка! Обрывки памяти сложились в мысленную картину... Гек Слэфид за столом, столбики фишек, как башни удачи, и слева от него — молодой дворянин, который так пристально вглядывался в меня, когда мы с Майлин проходили мимо. На нём тоже был плащ, блестящий, полушёлковый, ярко-жёлтый с вышитым на груди чёрным знаком орла. Но из этих обрывков я не мог пока сложить приемлимую модель.

У меня была ссора всего с одним йикторианцем, Отхельмом, но никак не с молодым человеком в чёрном и жёлтом. Я не мог найти логической связи между двумя так

далеко отстоящими друг от друга людьми. Продавец животных никак не мог попадать под протекцию лорда. Моё знание йикторианских обычаев было полным настолько, насколько плёнки Торговцев могли их описать, ведь для того, чтобы изучить все нюансы социальной жизни и обычаев планеты, потребовались бы многие годы. И вполне могло быть, что именно ссора с Отхельмом привела меня к теперешнему неприятному положению.

Однако где бы я теперь ни был, это место наверняка не в районе ярмарки. Это опять-таки было более чем странно. Я мог вспомнить, да и то с трудом, только часть пути на спине каза, а до этого меня схватили в Ырджаре, и я был насильно выведен из-под юрисдикции суда ярмарки — факт, настолько противоречивший всем нашим знаниям о местных обычаях, что трудно было поверить в случившееся. Те, кто захватили меня, а также тот, кто отдал такой приказ, и посредник, который договорился об этом деле, могут быть поставлены вне закона, как только станет известно о моём исчезновении.

Но какую ценность я представлял собой, чтобы похищать меня, пренебрегая такой опасностью? Только время и мои похитители могли ответить на этот вопрос. Но, похоже, это предстояло не скоро, потому что время шло, а ко мне никто не приходил. Я проголодался и, как ни старался растянуть запас воды, всё-таки выпил её до последней капли и опять почувствовал жажду.

Тусклый свет окончательно рассеялся, когда кончился день, и ночь окутала меня тёмными волнами. Я сидел, прислонившись к стене напротив двери, и прислушивался к звукам двора, чтобы собрать хоть какую-нибудь информацию. Время от времени до меня доходили искажённые и приглушённые голоса. Прозвучал горн, видимо, возвестивший о чьём-то прибытии. Я снова встал и поплёлся к окну. На серой стене плясал луч фонаря, я слышал голоса. Потом промелькнули человеческие фигуры, одна была в дворянском плаще и шла шага на два впереди трёх других. Вскоре я слышал звяканье металла на лестнице. Что-то толкнуло меня вернуться на старое место — к стене напротив двери. И только когда они вошли в камеру, я немного разглядел их.

Это были те, что прошли мимо окна. Теперь я узнал в дворянине юношу из игорной палатки.

Есть один трюк, старый как мир, и я применил его: молчи, чтобы твой противник заговорил первым. Так что я не стал обращаться с просьбой о разъяснении, а просто спокойно изучал их.

Двое поспешно отодвинули скамью от стены, и лорд сел с видом человека, которому всегда обязаны предоставлять удобства. Третий сопровождающий повесил фонарь на крючок в стене, так что теперь вся комната была освещена.

— Эй, ты! — не знаю, удивило лорда моё молчание или нет, но в его тоне ясно слышалось раздражение. — Ты знаешь, кто я?

Это было классическим началом разговора между йикторианскими соперниками — похвалиться именем и титулами, дабы подавить возможного врага грузом своего положения в обществе.

Я не ответил. Он нахмурился и наклонился вперёд, положив руки на колени и расставив локти.

— Лорд Озокан, старший сын лорда Осколда, Щит Йенледа и Юксесома, — пропел голосом профессионального герольда человек, стоящий возле фонаря.

Имена сына и отца мне ничего не говорили, и земли, которые они представляли, были мне не знакомы. Я продолжал молчать и не заметил, чтобы Озокан сделал какой-нибудь жест или отдал приказ, но один из его первоклассных молодчиков шагнул ко мне и так хлестнул по лицу ладонью, что я стукнулся головой о стену и чуть не потерял сознание от боли. Усилием воли я поднялся на ноги, стараясь, насколько возможно, сохранить ясность ума. Но будет ли это возможно? Они собирались силой отнять у меня что-то, нужное им. И Озокан не стал тянуть с объяснением, чего они желают.

— У вас есть оружие и знания, инопланетный бездельник, и я получу их от тебя тем или иным способом.

Только тут я в первый раз ответил, с трудом шевеля распухшими от удара губами:

— А ты нашёл на мне оружие? — я не стал титуловать его.

— Нет, — он засмеялся. — Ваш капитан весьма умён. Но ЗНАНИЕ при тебе. А если твой капитан захочет увидеть тебя снова, то мы будем иметь также и оружие, и очень скоро.

— Если ты хоть что-нибудь знаешь о Торговцах, то должен знать, что у нас в головах поставлены ограничители против подобного разглашения на чужих планетах.

— Да, я слышал, — его улыбка стала ещё шире. — Но у каждого мира свои секреты, ты это тоже знаешь. У нас имеются несколько ключей к таким мозговым щеколдам. Если они не сработают — очень жаль. Но твоему капитану будет о чём поразмыслить, и он должен будет сделать это быстро. А что касается знаний — выкладывай их, да побыстрее, — последний его приказ щёлкнул, как кнут.

Я не хочу вспоминать о том, что происходило после в комнате с каменными стенами. Те, кто принимал участие в допросе, оказались настоящими мастерами своего дела. Не знаю, то ли Озокан был действительно уверен в том, что я смогу, если захочу, выдать ему знания, то ли занимался этой игрой для собственного удовольствия. Большая часть всего этого полностью исчезла из моей памяти. Всякий эспер, даже самый слабый, может частично закрыть сознание, чтобы сохранить равновесие мозга.

Они не смогли узнать ничего стоящего и были достаточно опытны в своём грязном ремесле, чтобы не терзать меня непрерывно. Но я весьма долгое время не знал об их уходе и вообще о чём бы то ни было. И когда боль вновь подняла меня, за окном уже стоял новый бледный день.

Скамья опять стояла у стены, и на ней снова был кувшин и ещё блюдо с чем-то вроде застывшего жира.

Я подполз к скамье, выпил горькой воды, и мне стало чуть-чуть лучше, но прошло довольно много времени, прежде чем я решился попробовать пищу. Только сознание необходимости поддерживать силы заставило меня давиться этой тошнотворной массой.

Зато теперь я знал: Озокан похитил меня в надежде обменять на оружие и информацию — без сомнения, для того, чтобы с их помощью захватить королевский трон. Дерзость этого факта означала, что он либо имел сильную

поддержку и мог противостоять законам ярмарки, либо надеялся столь быстро захватить трон, что власти не успеют выступить против него. Безрассудство его поступка граничило с крайней глупостью, и я просто не мог поверить в подобные надежды. Только позже я сообразил, что он к тому времени настолько перешагнул границы, что ему больше ничего не оставалось, как держаться этого опасного пути. Он не мог повернуть обратно.

Нечего было и думать, что капитан Фосс заплатит за меня требуемый выкуп. Хотя Торговцы всегда тесно связаны между собой, и начальство, как правило, ведёт себя честно со всеми, ни команда «Лидиса», ни вся добрая слава Вольных Торговцев не могут и не будут подвергаться риску ради жизни одного человека. Капитан Фосс мог только пустить в ход машину йикторианского правосудия.

Знает ли он, где я, и что случилось с Лалферном? Если моему провожатому удалось удрать, то Фосс уже знает, что я похищен, и может принять контрмеры.

Но в любом случае я должен был рассчитывать не на пустые надежды, а только на собственные силы. Я думал и думал.

Глава 6

КРИП ВОРЛАНД

Как я ни был измучен, первым делом попытался пустить в ход мыслеуловитель, поскольку попал как раз в такое место и положение, когда могут помочь только отчаянные методы. Так как мыслеискатель взаимодействует с различными расами и народами весьма специфически, я не надеялся на какое-то открытое сообщение, может, и вообще ничего не случилось бы. Со стороны это могло выглядеть так, будто я пытаюсь вести перехват радиопередач в столь широком диапазоне, что мой противник при попытке обнаружения сможет уловить лишь смутный узор.

Я же уловил не слова, не отчётливые мысли, а только ощущение страха. И эта эмоция временами становилась

такой острой, что я ни капли не сомневался: тот, кто излучал её, был в большой опасности.

Укол здесь, укол там — возможно, каждый из них сигнализировал об эмоциях разных людей, защитников крепости. Я поднял голову к бледному окошку и прислушался. Оттуда не доносилось никаких звуков. Я кое-как встал и выглянул. Да, уже день — узкая полоска солнечного света застыла на той стороне. Там царило полное спокойствие.

Я снова закрыл глаза от света и послал улавливающую мысль к одному из уколов страха, чтобы чётче определить источник эмоций. Большая часть их всё ещё плавала вне поля моего действия. Но одно такое ощущение я поймал поблизости от двери моей тюрьмы — по крайней мере, мне так показалось. Я стал зондировать этот мозг со всем усердием, какое только мог собрать. Это было равносильно чтению плёнки, которая была не только перепроявлена, но и изображала чужие символы. Эмоции ощущались, потому что базис эмоций одинаков для всех. Всем живым существам знакомы страх, ненависть, радость, хотя источники и основания этих чувств могут быть самыми различными. Как правило, страх и ненависть — самые сильные эмоции, и их легче всего уловить.

В этом мозгу ощущался растущий страх, смешанный с гневом, но гнев был вялым, скорее всего, порождённый страхом. От кого? От чего?

Я закусил губу и послал весь остаток сил, чтобы узнать это. Страх... боязнь? Нужно... нужно избавиться... Избавиться от меня!

И я понял, как будто мне сказали это вслух, что причиной страха служило моё присутствие здесь. Озокан? Нет, я не думал, чтобы лорд, который силой пытался выудить у меня сведения, сменил позицию.

Укол... ещё укол. Я готовил свой мозг, подавляя изумление, возвращаясь к терпеливой разработке этих путанных мыслей. Пленник... — опасность... — не я лично был опасен, но факт моего прибывания здесь, как пленника, мог быть опасным для думающего. Может, Озокан настолько преступил законы Йиктора, что те, кто помогал

ему или повиновался его приказам, имели полное основание бояться последствий?

Могу ли я рискнуть пойти на контрвнушение? Страх очень многих толкает к насилию. Если я усилю перехваченный мною страх и сконцентрирую его, меня легко могут тут же прикончить. Я взвесил все за и против, пока устанавливал контакт между нами.

В том, на что я решился, было крайне мало надежды на удачу, тень полного провала витала над замыслом. Я собирался послать в этот колеблющийся мозг мысль, что с исчезновением узника уйдёт и страх, но узник должен обязательно уйти живым. В самом простом сигнале, какой только я мог выдумать, и с максимальным усилием послал я эту мысль-луч по налаженной линии связи.

Одновременно я медленно продвигался вдоль стены к скату, который вёл в камеру. По дороге я прихватил кувшин, выпил остатки воды и крепко сжал его в руке. И тогда же судорожно старался вспомнить, куда открывается дверь, поскольку глаза мои были ослеплены, когда вошёл Озокан. Наружу? Да, конечно, наружу.

Я поднялся до половины ската и погрузился в ожидание...

Освободить пленника... не будет страха... освободить пленника...

Сильнее передача — он идёт ко мне! Остальное будет зависеть только от удачи. Когда человек кладёт свою жизнь на такие веса — это страшное дело. Я услышал звон металла. Дверь открылась. Ну!

Дверь качнулась назад, и я бросил вперёд не только кувшин, но и сильнейший заряд страха. Кувшин ударился о голову стражника, тот вскрикнул и отлетел назад. Я поднялся наверх, собрав последние силы, и вывалился в дверь.

Моим первым действием было обыскать стражника и взять его меч. Даже с незнакомым оружием я почувствовал себя увереннее. Стражник не сопротивлялся. Я подумал после, что заряд страха, ударивший в его мозг, оказался гораздо более сильным и неожиданным, чем нанесённый его телу кувшином.

Я взял его за плечо и столкнул вниз, в погреб, откуда только что вылез сам. К счастью, он оставил запирающий прут в двери, так что я быстро повернул его и поспешил удалиться.

Для начала я осмотрелся. Свет больно резал мои привыкшие к темноте глаза, но я решил, что сейчас поздний вечер. Сколько дней мне пришлось провести в камере, я не знал, поскольку смены дня и ночи ускользнули от меня. Во всяком случае, в тот час в этом коридоре не было никого, а мои планы не шли дальше сиюминутного. Мне надо было добраться до выхода, а я вовсе не был уверен, что не встречу кого-нибудь из гарнизона. Мыслеуловитель слишком ослабел для подобной разведки: я полностью израсходовал свой талант эспера, когда заставлял стражника открыть камеру. Поэтому мне приходилось рассчитывать только на физические средства и на оружие, которым я не умел пользоваться.

Коридор повернул влево. В него выходил ряд дверей, и откуда-то впереди доносились голоса. Но другого пути не было, и я крадучись пошёл вдоль стены, сжимая в руке меч.

Первые две двери, врезанные в стену, оказались закрыты, за что я вознёс бы благодарственную молитву, если бы имел возможность ослабить внимание. Я знал, что мои способности эспера упали совсем низко, но всё-таки старался использовать их остаток на установление какой-нибудь жизни поблизости.

Я пошёл дальше. Голоса стали громче. Я уже различал слова на незнакомом языке. Было похоже на ссору. Из полуоткрытой двери лился яркий свет. Я остановился и осмотрел дверь. Она тоже открывалась наружу, и щеколда запиралась как обычно в тюрьме — прут вставлялся в отверстие и поворачивался. Я держал взятый мной прут в левой руке, но подойдёт ли он к этой двери? Смогу ли я прикрыть дверь, чтобы люди внутри не заметили? Я не рискнул заглянуть в комнату, но голоса там уже поднялись до крика, и я надеялся, что в своей ссоре они не обратят внимания на дверь.

Я сунул меч за пояс, взял прут в правую руку, а ладонью левой осторожно нажал на дверь. Она оказалась слишком

тяжела для такого лёгкого прикосновения. Я толкнул и замер: любой предательский скрип, какой-нибудь перерыв в разговоре мог показать мне, что я сделал ошибку. Но дверь всё-таки продвигалась, дюйм за дюймом, и наконец плотно села в свой косяк. Скандал в комнате продолжался. Я вложил прут в отверстие скользкими от пота пальцами. Тот слегка упирался, и я готов был уже бросить это, но вдруг он с лёгким щелчком встал на место, и я повернул его.

Всё в порядке — замок закрылся.

Там, внутри, так шумели, что даже и не заметили, как их заперли. Мне уже дважды повезло, и я подумал, что такая удача слишком хороша, чтобы продолжаться и дальше.

Коридор ещё раз повернул, и я смог заглянуть в окно. Догадка оказалась правильной: наступал вечер, отблески заходящего солнца лежали на мостовой и на стене. Ночь, как известно, друг беглеца, но я ещё даже не думал, что буду делать в незнакомой местности, если выберусь из крепости Озокана. Одновременно двумя ногами не шагнёшь — и я думал только о том, что делать сию минуту.

Передо мной предстала широко открытая дверь во двор. Я всё ещё слышал ссорящиеся голоса позади, но теперь пытался уловить и звуки снаружи. Оттуда донёсся резкий высокий звук, но это кричал каз, а не человек. Я спрятался за дверь и выглянул, держа меч в руке. Налево — навес, где стояли казы, их треугольные пасти с жёсткой шерстью качались туда-сюда. Из пастей свисали изжёванные листья, и я понял, что им только что задали корм

На миг я задумался над возможностью взять одного из животных, но с сожалением отказался от этой затеи. Мыслеуловитель работает с животными даже чуждой породы лучше, чем с гуманоидами, — это верно, но концентрация сил, требуемая для контроля над животными, сейчас мне не по силам. Я должен был рассчитывать только на себя, на свои физические возможности.

Здание, из которого я вышел, отбрасывало длинную тень. Я не смог увидеть других ворот, но попытался побыстрее добраться до самого тёмного места между двумя тюками корма, и это мне удалось.

Отсюда я видел много лучше. Справа располагались широкие ворота, крепко запертые, над ними высилось что-то вроде клетки. Я уловил в ней дыхание и тут же присел за тюк. Часовой! Я ждал оклика, стрелы из лука или другого знака, что меня заметили. Но прошло несколько секунд, а всё оставалось тихо. Я начал думать, что часовой обязан смотреть по ту сторону стены, а не во двор, прикинул, как мне двигаться — сначала под прикрытием тюков, затем позади навесов, и медленно пошёл, хотя каждый нерв во мне требовал скорости. Бег мог привлечь внимание, а передвигаясь ползком, я сливался с тенью. Проходя мимо загона, я сосчитал животных, надеясь получить некоторое представление о численности гарнизона. Тут было семь верховых животных, четыре вьючных, но это ничего не давало, поскольку в гарнизоне могли быть и пехотинцы. Однако малое количество верховых животных в загоне, явно построенном для большего количества, указывало на то, что в резиденции оставался лишь костяк. Это означало также, что Озокан и его приближённые уехали.

Вокруг двора располагались ещё несколько вышек для часовых, но, осторожно следя за ними, я не заметил на них никого. Едва я нырнул за выступ стены, как послышались тяжёлые шаги: мимо прошёл мужчина. На нём была кольчуга пешего бойца, шлема на голове не было, а на плечах он нёс коромысло с вёдрами воды, которые он опорожнил в каменный желоб. Вода медленно стекала по нему в стойла.

С пустыми вёдрами он пошёл обратно. Я же в своём укрытии почувствовал внезапный подъём духа: как раз в это время человека охватило такое сильное желание, что оно дошло до меня совершенно отчётливо. Страх в нём уступил место решимости, а решимость была столь сильна, что я смог уловить это. Возможно, он отличался от своих товарищей какой-нибудь мозговой извилиной, которая сделала его более открытым для моего дара эспера. Такие вариации существуют, как известно, у любой расы. Это был третий подарок судьбы за сегодняшний день.

Я был уверен, что человек станет действовать, отложив

свои прямые обязанности, но пользуясь ими как прикрытием для своих целей. И для него наступил момент, когда требовалось немедленное действие, иначе он может не успеть. С коромыслом и пустыми вёдрами он открыто зашагал вдоль стены, а я тенью скользил за ним, потому что он шёл как раз туда, куда мне хотелось.

Колодец был расположен в другом конце двора. К нему из центра здания тянулось крыло, оно под острым углом огибало колодец, как будто каменный блок протягивал руку, чтобы укрыть источник драгоценной воды. Частые полосы узких как щели окон расходились от тёмного проёма двери. Человек, за которым я шёл, не остановился у колодца, а быстро огляделся и прислушался. Видимо успокоенный, он вошёл в дверь. Я подождал немного и последовал за ним.

Первое помещение оказалось чем-то средним между арсеналом и складом. На стенах висело оружие, разные приспособления были аккуратно сложены у стен. Отчётливо пахло зерном и другой пищей для людей и животных. Позади одного тюка с провизией валялись вёдра и коромысло. Смешавшиеся эмоции страха и желания у моего гида точно вели меня по следу. Я прокрался в другую дверь, полускрытую мешками с зерном, и вышел на узкую лестницу, достаточно крутую, чтобы у человека, посмотревшего вниз, закружилась голова. Здесь я остановился, потому что слышал впереди шаги, а, значит, и он мог меня услышать.

Сжигаемый нетерпением, я ждал, пока шаги не затихли. Затем я медленно двинулся вниз, с усилием ставя ноги и опасаясь, как бы моё измученное тело не подвело меня.

К счастью, спуск был коротким. Внизу от лестницы отходил узкий коридор. Здесь было совсем темно, но я не увидел ни искорки света, которая бы указывала на то, что мой гид пользуется фонарём или факелом. Видимо, он хорошо знал дорогу.

Я ничего не видел и не слышал в тёмном проходе. Затем по линии нашей мозговой связи пронёсся взрыв облегчения, который засверкал в моём мозгу, как фонарь перед глазами. Он достиг своей цели — вышел из форта, чтобы

найти безопасное, по его мнению, место. И я не думал, что он задержится у выхода.

Лёгкой рысцой я устремился в темноту, чтобы найти этот выход. В крошечном мраке я больно ударился об острый выступ, но не упал, после чего вытянул вперёд руки, чтобы пользоваться ими вместо глаз. Передо мной оказался пролёт новой лестницы, вверх по которой я и пополз на руках и коленях, не будучи уверен, что осилю её другим способом.

Время от времени я останавливался проверить, не появилось ли каких-либо признаков выхода. Наконец я нашёл люк и толчком открыл его. Там тоже не было света, будто я попал в погреб или отвал в скалах, который вряд ли был естественным, скорее, он был сознательно замаскирован под естественный, чтобы скрыть этот люк. В стране, где по всякому поводу затевалась война, такая нора была необходима в любой крепости. Я подумал, что, наверное, никому ещё она не была нужнее, чем мне теперь.

Впервые в жизни я полностью сконцентрировал свою силу на том, чтобы меня не заметил часовой на стене. Выход скрывался в скалах, и единственный способ пройти через него — ползти на животе. И я подумал, что мог бы набросать чертёж этих скал, поскольку они показались мне частью более древней, а ныне разрушенной крепости.

Того дезертира, что пробрался передо мной через эту дыру, не было и в помине, но я всё-таки двигался с изрядной осторожностью. Наконец я вышел из-под укрытия. Наверное, развалины тут кончались, так как вокруг было много осыпавшейся земли. Теперь я мог оглядеться.

Небо пылало тем жутким цветом, которым окрашивался закат солнца на этой планете. В этом свете форт казался тёмным пятном, уже скрытым тенями, усиливавшими его мрачный вид. Форт состоял из одного внутреннего здания и внешней стены, он оказался меньше, чем я думал. Пожалуй, это даже не было крепостью, а, скорее, пограничный пост, охраняющий и защищающий земли лорда, поскольку вокруг не было ни жителей, ни возделанных полей. Это был солдатский лагерь, а не убежище для фермеров, каким мог стать любой замок.

Между рядами холмов проходила дорога, ведущая в

неведомую равнинную местность. По-видимому, она связывала два центра — этой области и внешнего мира, возможно, даже вела в Ырджар. Этим и следовало руководствоваться.

Моё путешествие сюда прошло, можно сказать, вслепую, и я не имел представления, где находится порт — на север или на юг отсюда. Впервые я подумал, что моё удивительное везение закончилось: у меня был меч, но не было ни пищи, ни воды, ни защиты от непогоды. И энергия, порождённая волей, которая так долго поддерживала мое истерзанное тело, угасла. Я мог бы задать себе вопрос, но боялся, потому что ответ был слишком ясным.

Форт и развалины, из которых я вынырнул, находились на склоне холма.

Проход в камнях, которым я шёл, должен был сообщаться с подземным ходом, и часовой мог легко заметить меня. Я заставлял свои ноги двигаться вперёд, пока было возможно, потом полз, извивался, перекатывался — одним словом, делал всё, что мог, лишь бы двигаться.

Мне ещё повезло, что средства допросов помощников Озокана причиняли сильную боль, но не калечили тела, так что теперь оно было способно на необходимые усилия. Но я впал в какое-то оцепенение, в котором верх взяла та часть мозга, что не могла сознательно понимать, планировать или жить, а лежала глубоко подо всем этим.

Дважды я вдруг замечал, что бреду по более гладкой дороге и какой-то таинственный сигнал предупреждает меня о скрытой опасности. Оба раза я оказывался способным снова сойти с дороги и пробираться там, где кусты и скалы могли укрыть меня. Один раз мне показалось, что следом крадёт какой-то ночной хищник. Но, видимо, это создание не сочло меня подходящей добычей и незаметно исчезло.

Луна светила так ярко, что её Кольца сверкали в небе огнём. У этой луны всегда было два кольца, но через определённое количество лет появлялось третье, что служило великим предзнаменованием у местных жителей. Я смотрел на них без удивления, только с благодарностью, потому что их свет освещал мне путь.

Уже светало, когда я прошёл через ущелье между

холмами. Рот у меня пересох, его словно осыпали пеплом, сжигавшим язык и внутреннюю поверхность щёк. Только тренированная воля заставляла меня двигаться, и я боялся остановиться на отдых, потому что потом мне наверняка не удастся не только идти, но и ползти. А мне необходимо было миновать место, где дорога шла только в одном направлении — в западную сторону. Потом — я клятвенно обещал это своему телу — потом я отдохну в первой же попавшейся норе.

Наконец-то холмы остались позади. Я вильнул с открытого пространства в кусты и проталкивался в них до тех пор, пока не почувствовал, что дальше ползти некуда. Последний толчок просунул моё избитое и исцарапанное тело в канаву между двумя кустами.

Я вытянулся и так потом и не вспомнил, что последовало непосредственно за этим.

Река, драгоценная влага, река обливала меня водой, давая новую жизнь моему высохшему телу. И был гром, удары воды о пороги речки. Я не решился пуститься вплавь по дикому течению, потому что меня разобьёт о скалы. Вода... Грохот...

Не было никакого потока. Я по-прежнему лежал на твёрдой поверхности, но я действительно был мокрым, и влага лилась всюду, образуя сплошную завесу дождя. И гром на самом деле громыхал, но только в небе.

Я приподнялся и провёл языком по губам, слизывая воду, льющуюся по моему лицу. Над холмами сверкали стрелы молний. Наверное, был ещё день, но стояла такая темень, что трудно было хоть что-нибудь разглядеть. Я поднял голову и раскрыл рот, чтобы дождь напоил меня.

Громовые раскаты неслись отовсюду с затянутого тучами неба, разрываемого жуткими вспышками молний, и при свете этих молний сквозь щель между кустами я увидел отряд всадников, скакавших к востоку, как будто их гнал дождь. На них были плащи с капюшонами. Отряд растянулся длинной вереницей, уставшие животные отставали, пена капала из их пастей. Весь вид этой компании говорил о том, что их гонит какая-то неотложная необходимость. Когда они проехали мимо меня, я почувствовал их эмоции — страх, злобу, отчаяние — которые были так сильны, что

меня как бы ударило. Под плащами я не мог видеть цветов и геральдических знаков, указывающих, чьё походное знамя полощется над их головами, но я был уверен, что это люди Озокана. И, значит, они охотятся за мной.

Моё тело так болело, что я едва поднялся. Первые неуверенные шаги были для меня сущей пыткой. Наверное, меня распустила и разбаловала жизнь Вольного Торговца, и работать теперь, в условиях дискомфорта, было прямо не вмоготу. Но я всё-таки снова двигался в тумане, который так плотно укутал меня, что казалось, будто я попал в охотничью паутину краба-паука с Тайдити.

Ручьи быстро бегущей воды прокладывали себе путь в земле, словно с небес выпало столько дождя, что вода уже не могла впитаться и бежала по поверхности. Время от времени я пил, не думая о том, что в воде могут быть какие-нибудь вредные для меня элементы. Но если воду я имел, то пищи не было, и воспоминания о жирной массе, которую я так неохотно ел, — когда это было? прошлой ночью? две ночи назад? — преследовали меня, принимая пропорции авакианского банкета с его двадцатью пятью церемониальными блюдами. Через некоторое время я нарвал листьев с кустарника и стал жевать их, выплёвывая мякоть.

Время теперь не имело значения. Сколько дней лежало позади, я не знал и не хотел знать.

Ярость дождя постепенно утихала. Что-то слабо светило в небе, но это ещё не было светом.

Свет? Я внезапно понял, что твёрдо иду к свету. Но не к жёлтым фонарям крепости или Ырджара...

Лунный шар... серебристый... зовущий... Только там был такой шар-лампа. Последний предупреждающий шёпот в моём мозгу быстро увял... Лунный шар...

Глава 7

МАЙЛИН

По воле Моластера я обладаю властью Певницы и всем, что с ней связано: дальним зрением, всесторонним зрени-

ем, растягиванием колец. Иногда это оттягивает жизнь, когда внутренне желание входит в противоречие со всем этим.

Если так случается, тогда желание Майлин идёт насмарку. Я желала только одного: оставаться на ярмарке со своим маленьким народом, а проснулась от первого ночного зова, поняв, что пришёл зов, хотя и не знала от кого и откуда. И я услышала, как скулил и хныкал мой маленький народ, чувствительный к влиянию власти, потому что её сильное принуждение задевает также и их, принося недовольство и страх.

О них и была моя первая мысль. Я накинула плащ и пошла, поводя жезлом вверх и вниз, чтобы они смотрели на меня и забыли страх. Когда я дошла до того места, где мы положили барска, я увидела животное на ногах. Оно стояло, чуть опустив голову, как бы готовясь к прыжку, его глаза горели жёлтым огнем, и в них жило безумие.

— Послание? — Малик подошёл ко мне.

— Да, — согласилась я, — но не от языка или мозга Старейших. Если не они воззвали к власти, то это ответ не им, а мне!

Он серьёзно посмотрел на меня и сделал жест, частично отрицающий мои слова. Мы были кровными родственниками, хотя и не близкими, и Малик не всегда был одного мнения со мной. Он часто предостерегал меня от того, что считал безрассудством. Однако он не мог не верить Певнице, которая говорит, что получила сообщение, так что теперь он ждал. А я взяла жезл в ладони и медленно его поворачивала, потому что теперь мой маленький народ успокоился, и страх был отгорожен от их мозга барьером власти. Пока я направляла жезл на север, юг, запад, он не шевелился в моём слабом захвате. Но когда я повернула его на восток, он сам собой выпрямился, указывая точное направление. Он стал горячим, требовательным, и я сказала Малику:

— Это требование долга. С меня. Нужна расплата.

При требовании долга нельзя колебаться, потому что данное и взятое могут быть уравновешены на весах Молас-тера. Для Певницы это ещё более справедливо, потому что только так власть питает и хранит вспыхнувший свет.

— А как насчёт инопланетника и Озокана, которые составляли тёмные планы? — спросила я.

— Озокан может заявить о кровном родстве с Ослафом, который... — Малик слегка замялся.

— ...который был избран по храмовому жребию представлять лордов в трибунале ярмарки в этом году. И не говорил ли также инопланетник Слэфид о другом родственнике Озокана — Окоре, капитане стражи? Но всё-таки никто не может ломать все законы и обычаи.

Правда, моя уверенность скоро увяла, потому что Малик не слишком быстро согласился со мной. Я видела, что он смущён, хотя и не опустил глаз. Он ведь Тэсса, и между нами всегда только правда и откровенность. И я сказала:

— Есть что-то, чего я не знаю?

— Да. Вскоре после полуденного гонга стражники взяли инопланетника Крипа Ворланда отвечать на жалобу Отхельма, продавца животных. На отряд напали всадники из-за границы ярмарки. Произошла схватка, и инопланетник исчез. Думают, что он вернулся к своим, поэтому глава жрецов приказал закрыть ларёк Торговцев, а их самих удалить с ярмарки.

— И ты мне этого не сказал?!

Я не рассердилась, разве что на саму себя: я не учла возможности, что Озокан решится действовать. Я должна была лучше разобраться в нём и понять, что он из тех, кто готов на всё и не думает о последствиях своего импульсивного акта.

— Наиболее вероятно предположение, что он вернулся к себе на корабль, — продолжал Малик. — Все знают, что Вольные Торговцы держатся друг за друга и вряд ли верят в справедливость суда.

— Тогда это нас не касается, — чуть резко сказала я. — Вернее, не касается Тэсса. Мы связаны клятвой не вмешиваться в дела равнинных жителей. Но это мой личный долг. И я прошу тебя по праву кровного родства, чтобы ты нашёл капитана «Лидиса». Если Крипа Ворланда нет среди экипажа, расскажи обо всём, что произошло.

— Мы не получили ответа от Старейших, — возразил он.

— Беру это на себя и отвечаю за содеянное перед весами

Моластера, — я дохнула на свой жезл, и он засиял серебряным светом.

— Что ты думаешь делать? — спросил Малик. Но я знала, что он уже отгадал ответ.

— Я отправлюсь искать то, что должна найти. Но для моего ухода должна найтись уважительная причина: я не сомневаюсь, что теперь за мной будут следить не одни глаза и уши, и каждый мой уход и приход будет отмечаться. Итак, — я медленно повернулась и посмотрела на клетки, — мы ставим их в фургон, я беру Борбу, Ворсу, Тантаку, Симлу и... — я показала на клетку барска, — этого. Мы скажем, что они больны, и я боюсь, как бы они не заразили остальных животных, поэтому вывожу их на некоторое время подальше.

— А этого зачем? — он указал на барска.

— Для него-то эта причина как раз правильна. Может быть, на открытой местности его мозг поправится, и можно будет его коснуться. А здесь ему всё напоминает о прошлых мучениях.

Тень улыбки скользнула по губам Малика.

— Ах, ах, Майлин, ты всё ещё не отказалась от своей мечты? Ты всё думаешь о том, чтобы стать первой и единственной, кто принял барска в свою компанию?

— Я терпелива, и у меня сильная воля, — я тоже улыбнулась. — И я знаю, что БУДУ командовать барском. Не этим, так другим, не сегодня, так завтра!

Я знала, что он считает это безрассудством, но с теми, к кому приходит послание, никто не спорит, тем более, если послание касается уплаты долга. Так что Малик впряг казов в ярмо фургона и помог мне разместить в нём тех, кого я выбрала, а клетку барска поставили отдельно и закрыли экраном. Как ни истощено было это создание, оно следило за нами и рычало, когда мы приближались, а мои мысли вновь не смогли проникнуть ему в мозг и отогнать безумие.

Поев, мы послали Уджана за жрецом, который посмотрел бы за нашей палаткой, пока Малик ходит по моему поручению на «Лидис», а сама я повернула упряжь на восток. Правда, Малик требовал, чтобы я подождала его

возвращения, но во мне росло ощущение настоятельности, и я поняла, что ждать нельзя, надо ехать. Я уже была вполне уверена, что инопланетник не среди своих, что он где-то в другом месте и в страшной опасности, иначе послание о долге не навалилось бы на меня так резко и без предупреждения.

Фургон шёл не очень быстро, а я ещё должна была сдерживать шаг казов, пока мы оставались на виду у всех, потому что нельзя трясти больных животных, — иначе у любого наблюдателя возникнут подозрения. Однако всё во мне требовало скорости и даже больше, чем скорости. Я пустила казов лёгким шагом, когда проехала последний ряд палаток. Кто-нибудь мог спросить, куда я поехала, хотя я осторожно объяснила причину своей поездки жрецу и Уджану.

Те, кого я выбрала сопровождать меня, имели более острый ум и большую агрессивность, чем остальные. Борба и Ворса — гласии из горных лесов. Длина их — четыре пяди, тонкие хвосты такой же длины, что и тела, мех чёрный, как грозовая беззвёздная ночь. У них длинные лапы с очень острыми когтями, которые они обычно прячут, но при случае без колебаний выставляют их, как лезвия мечей. Головы их увенчиваются пучком серо-белых жёстких волос, которые плотно прижимаются к черепу, когда они готовятся к бою. Они по природе любопытны и бесстрашны, открыто идут на врага, который крупнее их, и нередко оказываются победителями. Их редко видят в низинах, и поэтому они вполне могут сойти за редких и ценных животных, которых мы боимся потерять.

Тантака же выглядит более опасной, чем есть на самом деле, хотя однажды разбуженная у неё ярость не утихает весьма долго и делает её более проворной в атаке, чем можно предположить по виду. У неё довольно жирное тело с тупоносой мордой, маленькими закружлёнными ушами и обрубок хвоста, обычно прижатый к бедру. Она вдвое шире гласии, с мощными плечами, потому что её любимая пища на воле прячется под большими камнями, которые приходится сталкивать, прежде чем пообедать. Её желтоватый мех такой грубый, что больше походит на перья, чем

на волос. Она некрасива, неуклюжа, гротескна, и когда она участвовала в шоу, зрители диву давались, как такое казалось бы неуклюжее животное может выделять столь сложные штуки.

Симла сродни барску, но её шерсть очень короткая и прилегает к коже. Издали кажется, что у неё вообще нет шерсти, только голая расцвеченная кожа, потому что по кремовому задку и бёдрам идут тёмно-коричневые полосы. Хвост круглый и очень тонкий, как кнут. Ноги выглядят так, словно на них совсем нет мышц, только шкура и кости, так же смотрится и голова, на ней даже видны черепные швы. Симла некрасива, как и Тантака, но в противоположность неуклюжей на вид Тантаке она производит впечатление быстрой и выносливой. Так оно и есть, поэтому венессы издавна используются для состязаний в беге.

Я почувствовала лёгкое недовольство маленького народа: они не понимали смысла этой поездки. Тогда я передала им ощущение опасности, и они отозвались, каждый по-своему. Как только мы потеряли ярмарку из виду, я повернула клетки таким образом, чтобы их обитатели могли видеть местность и пользоваться своими чувствами, как гидом. Ведь глаза их видят куда больше, чем человеческие, носы извлекают из ветра сведения, которые мы и не заметим, уши слышат то, что мы упускаем — и всё это было теперь к моим услугам.

Симла явно пребывала не в духе — и не потому, что сидела со мной рядом в лучах утреннего солнца, а из-за барска. Остальные не были близки к его роду и не обращали на него внимания, как только поняли, что он не может повредить им. Но клану Симлы он достаточно близок, она знала о нём, и я успокаивала её, потому что безумие — нечто столь чуждое, что вызывает панику в тех, кто сталкивается с ним.

На Йикторе встречается сумасшествие, при котором мозг либо спит, либо живёт в хаосе. Про таких больных говорят, что их коснулась рука Умфры — первобытной власти. Такому больному никто не сделает зла. Их отдают под присмотр жрецов и отправляют далеко в горы, в некую

Долину. И от воспоминания об этой Долине мой мозг содрогнулся. Нанести вред такому сумасшедшему или убить его — значит, принять в собственное тело болезнь, которая жестоко трясёт жертву. Так думают жители равнин.

Но если животные доходят до безумия, их убивают, и я думаю, что это лучше, потому что на Белой Дороге нет ни страдания, ни печали. Они поднимаются к стране великой власти Моластера и остаются там под присмотром и уходом. Я боялась, что мне придётся поступить так с барском, но продолжала оттягивать этот последний шаг. Как сказал Малик, это было моим давним заветным желанием — присоединить редкого независимого скитальца к нашей группе. Возможно, я гордилась собственным могуществом и хотела увеличить ту небольшую славу, которую уже имела как хорошо умеющая работать с маленьким народом.

Мы переправились через реку вброд и не встретили на том берегу никого, кроме нескольких запоздалых ярмарочных фигляров. Им я из осторожности сказала, что болезнь моих животных заставила меня выехать из дома. Но после полудня я съехала с дороги на тропу, тоже ведущую на восток, чтобы какие-нибудь прохожие не стали удивляться, чего ради я еду так далеко искать спокойного места для больных животных.

Перед заходом солнца мы приехали на луг к ручью и здесь разбили лагерь. Я распрягла казов, чтобы они спокойно паслись, да и остальным дала побегать на воле. Они с видимым удовольствием обнюхивали всё кругом, полакали из ручья, но далеко не отходили. Барск остался в фургоне один.

Потом мои спутники были накормлены и легли спать. Всё было хорошо, и я смотрела, как встаёт луна. Третье кольцо было уже более заметно. Ещё одна или две ночи — и оно засияет и останется некоторое время. Жезл в моих руках вбирал этот свет и делал его просто ослепительным. Мне страшно хотелось направить читающий луч, но я здесь была одна, а тот, кто читает такой луч, должен, образно выражаясь, выйти из тела. Но связь так увлекает,

что ему одному нелегко вернуться в себя, и я побоялась, хотя желание снедало меня, и пришлось встать и походить взад-вперёд, чтобы успокоить нервы. Потом я снова взяла жезл: он твёрдо показывал на восток.

Наконец я решила воспользоваться К-Лак-Песней и призвать сон, потому что тело может взять власть над мозгом только в случае крайней необходимости. Певица рано познаёт искушение забыть, что тело сильно и может противиться. Итак, я пропелá четыре слова на пять тонов и открыла свой мозг отдыху.

Я слышала чириканье и писк в траве и видела утренний туман. Я ещё раз выпустила маленький народ на прогулку, пока готовила еду и запрягала казов. Барск был накормлен и спокойно лежал на своей подстилке. Прикосновение к мозгу показало, что он слабеет, возрастает летаргия, как будто съедавшая его вчера ярость повредила ему, и я размышляла, так ли плоха эта слабость, если она даёт мне возможность успокоить и, возможно, довести эти импульсы до нормального состояния. Но проба показала, что время для этого ещё не настало, и неизвестно, настанет ли.

Мы снова двинулись в путь. Тропа, по которой мы ехали, становилась всё более неудобной. Я боялась, что дальше начнётся непроходимый для фургона участок, и хотела даже вернуться, чтобы поискать другую дорогу.

Вскоре вокруг почувствовалось какое-то напряжение, словно туманом разлитое в воздухе, и мы все его заметили. Я знала, что это не предупреждение о дурном, а, скорее, предзнаменование того, что могут дать Три Кольца тому, кто откроет свой мозг их могуществу. В это время куда больше ограничений лежит на том, что может испытать смелый, хотя смелости всегда не хватит, когда имеешь дело с властью.

Мы шли по холмам. Хотя местность и была незнакомой, я знала, что в этом направлении лежат земли Осколда. Хотела бы я знать — неужели у Озокана хватило ума привезти сюда пленника — разве что слишком большая дерзость такого поступка скроет его следы; никто не поверит, что он тайно привёз пленника в центр отцовских владений. Но если Осколд сам участвовал в этом? Тогда всё

принимает другую окраску, потому что Осколд — человек умный и хитрый. И если он готов пренебречь законами и обычаями, значит, у него в резерве имеется мощное оружие, которое смутит врага.

Я вспомнила скрытую угрозу в словах инопланетника Слэфида, что о Тэсса известно больше, чем нужно для нашей безопасности. Я надеялась, что наше сообщение расшевелит Старейших, заставит их принять контрмеры. Среди равнинных жителей всегда ходило много слухов о нас. Правда, мы жили здесь раньше их и когда-то были великим народом — прежде чем научились другим способам измерять могущество и величие. Мы тоже строили города, от которых ныне остались лишь только разбросанные камни, наша история знала взлёты и падения. Либо люди прогрессируют, либо разрушают сами себя и погружаются в туманное начало. Волею Моластера мы прогрессируем по ту сторону материального, и для нас все эти ссоры и схватки вновь прибывших — то же самое, что суэта нашего маленького народа, да и надо сказать, маленький народ движим простыми нуждами и идёт своим путём честно и открыто.

Весь день Постоянного Влияния Трёх Колец напряжение действовало на нас. Мой маленький народ выражал возбуждение криком, лаем или другими звуками, заменявшими им речь. Один раз я услышала, что и барск подал голос, но то был печальный вой, полный душевной боли. Я послала мысль — желание спать — чтобы успокоить его. Симла предупредила меня, что к вечеру что-то случится. Я остановила фургон, вылезла и пошла за Симлой по ещё не побитой морозом траве и через кустарник на вершину холма, откуда была видна восточная дорога. По ней ехал отряд всадников под началом Озокана. Он ехал без обычной пышности, просто возглавляя небольшую группу, и не было ни знамён, ни горна, будто Озокан хотел проехать по этим диким местам как можно более незаметно. Я проводила их взглядом и вернулась к фургону. Мои казы были не в настроении надрываться и шли ровным, неменяющимся шагом. В больших переходах они могли легко обогнать таких быстрых верховых животных, как у людей

Озокана, но на рывок были не способны, и мне приходилось мириться с этим.

Уже ночью мы подошли к холмам. Я спрятала фургон и прошла вперёд, чтобы разведать дорогу. Удалось найти только одну тропу, где мог пройти фургон, и она вела к тракту. Мне очень не хотелось снова ехать по нему: слишком открытое место, где какому-нибудь лорду вполне может прийти дурацкая мысль выставить пост. Я пустила вдоль дороги Симлу, и она быстро нашла два поста с часовыми, выбранными за остроту зрения. Здесь могли не поверить моим причинам для столь далёкого пути. Опасно это или нет, но я должна была этой ночью призвать власть, потому что ехать наугад было бы просто глупостью.

Я послала Борбу и Ворсу найти то, что нам нужно — безопасное и уединённое место не очень далеко от дороги. Они сначала побежали вдвоём, потом разделились. Вскоре Борба нашла требуемое. Фургон мог остаться на некотором расстоянии от этого места, спрятанный в кустарнике и закиданный сверху травой. Казов я отпустила пастись на лугу. Борба уселась на одного из них — не потому, что они могут заблудиться, а потому, что здесь нашлось полное воды озерцо, где росли сочные плакены по колено высотой. Барска я погрузила в глубокий сон, а остальных взяла с собой. Мы поели из взятых мною запасов, потому что телесная сила должна быть опорой силе мысли, которая мне понадобится, когда взойдёт луна. Затем я выбрала стражей из маленького народа, и они послушно растаяли в темноте. Я, как могла, успокоила свои мысли, хотя Кольца действовали в обратном направлении. Спокойствие — чтобы усилить подъём, когда настанет время.

Я начертила жезлом защиту и повторила рисунок на ровном песке за озерком, отметив белыми камнями вершины деревьев. Лунный шар-лампу я поставила на камень, чтобы её лучи освещали весь этот участок. Затем я запела песню защиты, глядя, как из моих камней поднимается по спирали видимая энергия. Когда вызывают власть с таким слабым ощущением проводника, как было тогда у меня, то принимают всё, что видят, не удерживая и не собирая, а только отбирая и запоминая кусочки того, что позже можно собрать воедино. Так было и со мной: я как бы

висела в воздухе над маленькой крепостью и мысленно смотрела внутрь.

Я заметила там Озокана и инопланетника Крипа Ворланда и видела, что делали с инопланетником по приказу Озокана. На заре приехал вестник. Озокан и его люди оседлали животных и уехали.

Я не могла добраться мыслью до инопланетника: между нами стоял барьер, который я вообще-то могла бы разрушить, но сейчас у меня не было времени, и, кроме того, я не решалась тратить силу — это могло дорого обойтись. Я видела, что его дух силён, и что победить его нелегко. Единственное, что я могла для него сделать — оказать некоторое влияние на его путь, чтобы судьба помогала ему, а не мешала, хотя главные усилия он должен был сделать сам. Затем я вернулась обратно.

Рассвело, и моя лунная лампа побледнела и погасла. Но теперь я получила ответ: никуда не двигаться, а ждать здесь. Иной раз ждать бывает намного труднее. Прошёл долгий день. Мы спали по очереди, мой маленький народ и я. Мне страшно хотелось знать, достаточно ли я помогла тому, кто находился в далёкой крепости, но хоть я и Певица, я не из Старейших, которые могут видеть и посылать приказы на расстояние в половину мира.

Я заходила в фургон позаботиться о барске. Он проснулся, поел и попил, но только потому, что я принуждала его к этому. Мозг его стал апатичным и не смог бы позаботиться о нуждах собственного тела, если бы я не поощряла его к таким действиям. Малик был прав, печально думала я, ничего не остаётся, как отпустить его на Белую Дорогу. Но я не могла взяться за это, словно надо мной висел какой-то приказ, которого я не понимала.

Пришла ночь, но луну закрывали тучи, сплетавшиеся в широкие сети, душившие звёзды, — те солнца, что светят над неведомыми нам мирами. И я снова поразмышляла о возможности побывать на других мирах, больше узнать обо всех чудесах драгоценных грёз Моластера — и тихонько пела, но не Великие Песни Власти, а те, что поднимают сердце, усиливают волю, питают дух. Маленький народ собрался вокруг меня в темноте, и я успокаивала их сердца, отгоняя тяжёлые мысли.

Перед рассветом разразилась гроза, поэтому заря не рассеяла гнетущий мрак, нависавший над холмами. Мы нашли место под наклонной скалой и сжались там, пока гром прокатывался по вершинам холмов. Я видела такие грозы в наших высоких землях, где живут Тэсса, но не так близко к равнинам. Мне было тепло от прижавшихся мохнатых тел, я тихонько напевала, чтобы им было спокойно, и радовалась, что это занятие отгоняет моё собственное беспокойство.

Наконец гроза утихла. Меня коснулось сообщение — не отчётливое послание, а, скорее, намёк. Я подошла вместе с маленьким народом к озерку, сняла с камня лунную лампу, которую уже захлёстывала поднявшаяся вода, и спустилась ниже в долину, где трава была менее густой и обнажились камни. Я поставила на один из них лунную лампу и снова зажгла её, как маяк для кого-то. Я не знала ещё, для кого именно, но во мне росла уверенность, что тот, кого я хотела спасти, находится в достаточно трудном положении, несмотря на удачу, которую я для него сплела.

Симла внезапно зарычала и вскочила, оскалив зубы. Борба и Ворса подняли головы, готовясь к бою, а Тантака раскачивалась, припав на передние лапы.

По склону вскарабкалась человеческая фигура. Я схватила его за плечо, напрягая силы, чтобы повернуть массивное тело. Лицо его было в грязи, но я узнала того, кого надеялась увидеть.

Инопланетник вырвался от Озокана. Теперь я была готова заплатить свой долг — но как? Похоже, что он попал из одной опасности в другую. Мы находились на границе владений Осколда, где подчиняются его приказам. Крип был в глубоком оцепенении разума, возможно, для него это сейчас самое лучшее.

Глава 8

КРИП ВОРЛАНД

В моих ушах звучала песня, низкая, монотонная, как ветер, который так редко ощущает на себе рождённый в

космосе. Крип Ворланд умер в каком-то тайном месте, но теперь его снова возвратили к жизни, соединив вместе тело и дух. Когда я открыл глаза и огляделся, я увидел себя в странном обществе. Однако странность его совсем не удивила меня, словно я надеялся увидеть всё это — лицо девушки с серебряными волосами, выбивающимися из-под капюшона, мохнатые морды с блестящими глазами, внимательно поглядывающими вокруг.

— Вы — Майлин? — мой голос удивил меня — это было какое-то хриплое карканье.

Она рассеянно кивнула и повернула голову, вглядываясь вдаль, будто чего-то боялась. Все другие головы повернулись тоже и зарычали низко и рокочуще, каждая на свой лад. Моё сонное довольство исчезло, проснулись опасения.

Она подняла руку, и жезл в её пальцах засветился. Она осторожно прижала его к ладони другой руки и не двигала его, а он сам повернулся и указал то же направление, в котором она смотрела.

Как по сигналу, мохнатые создания исчезли во мраке за пределами освещённого места, на котором я лежал. Майлин снова подняла свой жезл и указала им на лампу, которая тут же погасла. Затем Майлин подошла ко мне. Её плащ взметнулся как крылья и накрыл нас обоих.

— Тихо! — выдохнула она почти беззвучно.

Я стал напряжённо вслушиваться. Свист ветра, журчание воды где-то неподалёку, другие звуки такого-же рода — и больше ничего, кроме биения моего сердца.

Мы ждали — не знаю, сколько времени, но, кажется, очень долго. Затем она сказала — может быть, мне, а может, просто подумала вслух:

— Да. Они охотятся.

— За мной? — прошептал я, хотя, в сущности, не нуждался в подтверждении.

— Да. Слушай, — быстро продолжила она, — более чем вероятно, что подчинённые Озокана ищут и идут с двух сторон, — тут она засмеялась. — И я не знаю, как нам пробиться сквозь сеть, которую они для нас раскинули...

— Это же не твоя забота...

Кончики её пальцев прижались к моим губам, крепко и спрокойно.

— Мой долг, человек со звёздных путей, — моя расплата — так говорят весы Моластера... — проговорила она и, помолчав, зашептала снова: — А если я дам тебе другую кожу, Крип Ворланд, чтобы обмануть врагов?

— Что ты имеешь в виду?

Хотя нас накрывал плащ, и под ним было темно, мне показалось, что её глаза искрятся морозным светом, как глаза зверя отражают свет факела в ночи.

— В мой мозг пришёл ответ Моластера, — она выглядела смущённой своей откровенностью, и я заметил, что она вздрогнула. — Но ведь ты не Тэсса... не Тэсса... — тихо протянула она и замолчала, но затем заговорила с прежней уверенностью: — Будет так, как ты захочешь! Что выберешь, то и будет! Так слушай, инопланетник: я не думаю, что у нас есть хоть один шанс избежать встречи с теми, кто обыскивает эти холмы. Я читаю в их мыслях, что они хотят твоей смерти и убьют тебя сразу же, как найдут.

— Не сомневаюсь, — сухо ответил я. — Хватит ли у тебя времени уйти отсюда? Хотя меня и не учили сражаться мечом, но...

Видимо, это ей показалось забавным, потому что у неё вырвалось что-то вроде смешка.

— Храбрый, ох, и храбрый звёздный скиталец! Но мы ещё не дошли до такой крайности. Есть другой путь, очень необычный, и ты, может быть, предпочтёшь пасть от мечей Озокана, чем пройти по этому пути.

Возможно, мне почудился вызов в этом, что было всего лишь предупреждением, и я немедленно отреагировал на её слова:

— Покажи мне этот путь, если считаешь, что он спасёт меня.

— Он состоит в том, что ты можешь обменяться телами...

— Что?! — я хотел вскочить, но только толкнул её, и мы оба покатались по земле.

— Я не враг тебе, — её руки упёрлись мне в грудь, задев мои синяки и заставив сморщиться от боли. — Я сказала — другое тело, и именно это я имела в виду, Крип Ворланд!

— А как же моё тело? — я не мог поверить, что она говорит серьёзно.

— Люди Озокана возьмут его и позаботятся о нём.

— Ну, спасибо! — сказал я. — Значит, я либо потеряю жизнь в своём теле, либо они убьют моё тело и оставят мой дух в другом месте!

Полнейшая глупость сказанного заставила меня рассмеяться, правда, несколько истерично.

— Нет! — возразила Майлин и откинула плащ. Мы сидели друг против друга, и я видел её лицо, но не мог понять его выражения, хотя поверил, что она говорила вполне серьёзно и именно то, что думала. — Они не повредят твоему телу, если ты уйдёшь из него. Они будут считать, что ты под плащом Умфры.

— Значит, они отпустят моё тело? — пошутил я. Мои мысли смешались в полном беспорядке, поскольку в этой аванюре не было ничего реального по моим стандартам. Я решил, что это один из тех ярких снов, которые иной раз посещают спящего и погружают его во внутреннее пробуждение, так что ему кажется, что он не спит, когда берёт на себя невозможные подвиги. В таком реальном сне всё кажется возможным.

— Твоё тело не может остаться незанятым, потому что два духа переходят из одного тела в другое. Так и должно быть, чтобы мы могли потом снова взять твоё тело и произвести обратный обмен.

— Так они оставят его здесь? — продолжал я следовать по этой фантастической линии.

— Нет, они отнесут его в Храм Умфры. Мы пойдём следом за ними в Долину Забвения.

Она отвернулась, и я почувствовал, что эти слова имеют для неё какое-то значение. Для меня же они не значили ничего.

— А где буду находиться я, когда мы последуем за моим телом?

— В другом теле, возможно, даже более пригодном для того, что может произойти.

Конечно, это был сон. Я больше не спрашивал, не интересовался, что ещё может случиться. Правда, я всё это

видел не во сне — и свой побег из крепости, который сложился на удивление удачно, кошмарное путешествие по холмам и моё появление здесь. Может, и предшествующее тоже было сном — никто не похищал меня с ярмарки, и я сплю себе спокойно на своей корабельной койке и всё это вижу во сне. Во мне проснулось страстное любопытство: теперь мне захотелось узнать, как далеко заведёт меня этот сон, какие новые удивительные события произойдут со мной?

— Пусть будет так, как ты хочешь, — сказал я и засмеялся, зная, что ничего не будет, когда я проснусь.

Она снова посмотрела на меня, и я опять увидел в её глазах те же искры.

— Ты и в самом деле из сильной расы, звёздный скиталец. А может, ты видел в космосе так много забытых дорог, что потерял способность удивляться тому, что может или должно случиться. Но тут дело не в том, чего желаю я — это должно быть ТВОИМ ЖЕЛАНИЕМ.

— Пусть будет так, — даже во сне мне хотелось сделать ей приятное.

— Оставайся здесь и жди.

Она взяла меня за плечи и потянула назад, чтобы я лежал, как тогда, когда только что оказался в этой части сна. Я лежал и гадал, что будет. Может, я проснусь на своей койке на «Лидисе»? Не все сны интересны слушателям, но этот сон так необычен, что, если я его вспомню, когда проснусь, я обязательно расскажу его. А пока я лежал на траве и смотрел в небо, вдыхая запахи лесной местности, слыша ветер и журчание воды.

Я закрыл глаза и захотел проснуться, но не смог: сон продолжался, такой же яркий и живой. Что-то зашевелилось рядом, я повернул голову и открыл глаза. Мохнатая голова пристально смотрела на меня. Мех был чёрный, а торчащий вверх гребень — серый. Казалось, животное носит шлем из чёрного металла с серым пером, вроде тех, что носят морские бродяги на Ранкини.

Морские бродяги на Ранкини... Мысли путались, плыли... Но они явно не были частью сна — этого или какого-нибудь другого. Я действительно находился на

одном из плавучих торговых плотов и менял стальные наконечники гарпунов на жемчужины Аада. Ранкини, Тир, Горф — я знал эти миры. Я перебирал их в памяти, как бусины на нитке. Теперь они кружились, кружились... Нет, это я кружился.

Память исчезла. И, наконец, закрылось сознание.

*«Айе, айе, беги на четырёх ногах,
Глубже вдыхай сообщение ветра,
Будь мудрым и быстрым,
Сильным и справедливым.
Подними голову и приветствуй луну.
Волею Моластера и закона Квита силы твои удвоятся.
Поднимайся выше в горы, бегун!
Приветствуй солнце после ночи,
Потому что это — заря твоего рождения!»*

Я открыл глаза и вскрикнул: мир исказился. Появились странные цвета, все предметы так изменились, что меня охватил ужас. И я услышал — не свой крик, а какой-то испуганный вой.

«Не бойся, обмен прошёл хорошо! Я могла только надеяться, но всё прошло хорошо! Ты прошёл через всё и пришёл к цели!»

Непонятно, услышал ли я эти слова, или они сформировались в моём мозгу.

«Нет, нет!» — я попытался издать тот вопль, который тщетно выбивали из меня люди Озокана, но у меня снова вырвалось что-то похожее на лай.

«Чего ты боишься? — голос звучал удивлённо, даже раздражённо. — Я же тебе сказала и опять повторяю, что обмен прошёл прекрасно. И как раз вовремя: Симла говорит, что они идут. Лежи пока».

Лежать пока? Обмен? Я хотел поднести руку ко всё ещё кружившейся голове, но она не поднялась, хотя мышцы повиновались сигналам мозга. Я взглянул на неё — это была лапа, покрытая красным мехом, длинная и тонкая, прикреплённая к телу... И в этом теле был я! Нет, этого не может быть! Это неправда! Я дико боролся с кошмаром.

Проснуться! Я должен проснуться! От такого сна человек может сойти с ума! Проснуться!

«Выпусти меня», — кричал я как ребёнок, запертый в тёмном, страшном чулане, но из моего рта выходили не слова, а жалобный визг. Я смутно сознавал, что эта паника ведёт меня в темноту, из которой я могу не вернуться вообще. И я боролся, как никогда раньше — не с внешним врагом, а с тем ужасом, который был пленён вместе со мной в этом чужом теле...

Я почувствовал мимолётное прикосновение к моей голове и увидел глаза, смотрящие на меня с кремовой остроконечной мордочки. Высунулся язык и лизнул меня.

Это прикосновение успокоило мои взволнованные чувства и каким-то образом отвело меня от бездны безумия. Я замигал, стараясь лучше рассмотреть своего компаньона, и нашёл, что небольшая сосредоточенность меняет дело: искажение исчезло, исправилось. С каждой секундой я видел всё яснее и яснее. Меня облизывали, и это принесло мне чувство комфорта.

Я даже решил встать. Меня качало из стороны в сторону: стоять на четырёх лапах — вовсе не то же самое, что на двух. Я поднял голову, и мой нос погрузился в запахи. Они так плотно набились в ноздри, что я не мог дышать. Однако я всё-таки вдохнул воздух, и запахи начали приносить сообщения, которые я понимал только частично. Я старался передвигаться, как человек на четвереньках, и зашатался. Животное, которое лизало мне голову, прижалось ко мне плечом и поддерживало до тех пор, пока я смог стоять, не качаясь. Мне ещё надо было научиться видеть под новым углом зрения, но это никак не получалось, потому что позади началось волнение.

Животное у моего плеча зарычало, и я услышал ответное гроыхание из кустов чуть подальше. В этом рычании так ясно слышались угроза и опасность, что я поднял голову как можно выше, чтобы увидеть, кто там идёт. Искажение оставалось, меня сбивало с толку новое восприятие объёмов, и запахи брали верх надо всем. Однако я сумел разглядеть Майлин, стоящую спиной к нам, длинные складки её плаща тянулись по земле. Напротив неё стояла

группа людей. Двое были верхом и держали на поводу казов, а трое — пешими, с блестящими мечами в руках. Я почувствовал, как мои губы оттянулись, обнажив зубы, — бессознательная реакция на присутствие людей. Я теперь открыл, что у эмоций есть свой запах, и здесь чувствовалась ярость, жестокий триумф и опасность. Рычание животного рядом со мной стало громче.

— Веди к нему! — сказал один из людей.

Бессмысленные казалось бы звуки облекались в слова. Быть может, я читал их через мозг Майлин, которая не выражала ни удивления, ни страха.

— То, что вы оставили от него, лежит там, — она повернула голову, указывая глазами на то, что они искали. Кто-то сидел, вернее, полулежал на земле. С отвисшей губы стекала слюна. Я моргнул и плотно зажмурился, но когда снова открыл глаза, увидел то же самое. Кто из людей видел себя не как в зеркале, а так, будто их тело живёт отдельно от разума, от их сущности? Я счёл бы это немыслимым. И вот теперь я стоял на четырёх лапах и смотрел чужими глазами на СЕБЯ!

Майлин подошла к этому полуваливающемуся телу, взяла его за плечи и подняла. Но, похоже, моя оболочка была именно той оболочкой, которую ничто не одушевляло. Она жила, как шелуха, так как я видел поднимающуюся и опускающуюся грудь под рваной туникой. Когда Майлин поднимала его, он стонал. Я зарычал: один из меченосцев остановился и уставился на меня.

«Спокойно, Джорт», — раздалось в моём мозгу слова Майлин, и я угадал, что она сказала это мне, а не тому волочащемуся существу, которое она, наконец, поставила на ноги и поддерживала, потому что оно явно собиралось снова упасть. Люди смотрели на странное, бессмысленное, неохотнодвигающееся создание.

— Ваша работа, оруженосцы? — спросила их Майлин. — Таким оно пришло ко мне, а вы знаете, кто я.

По-видимому, они знали и глядели на неё с опаской, даже со страхом. Я увидел, что двое сделали жест, как бы отгоняя дурную судьбу.

— Итак, я накладываю сей долг на вас, люди Осколда,

— она внимательно смотрела на них. — Это существо — под плащом Умфры, вы не отрицаете?

Один за другим они неохотно кивнули. Меченосцы вложили мечи в ножны.

— Тогда делайте с ним то, что полагается делать.

Они переглянулись, и я подумал, что они станут возражать. Но даже если они и склонялись к этому, чары Майлин подавили протест. Один из них подвёл каза и привязал к спине существо, которое больше не было человеком. Затем они повернули на юг.

«Что это? Почему так?» — из моего рта вырвалось только твяканье, но Майлин, видимо, читала мои мысли. Как только воины уехали, она быстро подошла, встала передо мной на колени и взяла в руки мою голову, глядя прямо в глаза:

— Наш план сработал, Крип Ворланд. Теперь дадим им немного удалиться и поедem следом.

«Что это? — я старался думать, а не издавать звериные звуки. — Что со мной сделали и зачем?»

Она снова посмотрела мне в глаза, и её поза выражала недоумение.

— Я сделала то, что ты пожелал, звёздный скиталец: дала тебе новое тело и постаралась спасти старое, чтобы ты не истёк кровью под их мечами. Итак, — она медленно покачала головой, — ты не верил, что это возможно, хотя и дал своё согласие, однако, дело сделано и теперь всё лежит на весах Моластера.

«А моё... то тело — я получу его обратно? И кто я теперь?»

Она ответила сначала на второй вопрос. Тут была лужица, в темноте напоминающая блюдце с водой. Майлин взяла меня за загривок, подвела к луже и провела над ней жезлом. Вода успокоилась, и я посмотрел в неё, как в зеркало. Я увидел голову животного с густой гривой между ушами, сбегające вниз плечи, красный, с золотым отливом мех.

«Барск!»

— Да, барск, — сказала она. — А твоё тело они обязаны взять и поместить в убежище, иначе рано или поздно встретятся с тёмными силами. Мы пойдём за ними и,

оказавшись в Долине Забвения, будем спасены от Осколда. Это ведь были его люди, которые являлись в здешних краях смертельной ловушкой для тебя, будь ты ещё в своей прежней коже. Спасшись от Осколда, ты снова можешь стать самим собой и пойти, куда захочешь.

Она говорила правду и знала это. Я уцепился за последнюю ниточку надежды.

«Это сон», — сказал я себе, а не ей.

Её глаза снова встретились с моими, и в них было то, что оборвало эту нить.

— Нет, звёздный странник, это не сон, — и она встала. — А теперь поедем, но не слишком быстро, чтобы никто ничего не заподозрил. Осколд не дурак, и я думаю, что это Озокан своим безрассудством толкнул отца на такую глупость. Я спасла тебя единственным способом, который знаю, Крип Ворланд, хотя по-твоему это плохо.

Я пошёл за ней из ложбины, как преданное ей животное, потому что обнаружил, что, хотя в теле барска живет человеческая сущность, она теперь настроилась на новый лад в соответствии с формой, которую носила, и я смотрел на мир уже более правильно. Те четверо, что шли со мной, были не слугами, идущими за хозяйкой, а чем-то большим — компаньоны разных пород состояли в союзе с той, которая понимала их, и они полностью доверяли Майлин.

Мы подошли к одному из фургонов, какие я видел тогда в палатке с клетками. Мои спутники доверчиво подошли, прыгнули в фургон, открыли лапами неплотно прикрытые дверцы клеток и улеглись там. Я остался на земле и зарычал. Клетка... Я в этот момент был больше человеком, чем животным, с меня достаточно клетки в башне Озокана.

— Ладно, Джорт, — Майлин мягко улыбнулась, — так я тебя назвала, потому что на древнем языке это означает: «Тот, кто является большим, чем кажется», и было прославлено как боевое имя Мембера из Йитхэмена, когда он выступил против ночных волков. Я тебе расскажу об этом нашем герое.

Меньше всего на свете мне хотелось сейчас слушать фольклор Йиктора, когда я слепо ехал в будущее, казавшееся таким далёким, что только с немалым усилием воли я

мог думать о нём. Однако я сел рядом с Майлин и изучал мир своими новыми глазами, которые всё ещё приносили мне странные сведения.

Потом я начал понимать, что в желании Майлин рассказать о подвигах Мембера заключалось не только намерение отвлечь мои мысли от бедственного положения. Она мысленно беседовала со мной, и способность моего мозга воспринимать становилась всё полнее и крепче. Возможно, те телепатические возможности, которыми я пользовался в своём человеческом теле, всё ещё работали.

Надо сказать, что я оценил её рассказ. Речь шла об Йикторе, но не о сегодняшнем, а о древнем, о куда более сложной цивилизации, тогда укоренившейся здесь. Тэсса были последними её представителями. Многое из того, о чём она говорила, лежало за пределами моего понимания, упоминания о незнакомых событиях и людях вызывали во мне желание заглянуть за воображаемые двери и увидеть то, что лежало за ними.

Фургон шёл не по тропе, а более открытым путем, через дикую местность. Мы ехали вдоль восточных склонов холмов, которые составляли барьер между владениями Осколда и равнинами Ырджара. Но возвращаться в порт в моём теперешнем обличье я совершенно не желал. Майлин продолжала уверять меня, что наша окончательная цель — таинственное убежище среди высоких холмов, куда везут моё родное тело. Она объяснила мне, что по местным верованиям умственные расстройства вызываются некими силами. Такие люди становятся священными, и их надо поместить как можно быстрее под опеку жрецов, умеющих о них заботиться. Но мы не могли подойти слишком близко к этому месту, чтобы люди Осколда не заподозрили какой-нибудь хитрости — она говорила мне об этом и раньше. Наконец я спросил:

«А каким образом ты сделала меня барском?»

Она помолчала, а когда заговорила снова, её мысли были настороженными и отчуждёнными.

— Я сделала это, хотя давно дала клятву не совершать подобного. За это я отвечу в другое время и в другом месте, перед теми, кто имеет право требовать ответа.

«Зачем же ты сделала это?»

— На мне лежал долг, — ответила она ещё более отчуждённо. — Моя вина, что ты попал в такое положение, и я должна была уравновесить шкалу.

» «Но причём тут ты? Это дело рук продавца животных...»

— Здесь и моя вина. Я знала, что у тебя есть враг, а, может быть, и не один, и не предупредила тебя, считая, что дела других не касаются Тэсса. За это я должна отвечать.

«Враг?»

— Да.

И она рассказала, как Озокан приходил к ней с человеком с корабля Синдиката — Геком Слэфидом — и уговаривал её завлечь Вольного Торговца в раскинутые ими сети. Хотя она открыто не поступила по их желанию, но её любопытство послужило их целям: с этого началась цепь событий, приведших к моему похищению.

«Это неправда. Это была случайность, пока...»

— Пока я не соткала для тебя лунную паутину? — перебила она. — Ах, теперь тебе это кажется величайшим вмешательством. Но, возможно, когда будущее откроется перед нами, а потом станет прошлым, ты сочтёшь совершённое мной тем, что принадлежит только Тэсса.

Она замолчала, и я почувствовал, что её мысли ушли далеко за барьер, через который я не могу пройти. Её тело оставалось здесь, а глаза смотрели внутрь; она ушла, и я не мог последовать за ней.

Казы беззаботно шли впереёд, словно в их мозг были вложены директивы, которым они следовали как навигатор по карте с постоянной скоростью. Над нами сияло жаркое солнце. Я стал изучать своё новое тело, к которому пока не вполне ещё привык — наверное, потому что так и не мог внутренне поверить в случившееся.

Глава 9

КРИП ВОРЛАНД

Мы ехали так два дня, останавливаясь на ночлег в укромных уголках. Я начал привыкать к своему телу и

нашёл, что у него есть и некоторые преимущества. Тот, кто путешествует на четырёх лапах и смотрит на мир глазами животного, быстро усваивает уроки. Майлин время от времени впадала в состояние прострации, но в промежутках много рассказывала — то легенды, то рассказы из своей скитальческой жизни. Я обратил внимание, что она редко упоминала о своём народе в настоящем времени, а больше говорила о прошлом. Я задавал вопросы, пытаюсь поставить ей ловушку, но она легко и ловко избегала ответа, словно зная о моих намерениях.

На третье утро, когда мы залезли в фургон, Майлин слегка нахмурилась и сказала:

— Теперь мы входим в страну деревень и людей. Возможно, нам придётся обратиться к мастерству маленького народа.

«Ты имеешь в виду — давать представления?»

— Да. Дорога в Долину одна, здесь нет обходных путей. И мы сможем узнать кое-что о тех, кто проходил тут перед нами.

Мысль о том, что моё тело ехало впереди, приводила сознание почти в шоковое состояние. Это ощущение трудно выразить словами. Майлин всё время успокаивала меня, утверждая, что те, кто везут это безмозглое существо, будут бережно хранить в нём искру жизни, потому что в их суеверном представлении всякая небрежность будет иметь роковые последствия для них.

«Я тоже буду участвовать в вашем спектакле?»

— Если захочешь, — она ласково улыбнулась. — Если ты согласен, то на твою долю придётся очень большая часть, потому что, насколько мне известно — а мне ведомо немало — никто ещё не показывал барска.

«Но ты мечтала показать».

— Да, я мечтала.

«А что случилось с разумом...»

— Того, чьё тело ты теперь носишь? Он повреждён. Ещё день-два, и я должна была бы из сострадания послать его по Белой Дороге.

«Значит, ты проделывала такие обмены и раньше?» — прямо подошёл я к тому, что давно пытался узнать.

— У каждого свои секреты, Крип Ворланд, — она посмотрела на меня. — Я же сказала тебе, что это моё бремя, и не тебе, а мне придётся отвечать за то, что случилось.

«И ты будешь отвечать?»

— Буду. Теперь давай посмотрим на то, что перед нами. По этой дороге мы в середине дня приедем в Йим-Син.

Мы вышли ниже дорожной насыпи, и казы повернули вверх. Майлин продолжала:

— В Йим-Сине есть храм Умфры. Мы там остановимся и, если удастся, узнаем о людях Осколда, хотя они могли проехать и другой дорогой, с западной стороны гор. В эту ночь мы дадим представление. Так что подумаем, чем барск может ошеломить мир.

Я охотно согласился с её планами, так как целиком зависел от неё. Управляет кораблём тот, кто знает, как это делать. И мы принялись работать над представлением, чтобы я выглядел как хорошо дрессированный зверь. Когда мы подъехали к уже убранным полям, и спустились с холмов, Майлин остановилась. Я сошёл со своего места рядом с ней и забрался в клетку, такую же, как у остальной компании.

Животные дремали: двое были по природе ночными, а Тантака была ленива, когда сыта. Я увидел, что моё новое тело имеет свои привычки, которые тут же проявились: я свернулся, уткнул нос в хвост и уснул, а фургон покатился дальше.

Запахи изменились, стали острыми, бьющими в нос. Я услышал голоса, будто вокруг фургона собралась толпа, снаружи доносились пронзительные голоса детей. Видимо, мы уже в Йим-Сине.

Это была деревня фермеров с двумя гостиницами и храмом — приютом для тех, кого отправляли в Долину. Часто те, кто имел там родственников, приезжали погостить у них. Все знали, что иногда жрецы Умфры делали чудеса — не все, попавшие сюда, были безнадежно больными.

Поля были невелики и небогаты, но зато здесь выращивался крупный виноград. Лендлордов в окрестностях не

было, только судебные приставы и надсмотрщики в двух башнях у дороги, по которой мы ехали.

Я пытался понять, что кричат люди, но они говорили на местном диалекте, а не на языке ырджарских купцов. Вспомнив об Ырджаре, я задумался: хотелось бы знать, что случилось там после моего похищения. Обратился ли капитан Фосс к начальству ярмарки? Надо полагать, кто-то из авторитетов ярмарки или их подчинённых участвовал в моём похищении, иначе оно вряд ли бы произошло. И что они сделали с Лалферном? Тоже захватили или убили? Почему я был настолько важен, что они пошли на такой риск? Ведь Озокан должен был знать, что я просто не могу выдать ему то, что он хочет. И Фосс тоже не может выкупить меня за требуемую цену. Майлин потянула за одну ниточку, которая могла бы дойти до клубка, — участие в игре Гека Слэфида. Но война не на жизнь, а на смерть между Вольными Торговцами и Синдикатом ушла в прошлое — почему же она ожила снова? Я читал все записи прошлых лет, когда борьба была жестокой и переносилась с планеты на планету. Теперь же Синдикат имел дело в основном с внутренними планетами и иной раз впутывался в их внутреннюю политику — когда с пользой для себя, а когда и с убытками. Но что могло заинтересовать их на Йикторе?

Фургон проехал к стоянке. Запах — вернее, вонь для носа барска стала гуще. Я посмотрел из-за занавески на окружающее, осознавая, что теперь ношу шкуру зверя, о смертельной опасности которого ходили легенды. Борба и Ворс тоже выглянули из клеток. Симла проскулила приветствие, на которое мои голосовые связки ответили на октаву ниже. Их мысли отрывочно доходили до меня.

«Марш-марш...»

«Стук-стук...» — это Тантака.

«Вверх-вниз...»

Они предвкушали своё участие в представлении. Видимо, они рассматривали свою работу на сцене как развлечение и радовались.

«Много запахов», — постарался ответить я.

«Марш-марш, — хором сказали глассии. — Хорошо!»

Их лёгкие вскрикивания слились в пронзительный писк.

«Пища, — ворчала Тантака, — под камнями пища», — она фыркнула и снова задремала.

«Бегать, — задумчиво размышляла Симла. — Бегать по полям хорошо. Охотиться — хорошо! Мы вместе охотимся...»

Инстинкт моего тела ответил ей:

«Охотиться — хорошо!» — и я был с этим согласен.

Майлин открыла заднее полотнище фургона и влезла внутрь. Мужчина из жителей равнин, одетый в чёрную мантию с перекрещивающимися белыми и жёлтыми штрихами на спине и груди, подошёл к ней, улыбнулся и зашебетал что-то на деревенском диалекте, но через мозг Майлин смысл его слов доходил и до меня.

— Нам очень повезло, Госпожа, что ты выбрала этот сезон для посещения. Урожай был хорош, и люди собираются устроить благодарственный праздник. Старший брат скажет, когда настанет удачное время для праздника. Он оплатит западный двор для тебя и оплатит все издержки, так что твой маленький народ сможет порадовать всех своей ловкостью.

— Старший брат действительно творец счастья и силы в этой благословенной деревне, — ответила Майлин несколько официально. — Но позволит ли он выпустить маленький народ побегать и размять лапы?

— Конечно, Госпожа. Что бы тебе ни понадобилось — позови кого-нибудь из братьев третьего ранга, и они будут служить тебе.

Он поднял руку. В пальцах его были зажаты две плоские дощечки из дерева, и он глухо щёлкнул ими. У задней стороны фургона сразу же показались две головы. Коротко стриженные волосы и выжженная на лбу рука Умфры говорили о том, что это жрецы, несмотря на совсем мальчишеский вид. Они широко улыбались и, по-видимому, были очень рады служить Майлин. Она открыла клетку Симлы. Кремовая венесса немедленно выскочила и радостно помахивала хвостом, пока Майлин одевала на неё красивый ошейник. Остальные тоже были наряжены и выпущены.

Похоже, что животные были давними друзьями молодых жрецов, потому что те здоровались с ними, называя каждого по имени, и так серьёзно, что стало ясно: маленький народ Майлин был для них больше, чем просто животные. Затем Майлин протянула руку к щеколде моей клетки. Старший жрец шагнул вперёд, чтобы лучше рассмотреть меня.

— У тебя новый мохнатый друг, Госпожа?

— Да. Иди сюда, Джорт.

Когда я прошёл через открытую дверь, жрец вытаращил глаза и прошептал:

— Барск!

Майлин как раз надевала на меня ошейник, сшитый ею на последнем привале, — чёрная полоса с рассыпанными по ней сверкающими звёздами.

— Барск, — гордо ответила она.

— Но ведь... — жрец был полностью ошеломлён.

Майлин выпрямилась, всё ещё касаясь моей головы.

— Старший брат, ты знаешь меня и моих маленьких созданий. Это действительно барск, но он более не пожиратель плоти и не охотник, а наш товарищ, как и все путешествующие со мной.

Он смотрел то на неё, то на меня.

— Ты и вправду из тех, кто делает необычайные вещи, Госпожа, но это удивительнее всего — чтобы барск пошёл по твоему зову, позволив положить руку ему на голову, и ты дала ему имя и приняла в свою компанию. Но раз ты говоришь, что он больше не встанет на путь зла, каким идёт его род, люди поверят тебе, потому что таланты Тэсса, как и законы Умфры, постоянны и неизменны.

Он посторонился, чтобы мы с Майлин вышли из фургона. Молодые жрецы держались несколько в стороне, их изумление выражалось ещё более открыто, чем у их наставника. Они пригласили нас пройти вперёд.

Выпущенные животные подбежали к нам. Симла дружески лизнула меня в шею и пошла рядом со мной. Через двустворчатые ворота мы вышли со двора, где стоял фургон, в другое отгороженное место. Почти всю его площадь покрывала мостовая из чёрного с жёлтыми про-

жилками камня. Двор был пуст, только вдоль стены, куда не доходила мостовая, тянулись виноградные лозы и деревья. Слева бил фонтан, вода которого лилась в каменный бассейн.

Одно из животных бросилось к бассейну и стало лакать воду. Я последовал его примеру. Вода была холодной и очень вкусной. Тантака сунула в бассейн не только свою тупую морду, но и передние лапы, и зашлепала ими, разбрызгивая воду во все стороны.

Я сел и огляделся вокруг. В другом конце двора поднимались три широкие ступени, которые вели к портику с колоннами — дверь за ними была покрыта искусной резьбой с вытянутым рисунком, которого я не разобрал. Это был вход в здание, вероятно, в центральную часть храма. Во всей стене не было пробито ни одного окна, только резные панели из чередовавшихся белых и жёлтых камней оживляли черноту стен.

Майлин командовала мальчиками-жрецами, которые принесли из фургона несколько ящиков и поставили их у ступеней. Я заметил, что жрецы продолжали поглядывать на меня с некоторым страхом. Когда они закончили, Майлин со словами благодарности отпустила их и села на нижнюю ступеньку. Я немедленно подбежал к ней.

«Ну?»

У меня была только одна мысль: узнала ли она что-нибудь о людях Осколда и о том, что они везли с собой.

Майлин взяла в руки мою голову и повернула, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Согласись, звёздный странник, что я хорошо знаю пути народа Йиктора. У них есть правила, которые они не нарушают, даже когда нечего опасаться. Можно надеяться, что Осколд и его люди этому правилу не изменят и тем или иным путём принесут в Долину то, что принадлежит тебе.

— Ах, Госпожа, значит, это правда? — внезапно раздался голос позади, и я вздрогнул, потому что впервые «услышал» слова, которые до сего принимал лишь через посредство Майлин. Я вскочил и невольно зарычал, посмотрев наверх, на ступени.

Там стоял мужчина в мантии жреца — он был уже совсем

стар, чуть сгорблен и опирался на посох, который служил скорее официальным жезлом, потому что почти доходил до его лысого черепа. В его улыбке читались мягкость и сострадание.

— Ты действительно сотворила чудо, — он спустился на одну ступеньку и взял Майлин под руку, приглашая подняться. Отчуждение, которое всегда чувствовалось между Майлин и равнинными жителями, полностью исчезло, в её тоне зазвучала почтительность, когда она ответила:

— Да, Старейший брат. Я привезла барска. Джорт, покажи свои манеры.

Это был первый из трюков, которые мы отработали, и он был показан стражу храма: я трижды поклонился и пролаял «приветствие» низким тоном. По-прежнему улыбаясь, жрец вежливо поклонился мне в ответ.

— Да пребудут с тобой любовь и забота Умфры, брат с верхних дорог, — явно благословляя меня — зверя! — объявил он.

У Вольных Торговцев мало верований, и мы редко выражаем их, даже в своём кругу. Для присяги кораблю, при выборе постоянного спутника жизни, при усыновлении ребёнка у нас имеются клятвы и силы, к мудрости которых мы взываем. Я думаю, что каждый разумный человек признаёт: есть что-то, лежащее выше. Иначе он рано или поздно погибнет от своих внутренних страхов и сомнений, превысивших выносливость духа. Мы уважаем чужих богов, потому что они — искажённые человеком образы того, кто стоит за непрозрачным окном в неизвестное. И теперь в этом человеке, посвятившем свою жизнь служению такому богу, я увидел того, кто очень близко подошёл к великой истине, как он её понимал. Вероятно, это и была истина, хотя и не та, в которую верил мой народ. Я забыл, что на мне шкура зверя и склонил голову, как сделал бы это перед тем, кого глубоко уважал.

Когда я поднял голову и взглянул ещё раз на его лицо, то увидел, что улыбка куда-то исчезла. Он внимательно смотрел на меня, как на что-то новое, захватывающее, и сказал как бы про себя:

— Что мы знаем о барске? Очень мало и, в основном,

плохое, потому что смотрим на него через экран страха. Возможно, здесь мы узнаем больше.

— Мой маленький народ совсем не похож на своих диких собратьев, — быстро ответила Майлин, и я понял её недовольство и предупреждение.

Я залаял, поймал насекомое, жужжащее над моей головой, и побежал к другим животным, к бассейну, надеясь этим исправить свою ошибку.

Майлин осталась со жрецом. Их тихий разговор не доходил до моих ушей, потому что она оборвала мысленный контакт со мной, и это мне не нравилось, но я не осмеливался подслушивать каким-нибудь другим способом.

Ранним вечером мы дали представление для всех жителей деревни, которые смогли поместиться во дворе, а затем повторили ещё раз, для остальных. Порттик храма служил нам эстрадой, мальчишки-жрецы помогли Майлин поставить нужную бутафорию. Они делали это с таким умением, что я догадался — это им не впервые. Но я не знал, зачем Майлин приезжала сюда раньше.

Действия спектакля были менее отработаны, чем те, что вся труппа показывала на ярмарке. Теперь в барабан била одна Тантака, а Борба и Ворса маршировали и танцевали. Симла прыгала на задних лапах по лесенке из наклонных брусьев, лаем отвечала на вопросы публики и играла на маленьком музыкальном инструменте, нажимая передними лапками на широкие клавиши. Я вставал на задние лапы, кланялся и делал другие маленькие трюки, которые мы запланировали. Я думаю, одного моего появления было бы достаточно, потому что крестьяне были поражены и испуганы. Я всё больше и больше удивлялся страшной репутации хозяина моего сознания.

Когда представление было закончено, мы вернулись в свои клетки, и на этот раз я не протестовал против такого дома — я полностью вымотался, словно весь день работал по-человечески.

Я узнал, что сон барска не похож на человеческий. Барск спит не всю ночь подряд, а сериями коротких дрём. В промежутках я лежал, бодрствующий и бдительный, энер-

гично улавливая носом и ушами всё, что происходило за занавеской фургона. Во время одного такого пробуждения я услышал движение в передней части фургона, где спала Майлин в плохую погоду, или когда по каким-либо причинам нельзя было спать на воле. Щеколда моей клетки не была закрыта, я открыл дверцу и вышел, хотя знал, что в деревне это делать опасно. Я обнюхал дверь и заглянул в щель.

Майлин сидела на кровати, скрестив ноги и закрыв глаза. Похоже, она спала, но тело её качалось взад и вперёд, как бы в такт музыке, которой я не слышал. Читать в её мозгу я не мог, так как натолкнулся на плотный барьер, как человек с разбега налетает на стену. Её губы были полураскрыты, из них выходил слабый шипящий звук. Поёт? Я, правда, не был уверен, песня ли это или какое-то заклинание, а то и жалоба. Её руки лежали на коленях, серебряная палочка образовала мост между её указательными пальцами, и из него выходили слабые лучи света.

Воздух вокруг меня был как бы наэлектризован. Моя грива стала жёсткой и поднялась дыбом, шкура вздрогнула и закололо в носу. У нас — корабельных людей — есть свой род энергии, и мы никогда не отрицали, что в других мирах есть такие виды энергии, которые мы не понимаем и не можем контролировать, поскольку искусство такого рода должно быть прирождённым, а не выученным. Это была как раз такая энергия, но я не знал, к себе призывает её Майлин или посылает куда-то. В эту минуту я отчётливо понял, насколько Майлин чужая — гораздо более чужая, чем мне казалось.

Она замолчала, и электризация воздуха стала убывать. Наконец Майлин со вздохом опустила голову, встрепенулась, как бы просыпаясь, легла и положила потускневшую теперь палочку себе под голову. Свет исчез. Я был уверен, что Майлин заснула.

Утром мы выехали из Йим-Сина, провожаемые добрыми пожеланиями жителей и просьбами приезжать ещё. Мы поехали по дороге, теперь всё время поднимающейся вверх. Это были уже не холмы, а горы. Воздух стал холодным, и Майлин надела плащ. Когда я сел на своё место рядом с ней, я заметил, что моя толстая шкура не

нуждается в дополнительной одежде. Запахи возбуждали, и я почувствовал сильное желание соскочить со своего места и бежать поросшими лесом склонами в поисках чего-нибудь.

— Мы въезжаем в страну барсков, — с улыбкой сказала Майлин, — но я не советовала бы тебе, Джорт, знакомиться с ними, потому что, хотя здесь и родина некоторой части тебя, имеется немалый риск быстро оказаться в невыгодном положении.

«Почему все так удивлены, что в твоей группе находится барск?» — спросил я.

— Потому что барска знают только с одной стороны. Это звучит загадочно, но, видимо, это так и есть. Немногочисленные жители высот — кроме Тэсса — убивают барсков, которые, в свою очередь, терпеливо и ловко выслеживают охотников. О барске существует множество легенд, его наделяют почти такой же силой, какую приписывают Тэсса. Многие люди жаждут иметь барска в клетке только для того, чтобы узнать, действительно ли он либо выбирается на свободу, либо умирает по собственной воле. Дело в том, что барск не терпит никакого ограничения своей свободы. Дух, который живёт теперь в твоём теле, как раз и желал умереть, когда произошёл обмен.

«А если это ему удастся?» — я даже вздрогнул.

— Нет, — твёрдо сказала Майлин, — он не сможет. При обмене ему были поставлены ограничения. Твоё тело не умрёт, Крип Ворланд, и оно не будет пустой оболочкой, когда мы его найдём. А теперь, слушай! — резко перешла она к другой теме. — Здесь есть сторожевой пост Юлтревена, но большая часть людей сейчас собирает урожай на склонах гор. Нас не задержат, однако лучше, если часовой увидит тебя запертым в клетке.

Я неохотно отправился назад в клетку. Вскоре Майлин обменялась приветствиями с двумя вооружёнными людьми, вышедшими из небольшого домика у дороги. Один из них приподнял заднее полотнище фургона и заглянул внутрь. Я забился в глубину клетки, чтобы он меня не заметил, и снова подумал, что они знают Майлин, и что она точно бывала тут раньше.

Мы ещё раз остановились на ночлег на открытом месте.

Майлин сварила котелок какого-то супа, от которого шёл такой соблазнительный запах, что мы все собрались у костра и жадно принюхивались. Должен признаться, что я лакал свою порцию далеко не с лучшими манерами, как это делал бы настоящий барск.

Всё время дневного путешествия меня томило ожидание, так как мы были уже совсем близки к цели. Но когда я устроился на ночь в своей клетке — Майлин по каким-то причинам считала, что так безопаснее, чем вне фургона, — я немедленно уснул и на этот раз отдыхал, не просыпаясь.

С первыми лучами солнца мы встали, утолили голод чем-то вроде хрустящего печенья с кусочками сушёного мяса, и фургон двинулся дальше. Дорога стала ещё круче, так что казы с видимым усилием налегали на упряжь. Мы остановились и дали им отдохнуть, а Майлин подложила под колёса небольшие камни, чтобы фургон не скатился назад. Но для полдника мы не останавливались, а снова просто перекусили печеньем и напились воды.

Ближе к вечеру фургон достиг вершины горы. Теперь дорога пошла вниз между двумя холмами. То, что лежало внизу, скрывалось в тумане, который время от времени расходился, и создавалось неопределённое впечатление бездны.

— Долина, — проговорила Майлин плоским, лишённым эмоций голосом. — Оставайтесь в фургоне, нам надо точно придерживаться дороги. Тут есть барьеры и охрана, которую не так-то просто увидеть.

Она подала команду казам, и фургон пополз вниз, в туман и тайну.

Глава 10

МАЙЛИН

«Смотри незамутнёнными глазами на свои желания», — говорили Старейшие в кругу Тэсса. Можно не сомневаться, что все их мысли светлы, мотивы открыты, и они

движимы каким-то скрытым принуждением, как маленький народ повинуется моему жезлу, когда мне нужно поднять их энергию. Не проснулось ли моё внутреннее желание, когда я оставила Ёрджар, честно говоря себе и Малику, что я только повинуюсь закону весов Моластера? Если так, то это желание, действительно, было глубоко скрыто раньше. Может быть, это вспышка жизни — после того, как я нарушила клятву и пересадила инопланетника из его тела в тело барска, и это действие посеяло семена?

Возможно ли, что кто-нибудь их нас считает некоторые указания Моластера слишком далёкими от реальности, слишком сложными для понимания? Для Старейших такой аргумент — святотатство. Они считают, что каждый ответственен за свои действия, хотя и принимают во внимание мотивы наших поступков, если эти мотивы достаточно сильны.

Но моя мысль уже была близка к осуществлению в Йим-Сине, и я это знала, однако, отказалась от неё. Когда жрец Окин разговаривал со мной наедине, он сообщил мне плохие известия и оставил меня обдумывать это в бессильной ярости и отчаянии. И когда мы поехали в Долину, где было похоронено столько надежд, я всё время боролась с искушением, хотя и не могла поверить, что ничего не может быть хуже.

В то время мне очень трудно было думать о тяжёлом положении Крипа Ворланда, и я решила, что, как только мы найдём то, что он ищет, я быстро произведу обратный обмен, чтобы обмануть этот соблазн, но я не могла не думать о том, кто находится здесь, и чьи дни явно сочтены.

Сквозь холодный туман мы спустились в Долину, в ту её часть, где принимали прибывших. Я отвечала на вопросы инопланетника так кратко, как только могла, потому что всё время боролась с собой. Перед восходом солнца мы въехали во внешний двор главного храма, предназначенный для посетителей. Стражник-жрец подошёл и поздоровался с нами. Я знала его в лицо, но не помнила имени — иногда бывает нечто подобное, вроде милосердного забвения — этот человек приветствовал меня здесь в разных обстоятельствах, которые я старалась не вспоми-

нать. Я попросила разрешения поговорить с Оркамуром, но мне сказали, что он занят и не может принять меня.

Мы поставили фургон во второй двор. Я распрягла казов и накормила маленький народ. Крип Ворланд мысленно задавал мне вопросы, и на некоторые у меня не было ответов.

Я зажигала в фургоне лунные лампы, когда пришёл жрец третьего ранга и сказал, что Оркамур, наконец, хочет меня видеть. Крип Ворланд выразил желание пойти со мной. Он думал только о том, чтобы обрести своё тело и соединиться с ним, но я сказала, что должна подготовить Оркамура и осторожно объяснить всё, чтобы наша история не показалась ему бредом. Инопланетник согласился.

Не окрепла ли во мне вера, что я нуждаюсь только в одном действии, и тогда большая часть груза, который я так давно несу, отпадёт? Если это так, то я всё ещё имела мужество сопротивляться. Оркамур не молод, ноша его тяжела и с годами не уменьшается. Он не похож на Тэсса с их стройными долговечными телами, каждый раз, когда я вижу его, он кажется ещё более сморщенным и призрачным. Однако в нём горит такое сильное пламя воли и необходимости откликаться на зов о помощи, что дух его возрос, в то время как плотская оболочка ссохлась. С первой же минуты видишь только дух, а не одевавшую его человеческую форму.

— Добро пожаловать, сестра, — его голос был сегодня усталым и тонким, как звуки флейты.

Я наклонила голову над своим жезлом. Мало кому ещё Тэсса выражают такое же полное почтение, как своим Старейшим, но Оркамур заслужил признательность всего Йиктора. Я сделала три знака жезлом.

— Старейший брат, мир и благо тебе!

— Мир и благо тебе, — на этот раз голос его прозвучал глубже, сильнее, он как бы победил усталость волей. — Однако между нами не нужны успокаивающие слова, сестра. Я не могу сказать тебе, что всё идёт хорошо.

— Я знаю, потому что проезжала через Йим-Син.

— Надо ли было там появляться, сестра? Ты ничего не сможешь сделать, а иной раз, когда смотришь на обломки

крушения, все прошлые печали охватывают сердце. Лучше вспоминать живых в расцвете сил, чем на закате зрелости.

Мои руки сжались на жезле, и я знала, что Оркамур видит это, но рядом с ним я не стала остерегаться — в своё время он видывал и худшие случаи потери самообладания.

— Я пришла по другому делу, — решительно перевела я разговор в нужное русло. — Это...

Я быстро рассказала Оркамору об инопланетнике. Это можно было сделать, потому что Оркамур был тем, кто он есть, и он не нашёл бы в моих действиях ничего такого, что уронило бы меня в его глазах. Жрецы Умфры и Тэсса ближе друг к другу, чем мы — к жителям равнин.

Когда я закончила, он посмотрел на меня без большого удивления и сказал:

— Путь Тэсса — не путь человеческого рода.

— Я и сама знаю это, — вырвалось у меня. Всё, что я вытерпела, пока ехала от Йим-Сина, сказалось в этом резком ответе. Я тут же начала просить прощения, но он отмахнулся.

— Ты должна была подумать о цене, прежде чем это делать, сестра. Ваши нелегко смотрят на такое, разве цена инопланетника выше твоей?

— Это был долг.

— ...за который он не должен был требовать оплаты, знай он все последствия. А теперь я должен сказать: люди Осколда ничего не приносили.

— Может быть, — поначалу я даже не очень огорчилась, — они сначала вернулись к Осколду за решением? Хотя фургон идёт медленно, мы ехали коротким путём.

— А что, если его не привезут, сестра?

Я взглянула на жезл, который вертела в руке.

— Они же не могут.

— Ты надеешься, что они не могут, — поправил он меня.

— Из всего, что ты рассказала, ясно: Озокан попрал закон ярмарки, захватив человека, и впутал своего отца, когда запер пленника в пограничный форт. За инопланетником охотились люди, носящие цвета Осколда, чтобы убить его в твоём лагере. Возможно, они собирались спрятать тело — пусть потом враги доказывают преступление. Что бы ты думала на месте Озокана?

— Если бы я жила с мозгом жителя равнин — то подумала бы, что тот, кто был...

— Кто был под плащём Умфры? — Оркамуру не надо было читать в моём мозгу, чтобы продолжить эту мысль, — если человек нарушил один закон, ему легче нарушить и другой.

— На ярмарке они нарушают человеческие законы — но осмелятся ли они нарушить закон Умфры?

— Ты рассуждаешь как Тэсса, — сказал он уже более мягко, как говорят с чужими. — У вас немного Уставных слов, и ваши смертные правила так надёжны, что редко оказываются под угрозой. Только, сестра, как насчёт твоих собственных действий под Луной Трёх Колец?

— Да, я нарушила закон и отвечу за это. Возможно, основания для подобного действия перевесят само действие. Ты знаешь суд моего народа...

— Однако ты нарушила закон с открытыми глазами и не из страха за себя. Страх — великий бич, которым силы страха мучают людей. Если страх очень велик, ему не могут противостоять ни человеческие, ни божеские законы. Я кое-что слышал об Осколде. Он сильный, но грубый человек. У него один наследник — Озокан, и это погибель для юноши, потому что отец слишком его балует. Как ты думаешь, Осколд спокойно примет объявление его сына вне закона?

— Но как он надеется скрыть...

— Люди могут сказать о том, что они знают, но ведь нужно и доказать сказанное. Полным доказательством злого дела Озокана является тело инопланетника.

— Нет!

Конечно, я должна была бы об этом подумать, какая я была слепая!

— Сестра, чего ты хочешь на самом деле? — он снова коснулся моего мозга и увидел то, чего я не желала ясно видеть сама.

— Я клянусь... дыханием Моластера, клянусь, я не... — я оборвала бормотание и снова овладела собой.

Оркамур спокойно смотрел на меня, и правда, или то, что теперь было правдой, стала ясной для нас обоих.

— И ты думала, сестра, что такое может случиться? Говорю тебе: не тело делает человека, а то, что живёт в нём. Нельзя заполнить пустой каркас и ожидать, что в нём оживёт прошлое, и всё будет, как раньше. Многие могут сделать Тэсса, но вернуть жизнь умершему и они не в состоянии.

— Я не думала об этом и отрицала саму мысль об этом, ранее скрытую, а теперь так ясно видимую в моём мозгу. Я же спасала жизнь инопланетнику — иначе они бы безжалостно убили его.

— И что он выбрал, когда ты ему разъяснила?

— Жизнь — в последнем вопросе большей частью цепляются за жизнь.

— И ты теперь хочешь предложить ему новую жизнь в новых условиях?

— Я могла бы, это не трудно. Крип Ворланд был просто убит, когда осознал себя Джортом. Станет ли он колебаться, когда получит возможность снова обрести человеческую оболочку, если будет доказано, что его собственное тело нельзя больше вернуть? Нельзя вернуть... — я вся сжалась против искушения. — Я не сделаю такого предложения, пока не буду уверена, что всё пропало.

— Но сейчас ты скажешь ему об этом?

— Скажу только, что его тело ещё не прибыло в Долину, это ведь правда?

— Мы всегда должны полагаться на милосердие Умфры. Я отправлю посланца на западную дорогу. Если они в пути, мы будем готовы, если нет — могут прибыть какие-то известия.

— Спасибо, Старейший брат. Можно мне...

— Хочешь ли ты этого на самом деле, сестра? — доброта и великое сострадание снова согрели его голос.

Какое-то время я не могла решиться. Возможно, Оркамур был прав — мне не следует смотреть на того, один вид которого терзает сердце. Я откажусь пройти эти несколько шагов до внутренней комнаты, до неё так же далеко, как до звёзд, которые знал Крип Ворланд. Крип Ворланд, если бы я знала, смогу ли выдержать собственное решение, смогу ли отогнать желание?

— Сейчас сказать не могу, — прошептала я.

Оркамур поднял руку для благословения.

— Ты права, сестра. Может быть, Умфра вооружит тебя своей силой. Я пошлю гонца, спи спокойно.

Спи спокойно — хорошее пожелание! Но не для меня, подумала я, возвращаясь к фургону. Инопланетник ждёт известий. Часть правды — это всё, что я могу ему предложить. Возможно, остальное было не правдой, а только предположением, может быть, посланец Оркамура встретит отряд, который мы искали, и всё сложится правильно, по крайней мере, для Крипа Ворланда. В этом мире многое правильно для одних и неправильно для других. Я должна отогнать эти мысли.

Я была права насчёт инопланетника и его вопросов. Он был вне себя от горя, что отряд Осколда ещё не прибыл, и лишь чуть успокоился, узнав о посланце. Я побоялась слишком долго мысленно разговаривать, чтобы каким-то способом не выдать то, что узнала в самой себе, и, сославшись на усталость, пошла к своей постели, а потом долго лежала без сна, слушая, как сопит и вертится в клетке барск.

Жрец на вершине храмовой башни возвестил приход зари. Я слушала пение, которое, как и у Тэсса, таило в себе власть их рода. В этом месте, где печаль и отчаяние лежали на всём как чёрное покрывало, слуга Умфры пел о надежде, о мире и сострадании, и этим пением осветился и мой собственный день.

Я выпустила маленький народ во двор, и два жреца третьего ранга с улыбками принесли нам вещи и кувшины с водой. Крип Ворланд сидел рядом со мной и каждый раз, когда я оглядывалась на него, то видела, что глаза барска следят за каждым моим движением, как будто таким пристальным наблюдением он пытался поймать меня в ловушку. Почему я так подумала? Такие мысли из ниоткуда несут в себе зародыши истины.

— Крип Ворланд, — имя «Джорт» могло, как мне казалось, усилить его подозрительность. Он должен думать о себе как о человеке, лишь временно живущем в теле барска. — Сегодня, возможно...

«Сегодня! — жадно подхватил он. — Майлин, ты бывала здесь раньше?»

— Два раза, — что развязало мне язык и заставило сказать правду? — Здесь живёт тот, кто считается моим родственником.

«Тэсса?» — он, казалось, удивился, и я поняла, что он смотрит на мою расу с тем же страхом, какой питали к Тэсса жители равнин.

— Тэсса, — сказала я горько, — такие же люди, как и все. Мы истекаем кровью, когда кто-нибудь поднимает против нас нож или меч, мы страдаем многими болезнями, мы умираем. Не думаешь ли ты, что мы недосыгаемы для того, что мучает других людей?

«Возможно, по дороге я так и думал, — согласился он, — хотя должен был бы знать, что это не так. Но увиденное у Тэсса позволило мне думать, что они не похожи на остальных йикториан».

— Есть опасности, грозящие только нам одним. Наверное, и у тебя есть такие же, специфические для твоего народа. Инопланетники встречаются с опасностями?

«Их больше, чем я могу рассказать. Но твой родственник — тот, кто получил убежище здесь, — зачем ему это, ведь он может...»

— Нет, — резко прервала я. Объяснять, почему он попал под покров Умфры, я не могла. Это слишком близко касалось плачевного состояния самого Крипа Ворланда.

Те из нас, кто становился Певцом, должны были подвергаться определённым испытаниям, которые показывали, есть у нас такой талант или нет. Маквэд пострадал как раз в такое время, но не по своей воле, а от несчастного случая, которыми наугад стреляет судьба. Мы передали то, что ещё оставалось живым, в руки Умфры — и не потому, что боялись помешанных как большинство равнинных жителей, а потому что знали: здесь будут бережно обращаться с жизнью, которая осталась в его оболочке. Ведь у Тэсса нет теперь своего дома.

Когда-то мы имели свои дома и города. Затем выбрали другую дорогу, и необходимость требовать определённого места для жизни клана исчезла. Старейшие оставались в

тайных местах, где мы собирались на совет или в дни поминовений. Мы скитались по своей воле и жили в наших фургонах, а заботиться о таких, как Маквэд, нам было нелегко. Он был не первым, кого мы доверили Умфре. К счастью, таких было немного.

«Когда мы узнаем насчёт...»

Я очнулась от своих мыслей.

— Как только вернётся посланный. Пойдём, я должна представить тебя Оркамуру.

«Он знает?»

— Я сказала ему, так как это было необходимо.

Человек в теле барска встал не сразу. Прислушавшись, я с удивлением прочитала его эмоции, которые поначалу не разобрала: стыд. Это было так чуждо любому Тэсса, что моё удивление возросло ещё больше.

— Почему у тебя такое ощущение?

«Я человек, а не барск. Ты видишь во мне человека, а этот жрец — нет».

Я всё ещё не могла понять. Это была та минута, когда двоим кажется, что они откинули особенности своего происхождения, но прошлое тянет их в разные стороны.

— Для некоторых на Йикторе это может иметь значение, но не для Оркамура.

«Почему?»

— Ты думаешь, что один в этом мире носишь шкуру, бегаешь и изучаешь воздух длинным носом?

«Ты... Ты делала это тоже?»

— И я, и другие. Слушай, Крип Ворланд! До того, как я стала Певницей, способной дружить с маленьким народом, я тоже бегала по холмам в различных телах. Это часть нашего обучения. Оркамур знает об этом, как и те, кого мы посетили недавно. Мы иной раз обмениваемся знаниями. Видишь, я сказала тебе то, что ты можешь повернуть против Тэсса, подбросив это как головню в собранный урожай.

«И ты... ты была животным?»

В его мыслях вихрем пронеслось смятение. Но затем, поскольку он был умным человеком и с более открытым мозгом, чем у привязанных к планете, он добавил:

«Но это действительно путь к обучению!»

Я почувствовала, как часть его недовольства исчезла, и подумала, что мне надо было рассказать ему обо всём этом раньше. Теперь же я говорила об этих вещах в силу необходимости: вполне могло случиться, что опасения Оркамура сбудутся. Но Крип Ворланд не должен знать сейчас, что случилось с Маквэдом, не должен видеть его.

Через внутренний зал храма мы вышли в небольшой садик, где Оркамур давал отдых своему хилому телу. Он сидел здесь в кресле из дерева хра́та, глубоко врытом в землю, так что дерево снова ожило и пустило ветви, защищающие теперь сидящего от ветра. Этот садик был местом глубокого мира и тот, кто его создал, пока ни в чём не нуждался. Оркамур приходил сюда не только для обновления духа, но и принимал здесь тех, для кого свет померк с тех пор, как любимые им попали под покров Умфры. Здесь присутствовала сила, которую мы все называем по-разному и которая на расстоянии внушает страх, даже ужас, так как очень редко она поднимается утешающей рукой над страдающими. А тут было именно так, и всем, кто входил сюда, становилось легче.

Оркамур повернул голову и посмотрел на нас. Его улыбка больше чем слова сказала, что он рад нам. Мы подошли и остановились рядом.

— Настал новый день, чтобы мы записали на него желаемое, — повторил он сентенцию из нравоучений Умфры. — Справедливая запись извлечёт из нас лучшее, — он повернулся к Крипу Ворланду: — Брат, Йиктор даёт тебе большее, чем записано на эти дни.

«Да», — мысленно ответил инопланетник.

Оркамур знал внутренний язык. Без этого он не смог бы стать тем, каким его знали.

— Всякому человеку дано учиться всю жизнь, и учению этому нет границ. Но он может отказаться от знания и тем отрезать себя от многого. Я никогда ещё не разговаривал с инопланетником.

«Мы — как все другие люди — мудры и глупы, добры и злы, живём по закону или нарушаем его. Мы истекаем кровью от ран, смеёмся шуткам, кричим от боли, — не так ли ведут себя люди во всех мирах?»

— Справедливо и, может быть, даже более справедливо для того, кто повидал много миров, как ты, и имеет возможность сравнивать. Не согласишься ли ты поговорить с привязанным к планете стариком и рассказать что-нибудь о том, что лежит над нашим небом и граничит со звёздами?

Оркамур не смотрел на меня, но я поняла, что он хочет отпустить меня. Почему он хотел остаться наедине с инопланетником, я не знала и была смущена, но всё же вышла, так как не могла подумать, что Оркамур хоть чем-то может нанести вред. Вполне возможно, что им действительно руководило только любопытство. Он был далёк от мира в своём призвании и временами забывал, что он — тоже человек с человеческими интересами.

Я собралась наконец с духом и сделала то, на что не решилась прошлой ночью: повидала Маквэда. Говорить об этом мне не хочется. Возобновлять в памяти печали прошлого и переживать их снова — тяжёлое и бесполезное дело. И я снова удивлялась, сколько делается здесь для безнадёжных.

В полдень я опять пришла во двор, где оставила фургон. Маленький народ дремал в тени, но тут же все вскочили и подбежали ко мне. Крипа Ворланда с ними не было. Я удивилась: неужели Оркамур разговаривает с ним всё утро? Ведь у него всегда немало срочных и нелёгких обязанностей. Я подозвала одного из жрецов, что приносили нам пищу, но он сказал, что не видел барска, и что Оркамур сейчас в комнате для медитации, где его нельзя беспокоить.

Я встревожилась. Хотя жрецы Умфры не поднимут руку ни на одно живое существо, сюда приезжают и другие люди, которые могут не подумав отреагировать на неожиданное появление животного.

Я уже вернулась к фургону, когда подошёл второй жрец и хмуро сказал:

— Госпожа, пришло послание с западной дороги, принесённое птицей. Те, кого ты ищешь, не проходили в городские ворота.

Я механически поблагодарила, но лишь малая часть

мозга отреагировала на его слова. Все мои мысли были заняты исчезновением барска.

— Барск...— начала было я — и остановилась: почему, собственно, жрец, не занимающийся материальными делами храма, должен знать о моих животных?

— Он был здесь. Я недавно видел, как он шёл с братом Офкедом, и обратил на это внимание, потому что никогда не думал, что барск может идти рядом с человеком.

— Когда это было, брат?

— Удара за два до полудня. Гонг прозвучал, когда я уже пошёл искать тебя.

Как давно! Я мысленно поговорила с Симлой. С некоторым возбуждением она коротко взлаяла и бросилась к воротам.

— Похоже на то, брат, что мой барск удрал куда-то. Я должна его найти.

Ещё до того, как мы вошли в Долину, я предупреждала Крипа Ворланда о ловушках, в которые может попасть тот, кто не знает местности или останавливается на открытых местах. Я никак не могла догадаться, почему он ушёл из храма. Сомнительно, чтобы он решился на такую глупость после разговора с Оркамуром. Симла легко найдёт его по следу, но барск за это время мог уйти далеко, если, конечно, не попадёт ни в какую западню по пути.

Мы с Симлой дошли уже до внешних ворот, когда меня окликнули. Я нетерпеливо обернулась и увидела молодого жреца с гостевого двора.

— Госпожа, говорят, ты ищешь барска?

— Да.

— Он не мог далеко уйти. Барск пил из бассейна, когда пришло послание. Странное дело... — он замялся. — Можно подумать, что барск слушал наш разговор, когда я это заметил, он залаял, но обернувшись в следующий раз, я его уже не заметил.

Мог ли инопланетник понять их? Жрецы говорят между собой на высоком языке, в основном, ментообразном. За весь разговор они иногда произносят вслух два-три слова, но всё остальное передают мысленно.

— О чём вы говорили, когда он подслушивал?

— Старший брат спросил, где ты, — жрец отвёл глаза. — Мы... мы немного поговорили о нашем пациенте. Затем Старший брат сказал, что ты ждёшь тех, кто должен привезти поражённого ударом, но они так и не появились.

Неужели он бросился искать своё тело?! Но почему он не пришёл ко мне?

Глава 11

КРИП ВОРЛАНД

Я лежал на земле, и вокруг пахло землёй, растениями, корнями, жизнью, запах был густой и навязчивый. Я не знал, далеко ли отошёл от Долины, и лежал, зализывая израненные лапы. Сейчас я был больше Джортом, чем Крипом Ворландом.

Человек? А был ли вообще человек, звавшийся некогда Крипом Ворландом? Жрецы Умфры сказали, что с территории Осколда не выходил отряд с пустой скорлупкой от человека. Зачем же тогда привезли меня в Долину? Какой цели должен был я служить, чьим желаниям — Майлин или своим? Когда я услышал, о чём говорили между собой жрецы, во мне взметнулось подозрение, и я по-новому взглянул на беседу с Оркамуром в саду. Мы говорили о внешних мирах, но в основном он хотел знать о людях, вышедших оттуда, о том, что они делали до того, как стали звёздными скитальцами. Мне казалось, что он пытается понять: почему я рискнул превратиться в барска ради спасения своей жизни, сделав шаг туда, откуда мог не вернуться и принять, в худшем случае, такую судьбу на веки вечные.

Когда Майлин заговорила об обмене, в её словах была логика. Она знала опасность, ох, как прекрасно она знала её! Ведь жрецы, которых я подслушал, говорили не только о моём без вести пропавшем теле, но также рассуждали о Майлин и о том, что неоднократно приводило её в Долину. Был другой, который бегал в зверином теле — возможно, по её приказу, и обратного обмена сделано не было.

Человеческая оболочка жила теперь в Долине, но про тело животного жрецы не упоминали. Быть может, этот несчастный сидит теперь в клетке среди её маленького народа?

Это удивительно тренированная группа — а что, если все они, или большая часть, были когда-то мужчинами и женщинами, а не животными? Не таким ли образом Тэсса набирали животных? Возможно, и то название, которое они дали своим превращённым, — маленький народ — полностью соответствовало истине? Ей давно хотелось присоединить барска к своей труппе, в чём она сама признавалась, и я попался в эту ловушку с наивной доверчивостью ребёнка. Может быть, она подействовала на меня какой-то силой, когда мой мозг был смущён и растерян?

Но сейчас важно не то, что случилось и что нельзя изменить, а то, что ещё можно сделать. Где моё тело, моё человеческое тело? Живо ли оно вообще? Я должен найти его, обыскав земли Осколда. Правда, я не имел никакого представления о том, что я буду с ним делать, если найду, но горячее желание отыскать своё тело захватило меня вопреки разуму и логике. Возможно, я был уже слегка не в своём уме.

Теперь меня донимали голод и жажда. Я учуял запахи фермы и человека, встал, вздрогнув от боли в лапах, и стал продираться сквозь кусты. Наверное, теперь во мне было больше от животного: человеческое знание стало помехой охотничьему мастерству. В тусклом двойном свете я скользил от тени к тени вдоль стены из небрежно сложенных камней, мои ноздри улавливали и классифицировали сведения.

Мясо... С языка закапала слюна, в брюхе заурчала пустота. Запах мяса...

Я скорчился в кустах, заглядывая на открытый двор фермы. Там стоял каз, переступая тяжёлыми ногами, были также четыре форса — домашних животных, длинная шерсть которых шла на изготовление прочной и очень тёплой зимней одежды. Они недовольно поворачивали длинные шеи, изгибали головы под странными углами и поглядывали на стену. Один из форсов глухо и тревожно

закричал: если я унюхал его, то и он, по всей вероятности, узнал о моём присутствии. Ни одного из них я не мог взять, они были в полтора раза больше меня. Зато довольно близко от моего укрытия бродила птица с длинными ногами и острым клювом, который всё время что-то склёвывал с земли. Птица приближалась ко мне и, видимо, не чувствовала опасности. Я выскочил из-за куста и схватил её. Птица завертелась с такой скоростью, какой я от неё не ожидал, и больно клюнула меня, едва не лишив глаза. Только быстрое отступление спасало меня от новой атаки, и я отскочил, понимая, что запросто мог лишиться зрения. По всей вероятности, барски были достаточно хитрыми охотниками, но я-то не был барском. Животные подняли шум, и я поспешно убежал, довольно далеко, прежде чем болевшие лапы и утомлённые лёгкие заставили меня остановиться.

В моём новом теле ночь не ослепляла глаза. Я видел в темноте, как на свету, вероятно, ночь была днём для глаз барска. Перед рассветом я жадно, конечно, не как лакомство, съел какое-то змееподобное существо, которое извлёк из щели между камнями в русле ручья. Затем я отыскал дупло в поваленном дереве, забрался в него и уснул, просыпаясь время от времени и зализывая лапы в надежде, что они смогут нести меня дальше. Я решил перенести путешествие с дневного времени, когда меня могут увидеть, на ночное, что было более естественно для барска, и дремал в дневные часы, ковыляя дальше, когда всходила луна.

Три кольца вокруг лунного диска ярко сияли в эту ночь. Я поднял голову и, не успев сдержать порыв, завыл низким воем, который был как бы эхом звучавшего во мне крика. Это не было просто приветствием, обращённым к небесному страннику. Что-то притягивало и привораживало в этом удивительном зрелище, и я начал понимать, почему жители Йиктора приписывают этому феномену психическую силу.

Луна Трёх Колец означала могущество и власть. Но я жаждал только одной власти — той, что вернёт мне человеческое тело. Вернувшись к ручью, я снова принялся

за охоту и на этот раз несколько более успешно, потому что сумел поймать теплокровное животное, пришедшее на водопой. Я пировал как настоящий барск, отогнав на время еды человеческую память, затем вдоволь напился и принялся осматриваться в поисках дороги, вдоль которой следовало идти.

Я побежал по тропе, ведущей с востока на запад через лес, потому что кустарник вдоль главной дороги кончился и вокруг теперь лежало открытое пространство. Земля Осколда была заселена не густо, по крайней мере, в этой части. До наступления зари я прошёл мимо второй крепости, такой же, как и та, где меня держали в плену, только при этой был посёлок — лагерь с бараками для тех, кого не могли вместить стены. С восточной стороны расхаживали часовые, там же были привязаны верховые казы в несколько рядов. Мне показалось, что силы Осколда приведены в полную боевую готовность в ожидании вторжения врага. Я прошёл довольно близко от одного каза. Он принялся и заорал, а его собратья подхватили вопль. Люди закричали, осветили фрнарями хижины, но я поспешно юркнул назад.

Если внешние границы области были совсем не тронуты плутом, то новая местность, куда привела дорога, стала другой, и разумнее было идти ночью, а не днём. Миновав лагерь, я дошёл до деревни и прошмыгнул через поля. Урожай почти по всей стране был убран. Когда я крался мимо какой-то фермы, меня испугало тявканье охотничьей собаки, в котором прозвучало предупреждение. Другие животные подняли тревогу и всполошили всю деревню. Я опять увидел свет фонарей, услышал крики людей и дикий лай собак.

Реакция населения Йим-Сина и слова Майлин уверили меня, что барск — редкое и опасное животное. Допустим, меня увидят, и какой-нибудь фермер спустит собак на странного нарушителя границ. Что тогда? Идти в густонаселённую местность равносильно самоубийству. Я бродил в чаще, выбирая место для дневного сна и слыша скулёж в собственных мыслях. Но ведь где-то в землях Осколда скрывался ответ на вопрос о судьбе моего тела, и я ДОЛЖЕН был узнать его!

Наученный горьким опытом, я не рискнул охотиться в фермерских дворах. Но дикой пищи было мало, и она была пуглива, так что поиски пищи привели меня наконец к огороженному полю. В эту ночь на небе не сверкали Кольца, всё было затянуто тучами. Это придало мне храбрости в попытке ещё раз попытаться завладеть домашней скотиной.

На одном поле мне попались фоду, а я уже знал, что Майлин везла с собой именно их сушёное мясо, хотя эти были довольно малы. Вероятно, у них с Тантакой были какие-то общие предки, но одомашнивание и направленное размножение укоротили им ноги, сделали фоду более толстыми и явно более глупыми. Передо мной стояло только одно затруднение: они спали, сбившись в кучу, и всё стадо вкупе могло испортить всю охоту.

Я крался вдоль стены, осторожно принохиваясь, не пахнёт ли собаками, но пролетающий ветерок доносил до меня только запах спящих фоду. Если бы у меня был напарник, всё прошло бы очень просто: один обошел бы стадо по ветру и спугнул животных прямо в ждущие зубы партнёра. В конце концов я решил, что моё лучшее оружие — быстрота, и побежал по ветру. Долго ждать не пришлось: куча спящих зафыркала и распалась. Я кинулся на визжащее животное, схватил его и поднял, несмотря на сопротивление. Перебраться через стену с таким грузом оказалось весьма нелегко, но голод — лучший помощник, и я утащил добычу в кучу камней на берегу, которая могла послужить мне крепостью, хотя я и не думал, что меня станут осаждать.

Я утолил голод, а затем из осторожности прошёл вниз по ручью, чтобы запутать следы, по которым ограбленный фермер может спустить собак. Через ручеёк был перекинут мостик, и под его аркой я вышел из ручья и вылизал воду из шерсти.

За этим занятием я расслышал глухой стук копыт и неподвижно скорчился в темноте. Стук слышался с двух сторон, и скорость, с которой всадники ехали навстречу друг другу, говорила, что они спешат. Я подумал, что они проедут близко от меня, и прислушался: слова, которыми они перекинутся, могут объяснить их спешку.

Топот замедлился — видимо, оба всадника придержали своих казов. Прячась у края моста, я приподнял голову в надежде услышать что-нибудь важное. Мне не были известны местные диалекты, кроме ырджарского, но мысли жрецов Умфры доходили до меня так же ясно, как слова на Бэйсике. Однако теперь трудно было рассчитывать на такую удачу.

Всадники остановились. Я услышал тяжёлое дыхание казов и звуки человеческих голосов. Но слова оказались лишь бессмысленной серией звуков, как любая человеческая речь показалась бы настоящему барску, и я изо всех сил активизировал способности эспера, чтобы подслушать мысли.

«...посылает на помощь...»

Удивление, некоторая горечь.

«...осмелится, после этого... осмелится!»

Отчаяние, интенсивное, как мозговой удар.

«Напрасно! Наш лорд вернул человека... предложил выкуп. Больше он ничего не может сделать».

Эмоции двоих на мосту были так сильны, что их отрывочные мысли становились для меня всё яснее.

«...бежать...»

«Сумасшествие! Нашему лорду уже противоречат в Совете и из Йамака, и из Йимока — те, кто всегда зависел от него. Нас поддержит только граница. Кто станет защищать лорда, если его объявят вне закона?»

«Пусть сам решает...»

«Он решит... Те же слова и услышишь. Если инопланетники имеют власть Ю, то объявление вне закона вполне может состояться. Они имеют право отказаться от платы. Ведь они назад получили не человека, хоть ты его так и назвал. Ты же его видел».

Словесного ответа не последовало, только эмоции — гнев и страх, а затем крик человека, подгоняющего животное, и каз, что шёл с запада, понёсся галопом. Другой всадник не спеша направился к границе.

Я опустил голову на лапы, слыша только журчание воды. Человек может лгать языком, но его мысли говорят правду. Теперь я узнал, причём чисто случайно, что моё тело не

находится больше во владениях Осколда, а вернулось к моим товарищам на корабль. У меня не было сомнений, что всадники говорили обо мне.

Теперь моей целью был Ырджар, порт. Моё тело — на «Лидисе», наш врач сделает всё для этой неразумной скорлупы. Допустим, я каким-то образом доберусь до корабля, до своего тела — и что я смогу сделать?

Но у Вольных Торговцев открытый мозг, а Майлин — не единственная Тэсса на ярмарке, там оставался Малик. Смогу ли я добраться до него, чтобы воспользоваться его знанием для прояснения ситуации? Возможно, он даже сможет произвести обмен...

Как много сомнений и страхов стоит между мной и успехом! Однако я цеплялся за всякую надежду, чтобы человек не был навсегда поглощён животным.

Назад! На восток через холмы, вниз, к равнинам Ырджара! Там красный мех барска будет очень заметен, но что делать — выбора у меня не было.

В глотке пересохло, как будто я и не пил, ноги подкашивались, по шкуре пробегала дрожь. Но убежища здесь не было, и я вошёл в воду и поплыл по течению к югу, а потом выбрался на отмель.

Теперь незачем было идти вдоль дороги и рисковать встретиться с кем-нибудь. Тёмные холмы служили неплохим ориентиром. Далеко за ними лежали равнины, где расположены Ырджар и порт. Я быстро проносился по открытым полям или бежал рысцей по заросшим лесом местам. Я обнаружил, что, хоть барсков и считают горными животными, их удивительно небольшие тела на почти гротескно длинных ногах идеально приспособлены для быстрого бега по ровной местности.

На заре я миновал ту самую крепость, где начались мои несчастья. Там, по-видимому, теперь стоял гарнизон — люди разбили лагерь под стенами, и мне пришлось сделать большой крюк, чтобы обойти линию казов.

По дороге я размышлял о том, что невольно узнал от тех всадников. Тот, кто ехал на запад, был, бесспорно, из свиты Осколда. Не должен ли он собрать помощь для Озокана и его людей? Известно, что Осколд дорожил

своим наследником, но, судя по реакции второго посланца, такому отношению пришёл конец. Осколд предложил плату за мою гибель — иными словами, он попытался единственным на Йикторе законным путём разрешить спор между своим сыном и Вольными Торговцами, предложив капитану Фоссу плату за члена экипажа. Такая плата предлагалась за непреднамеренное убийство в мирное время, но почти никогда не принималась, если жертва имела близкого родственника, способного носить оружие, потому что кровная месть рассматривалась как более благородное решение. Но если у жертвы в клане оставались только женщины и дети, слишком юные для битвы, тогда плату принимали, и сделка записывалась в храме Ырджара.

Поскольку экипаж «Лидиса» рассматривался как мой клан, возможно, предложение было сделано в надежде, что его примут. Я только удивлялся тому, что Осколд вернул моё тело. С его стороны было бы логичнее убрать как можно скорее это позорное свидетельство против его сына. Может, их напугал гнев Умфры?

Во всяком случае стало ясно, что капитан Фосс потребовал полного наказания — чтобы Озокана объявили вне закона. Немилость распространялась вширь, так что старые враги Осколда получили удобный случай рассчитаться как с сыном, так и с отцом, и земли Осколда были близки к состоянию осады. Хотел бы я знать, не пошёл ли Осколд против всех законов и обычаев, посылая помощь сыну. Если так, то станут ли его люди поддерживать хозяина? Лояльность людей к своему лорду крепка и противостоит пыткам и смерти, как говорится в балладах. Но это работало в двух направлениях: если лорд был так же честен по отношению к тем, кто присягал ему в верности. Такое укрывание сына могло, я думаю, расцениваться как открытое нарушение клятвы, подвергавшее его людей слишком большой опасности.

Я мысленно представил себе город Ырджар. Трудно было сосчитать, сколько дней прошло со времени моего похищения, так что я даже не был уверен, работает ли ещё ярмарка. А что, если... — я даже прибавил скорость — что,

если «Лидис» уже ушёл? Эта мысль была так ужасна, что я постарался отогнать её.

Но если «Лидис» продолжал стоять в порту, может, и Малик ещё на ярмарке? А если нет? Я облизал всё ещё болевшие лапы и тихонько заворчал. А сможет ли барск снова стать человеком? Что, в сущности, случилось с тем, кого по просьбе Майлин приютили жрецы Умфры. Может, он так долго бегал в теле зверя, что животное взяло верх и бегаёт теперь по холмам, не имея никаких связей с человеком? Мне хотелось опустить голову и завывать, как я был на луну по нечеловеческим причинам. Однако я задушил этот вой в горле.

Грис Шервин посетил со мной шоу, он видел, как мы привезли барска, и слышал мой рассказ о том, что произошло в палатке продавца животных. Он сможет открыть свой мозг, если барск придёт к нему теперь, и будет способен к какому-то контакту. Мы все имели способности эспера, одни — больше, другие — меньше. Лучшим эспером на борту «Лидиса» был Лидж. Только бы удалось подойти к нему достаточно близко! Нет, Крип Ворланд ещё не был побеждён!

По этим холмам можно было свободно идти как днём, так и ночью. Я выкопал из мягкой земли несколько мелких животных и съел их, но этого едва хватило, чтобы лишь чуть-чуть приглушить чувство голода. Я поднимался всё выше и выше. Захватывало дух от морозного воздуха, застывшая почва терзала натруженные лапы. Я лизал снег, чтобы утолить жажду, и с тоской вспоминал реку, где мог напиться всласть.

Около полуночи я прошёл через перевал и мог бы спускаться в долину, но так устал, что вынужден был поспать в укромном месте.

Когда я проснулся, солнце пригревало мою спину, покрытую густой гривой. Прищурившись от яркого света, я оглянулся и потянул носом. Сильно пахло человеком. Раздалось слабое шарканье по твёрдой поверхности — такое могли произвести только сапоги. Кто-то шёл снизу справа от меня, стараясь производить как можно меньше шума.

Я нагнулся, коснувшись мордой передних лап, и посмотрел вниз. Человек? Нет, люди, потому что я увидел второго, ползущего в гору уже почти рядом со мной. Поверх кольчужной рубашки на них были грязные плащи со странными цветными пятнами. Я подумал, что только острый взгляд животного может разглядеть эти пятна на расстоянии, если они замрут в неподвижности.

Не враги ли Осколда удирают? Неважно, кто они, лишь бы не нашли меня. Я начал медленно отползать в кустарник. Куда они направлялись, я не мог угадать, потому что поблизости не было ни крепости, ни поста, но решимость их не подлежала сомнению.

Придётся снова повернуть на юг, так как ползущие по холму были частью отряда, остановившегося внизу, а мне известно только то, что Ырджар находится где-то на западе.

Я лёг и терпеливо принялся ждать ночи, чтобы под Тремя Кольцами Луны пуститься во весь опор. Всю ночь я попеременно то бежал, то шёл, пока не был вынужден остановиться возле озера, измученный нестерпимой болью в лапах. Там мне удалось также и закусить какой-то птицей, что приблизилась, обманутая моей неподвижностью. Это была отличная еда — лучшая, какую я нашёл после фоду. Затем я зарылся в кустарник, но долго спать не пришлось.

На этот раз сначала появился звук, а не запах: это были собаки с фермы, и они охотились за кем-то, кто бежал в моём направлении.

Когда я был человеком, на этих холмах за мной охотились люди Озокана. Теперь я зверь и снова вижу охоту. Лай собак, наверное, должен наводить ужас на того, за кем они гонятся. Я спокойно прислушивался, полагая, что их дичь не я.

Из кустов выскочило длинноногое животное и помчалось прочь крупными прыжками. Я узнал его — дикое жвачное с равнины. Его мясо сушат на зиму, и оно считается обычной добавкой к меню. Охота, видимо, началась недавно, потому что животное убегало легко. Но свора была нетерпелива и молча неслась по горячему следу, лишь изредка взлаивая.

Я снова направился к югу, далеко обходя тропинки, по которым бежало преследуемое животное. Хорошо, если собаки будут поглощены изначальной целью и не обратят внимания на мой след. А, может, они тоже боятся барска?

Меня тревожило, что я приближался к открытой местности, где не было ни скал, ни кустарника, ни деревьев и негде было укрыться от глаз охотников: кругом голые поля, где на фоне серо-жёлтого жнивья мой красный мех будет отчётливо виден.

Вскоре я почувствовал запах воды и вспомнил о ручье, бежавшем из озера, где я пил и омывал лапы. Не пойти ли мне по ручью, чтобы сбить следы? Я знал об этом по тем плёнкам, которые, бывало, рассматривал для собственного удовольствия. Но такие охотничьи воспоминания, собранные с точки зрения человека, вряд ли могли быть полезными в моём теперешнем положении.

Однако лучшего выхода я не видел, поэтому вошёл в воду и пошлёпал по течению. Я не успел уйти далеко, как услышал глухой шум в том месте, где лежал раньше. Этот шум прозвучал реальной угрозой. Случилось самое худшее: собаки взяли мой след и, к моему несчастью, решили, что я — лучшая добыча.

Меня охватила паника, которая могла привести к гибели. Я перестал соображать и бросился удирать, но мои силы к этому времени были уже изрядно подорваны. Я знал, что далеко не убегу, поэтому, перескочив через ограду, помчался по полю и... Под моими лапами больше не было почвы. Я падал...

Глава 12

КРИП ВОРЛАНД

Вокруг меня взметнулся песок, тело ударилось о землю с такой силой, что прервалось дыхание, я некоторое время ничего не чувствовал и только спустя некоторое время попытался встать. Всё поплыло перед глазами, но постепенно зрение прояснилось настолько, что я смог увидеть каменные стены... колодца!

Человек выбрался бы из него, цепляясь за неровности стен, но мои четыре лапы с прямыми когтями здесь были бесполезны. Я откинул голову назад и зарычал. Этот рык, усиленный земляной воронкой, которая держала меня, заставил свору на некоторое время замолчать. Как бы ни возбуждены были преследованием собаки, ни одна из них не осмелилась прыгнуть ко мне вниз, так что им оставалось только изливать свою злобу в бешеном лае.

Затем кого-то из них отшвырнули в сторону, и я увидел смотрящих на меня людей. Один в изумлении отшатнулся, другие устались на меня, вытаращив глаза. Кто-то поднял лук, и я подумал, что мне, загнанному таким образом, не удастся увернуться от стрелы. Но человек, стоящий рядом со стрелком, с гневным криком ударил по луку.

Какое-то время я лежал, задыхаясь, а собаки и один из людей следили за мной. Остальные люди исчезли. Затем раздался глухой стук, и на меня упала масса верёвок. Я вскочил. Именно этого они и ждали. Сеть была мгновенно затянута, а я, беспомощный, медленно вытасчен из колодца.

Собаки бросились на меня, но были отогнаны хозяевами, потом ворох верёвок со мной внутри бросили на телегу, привезли на ферму и заперли, связанного, в тёмном сарае.

Там пахло животными и человеком. Я тяжело дышал, во рту пересохло. Хотя бы несколько капель воды... Но часы шли, а к сараю никто не приходил.

От падения в колодец болело всё тело, но всё заглушала потребность в воде. Я сделал слабую попытку послать мысль, хотя и опасался, как бы суеверные местные жители немедленно не убили меня.

Поблизости оказался не один человеческий мозг, но как я ни старался изо всех своих слабых сил вложить в какой-нибудь из них мысль о своей жажде, здесь не нашлось никого, кого можно было бы удержать достаточно долго, чтобы довести до его мозга моё желание.

Я впал в апатию, неспособный более к борьбе. Возможно, они даже сочли меня мёртвым, когда вошли в сарай. Сколько времени прошло, я не знаю, но на улице уже

стемнело. Меня снова швырнули на телегу, и она поехала через мост. Услышав запах воды, я поднял голову и заскулил, но тут же получил жестокий удар и потерял сознание.

Дневной свет бил мне в глаза, а уши оглохли от криков, которые я не понимал. Телега остановилась. Двое мужчин стояли возле неё и осматривали моё тело.

«Воды...» — попытался я выговорить, но из моей широко разинутой пасти вырывался только отчаянный хриплый визг. Один из мужчин подошёл ближе и сказал на ырджарском наречии, на котором я тоже когда-то говорил:

— Барск... Десять весовых знаков.

— Десять? — взорвался другой. — Ты когда-нибудь выдел здесь барска? Да ещё живого?

— Пока живого, — согласился первый. — Посмотрим, доживёт ли он до вечера. А шкура — можно, конечно, выделать, но мех ничего не стоит.

— Двадцать.

— Десять.

Голоса их звучали монотонно, колыхаясь туманным занавесом, упавшим мне на глаза. Мне хотелось уплыть в темноту, которая обещала покой без страданий.

Но меня снова грубо вернули к жизни, когда стащили с телеги и отнесли в более тёмное место, где спирало дыхание от плохо содержащихся животных. В моей памяти, как искра, мелькнуло забытое. Я когда-то слышал подобную вонь. Где?

Железные тиски вокруг моего горла, жёсткие, удушающие... Я слабо попытался скинуть их, разгрызть, но меня втолкнули в маленькое тёмное помещение. Я оказался в тесной тюрьме, крышка которой быстро захлопнулась. Два отверстия в стене давали немного света и очень мало воздуха. На полу валялось немного вонючей соломы — видимо, не я один был здесь пленником. И пахло здесь не только другими телами, но и мыслями, наполненными страхом, ненавистью, отчаянием.

Я кое-как свернулся и, положив голову на лапы в поисках какого-либо облегчения, попытался откинуть память, мысли, всё окружающее. Я тянул существование, но уже не жил.

Воды здесь не было. Я думал или смутно грезил о воде, о том, как шёл по ручью, и вода бурлила вокруг моих ног, приглаживая мех, и казалось, что всё это было сном и никакого мира не существует вне этого тесного ящика. Время исчезло, остались только вечные муки.

Над головой раздался щелчок. Верх ящика поднялся, впусав струю воздуха и свет. Я хотел поднять голову, но что-то тяжёлое ударило меня по шее, пригвоздив к вонючему полу. Я не видел, кто стоял надо мной.

— ...скоро сдохнет. И ЭТО вы предлагаете моему лорду?

— Это же барск. Ты когда-нибудь видел живого барска, Господин?

— Живой? Вот-вот сдохнет, я же сказал. А его шкура ничего не стоит. Ты просишь пятьдесят весовых знаков? Созрел для Долины, если запрашиваешь такую цену.

Давление на мою шею исчезло, и крышка тут же захлопнулась.

«Скоро подохнет — скоро подохнет — скоро... — жужжало в моих ушах. — Барск... скоро подохнет...»

Барск — животное. Но я не животное, я человек! Они должны знать, должны выпустить меня! Я человек, а не животное! Искра жизни, которая едва мерцала, готовая угаснуть минутой раньше, теперь загорелась снова. Я хотел прислониться к стене ящика, чтобы сражаться за свою свободу, но ничего не вышло. Мускулы сводило судорогой, все силы покинули меня.

«Я человек! Человек!» — я не мог произнести никакого звука, кроме тихого визга. Но мои мысли устремились в мир по ту сторону клетки.

«Здесь умирает человек! Не животное, человек!»

И мысль, отчётливая и сильная, сплелась с моей. Я буквально вцепился в неё, как вышедший из корабля в космос цепляется за свой спасательный трос.

«Помогите умирающему человеку...»

«Где?» — пришёл вопрос, такой ясный, что его сила подняла энергию моего мозга.

«В клетке — в теле барска — человек, не животное... — я пытался удержать этот мысленный трос, который, казалось, выскальзывал из моего захвата, как корабельный

трос из смазанных маслом перчаток. — Человек — не животное!»

«Думай, держи мысль! — пришёл приказ. — Меня надо вести, так что думай!»

«Человек, не животное...» — я не мог держать линию связи, она ускользала. Я снова попытался из последних сил:

«Человек, не барск, в клетке — не знаю где, но в городе...»

«Ырджар? В Ырджаре?»

«В клетке... как барск... барск... не барск — человек!»

Мне не хватало дыхания, тьма наваливалась так плотно, что раздавливала меня.

«Человек... я — человек», — я цеплялся за одну единственную мысль, но тьма становилась всё плотнее и приходилось отбиваться от небытия.

«Здесь!»

Сквозь тьму снова пришёл этот ответный мозговой удар, быстро и остро пронзивший меня, но я уже не мог слышать. Во мне оставалась только тьма и конец всякой борьбы.

Далёкий свет и ничего не означающие голоса. Затем две руки приподняли мою голову. Я смутно увидел лицо.

«Слушай, — пришёл в мозг приказ, — ты должен помочь мне. Я сказал, что ты из моего маленького народа, что ты дрессированный. Ты можешь подтвердить это?»

Подтвердить? Ничего я не могу подтвердить, даже то, что я человек, а не зверь, бегающий на четырёх ногах и загрызающий по ночам добычу.

Вода полилась на мой распухший язык, в пасть, но я не смог проглотить её. Затем руки снова взяли мою голову, а глаза встретились с моими.

— Джорт! Выполняй приказ!

Когда-то это обозначало... я никак не мог вспомнить. Кто-то дал мне это имя и...

Я кивнул головой и попытался поднять передние лапы. Там были ступеньки, и на них сидел человек в чёрно-жёлтой мантии и смотрел на меня. Значит, я должен поклониться и сделать всё то, что мы вместе планировали. Мы? Кто это — мы?

— Это моё животное!

— Ещё не доказано, Господин.

— Я отдам тебе то, что ты заплатил за него, или мне позвать уличного стражника?

Уверенные руки продолжали держать мою голову. В рот снова полилась вода, и на этот раз я смог чуточку проглотить. С водой понемногу возвращалась жизнь, но руки пока не выпускали меня.

«Соберись с силами. Мы скоро уйдём».

Голоса над моей головой стёрлись. Затем руки подняли меня и понесли. Я взвизгнул и зажмурился от яркого света. Тот, кто нёс меня, опустил моё тело на мягкий мат, и я растянулся, не в силах двигаться. Поверхность пола покачнулась, и я услышал стук колёс по булыжной мостовой.

Мы ехали в фургоне. Запах города душил меня. Я даже не пытался смотреть по сторонам — у меня на это не было сил. Грохот, скрежет, опять грохот... Фургон остановился.

— Дрессированное животное...

Полотнище в задней части фургона отдёргнулось и снова закрылось. Фургон двинулся.

Воздух посвежел. Опять остановка. Кто-то сошёл с переднего сидения, подошёл ко мне и опустил на колени. Мою голову снова подняли и влили в рот жидкость — на этот раз не просто воду, а с какой-то кислой и острой добавкой. Я открыл глаза.

«Майлин?» — мысленно позвал я, но увидел не женщину Тэсса, толкнувшую меня в это безнадёжное приключение, это был мужчина, бывший с ней на ярмарке. Память слабо пробивалась сквозь навалившиеся сверху тяжёлые события.

«Я — Малик, — пришёл ответ. — Теперь отдыхай, спи и ничего не бойся. Мы вовремя вырвались».

Смысл его слов не полностью дошёл до меня, потому что я послушался его приказа и уснул, но это уже не было оцепенением приближающейся смерти.

Когда я проснулся, то увидел неподалёку от себя костёр. Языки его пламени несли успокоение в мою измученную душу. Человек и огонь — его древняя защита и оружие. С давних времён огонь связывался в нашем представлении с

безопасностью, он поднимает наш дух, когда мы смотрим на отблески пламени.

Позади костра показался другой свет, и я, увидев его, зарычал — и тут же смолк: когда я проснулся, то в первый момент осознал себя Крипом Ворландом, — и как же тяжело было снова оказаться Джортом.

На моё рычание пришёл ответ из тени, до которой не доходил ни свет костра, ни лучи лунной лампы. Мой нос подсказал мне, что здесь много живых существ.

Человек вошёл в свет костра с котелком в одной руке и с ковшиком в другой. Он шёл вдоль ряда чашек, стоявших на земле, и наливал в каждую из котелка, а затем подошёл ко мне.

«Малик из рода Тэсса», — мысленно поприветствовал я его.

— Крип Ворланд из рода инопланетников.

«Ты знаешь меня?»

Он улыбнулся.

— Здесь только один человек в теле барска.

«Но...»

— ...меня не было, когда ты надел меховую шкуру, хочешь ты сказать? Ты воспользовался властью Тэсса, мой друг. Неужели ты думаешь, что это могло пройти незамеченным?

«Не я ею воспользовался», — возразил я.

— Ты не думал об этом пути, — с готовностью согласился он. — Однако это пошло тебе на пользу.

«Вот как?» — отозвался я.

— А разве нет? Не думаешь ли ты, что тебя бы оставили в живых подчинённые Осколда, если бы Майлин не сделала для тебя всё, что смогла, и притом очень своевременно?

«Но дальше...»

Он присел на корточки, так что я, сидя, был чуть выше его.

— Ты думаешь, что она воспользовалась тобой для своих целей?

«Да», — правдиво ответил я.

— У всех рас есть свои нерушимые клятвы. Так вот, я

клянусь тебе: то, что она сделала в ту ночь, — исключительно ради тебя, спасая твою жизнь.

«В ту ночь — возможно, но затем? Мы пришли в Долину, моего тела там не оказалось, но было другое...»

Он, похоже, не удивился, да я и не думал, что Тэсса выкажет свои эмоции, как это делают другие расы. Он некоторое время молчал, потом спросил:

— Почему ты так решил?

«Она говорила мне о каких-то опасностях, но у неё были свои причины привезти меня в Долину. И это было не для моего, а для её блага».

Он медленно покачал головой.

— Послушай, инопланетник, она не подвергла бы тебя ни одной опасности, которой не испробовала сама. Если бы ты не убежал, ты не оказался бы в такой беде, в какой я тебя нашёл. Ни один Певец Тэсса не получает возможности призывать власть, пока не побывает в меховой шкуре или оперении. Майлин прошла этим путем ещё до того, как твой звёздный корабль приземлился в порту Ырджара.

«А тот, что в Долине?»

— Разве я говорил, что на пути не бывает никаких опасностей? Мы не убиваем живых существ в нашей зоне, но это не значит, что смерть обходит её стороной. Маквэд был в теле животного, когда лорд пришёл охотиться без нашего разрешения и пустил роковую стрелу. Это был один шанс из десяти тысяч, потому что давно уже никто не ходил по нашей святой земле, и мы не остерегались. А что касается тебя, то подумал ли ты, что Майлин придётся расплатиться за использование нашей власти для помощи чужаку? Она искренне верила, что люди Осколда принесут твоё тело в храм и всё будет хорошо. Помни это...

«Но моё тело в Ырджаре...»

— Да. И теперь нам нужен новый план, и я не отрицаю, что стоит поторопиться. Твои друзья не поймут и в своём неведении будут лечить твоё тело, тем самым убивая его.

У меня мороз пробежал по коже.

«Нам надо идти в Ырджар...»

— Не сразу. Сейчас мы выехали из Ырджара. Мне удалось вывезти тебя из города только потому, что я

обещал увезти тебя подальше от населённых мест. Майлин знает или скоро узнает, где мы. Она приедет сюда, потом зайдёт к твоему капитану и поведает ему всё — если он из тех, кто может поверить необычному рассказу. Затем мы контрабандным образом доставим тебя в порт, и Майлин исправит то, что было сделано. Но не знаю, — нахмурился он, — что обо всём этом подумают Старейшие, потому что это — нарушение Уставных Слов, дающее в руки тех, кто не из рода Тэсса, тайное оружие, о котором мечтают наши враги.

«Разве равнинные жители не знают, что вы можете меняться телами?»

— Нет. Подумай — эти люди не имеют понятия о духе, они знают лишь тело и мозг. Расскажи невеждам, что в этом мире живут такие, кто может превратить человека в животное, а животное в человека, и представь себе, что случится.

«Страх побуждает людей к убийству».

— Именно так. Начнётся такая охота, что Тихие места утонут в крови. Мы уже знаем, что говорят о нас, от того инопланетника — Гека Слэфида, который собирался использовать это знание как рычаг для торга. То ли он выудил эту информацию у Озокана, то ли ещё у кого — мы не знаем. Думаю, всё-таки не у Озокана, иначе песня Майлин не спасла бы тебя от гибели, его слуги убили бы тебя в любом облике — барска или человека. Никаких намёков от местных жителей пока не доходило. Теперь наши Старейшие ищут Мыслью. Мы идём по узкому, осыпающемуся краю земли над бездной.

«Здесь постоянно сражаются, соседи Осколда пошли против него. Если один лорд ссорится с другим, не выигрываете ли вы время?» — спросил я и рассказал о посланцах, которых встретил на холмах.

— Да, его соседи увидели шанс скинуть Осколда, но, как ты думаешь, не ухватится ли он за возможность оторвать их от своей глотки и кинуть на Тэсса? Поэтому Гек Слэфид и молчит.

«Если вы обменяете меня обратно, я навсегда уеду с этой планеты и клянусь, что никто здесь не услышит об этом от меня».

Он хмуро посмотрел на меня.

— Старейшие позаботятся о том, чтобы языки зря не болтали. Конечно, чем скорее мы произведём обмен и отправим тебя с Йиктора, тем лучше. Сейчас Озокан и его приспешники объявлены вне закона. Они не могут жить только набегами, и ни одна рука не поднимется помочь им. Рано или поздно люди объединятся, выследят его и прикончат. Не знаю, какие оправдания получил от своего сына Осколд и поддерживает ли он его хотя бы тайно. Если он предполагает это сделать, он должен действовать очень скрытно, иначе его собственные люди скажут, что он нарушил клятву и оставят его. Объявление вне закона — не пустяк, и те, кто помогают такому отверженному, сразу же сами становятся проклятыми. Достаточно клятвы трёх свободных арендаторов, чтобы осудить человека. А Осколду хватает забот ещё и с теми, кто вторгается в его земли.

«Теперь, значит, мы будем ждать Майлин», — вернулся я к своим делам. Ссоры феодальных лордов не касались моего будущего — по крайней мере, я так считал.

— Будем ждать Майлин, — подтвердил Малик. — Затем она пойдёт в Ырджар, к твоему капитану. Как я уже говорил, многое зависит от того, насколько открыт его мозг. Возможно, ты передашь с ней что-нибудь, подтверждающее её слова, — скажем, о каком-нибудь инциденте, который известен только вашим, а на Йикторе о нём никто знать не может. Если он примет её рассказ, мы договоримся о дальнейшем.

У Вольных Торговцев открытый мозг. Они повидали так много в разных мирах, что не могут сказать: «Такого не бывает!» Но это дело настолько исключительное — может ли вера простираться так далеко? Намёк Малика был неплох: я принялся размышлять над тем, что могло бы подтвердить рассказ Майлин и пойти мне на пользу.

Когда время становится главным фактором в жизни, оно может быть таким же тяжёлым бичом, каким подгоняют рабов-гребцов на Корфу. Малик занимался животными, а у меня были только мысли, острые, как шипы. Они гоняли меня с места на место мимо костра.

Пища и питьё, что давал мне Малик, видимо, содержали

не только питательные вещества, но и стимуляторы, потому что совсем скоро я почувствовал удивительную бодрость — впервые с тех пор, как оставил Долину для напрасных поисков.

Малик покончил со своими обязанностями и сел перед огнём, повернув вниз лунную лампу. Я сел рядом с ним, желая уйти от всего, что давило, и неожиданно спросил:

«Почему Тэсса выбрали бродячую жизнь?»

Он посмотрел на меня, и его большие глаза, казалось, стали ещё больше. Он ответил вопросом:

— А почему вы хотите крутиться от мира к миру, не имея своего дома?

«Потому что я рождён и воспитан для такой жизни. Ничего другого я не знаю».

— Теперь знаешь. Мы — Тэсса — тоже рождены и воспитаны для такого образа жизни. Когда-то мы были разными народами, родственниками тех, кто живёт на равнинах. Затем наступил момент выбора. Нам был показан другой путь следования. Но всё в мире чего-то стоит, и за этот новый путь пришлось заплатить. Это означает, что надо было вырвать собственные корни и отвернуться от всего, что казалось безопасным и нерушимым. Нас более не окружают стены, мы тесно сплотились одним кланом и держимся в стороне от жизни других людей. Теперь равнинные жители смотрят на нас как на бродяг, не имеющих крова. Они не понимают, почему мы не нуждаемся в том, что им кажется ценным, — и сейчас, и для будущего; они сторонятся нас. Время от времени люди смотрят на то малое, что дал нам этот выбор, и держат нас в страхе, хотя и сами боятся больше. Мы участвуем во всей жизни, а они нет. Ну, не совсем во всей жизни, кое в чём мы не принимаем участия: в росте дерева, в появлении листьев, в созревании плодов. Но мы можем взять птичьи крылья и изучать небо по примеру крылатых созданий, можем надеть меховую шапку и побегать на четырёх ногах. Ты знаешь многие миры, звёздный странник, но никто из вас не узнает жизнь Йиктора, как знают её Тэсса.

Малик умолк и уставился в огонь, подкармливая его

время от времени хворостом из кучи. Между нашими мыслями возник барьер. Хотя у Малика не было такого отрешённого взгляда, какой я видел у Майлин однажды ночью, я подумал, что он близок к такому же состоянию полной прострации.

Ночной воздух доносил до моего носа массу сведений. Через некоторое время я прошёлся в темноте вокруг лагеря. Большая часть маленького народа спала в своих клетках, но некоторые были часовыми, и вряд ли кто-нибудь мог незамеченным пробраться в лагерь.

Майлин приехала перед восходом солнца. Я услышал её запах раньше, чем до моих ушей донёсся скрип колес фургона. Позади меня раздались одновременно сигналы и приветствия. Малик очнулся от своего забытья у почти погасшего костра, и я подошёл к нему. Мы стояли рядом, пока Майлин подъезжала к полутёмному лагерю.

Она посмотрела на меня. Не знаю, чего я ожидал. Может быть, выговора за моё глупое исчезновение из Долины, хотя я не считал, что оно было глупым, если принять во внимание то, что я знал или подозревал в то время. В конце концов, как могут Тэсса понять, что означают их обычаи для другого человека?

На её лице лежала тень усталости, как у человека, долгое время простоявшего на часах без смены. Малик протянул ей руку, чтобы помочь сойти, и она со вздохом приняла помощь. Раньше я видел её сильной, теперь она изменилась, но я не понял, как именно.

— На холмах всадники, — сообщила она.

— Они осаждают Осколда, — Малик пригласил её к костру, снова раздув умиравшее пламя. Затем он вложил ей в руку рог, в который налил что-то из фляжки. Она медленно пила, останавливаясь после каждого глотка. Затем, прижав рог к груди, она сказала мне:

— Время не терпит, Крип Ворланд. На рассвете я выеду в Ырджар.

Я думал, что Малик запротестует, но она даже не взглянула на него, а смотрела на огонь, потихоньку отпивая из рога.

Глава 13

КРИП ВОРЛАНД

Было яркое утро. Крепкий, как вино, ветер освежал нос и глотку, солнечные лучи слепили незащищённые глаза. Человек и животное чувствовали, что жизнь хороша. Ещё до того, как солнце осветило наш лагерь, Майлин села на верхового каза, которого Малик оседлал для неё, и выехала на запад. Мне очень хотелось бежать рядом с ней, но здравый смысл, останавливающий меня, был крепче любых прутьев клетки.

Когда Майлин скрылась из виду, Малик прошёл вдоль ряда клеток, открывая дверцы, чтобы их обитатели могли выходить и входить по их желанию. Некоторые ещё спали, свернувшись меховыми шарами, другие моргали, просыпаясь. Вышли немногие. Симла толкнула дверцу плечом и бросилась ко мне, пронзительно визжа в знак приветствия, её шершавый язык уже готовился ласково облизать меня, но Малик опустил руку на её голову. Она сразу же посмотрела на него, припала к земле и, метнув взгляд по сторонам, исчезла в кустах.

«Что это значит?» — спросил я Малика.

— Майлин говорила, что на холмах люди. Возможно, они и не собираются нападать на Осколда, но где-то рядом бродят объявленные вне закона.

«Ты думаешь, они нападут?»

— Чтобы выжить, нужна пища, а достать её они могут только одним способом — силой. У нас очень мало запасов, но отчаявшийся человек будет драться за каждую крошку.

«Животные...»

— Некоторые вполне могут послужить мясом для такого отряда. Других просто уничтожат, потому что люди, лишённые надежды, убивают ради убийства. Но если придёт беда, маленький народ может спастись бегством.

«А ты?»

Ответ последовал не сразу. Малик занялся приготовлениями, словно считал, что набег вот-вот произойдёт. На поясе у него висел длинный нож, который у жителя

Йиктора считался обычной частью одежды. Меча на поясе не было, но в лагере я видел боевой лук. Теперь Малик улыбался.

— Я хорошо знаю местность, лучше, чем те, кто может напасть на нас. Наши часовые поднимут тревогу, и налётчики найдут лагерь пустым.

Я догадался, что Симла ушла в дозор.

— А ты, если хочешь... — продолжал Малик.

Почему бы и нет? Я бросился в кусты по примеру Симлы и пустил в ход нос, глаза и уши. Через несколько минут я оглянулся назад, на фургоны. Их было четыре — на одном, поменьше и полегче остальных, приехала Майлин, а три других Малик, видимо, привёл из Ырджара. Но кто же правил ими? Ведь Малик был один, если не считать животных. Я задумался. Возможно, казы просто шли следом за тем фургоном, которым правил Малик.

Хотя клетки были вытащены из фургонов и расставлены вокруг ещё дымящегося костра, остальное имущество не было распаковано. Я видел, как Малик ходил от фургона к фургону и делал что-то внутри них. Возможно, он снова увязывал то, что нужно было взять с собой.

Я не мог понять, зачем Малик привёз нас в эти опасные земли. Взобравшись на холм, я нашёл хорошо скрывающий меня кустарник. Хотя листья уже облетели, частая поросль, по-моему, была отличной маскировкой. Отсюда я хорошо видел лагерь и местность вокруг него. Дороги к лагерю тут не было, только следы от колёс фургонов были пока ещё видны на увядшей траве и на земле, но вряд ли можно было уничтожить их.

Малик скрылся в одном из фургонов, не было видно и животных, вышедших из своих клеток. Сцена выглядела спокойной, сонной, убаюканной ожиданием. Утихающий ветерок донёс до меня лёгкий запах. Я стал приноживаться. Симла, видимо, скрывалась с южной стороны. На западе, надо думать, тоже находились стражи.

Солнце плыло по безоблачному небу, играло совершенно по-летнему, хотя стояла уже середина осени.

Из фургона вышел Малик с коромыслом на плече, на крюках покачивались ведра. Он спустился к ручью, кото-

рого мне отсюда не было видно — только вспыхивающие тут и там на воде солнечные блики слепили мои глаза. Затем один раз громко пролаяла Симла.

Я выскочил из своего укрытия. Порыв ветра донёс предупреждение и до меня. Я прыгнул вниз, в густой кустарник, и пополз, хотя он жестоко кололся. Единственный военный клич Симлы — и больше ничего... Ничего, только запах и звуки, которые человеческое ухо не могло бы воспринять, но барск слышал их как фанфары. Я выскользнул из кустов, пробрался ползком в лагерь и подлез под фургон.

Малик, шатаясь, поднимался по склону от ручья. Коромысло и вёдра исчезли. Он спотыкался и скользил, одна его рука была прижата к груди, а другую он откинул, как бы пытаясь ухватиться за какую-нибудь опору, но рука ничего не находила...

Он упал на колени, дополз до клеток и медленно качнулся вперёд. Между его лопаток дрожала от тяжёлого дыхания стрела. Он попытался оттолкнуться от земли, но тщетно. Вскоре он затих.

Остававшиеся до сих пор в клетках животные, как по сигналу, выскочили и молча разбежались. Возможно, они и скрылись от человеческих глаз, но не от моего слуха и обоняния.

Я пополз, хотя такой способ передвижения был трудноват для барска. Кто-то поднимался с берега, пытаясь двигаться бесшумно, в чём, с моей точки зрения, мало преуспел.

Держась в тени фургона, я подбирался к костру. Малик не шевелился, но напавший на него был очень осторожен. Возможно, он не знал, что Тэсса был в лагере один, не считая животных. Я коснулся мозга Малика. Он был ещё жив, но уже не осознал моего мысленного послания.

Я добрался до конца фургона. Здесь стояли клетки, но у меня не было уверенности, что они достаточно высоки, чтобы послужить укрытием. Может, мне лучше бежать открыто, изображая испуганное животное? Пока я раздумывал, слева от меня мелькнула рыжая полоса. Симла! Что она тут делает?

Она не остановилась возле Малика, а свернула к тому, кто был в разведке перед лагерем. Я вскочил и помчался за ней. Ещё не видя её добычи, я услышал человеческий вопль и в следующий момент увидел яростную битву человека и венессы. Человек больше не кричал, а только старался оттолкнуть её зубастую пасть от своего горла.

Я тоже прыгнул и вцепился в него, а Симла вгрызлась ему в горло. В эти секунды я был больше барском, чем человеком, во мне кипела дикая ярость, которую, кажется, нельзя было потушить.

Раздался крик, что-то просвистело так близко от моего плеча, что меня как бы обожгло. Симла всё ещё терзала свою добычу. Я прыгнул второй раз и опрокинул тело врага на землю своим весом.

«Оставь! — послал я мысленный приказ. — Оставь и беги!»

Снова пролетела стрела. Запах крови распалял мою звериную ярость, но я боролся против этих эмоций.

«Оставь и беги!»

Я разинул пасть, чтобы схватить Симлу. Тогда она выпустила свою жертву, посмотрев на меня сверкающими красным блеском глазами, и зарычала, как бы отгоняя меня от её законной добычи.

«Беги!» — я снова бросился на неё, и на этот раз Симла откатилась от мёртвого тела. Она опять зарычала, но едва успела вскочить на ноги, как стрела вонзилась в землю в том месте, где она только что лежала. Симла злобно щёлкнула зубами над дрожащей в земле стрелой и бросилась за мной вверх по холму.

Они продолжали стрелять, и я бежал зигзагами, надеясь, что Симла последует моему примеру. Мы примчались в лагерь и оказались всего в нескольких дюймах от Малика, который лежал там же, где упал. Симла обнюхала его голову и жалобно завывала.

«Вперёд!» — настаивал я. Она обернулась, оскалила зубы, как бы собираясь напасть на меня. Затем красный свет в её глазах погас, и она побежала со мной, плечо к плечу, между фургонами за пределы лагеря.

Я не имел представления, куда скрылись остальные

животные, но улавливал их смешанный запах и подумал, что они пошли той же дорогой. Я даже не был уверен, сколько их и каких они пород.

«Наверх!» — приказал я Симле. Она остановилась и оглянулась на лагерь. Её обычно мягкий мех жёстко топорщился на спине, голова опустилась между сгорбившимися плечами, когда она, рыча, морщила нос. В открывшейся пасти виднелись окрашенные кровью клыки. Она сделала было шаг-другой в обратном направлении, но затем снова повернулась и уже сама на дикой скорости повела меня в заросли.

Мы проделали немалый путь к вершине холма, пока, вконец измученные, не остановились и залегли, чтобы следить за лагерем. В нём метались люди, которые пинали открытые дверцы клеток, тыкали мечами во внутренность фургонов, как бы выгоняя кого-то, кто там мог прятаться. Из фургона Майлин они выкинули ящики и разламывали их, доставая запас печенья и сушёного мяса. По нетерпению и жадности, с какими они пожирали эти запасы, было видно, что люди давно уже не видели пищи. Они оттащили тело Малика в сторону и затолкнули под фургон. Двое прошли вдоль линии казов, которые фыркали, рвались с привязи и лягали всех, будто не верили, что там никого нет.

В разгромленный лагерь приехали ещё трое. Один человек поддерживал другого в седле, а третий ехал сзади, прикрывая тыл. Теперь настала моя очередь зарычать: с тем, кого они так обихаживали, я встречался в пограничном форте. На лагерь напал отряд отверженных Озокана, и их вождя, видимо, недавно крепко потрепали: его правая рука была прижата на перевязи к груди, а лицо казалось бледным и исхудалым. Это был жалкий призрак того самонадеянного князька, который пытался диктовать свои условия Вольным Торговцам.

Разграбление фургонов продолжалось. Люди вытаскивали содержимое ящиков и корзинок. Пища, видимо, была их первой заботой, и они жадно ели, а остатки складывали в седельные сумки. Затем некоторые пошли в юго-западном направлении и вскоре вернулись с верховыми казанами.

Некоторые казы хромали, и на всех лежал отпечаток тяжёлого и долгого перехода.

Однако люди не спешили покидать лагерь. Они сняли Озокана с седла и положили на диван, вытасченный из фургона Майлин. Тот, кто поддерживал Озокана в пути, согрел воду на костре и взял на себя заботу о ране вождя. Похоже, Озокан больше не командовал, потому что по приказу того, другого, грабители принялись наводить порядок в том разгроме, который поначалу учинили. Новый командир встал на колени у фургона, под которым лежало тело Малика, и внимательно осмотрел жертву. Затем по его приказу тело Тэсса вытащили и унесли в кусты.

Я почувствовал, как рядом со мной напряглись мышцы Симлы, услышал её почти беззвучное рычание и послал ей мысль:

«Потом, потом... подожди».

Я не знал, смогу ли удержать её, но чётко оценивал наше положение как печальное. Майлин уехала в Ырджар и скоро должна вернуться, а отщепенцы, похоже, не собирались скоро покидать лагерь. Наоборот, они сложили всё вытасченное назад в фургоны и убрали с глаз разграбленные ящики. Один прошёл вдоль пустых клеток и не только расставил их в прежнем порядке, но даже закрыл дверцы на щеколды.

Когда всё было сделано, офицер оглянулся вокруг и кивнул. Насколько я понимал, они старались, чтобы лагерь выглядел нетронутым. Это могло означать только одно: они считали, что Малик не единственный Тэсса здесь, и устроили западню для других. Знают ли они о Майлин? Может, они выследили её накануне и теперь ждали, чтобы захватить?

Я шумно втянул воздух, многие запахи были знакомыми. Маленький народ хотя и разбежался, но оставался рядом. Мой нос обнаружил десять или двенадцать животных неподалёку от того места, где спрятались я и Симла. Попытавшись открыть им свой мозг, я испытал слабый толчок. Животные не только собрались здесь все вместе, но и объединились в единой цели, чего я никак не ожидал

от обычных животных, да ещё разных пород. В их мозгах и мысли не было о побеге, они думали только о сражении.

«Нет!» — я старался передать свою мысль от мозга к мозгу, но они противились этому. Я не был Майликом или Майлин и не являлся лидером, которого они признавали.

«Потом!» — я приходил в отчаяние от того, что не мог повлиять на них. При дневном свете, против сильных вооружённых людей мохнатая армия почти не имела шансов на успех.

«Майлин!» — я мысленно нарисовал образ Майлин, какой я её видел, облечённой властью, в рубинах и серебре, дирижирующей своим маленьким народом на сцене. — «Майлин!» — посылал я мысль. — «Вспомните Майлин!»

Симла заскулила, очень мягко — она вспомнила. А как другие? Доберусь ли я до них? Почти закрывшись от мира света, звуков, запахов, я сосредоточился только на мысли и нарисовал образ Майлин, пытаюсь получить ответ на это обращение.

«Майлин!»

И они ответили! Я уловил облегчение и возбуждение в этом ответе и сосредоточился на том, что собирался выдать им сейчас.

«Майлин идёт».

Усиление возбуждения.

«Нет сейчас, — поторопился я исправить то, что могло вызвать роковое движение. — Но скоро... скоро...»

Нечто вопросительное.

«Скоро. Те люди внизу — они ждут Майлин...» — я шёл на ощупь, пытаюсь быть твёрдым, сознавая, что могу совершить ошибку, которая пошлёт их в то место, куда нельзя идти.

Гнев, подъём ненависти.

«Мы должны найти Майлин, пока она не пришла сюда, — я, насколько мог, нарисовал мысленное изображение Майлин, на этот раз едущей к лагерю. — Найти Майлин до того, как она приедет!»

Эта мысль покатилась, как морская волна, от одного маленького мозга к другому. Теперь я знал, что они пойдут, но не к лагерю и врагам внизу, а далеко обойдут опасное место и направятся в западные равнины.

Я лежал на прежнем месте, продолжая наблюдать за лагерем. Хотя у меня не было военного опыта, я считал, что правильно интерпретировал действия врага.

Озокана поместили в фургон Майлин, его опекун и страж спрятался там же. Остальные притаились в других фургонах или под ними. Один человек поил и кормил казов. Ещё один, посоветовавшись с офицером, исчез в западном направлении — разведчик, как мне показалось.

Я передал Симле:

«Оставайся здесь, следи...»

Её губы поднялись над клыками:

«Останься... следи...»

Её первое возражение погасло, она заворчала.

«Не сражаться, следить... Майлин идёт».

Её согласие было смазанным, нечётким, не таким, какое я мог получить от Майлин, от Малика или другого человека. Мне оставалось только надеяться, что она останется в том же настроении, когда я уйду.

Моим первым объектом был разведчик. Я выполз из укрытия — надо было далеко обогнуть лагерь. Те, кто спрятался там, наверняка недоумевали, что случилось со сбежавшими животными, и, надо думать, наблюдали как задвуногими, так и за четвероногими путешественниками.

Я не заметил у банды отверженных никаких собак и считал, что никому из нас ничего не грозит, если только мы сами по глупости не обнаружим себя. Так что, когда между мной и лагерем лёг порядочный кусок лесной местности, я понёсся так, как было естественно для моего длинного тела, взяв курс на запад. Я рассчитывал пробежать по холмам и пересечь дорогу тому разведчику, чтобы напасть неожиданно и довольно далеко от лагеря, скрыв это от банды.

Дважды я встретился с животными трупы Майлин и спрашивал их о разведчике, но оба раза получал отрицательный ответ. Однако я задерживался достаточно долго, чтобы внушить им необходимость скрываться, пока не встретят хозяйку.

Малика убили около полудня. Майлин должна была вернуться в лучшем случае через два дня. И я надеялся, что

тем, кто устроил засаду, надоест пребывание в лагере. Стратегия, с помощью которой я поставил животных вне опасности, могла сработать, лишь бы только они не потеряли терпение и не вернулись в лагерь.

Захват разведчика может иметь двойную выгоду, размышлял я, продолжая свой поиск. Если человек не вернётся, они могут послать другого — ещё одна моя добыча — или подумают, что им тут грозит опасность, и уйдут.

Я спустился к реке и увидел там следы, оставленные бандой, когда они ехали к нам. Я вволю напился и, перевернув носом один из камней, достал тамошнего жителя из норки и перекусил. На настоящую охоту не было времени, хотя тело требовало топлива.

Начало смеркаться, а я всё ещё бегал туда-сюда, пытаюсь улавливать запахи и что-либо разглядеть или расслышать глазами и ушами. Ход вражеского отряда легко прослеживался, хотя с тех пор прошло много часов. Но я до сих пор не нашёл следов разведчика. Затем я вспомнил, что среди всех запахов один возникал снова и снова — запах каза. Я ошибочно связал его со старым следом, а ведь он был совсем свежим. Я решил исследовать его поближе, и пятно на влажной почве объяснило мне всё. Оно сильно пахло казом, но отпечаток не был сделан копытом каза и вообще не походил на след какого-либо животного. Я в отчаянии сунул в него нос и глубоко втянул запах. Он был так силен, что почти забивал все остальные, потому что там подмешивались ещё два запаха. Я снова принюхался. Сквозь зловонный запах каза пробивался запах какой-то травы — словно человек, желающий избежать тех, кому нюх служит сильным помощником, натёрся травой, чтобы отбить собственный запах, а затем надел сверху что-то, пахнущее казом. Это могло быть ответом на загадку, и я принял такой ответ. Значит, следовать за этим «казом»...

Всё ещё сомневаясь в своих способностях пользоваться инстинктом барска, я, тем не менее, двинулся дальше в своих рассуждениях. Возможно, животных нашей трупы можно таким образом одурачить. За этим стоял Озокан или офицер, принявший теперь командование. Они были

умны и использовали этот способ как раз против того, что делал я, — против преследования. Я побежал по следу, шедшему от этого неясного впечатления. Запах был мучительно сильным, но время от времени я различал в нём другие запахи и не рисковал бежать за «казом» по прямой, потому что он то и дело пересекал ранние следы настоящих казов, очевидно, тех, на которых ехали отверженные.

Сумерки сгустились. След «каза» по-прежнему вёл на запад, теперь уже по более открытой местности, где было мало укрытий и преследователя легко увидеть. Я сел и послал мысленный зов.

Первым пришёл ответ с севера — либо Борба, либо Ворса. Я попытался спросить:

«Существо, пахнет казом, но не каз. Где?»

«Не каз?» — ответили вопросом.

«Пахнет казом, но не каз», — повторил я.

«Нет», — последовал выразительный ответ.

Я снова послал зов и получил слабый ответ.

«Каз, но не каз?»

«Каз... да...»

Я повернул на юг. Может, это был фальшивый след, но требовалось проверить. И тут я открыл, что объект моей охоты был мастером в этой игре, потому что снова наткнулся на свежую и резкую вонь от следов каза. Я так обрадовался, найдя искомое, что подбежал и глубоко втянул в себя воздух, прежде чем понял опасность.

Резкая боль заполнила мой нос, и лапы прямо-таки подбросили меня вверх. Я сунул нос в землю, а потом долго тёр его лапами. Гнусный запах так пристал ко всей голове, что мои глаза наполнились слезами.

Я катался по земле, снова и снова зарывая в неё нос, пока тупыми когтями не порвал кожу. Я не чувствовал более никакого запаха, кроме этой вонь, которая, казалось, стала частью моей плоти. И меня так тошнило, что я крутился и тёрся мордой о землю, пока, наконец, не заставил себя вспомнить подходящее средство. Я встал, и меня сразу вырвало.

Ум заработал не сразу. Либо тот, кого я выслеживал, подозревал, что за ним идут, либо он принял предосторож-

ности на всякий случай, но его путь был залит какой-то тошнотворной жидкостью, которая убила такое важное для меня чувство, как обоняние. Мои глаза продолжали слезиться, но всё-таки видели, в носу болезненно пульсировало. Но у меня оставались ещё глаза и уши и, возможно, помощь других животных.

Я снова послал зов. Откликнулись трое — с близкого расстояния. Я сообщил:

«Каз — не каз — человек, злой запах...»

Быстрое согласие всех троих, видимо, запах дошёл и до них. Издалека ответила Борба:

«Человек идёт...»

Я ещё раз обтёр голову о землю. Глаза слезились, но видели. Ночь создана для активности барска, для меня тени не были густыми, как для человека. Я остановился за скалой, прислушался и ждал, забыв о своём злосчастном носе. Конечно, настоящий барск или другое животное удрали бы от такого оружия. Несчастье разведчика заключалось в том, что ему встретился не настоящий барск. Он шёл медленно. По виду походил не на человека, а на какой-то бесформенный тюк, скрывающая его шкура каза свободно болталась на нём. Я приготовился...

Время от времени он останавливался, вероятно, пытаясь разглядеть в темноте какие-то ориентиры.

Может быть, барск нападает с криком, я же молча метнулся вперёд, нацелившись на ту часть приближающейся округлой формы, которую посчитал своей лучшей мишенью. И каким бы ловким он ни был, я победил его неожиданностью.

Глава 14

КРИП ВОРЛАНД

Я совершил убийство по образцу, показанному мне Симлой, и, задыхаясь, лёг рядом с тем, кто ещё недавно был человеком, кто ходил и дышал. Я смутно удивлялся, что не чувствую тяжести содеянного, словно был больше

барском, чем человеком. Я убил — но этот факт ничуть не задевал меня. Мы — Вольные торговцы — пользовались оружием для защиты, но никогда не несли с собой войны, предпочитая при затруднительных обстоятельствах обходные пути. Я видел мёртвых и до того, как попал на Йиктор, но они, в основном, умирали своей смертью или от несчастного случая. Если же это было убийство, оно случалось только в результате ссоры между чужаками и отнюдь не касалось Торговцев, а я не имел к этому никакого отношения.

Но в это убийство я был втянут, как, наверное, не вовлекались мои предки за целые века. Однако меня это не тревожило, и я даже был удовлетворён хорошо проделанной работой. Правда, внутри шевельнулось опасение, что чем дольше я остаюсь в этом теле, тем сильнее становится во мне звериное начало. И это будет продолжаться, пока, наконец, не останется только четвероногий Джорт, а двуногий Крип Ворланд исчезнет.

Но теперь не время было поддаваться страхам, и я поспешил отогнать тревожные мысли и предпочёл обдумать задачи, непосредственно стоявшие передо мной. Если я оставляю этого разведчика здесь, его может найти тот, кого пошлют за ним. Может, ему лучше исчезнуть вовсе?

«Мёртвый — мёртвый!» — из кустов вышел один из большеухих зверей, которых я видел бьющими в барабаны на эстраде Майлин на ярмарке. На его спине сидел всадник, загнувший колечком хвост. Оба они усталились на разведчика, и от них исходила волна удовлетворения.

«Мёртвый», — согласился я, облизал лапы и потёр ими всё ещё болевший нос.

Большеухий зверь понюхал тело, выразил своё отвращение и отступил. Я посмотрел на останки и решил оставить всё, как есть. На мягкой земле остались отчётливые следы. Оба существа посмотрели на меня с удивлением. Их вопрос ясно читался.

«Оставить знаки — всё против людей», — объяснил я, хотя вовсе не был уверен, что они поймут. Возможно, они повиновались лишь тогда, когда моё внушение совпадало

с их собственными желаниями. Но насчёт идей я сильно сомневался.

Они пристально посмотрели на землю, где я оставил свою подпись — отпечатки. Затем маленький спрыгнул со спины своего товарища и поставил обе передние лапки с сильно расставленными пальцами рядом с моими следами. Встав на задние лапы и склонив голову набок, он осмотрел результат. Его отпечатки походили на следы маленьких человеческих рук.

Большеухий неуклюже прошёлся взад и вперёд, оставляя путаные следы своих ног с длинными пальцами. Затем маленький вновь оседлал его. Я осмотрел почву. Пусть теперь разведчика найдут. Запись следов вокруг него заставит призадуматься: трое совершенно разных животных, похоже, сообща разделали человека. Если враги поверят, что все животные лагеря выступают против них, им придётся дважды оглядываться на каждый куст, каждое дерево, и они будут ждать нападения даже из-под листвы.

Трудно представить себе, что такая разношерстная компания животных могла объединиться против общего врага, это не в их природе. Однако Тэсса имеют власть, которая уже и так держит равнинных жителей в страхе. Поставленные вне закона были людьми достаточно отчаявшимися, чтобы убить Малика. Возможно, теперь они решат, что против них действуют не только природные, но и сверхъестественные силы. А для людей, и так уже скрывающихся, такое соображение может оказаться губительным и вконец сломить их.

Первое время мы шли, не только не прячась, а, наоборот, оставляя отпечатки лап троих зверей, путешествующих вместе, но потом стали скрывать следы: пусть следопыты решат, что мы растаяли в воздухе.

Заря застала нас в ложбине, где журчал ручей. Там были скалы, в которых мы и укрылись. Мои товарищи задремали, как и я, но были готовы проснуться в любой момент. Мы находились к востоку от лагеря и достаточно близко к тому пути, которым должна была вернуться Майлин. Но как скоро мы её увидим? Мой нос был всё ещё забит той вонью, и я ничего не мог уловить.

Это был необычный день: солнце скрывалось в облаках, но не было и намёка на дождь, только дымка заволокла горизонт. Создавалось впечатление, что за пределами видимости прячется значительное и, возможно, опасное изменение, независимо от того, что сообщали нам глаза. Мне очень хотелось, чтобы у кого-нибудь из нас имелись крылья и можно было бы полнее и лучше осмотреть местность.

Но если среди маленького народа и были птицы или какие-то летающие создания, я никогда их не видел, так что наши возможности обзора были ограничены землёй. Самым удивительным в этот день стал просто невероятный контакт с остальными разбежавшимися животными, которые так соединили усилия своих разумов, что фрагментарные сообщения быстро шли по достаточно широкой линии связи, и я надеялся, что эта линия перекроет весь путь, по которому может вернуться Майлин.

Там образовались несколько парных комбинаций — вроде той пары, что была со мной в ложбине — большеухие животные и их наездники. По-видимому, такое партнёрство существовало не только на сцене, а оставалось и здесь. Отвечали все: Борба, Ворса, Тантака, те, кто барабанил на сцене, и те, кого я не смог распознать. Симля, видимо, оставалась у лагеря, как я и просил, поскольку от неё ответа не последовало.

В этот день я обнаружил, удерживая и читая мысли маленького народа, что он не ставит Тэсса рядом с равнинными жителями, а рассматривает последних как естественных врагов, избегая их и относясь к ним враждебно и презрительно. Тэсса же принимались маленьким народом сердечно, как родственники и надёжные товарищи. Я вспомнил слова Майлин и Малика о том, что Тэсса, готовящиеся стать Певцами, поселяются на время в тела животных. В чьём теле жила Майлин, когда бегала по камням? Была ли она Ворсой, Симлой или кем-нибудь из тех, кто сейчас сопровождает меня? Или же это происходило случайно, как со мной, потому что барск был болен и оказался под рукой?

В течение дня я дважды выходил на открытое место, скрываясь, как мог, и смотрел, не появятся ли какие-нибудь путешественники. При второй вылазке я заметил отряд, едущий к холмам. Эти всадники шли под знаменем какого-то лорда, вооружённые и, возможно, только что завербованные, но они находились довольно далеко к югу, и я знал, что никого из нас они не смогут увидеть.

К ночи наше нетерпение возросло. Мы держались на ногах и ходили по линии, которую сами наметили. Мне пришлось оставаться с пустым брюхом, потому что невозможно было унюхать дичь. Зато воды хватало, и я решил, что не умру, если похожу голодным.

К ночи пришло сообщение:

«Идёт!»

Я подумал, что только одна особа могла вызвать такое сообщение от тех, с кем я разделил ночное бдение. Я послал в ночь настоящий зов:

«Майлин!»

«Иду!» — незамедлительно пришёл ответ — тихий, шепчущий, если можно так сказать о мыслях.

«Майлин, — сообщил я по контрасту как бы криком, — беда... Берегись! Жди... Дай нам знать, где ты».

«Здесь», — мысль прозвучала громче, и это послужило сигналом для нас выскочить из кустов и травы.

Она появилась в лунном свете на своём верховом казе. После сумрачного дня ночь была ясной, Три Кольца горели во всём своём великолепии. На Майлин был плащ, голова скрыта капюшоном, так что мы видели не женщину, а всего лишь тёмную фигуру на казе. Я прыжками бросился к ней.

«Майлин, беда!»

«Что?» — её мысленный вопрос снова опустился до шёпота, будто вся сила ушла из неё, и она держалась теперь только усилием воли. Меня ущипнул страх.

«Майлин, что случилось? Ты не ранена?»

«Нет. Что произошло?» — её вопрос прозвучал громче, тело выпрямилось.

«Люди Озокана напали на лагерь».

«А Малик? А маленький народ?»

«Малик... — я заколебался, не находя способа выразиться лучше. — Малик умер. Остальные здесь, со мной. Мы ждали тебя. В лагере засада».

«Так! — слово прозвучало, как удар хлыста. Её усталости как ни бывало. — Сколько их там?»

«Человек двенадцать. Озокан ранен, командование принял другой».

В моей злобе присутствовала ненависть и что-то обжигающее, а в той волне эмоций, которая исходила от Майлин и теперь коснулась меня, возобладал один лишь холод, холод и смерть. Это была настоящая бездна, и я невольно подался назад, как будто увёртываясь от удара.

Лунный свет заискрился серебром не её жезле, и из него полился свет, когда она подняла его над моими глазами. У меня закружилась голова. А Майлин запела, сначала низким бормотанием, которое входило в душу, пульсировало в венах, нервах, мускулах, а потом всё громче и громче. Пение западало в голову, изгоняя всё, кроме стремления к цели, к которой Майлин призывала нас; пение делало из нас единое оружие, державшееся в её руках крепче, чем меч в руках равнинных жителей.

Я увидел, как серебряный жезл двинулся, и послушно пошёл за ним со всей мохнатой труппой. Майлин и её присягнувшие на мече выступили в поход.

Я ничего не помню из этого путешествия с холмов, потому что, как и все, кто шёл со мной, был полон стремлением — утолить жажду, вызванную во мне песней Майлин, жажду крови.

И вот мы тайно подползли к лагерю. Он выглядел пустынным, только казы били копытами и кричали в своих загонах. Но мы чуяли, что те, на кого мы охотимся, всё ещё здесь. Майлин снова запела — а может быть, во мне продолжало звучать эхо её прежней песни — и пошла вниз по склону, покачивая жезлом. Ночью жезл буквально горел в лунном свете, и теперь, когда уже светало, он всё ещё сверкал, а из его верхушки капал огонь.

Я услышал в лагере крик, и мы кинулись туда.

Эти люди обычно имели дело с животными, которых считали низшими существами: охотились на них, убивали

или приручали. Но животные, которые не боялись человека, которые объединились, чтобы убивать людей, — такого просто не могло быть, это противоречило природе. Люди это знали, и необычность нашего нападения с самого начала выбила их из колеи. Майлин продолжала петь. Для нас её песня служила призывом, поощрением, а чем она казалась изгоем — не знаю, но помню, как двое людей в конце концов бросили оружие и катались по земле, зажимая руками уши и издавая бессмысленные вопли, так что расправиться с ними было нетрудно. Конечно, не всем нам повезло, но узнать об этом довелось только после того, как песня кончилась, и мы остались в лагере, чтобы подсчитать потери.

Я словно очнулся после странного яркого сна, увидел мертвецов, и одна часть меня знала, что мы наделали, но другая, проснувшись, отогнала все воспоминания.

Майлин стояла здесь же, смотря не на мёртвые тела, а устремившись куда-то вдаль, как будто боялась хаоса, царившего вокруг неё. Её руки безвольно повисли, одной из них она сжимала жезл, но он более не мерцал живым светом, а стал тусклым и мёртвым. Её лицо было пепельно-серым, глаза смотрели в себя. Я услышал жалобный крик.

К Майлин ползла Симла, на её зад у зияла большая кровоточащая рана. Затем послышались крики и визг других раненых животных, пытавшихся добраться до своей хозяйки. Но она не видела их, оцепенело глядя в пространство.

«Майлин!»

Страх закрался в мой мозг. То, что стояло здесь, не обращая внимания на всё происходящее вокруг, — не было ли это лишь пустой оболочкой женщины Тэсса?

«Майлин!» — снова мысленно закричал я, собрав все силы.

Симла застонала, подползла к ногам Майлин и положила голову на её пыльную обувь.

«Майлин!»

Она шевельнулась — неохотно, словно не желая возвращаться из небытия, державшего её. Пальцы разжались, и жезл покатился в кровавую грязь, к мертвецам. Затем её

глаза ожили и взглянули ни Симлу. С отчаянным криком Майлин опустилась на колени и положила руку на голову венессы. Я понял, что она снова вернулась к нам.

Теперь надо было перевязать раненых и посмотреть, что ещё можно сделать для оставшихся в живых. Из людей не выжил никто. Я нашёл ведро и принёс воды, потом ещё и ещё: Майлин варила питьё для раненых. Во время третьего такого похода мой нос, освободившийся наконец от захватившего его зловония, сообщил мне об опасности. Человеческий запах, сильный, свежий, уходил в кусты. Я бросил ведро и обнюхал след, но дальше не пошёл, потому что уловил мысленный оклик, приглашавший меня вернуться.

По-моему, лучше всего было как можно скорее пойти по этому следу, но всё-таки я вернулся. Видимо, кто-то спрятался от битвы в фургонах. Но ведь даже один человек может залечь над склоном и перестрелять нас из боевого лука. С этими мыслями я побежал в лагерь, но не успел рассказать о своём открытии, так как Майлин обратилась ко мне:

— Я должна сказать тебе...

«Майлин, там...» — я попытался прервать ее.

Почти величественно она отказалась слушать меня и продолжала:

— Крип Ворланд, я привезла из Ырджара плохие новости.

В первый раз за эти часы я вспомнил о Крипе Ворланде и его бедах, и меня испугала болезненность возвращения от Джорта к Крипу.

— Капитан «Лидиса» обратился к Закону Ярмарки, когда тебя похитили люди Озокана, а твоего товарища ударили и бросили, считая мёртвым. Его нашли, и он, рассказав о том, что произошло, опознал клан похитителей. Дело дошло до Верховного Правосудия, и был предъявлен иск Осколду, на земле которого нашли твоё тело. Тело привезли в Ырджар и решили, что твой мозг разрушен пытками Осколда. Врач «Лидиса» сказал, что оказать тебе помощь можно только дома. И вот... — Майлин сделала паузу, её глаза встретились с моими, но

ничего не выражали, потому что она смотрела мимо меня, на что-то большее, чем Крип Ворланд или Джорт. — И вот, — начала она снова, — «Лидис» ушёл с Йиктора, унося твоё тело на борту. Вот и всё, что я смогла узнать, потому что в городе творится что-то страшное и тревожное.

Что-то подсказывало мне: она говорит правду. Майлин говорила что-то ещё, но всё это уже не имело значения, и я ничего не понимал, будто она говорила на другом языке.

Нет тела! Эта мысль билась в моей голове, звучала громче и громче, пока я не завизжал в том же ритме. В голове звучали только удары, и я ничего не понимал. Теперь Майлин смотрела не в пространство, а на меня, и мне казалось, что она пытается добраться сквозь этот грохот до моего мозга. Но ничего не действовало. Я не Крип Ворланд и никогда не буду им снова, я — Джорт!

Я слышал звуки и видел Майлин сквозь красный туман — её большие глаза, шевелящиеся губы. Её команды доносились откуда-то издалека, заглушаемые грохотом. Я был Джортом, я был смертью, я — охотник...

Затем я пошёл по следу, обнаруженному в кустах у реки. Свежий сильный запах наполнил мои ноздри. Убить... Только ради убийства стоит ещё немного пожить. Нельзя быть беспечным, барск коварен... барск...

Зверь с вековой хитростью владел моим мозгом. Пусть Джорт будет полностью Джортом. Я отогнал, спрятал как ненужные остатки то, что когда-то было человеком, и следил за выходом зверя на его извечное дело — охоту. Я различал три разных запаха, смешанные вместе. Не казы — эти люди шли пешком, и вокруг одного распространялся тошнотворный запах, говоривший о повреждении тела. Трое направлялись к холмам. Их можно выследить, но для этого потребуется хитрость. Туда носом, сюда носом, следить издали за всем, что может оказаться засадой. Возможно, человеческая хитрость всё ещё сочеталась во мне со звериной.

Похоже, они не смогли подняться по более крутым склонам. Вероятно, раненому было трудно идти, потому что перед его следами отпечатались следы более лёгкие.

Я нашёл место, где они останавливались. Там виднелись окровавленные тряпки, которые я пренебрежительно обнюхал. Однако люди упорно шли вперёд, к границам земель Осколда. Я бежал по следу захватчиков, ни на секунду не допуская, что у меня отнимут добычу.

Что-то постоянно пыталось коснуться моего разума откуда-то издалека, хотя я и поставил барьер против этого, отказавшись открываться зову. Я был Джортом, а Джорт охотился — и это было единственной реальностью.

Всё выше и выше... Я добежал до места, где были срублены два молодых деревца, и затем уже шёл по следу только двоих людей. Они несли третьего, их шаг замедлился.

Войдя в овраг между крутыми склонами, я рванулся вперёд, потому что подумал, что моя дичь может остаться внизу на ночлег, но не понёсся наугад, а пополз от одного укрытия к другому. Я не тыкался носом ни во что пахнущее, памятуя о трюке, сыгранном со мной разведчиком.

Наступала ночь, а я всё ещё не видел их и даже удивился способности людей уйти так далеко с грузом — разве что они оставили лагерь ещё до нашей атаки. Луна помогала мне, где отчётливо выделяя пейзаж, а где пряча его в тени и скрывая моё продвижение.

Наконец я увидел их. Двое стояли, прислонившись к скале. Затем один соскользнул на землю и сел, опустив голову на грудь и безвольно уронив руки между вытянутых ног. Другой тяжело дышал, но оставался на ногах. Третий вытянулся на носилках, издавая слабые стоны.

Двое вконец обессилены, решил я, но за третьим, стоящим, следовало внимательно следить. Наконец тот пошевелился, встал на колени и поднёс фляжку к губам лежащего на носилках, но тот махнул рукой и с резким раздражённым звуком оттолкнул фляжку. Она разбилась, ударившись о камень, на нём остались тёмные брызги от жидкости. Тот, кто держал фляжку, хрипло заворчал и стал собирать осколки, затем поднял голову и дико огляделся, как будто искал в окружающей их дикой местности что-то, что могло бы избавить его от несчастий.

Всё это время сидящий не шевелился, только иногда медленно покачивал головой из стороны в сторону, как бы вглядываясь в темноту. Вдруг он встал, опираясь о скалу. Теперь луна освещала его лицо, и я узнал в нём стражника, который охранял Озокана с тыла, когда они вели своего раненого лорда в лагерь Тэсса. Я узнал и другого: он выполнял волю своего хозяина в тесной камере пограничного форта.

Крип Ворланд... Кто такой Крип Ворланд и что призывает Джорта-барска к мести? Неважно... Главное — убить...

Поскольку я рассматривал их как свою законную добычу, то выскочил на открытое место, издав боевой клич моей породы — глубокий грудной вой. Тот, кто лежал на носилках, скорее всего, был беспомощен, а двое других пусть сражаются за жизнь. Это был самый лучший путь.

Я прыгнул на стоящего человека. Видимо, отупевший мозг и уши не смогли предупредить его о моём присутствии прежде, чем я всем своим весом ударил его в грудь, сбив с ног, а мои клыки нацелились куда надо. Лёгкая добыча!

Я грыз его и рвал, а затем вскочил и встретил другого. Он ждал, полусогнувшись, между мной и носилками, и его рука сжимала меч, сверкающий в лунном свете. Человек закричал. Был ли то военный клич или призыв на помощь — какое мне дело? Это не для моих ушей, и меня не касалось.

Меч ожил, и мы закачались друг перед другом в сложном рисунке какого-то ритуального танца. Я всё время заставлял человека вертеться и раскачиваться, и это помогло мне, потому что смертельная усталость сковывала его члены. Наконец мои челюсти сомкнулись вокруг его запястья, меч выпал, и за этим для него последовал быстрый конец.

Задохнувшись от этого танца смерти, я повернулся к носилкам. Тот, кого несли на них, теперь сидел. Может быть, страх поднял его ослабевшее тело и вернул ему энергию. Я увидел, как вскинулась его рука, вспышка света пронзила воздух и ударила меня между шеей и плечом, уколов сильно и глубоко, как нож. Но поскольку человек не убил меня сразу, он не спас себя.

И вот я лежал среди мертвецов и думал, что скоро здесь умрёт и Джорт — барск, который только частично был человеком. Это был хороший конец для того, кто не имел больше надежды вернуться назад по странной тропе, приведшей его в это время и место.

Глава 15

МАЙЛИН

Весы Моластера... Давно — ночи и луны назад — я вступила на свой странный путь в согласии с этими весами. Но теперь они вышли из равновесия, как всегда бывает, и вместо добра мои усилия приносят зло. Удивительно, как много зла таится в надежде на добро. Я думаю, что Моластер оставил меня, и я брошена в прилив и не могу выплыть. Видимо, чересчур уверовав в себя и свои силы, теперь приходится терпеть наказание.

Я стояла в лагере среди мёртвых — и врагов, и моих маленьких существ, и смотрела вокруг, зная, что всё это началось частично из-за меня, из-за моих действий, за которые только мне нести ответ. Некоторые думают — может быть, и правильно, — что мы всего лишь игрушки в руках великих сил и движемся туда-сюда не по собственному желанию. Но если такая вера успокаивает чьё-то сердце и отгоняет чувство вины, она не поддерживает того, кто знает дисциплину Певца. Я, например, отказываюсь в это верить.

Мой друг оплакивал маленький народ и Малика, хотя я знала, что Белая Дорога не тяжела для тех, кто в близком содружестве с нами. Иногда гораздо тяжелее возвращаться к этой жизни, чем пройти через ворота на дорогу, которая ведёт куда-то в другое место. Мы не можем позволить себе горевать о тех, кто ушёл: ведь они только снимают старые одежды и надевают новые. Это относится и к моему маленькому народу. Но тех, кто ещё страдает... ах, я также чувствую и их боль, их лихорадку, их несчастья. Я должна также нести груз жизни и за другого — того, кто убежал из

лагеря с такой грозой в душе, какая бывает только у человека, идущего на смерть. Я считала себя в глубоком долгу перед ним и поэтому должна была найти его, если смогу.

Я подозревала худшее — что в глубине души сама желала именно такого конца. И когда столь сильные желания взвешиваются на весах, то они влияют на происходящее. Хотя я не воплощала эти желания в жизнь пением, можно ли быть уверенной, что бессознательно я не влияла на будущее?

Я знала, что могу предложить один выход человеку, который был Крипом Ворландом из другого мира, и если он его примет, то...

Я говорила моему маленькому народу успокаивающие слова, говорила им то, что должна была сказать, и пела над жезлом, хотя был ещё день, а не ночь, поскольку не могла ждать темноты. Затем я накормила и напоила тех, кто так долго были моими товарищами. После этого я села рядом с Симлой и рассказала ей, куда мне нужно уйти и почему.

Солнце закатывалось, когда я вышла из лагеря. Ворланд входил в тело Джорта, а мой жезл помогал этому и мог теперь найти барска, куда бы он ни ушёл по земле Йиктора. Я взяла с собой рюкзак с продуктами, поскольку не знала, далеко ли придётся идти, хотя и чувствовала, что Джорт уже близко.

Поразмыслив, я отказалась от того, чтобы мысленно искать его: может быть, теперь он закрыл свой мозг от меня, или, возможно, мой зов отвлечёт его как раз тогда, когда понадобятся вся его ловкость и хитрость для спасения собственной жизни. Я была более чем уверена — он не просто бежал, куда глаза глядят, когда узнал правду, он, скорее всего, ушёл искать битвы. И вполне возможно, что он намерен умереть в этой стычке.

Когда мы принимаем форму маленького народа, то всегда знаем, что одновременно принимаем и свойственные им мерки. А когда человек находится в таком состоянии, в каком пребывал Крип Ворланд, он реагирует в новой форме самым диким образом. Из всех животных барск — самый хитрый, умный и свирепый, и эти три качества

резко отличают породу барсков от всей другой жизни на Йикторе. Только потому, что барск был болен от дурного обращения, я не смогла работать с ним, пока в мой лагерь не пришёл Крип Ворланд.

Вот почему я была уверена, что создание, которое я ищу, стало на время диким охотником. Он наверняка преследует какого-нибудь беглеца из банды Озокана. Среди убитых не нашлось тела Озокана, возможно, теперь он и служит приманкой. А сколько людей с ним? Все, кого мы застали в лагере, теперь покойники, но ведь захватчиков могло быть и больше.

Дорога вела к границам владений Осколда. Настала ночь, и с ней пришла луна, всегда помогавшая Тэсса. Я запела — не словами, выводящими мою власть наружу, а внутренне, спрашивая, почему жезл не указывает направление. И я не устала, потому что жезл расцвёл и питал мой дух.

Когда поёшь, то не думаешь ни о чём, кроме цели, образующей ноты. Я шла с единственным желанием — найти потерявшегося. Если Моластер поможет мне хоть самую малость, всё ещё может кончиться хорошо.

Дорога вела меня вверх, но всё вокруг лежало в полной темноте. Я жила в неустойчивом мире: луна воевала с тьмой, поочерёдно захватывая друг у друга полосы земли. Шла я быстро, потому что тот, кого ведёт песня и жезл, не может плестись нога за ногу.

В предрассветных сумерках я вошла в долину, где господствовал запах смерти, устрашающий дух! Я увидела тела трёх людей. Двоих я не разглядела, потому что не знала их, а третьим был Озокан. Когда я подошла к тому месту, где он лежал на грубых носилках, как будто ему так и полагалось по рождению, я увидела того, за кем пришла.

Я поискала мысль, боясь найти молчание мёртвого тела. Но нет! Дух мерцал слабо, но всё ещё держался! Я поспела как раз вовремя.

Воткнув жезл в грязную землю, я послала пламенную благодарность Моластеру, а затем осмотрела раны в красном мехе, таком близком по цвету к крови, что страшно было смотреть.

Серьёзной была только одна рана, причинённая глубоко вонзившимся поясным ножом. Он так и торчал в ней. Я стала работать, как никогда ещё не работала. По отношению к моим маленьким существам я действовала из любви и жалости, а здесь я должна была спасти разум, чтобы последний шанс каждого из нас не был потерян. Я победила смерть своими руками, своим знанием и властью песни.

Обычно мы боремся со смертью, не переходя последней баррикады. Среди Тэсса не встретишь таких, кто посягнул бы на свободу другого и отрицал бы его право на Белую Дорогу, если тот уже сделал по ней первые шаги.

Вытаскивать его обратно с дальнего пути — это значит повредить его будущему. Но в данном случае речь шла не о Тэсса. Я встречала расы, разделявшие наш взгляд на Великий Закон. Для некоторых же народов, я знаю, смерть считается полным уничтожением, и они относятся к ней с ужасом, омрачающим им жизнь. Я не знала, как Крип Ворланд смотрит на смерть, но была убеждена, что он имеет право сделать свой выбор — видеть ли в смерти врага или врата. Поэтому я старалась для него, как ни для кого из своих. Дух ещё жил в нём, но останется ли он, смогу ли я его удержать, об этом я боялась думать.

Ранним утром я снова запела, на этот раз громко, призывая всю власть, которую могла собрать. И когда под моим жезлом слабое биение сердца усилилось, я поверила, что нить стала более крепкой. Наконец я подняла безвольное тело. Оно оказалось легче, чем я думала. Я почувствовала кости под шкурой, как будто Джорт долгое время голодал.

Мы возвращались через холмы, и я всё время пела и пела, борясь за жизнь существа, которое удержала на земных путях.

Когда мы пришли в лагерь, маленький народ так обрадовался, что нарушил мою сосредоточенность своими криками и мыслями. Я опустила Джорта рядом с Симлой. Она всё ещё была жива, на что я не надеялась. Я снова превязала её рану, но видела, что Симле осталось недолго.

Я взяла её обеими руками за голову, как делала часто, и задала ей Вопрос. Венесса долго сидела так, а потом дала Ответ. Остальные расположились вокруг и тихонько повизгивали. Ведь маленький народ — не Тэсса, им нужно много мужества, чтобы дать такой Ответ, они не верят, как мы. Я вызвала у Симлы самые лучшие воспоминания и пустила её блуждать по ним, в то время как вся боль покинула её истерзанное тело. Симла была довольна и счастлива. И в наивысший момент её счастья я дала освобождение согласно Ответу. Но в меня будто вонзился меч, потому что память и горька, и сладка, и это стало добавкой к моей тяжести.

Я завернула Симлу — ту её часть, которая больше не имела отношения ни к нам, ни к той части, что освободилась, — и положила среди скал. Джорт крепко спал. Если возможно выздоровление, то оно начнётся...

Затем я осмотрела лагерь, зная, что должна уйти и найти помощь, если смогу, и сделать это быстро. Потому что если пришёл Озокан, могут прийти и другие. Поев сама и покормив маленький народ, я занялась приготовлениями к отъезду.

Один из фургонов пришлось оставить, и я взяла из него всё, что могло нам понадобиться. Грабители многое уничтожили, но всё, что осталось из пищи и лекарств, я погрузила. Клетки маленького народа я поставила в два фургона и удобно устроила их обитателей. Джорта я положила на мягкий мат за своим сидением в передней части фургона и приказала казам отправляться. Фургоны следовали один за другим, так что задним фургоном не было нужды управлять.

Солнце светило неярко, потому что уже приближалась зима. Каждый сезон имеет своё очарование. Некоторые считают осень печальным явлением, потому что многое, жившее при жаркой погоде, как бы умирает и исчезает с земли, и приход зимы страшит их. Но ведь у каждого времени года своя жизнь и энергия, и каждый сезон имеет какие-то свои преимущества перед остальными.

Для Тэсса зима — время отдыха, встреч членов клана и

духовного общения, время суда и обучения. И в этом году я, Майлин, предстану перед судом моего народа. Но пока ещё осень не ушла из страны. Хотя искра жизни Джорта чуть тлела, она пока ещё не угасла совсем.

Дважды издали я видела отряды всадников, но даже если они и видели мой маленький поезд, то не обратили на нас внимания, потому что искали не меня. Может быть, было и к лучшему, что мы ехали открыто, среди бела дня — ведь Тэсса всегда были чужаками для равнинных жителей и известными бродягами, а ночное путешествие могло возбудить подозрения.

Казы, хорошо отдохнувшие в лагере и вдоволь накормленные и напоенные, уже много часов шли небыстрым, но ровным ходом, и я намеревалась проехать больше того расстояния, что обычно проходили за день. Я спешила, потому что время было мне не другом, а страшным врагом. Иногда я останавливалась и смотрела на свой народ. Больше всего мне не хватало Симлы.

Она значила для меня больше, чем другие, потому что нас связывал давний обмен. Эту связь нельзя объяснить словами. Никто другой не смог бы заменить мне Симлу. Если бы я ушла из жизни раньше её, она тоже почувствовала бы такую же пустоту.

Интересно знать: если Крип Ворланд снова получит своё тело, а дух барска вернётся в свою законную оболочку, будет ли этот инопланетник считать себя объединённым с иной формой жизни? Никто из его рода не испытывал такого обмена.

Мы опять ехали в Долину. Теперь я думала о Старейших. Что случилось с нашим посланием из Ырджара? Малик говорил мне, что ответа не приходило. Придёт время, которого я не могу и не хочу избегать, когда я должна буду предстать перед собранием, рассказать обо всём, что сделала, и обосновать содеянное. Однако я не верю, что мои причины будут достаточно сильны, чтобы противостоять весу гнева Старейших.

Я изгнала эти размышления из своего мозга, потому что тёмные мысли навлекают несчастья. Вместо этого я собрала всё, что могла, для блага, и выбрала песню роста, ибо

рост — близкий родственник выздоровления и, может быть, один — часть другого. Казы по-прежнему шли к Йим-Сину, я пела для Джорта и для маленького народа. В такой песне вся энергия связана в единую волю-желание, но может и распасться, если понадобится.

.. Наступила ночь, и я увидела в темноте облеск огня, указывающий на какое-то насилие. За холмами лежала страна Осколда, мы ехали сейчас по равнине. Может быть, Осколд объявил войну захватчикам, а может, распространилась какая-то давняя ссора. Я вспомнила разговоры, услышанные в Ырджаре, о том, что «Лидис» ушёл с планеты, чтобы избежать какой-то опасности.

Во времена войн равнинных жителей Тэсса, следуя древнему правилу, поднимались в горы, в безопасные места. Так что, размышляла я, возможно, и другие фургоны движутся в эту ночь, но не рискнула послать мысль. Я пела, и в этой песне заключалось больше могущества, чем обычно, так как мы ехали под Луной Трёх Колец.

Я поняла это, когда повернулась на сидении и подняла свою палочку над исхудалым телом барска. И почувствовала, как она ходит вверх и вниз, не касаясь ни кожи, ни меха, и изменяет всю энергию за одно движение. Моя рука устала, во рту пересохло, горло саднило. Я отодвинула жезл в сторону и наклонилась. То, что едва мерцало подобно искре, теперь горело ровно. Я слишком устала, чтобы посылать мысль, но теперь знала, что это чуть не погибшее создание будет жить. И с возвращением жизни наверняка будет принято то, что я могла ему предложить.

Мы остановились у поворота на главную дорогу в Йим-Син. Я выпустила тех животных, которые хотели побегать, и занялась оставшимися. Но вскоре прибежала Борба с сообщением, которое немедленно выгнало меня из фургона на дорогу.

Мой нос не мог ощущать того, что было ясно написано для моего маленького народа, но и мои глаза видели, что по этой дороге проехали большие отряды всадников. Я не слышала запахов, как мои животные, но зато улавливала в воздухе нечто иное. Здесь проехали опасность и злоба,

причём проехали совсем недавно. Ехать за ними могло быть опасно.

Однако выбора у меня не было. Кого отслеживают эти люди? Всем известно, что эта дорога ведёт только в Долину, а этого места обычно остерегались, туда ехали только те, кого посылал рок. Я не могла поверить, что какой-то всадник поедет туда добровольно. Была только одна причина, которая могла объяснить такое безрассудство и пренебрежение обычаями: Долина имела два выхода, с запада, с той дороги, где мы сейчас находились, и с востока, где путь шёл через земли Осколда. Неужели какой-нибудь из его врагов, движимый безумной ненавистью, решил ввести своих людей в Долину, чтобы выйти затем в центр владений Осколда? Для любого местного вождя такое оскорбление обычаев было почти невероятным, однако, во время диких войн творилось и худшее, что потом удивляло людей, оглядывавшихся назад и неспособных поверить, что подобное произошло. Людей вело безудержное желание победы над врагами, и они считали всё, что случайно попадалось на их пути.

Я думала о тишине и покое Умфры и о тех, кто хранил этот покой несчётные годы и никак не мог поверить, что кто-то может смутить его. Они могли оказаться в роли насекомых под чьими-то неосторожными шагами. Конечно, всего этого могло и не быть. Да у меня и не было другого пути, так что я собрала всю свою компанию, накормила и напоила её, и мы стали ждать луны. В эту ночь мне обязательно нужна была луна, она поднимала и укрепляла мой дух, давала мне силу.

Луна взошла, её не закрыли облака, но свет потускнел от огней внизу. Я увидела это и закусил губу: огонь поднимался от Йим-Сина, и такие красные цветы выращивала только война. То, чего я боялась, действительно произошло!

Я снова запрягла казов и выехала на дорогу. По её гладкой поверхности мы ехали быстрее. А, собственно, зачем торопиться? Приехать в разграбленные развалины Йим-Сина? У меня есть свой род оружия, но это не для таких баталий.

Можно было свернуть с дороги. Впереди находилась некая точка, от которой я легко могла добраться до безопасной высокогорной области. Если весь Йиктор сошёл с ума, здоровым лучше собраться вместе и отсидеться — пусть остальные уничтожают друг друга.

Но тут позади послышалось то, за чем мои уши внимательно следили — слабое движение мата. Я оглянулась. Глаза барска были открыты, но никаких признаков разума в них не горело. Меня кольнул страх — неужели Джорт действительно взял верх, а человек ушёл в небытие? Иногда случалось, хоть и редко, что человек не мог пересилить звериную природу.

«Крип Ворланд!» — мысленно окликнула я его, резко, как призыв к оружию, со всем своим мастерством.

Его глаза оставались пустыми, в них ничего не ожило. Как будто я снова смотрела на барска, которого отобрала у Отхельма, на животное, глубоко поражённое бедствиями и уже уходящее из жизни.

«Крип Ворланд!» — ещё раз воззвала я к его мозгу.

Его голова шевельнулась, как будто он хотел избежать удара. Он и в самом деле отступил, его мозг был так же далёк от меня, как его жизненная сила была далека от прежней.

«Крип Ворланд!» — я подняла жезл, подставила под лунный свет и опустила на голову барска.

У него вырвался крик боли и ужаса, такой плач, какого я никогда не слышала ни от одного животного, и мой маленький народ ответил ему, каждый на свой лад. Барск попытался встать, но я положила руку на его плечо, стараясь не касаться раны, и под давлением он снова лёг.

«Ты — Крип Ворланд! — я выпускала каждое слово, как стрелу из лука, вбивая в его мозг и крепко удерживая, чтобы они не выскочили. — Ты — человек! ЧЕЛОВЕК!!!»

Он снова взглянул на меня глазами животного, но в них уже мелькнуло что-то иное. Отвечать он не пытался. Если его оставить в покое, он снова уйдёт. Я не могла допустить этого, потому что не была способна вернуть его к жизни вторично.

«Человек, — повторила я. — И пока человек жив, живо и его будущее. Клянусь тебе... — я поставила пылающий жезл между нами и увидела, как его взгляд переходит с жезла на меня и обратно. — Я клянусь тебе властью этого жезла, а меня такая клятва связывает больше, чем жизнь или смерть, что ещё не всё потеряно!»

Готов ли он принять эти слова, понять их, а поняв; поверить?

В это время и в этом месте я ничего больше не могла сделать, остальное зависело только от него самого. А что я знала о движущих силах инопланетников и могла ли указать ему ту или иную дорогу?

Долгую-долгую минуту я боялась, что всё пропало, что он понял, но не поверил.

«Что осталось?»

Его мысль-речь была очень слабой, я с трудом ухватила её.

«Всё!» — я торопилась поддержать и укрепить контакт.

«А что всё?»

«Временно — новое тело, человеческое тело. В нём ты сможешь беспрепятственно отправиться в Ырджар. Там ты либо последуешь в космос за своим кораблём, либо найдёшь способ вызвать его за собой на Йиктор».

Примет ли он это?

«Какое тело?»

Меня подбодрило, что его мысль окрепла. Он больше не отталкивал контакт со мной, как вначале.

«Оно ждёт нас».

«Где?»

«На холмах».

Я надеялась, что говорю правду. Я должна верить, что это правда, или всё пропадёт. Он посмотрел мне в глаза.

«Ты, видимо, имеешь в виду то...»

Контакт снова ослабел, но на этот раз не по его воле, видимо, утомилось тело.

«Да. Но ты серьёзно ранен, тебе надо спать».

Я была больше чем уверена, что, пока он так слаб, надо отложить решение или немедленные действия. Он снова положил голову на мат, закрыл глаза и уснул. Фургон тихо

ехал дальше. Мне было не до сна. Я не могла подвергнуть опасности маленькие жизни, тесно связанные со мной. Один раз я воспользовалась ими, приняла их помощь. Теперь же надо было доставить их в безопасное место. Как только мы доедем до поворота в наше высокогорье, мы разделимся. Я вложу в мозг казов программу движения на день-два. Затем, конечно, если Тэсса не уловят сигнал бедствия, который я тоже пошлю, животные могут уйти в пустынные места для безопасности. Это было лучшее из того, что я могла сделать для них.

Всё прошло так, как я и запланировала. Я остановила один фургон, а два отправила, вложив приказ в мозг казов. Правда, через несколько часов он мог ослабеть, но я дополнительно включила маленький механизм, который заставит их держать направление к возвышенности и известит Тэсса, что животным нужна помощь. Я оставила их в незакрытых клетках и приготовила им пищу и воду.

Потом я долго смотрела вслед фургонам, и только когда они скрылись из виду, вернулась в свой фургон. Джорт всё ещё спал. Нас везли два самых лучших каза, хорошо приспособленных к тяжёлой работе. Я вновь посмотрела на далёкий огонь. Он несколько потускнел. На заре следующего дня мы наверняка попадём в опасность, но в чём она заключается, я даже не пыталась угадать.

Глава 16

МАЙЛИН

Как и всем Тэсса, возвышенные места нравились мне больше, чем равнинные, где иногда трудно дышать, где столько пыли от земли и от людей с их тупым мозгом и тяжеловесными мыслями. Я не знала, откуда пришла наша раса, наша история так длинна, начало её спрятано в туманной дали времени. Некоторые считают, что мы, возможно, и не с Йиктора, а происходим из иного мира, и что на этой планете мы чужаки, как тот инопланетник, что едет со мной. Но если это и так, мы здесь уже настолько

давно, что даже легенд о нашем прибытии сюда не осталось.

Когда мы ещё жили под крышами, наши города располагались в горах, поэтому мы без затруднений остались наверху, когда другая раса пришла из-за моря и поселилась здесь, на равнинах. Они обжили низины, а мы — высокие места.

Теперь, когда фургон поднимался к Йим-Сину, моему сердцу стало чуть легче, как бывает с каждым странником, когда он входит в страну, где его рады видеть. Но одновременно возрос и страх. Будь здесь Симла, она могла бы разведать всё, была бы моими глазами и ушами. Но никто не мог заменить мне её.

Солнце вставало, но было ещё скрыто вершинами холмов, так что ни свет, ни тепло не пришли пока в горы. Я поехала, не останавливая фургона, но больше не пела, потому что растратила почти все силы после всех призывов, которые я сделала за последние несколько часов, а то, что осталось, могло понадобиться в качестве оружия. На дороге всё ещё виднелись следы отряда, прошедшего перед нами.

Склоны холмов покрывали виноградники. Их листья увяли и покраснели. Но не было ласкового ветерка, шевелящего листья, только запах гари. Я уже угадывала, что найду в Йим-Сине. Дым до сих пор тянулся из куч золы, а из зернохранилища валили маслянистые клубы гари. Я намочила шарф и завязала нос и рот. Глаза ело.

Огонь пощадил только храм Умфры, но большие ворота криво сидели на петлях, и было видно, что их протаранили. Йим-Син был захвачен внезапно, и только горстка его обитателей ухитрилась добраться сюда в надежде, что святыню не тронут.

Эти убийства и разрушения были так бессмысленны, как будто сделавшие их были всего лишь оболочками людей, причём куда более скверными, чем любой человеческий дух, обитающий в этих оболочках. Каким же может стать человек, когда он сбрасывает всякий контроль над зёрнами жестокости и зла, живущими в нём! Я — Певица, и для получения своей силы прошла через множество

проверок и испытаний. То, что я увидела в Йим-Сине, превосходило всякое понимание. Меня трясло и тошнило, я не могла поверить, что это сделали называющие себя людьми.

Если такое случилось с Йим-Сином, что же с Долиной? Правда, в Долине имелась стража, готовая грудью защищать тех, кто там жил. Может быть, стражники унесли их, чтобы спасти от убийц?

Я прошла обратно к фургону и отдала приказ казам. Джорт поднял голову и взглянул на меня.

«Что случилось?»

Я откровенно рассказала ему о том, что нашла здесь, и добавила, что смерть идёт перед нами.

«Кто? Почему?»

«Ничего не могу сказать. Предполагаю только, что враги Осколда идут к нему через Долину».

«Я думал, что Долина и её дороги священны, неприкосновенны...»

«Во время войны богов оскорбляют или забывают. Так часто случается».

«Но как могли равнинные жители сделать такую вещь только ради того, чтобы потихоньку напасть на лорда», — настаивал он.

«Я думала об этом, но не нашла ответа. Прошлой ночью на равнине пылали пожары. Я предполагаю, что это не просто вторжение в земли Осколда, конфликт распространился гораздо шире, и, может быть, уже вся страна в огне и крови. То, что я видела здесь, не отвечает здравому смыслу. Объявленные вне закона могут совершать такие акты, но их банды не столь велики, чтобы напасть на городок, да и кто эти отщепенцы? Ведь Озокан и его люди умерли».

«Но мы пойдём туда, в Долину?»

«Я поклялась тебе, — устало ответила я. — Я сделаю всё, что смогу, чтобы хоть как-то исправить содеянное. Смогу ли — ответ на это ждёт нас в Долине».

«Ты хочешь предложить мне тело Маквэда?»

Меня не удивили его слова. Он не глуп, а сложить два и два не так уж сложно.

«Да, тело Маквэда, если ты согласен. Затем ты можешь пойти в Ёрджар, и я пойду с тобой. Мы всё расскажем, на твой корабль сообщат, и он, конечно, вернётся».

«Очень уж много «если». Скажи, Майлин, почему ты отдаёшь мне его тело?»

«Потому что оно — единственно возможное», — медленно сказала я.

«У тебя нет других причин? Например, желания, чтобы Маквэд снова жил?»

«Маквэд умер. Осталось только то, что пока поддерживает жизнь — тусклый образ».

«Значит, вы, Тэсса, отделяете человека от тела?»

Я не совсем поняла, что он хотел сказать.

«Ты — Крип Ворланд. Разве ты чувствуешь себя менее Крипом Ворландом, раз находишься в другой внешней оболочке?»

Он молчал, обдумывая. Я надеялась, что правильно ответила на его мысль. Если он согласится, что главное — не тело, а то, что в нём живёт, тогда обмен не станет слишком тяжёлым для него.

«Значит, вашему народу всё равно, какое тело вы носите?»

«Конечно, нет! Я была бы безумной, если бы утверждала подобное. Но мы верим, что внутренняя часть неизмеримо выше внешней, она и составляет нашу истинную сущность, а внешняя часть — только одежда для глаз и чувств. Внешняя оболочка Маквэда ещё жива, но то, что было Маквэдом, ушло из оболочки и от нас. Я предлагаю тебе его бывшее тело, чтобы ты опять стал человеком».

«Тэсса», — поправил он меня.

«А разве это не одно и то же?»

«Нет! — резко возразил он. — Мы очень разные. Как Джорт, я узнал, что остаток законного обитателя всё ещё живёт в этом теле и может влиять на меня, не получится ли так же, если я испробую другое перемещение. Не стану ли я Крипом-Маквэдом вместо Крипа Ворланда?»

«Кто руководит Джортом — человек или барск?»

«Человек, я надеюсь... теперь...» — нерешительно ответил он.

«Разве Крип Ворланд не останется Крипом Ворландом независимо от тела, в котором он живёт?»

«А ты уверена?»

«Есть что-нибудь в этом мире, под любым солнцем, в чём можно быть абсолютно уверенным?»

«Только в смерти».

«А вы, инопланетники, уверены в смерти? Вы верите, что она — конец, а не начало?»

«Кто знает? Вряд ли мы можем получить правильный ответ на вопрос, какой хотели бы задать. Итак, ты предлагаешь мне тело, близкое к моему, пропавшему. Ты сказала, что потом мы отправимся в Ырджар. Но, похоже, нам придётся иметь дело не только со своими заботами, но и с войной, лежащей между нами и Ырджаром».

«Крип Ворланд, разве я обещала тебе, что всё будет легко и просто?»

«Нет, — согласился он. — Но как ты вообще можешь обещать мне тело, если те, кто идёт перед нами, расправятся с Долиной, как с Йим-Сином?»

«В Долине есть стражники, а здесь их не было. Они могут защитить тех, кто там живёт. Я предложила тебе лучшее из того, что могу, Крип Ворланд. Большого не может сделать никто — ни человек, ни Тэсса».

«Согласен».

Он, видимо, только теперь заметил отсутствие остальных членов нашей компании, потому что спросил:

«А где животные?»

«Я отослала их туда, где, надеюсь, мой народ встретит их. Если же этого не случится, они будут бродить по своей воле».

После небольшой паузы он сказал:

«У всех у нас изменилась жизнь после той прогулки на ярмарке в Ырджаре. Я никогда не поверил бы этой истории, если бы не пережил её сам».

«Готовый материал для легенды, — согласилась я. — Говорят, что если глубже покопаться в любом древнем сказании, то в нём обязательно найдёшь зёрнышко истины».

«Майлин, кем для тебя был Маквэд?»

Я была застигнута врасплох, и он, видимо, почувствовал это. Неожиданность вызвала у меня правду.

«Он был спутником жизни моей родной сестры Мерли. Когда... когда он ушёл от нас, я боялась, что она последует за ним. Она до сих пор отворачивает лицо от полноты жизни».

«Скажи, вернётся ли эта связь с возвращением Маквэда?» — второй его вопрос был так же остр.

«Нет. Ты будешь носить тело Маквэда, но ты не Маквэд. Однако, увидев тебя, она, может быть, примирится с правдой и снова выйдет из тьмы к свету».

Наконец-то моё несчастное, раздражающее желание было высказано словами.

«Но твой народ узнает, что я не тот, кем кажусь?»

Он, видимо, не слышал моих последних слов. Я улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

«Не думаешь ли ты, что скроешь от Тэсса свою истинную сущность, Крип Ворланд? Всякий узнает тебя с первого взгляда. И я должна сказать тебе, что они этого не одобряют. Я нарушаю все наши Уставные законы, отдавая тебе жилище Маквэда даже на время. Они не смогут предотвратить это действие, но я за него отвечу».

«Тогда зачем...»

«Зачем я это делаю? Надо ли спрашивать, инопланетник? Я поклялась самой сильной клятвой моего народа, что сделаю для тебя всё, что в моих силах. Не могу сказать, почему всё это свалилось на меня, но тот, кто несёт груз, ниспосланный Моластером, не должен жаловаться».

Больше он ни о чём не спрашивал, и я была рада, что он погрузился в свои мысли, потому что я занялась своими. Я сказала ему чистую правду. Он будет в теле Маквэда, но Маквэдом не станет. Однако, как зверь влияет на вселившегося в его тело человека, так и Маквэд в какой-то степени повлияет на него. Тем более, что этот инопланетник восприимчив к власти эспера.

Маквэд был Певцом второй степени. Он должен был по своим знаниям подняться выше, когда его убили в теле животного. Это было молодое животное, ещё не разу не использованное для обмена, и после тяжёлого ранения

оно впало в каталепсию, так что мысленные приказы не достигали мозга. Но животная часть не могла полностью завладеть всем человеческим мозгом, как и человек не может полностью овладеть животным. Значит, что-то осталось в Маквэде, может быть, даже большая его часть? Даже Старейшие не знают, насколько полным бывает обмен. Во всей нашей истории не было случая, чтобы человек вернулся в человеческое тело, но не в своё. Допустим, что этот остаток в теле Маквэда проснётся и повлияет... Я не была уверена в том, но надеялась, что даже часть Маквэда может осветить на время дни Мерли и заставит её вернуться к нам.

Я смотрела на спины казов и на дорогу, но не видела ничего, кроме лица Мерли и обмена, который может привести к тому, что Маквэд — часть Маквэда — какое-то время будет рядом с ней. Но даже если того, о чём я мечтала, не произойдёт, я всё равно сдержу клятву — мы поедem в Ырджар и постараемся проделать окончательный обмен, если это удастся.

Я размышляла также о Долине и о том, что могло там случиться за эти дни. По всем признакам те, кто покончил с Йим-Сином, должны уже достичь Долины, а мы двигались медленно. Мы проехали участки, где когда-то стояли часовые и спрашивали путешественников о цели их поездки. Теперь там часовых не было, и я не останавливалась искать их. Я не торопилась со спуском, чтобы не приехать как раз во время сражения. Стража Долины может не разобраться, кто друг, а кто враг. И кто знает, возможно, какая-то доля здравого смысла заставит всадников вернуться наверх.

Мы остановились на отдых в пустынном месте. В горном потоке бурлила вода. Я распрягла казов, чтобы они попаслись.

«Никаких других следов?» — спросил инопланетник, когда я принесла ему воды.

«Кроме них, никто не проехал этим путём. Но кто они и зачем они здесь...» — я покачала головой.

«Ты могла бы своей властью ограничить их?»

«Ты можешь послать мысль. А владеешь ли ты телепортацией или чем-нибудь подобным?»

«Нет. Есть такие, кто владеет, но я ещё не встречал ни одного. Но я думаю, что Тэсса...»

«Могут совершать ещё более удивительные действия? Иногда да, но для этого должно быть подходящее время и место. Имея и то, и другое, я могу послать читающий луч и частично увидеть будущее, вернее, усреднённое будущее».

«Усреднённое? Разве оно разное?»

«Да, потому что оно зависит от действий. Разве человек всегда думает одинаково — сейчас и через час, сегодня и завтра? То, что кажется разумным и верным сейчас, позднее выглядит иначе. Следовательно, можно прочесть будущее только в широком смысле. Но наше положение в будущем меняется из-за необходимости встречаться с тем или иным кризисом. Я могу сказать тебе о судьбе нации, но не о судьбе отдельного ее члена».

«Но ты могла бы сказать о будущем Долины?»

«Возможно, будь у меня время, но у меня его нет. Долина слишком далека».

«Ну, скоро мы узнаем это на себе. Когда я встретил тебя в той ложбине? Давно это было? С тех пор я потерял счёт дням».

«Дни, носящие числа, — я покачала головой, — не касаются Тэсса. Мы давно перестали иметь дело со счётом дней. Мы помним, что произошло, но в какой именно день, не знаем».

Будь Ворланд человеком, он бы рассмеялся.

«Вы совершенно правы, Госпожа! Того, что случилось со мной на Йикторе, вполне достаточно, чтобы забыть счёт дням. Но когда я пришёл из крепости Озокана в ваш светлый лагерь, я думал, что вижу какой-то живой и очень неприятный сон, и я был склонен время от времени возвращаться к этой уверенности, потому что это могло объяснить случившееся, и это легче, чем думать, что я наяву жил и живу... здесь».

«Я слышала, что в иных мирах существуют методы, чтобы вызывать такие сны. Возможно, ты испытал их и

поэтому готов был поверить в такое и здесь. Но если ты спишь, Крип Ворланд, то я-то не сплю! Если только я не часть твоего сна...»

«Майлин, ты замужем?»

Я вспомнила, что за всё время этого странного приключения, в котором мы участвовали, мы ни разу не задавали таких вопросов и не интересовались прошлым друг друга.

«Нет. Я Певица. Пока я пою, у меня нет спутника жизни. А у тебя? Я слышала, что Торговцы имеют семьи. Может, у вас, как у Певцов, либо — либо?»

«Что-то в этом роде».

И он рассказал мне о жизни своего народа, повенчанного со многими звёздами, а не с одной. Торговцы женятся, но только тогда, когда достигают определённого ранга в своих компаниях. Иногда женщины с планет принимают ради мужа жизнь Торговца. Но чтобы Торговец покинул свой корабль ради женщины — это немыслимо.

«Ты похож на Тэсса, — сказала я. — Укорениться в одном месте — для нас смерть. Мы летаем по всему Йиктору, суше и морям, по одной своей воле. У нас есть определённые места, где мы собираемся, когда нужно. Но в остальное время...»

«Цыгане».

«Что?» — спросила я.

«Древнее слово. Обозначает народ, который всегда странствует. Видимо, когда-то существовала такая нация, очень-очень давно в каком-то далёком мире».

«Вот и у Тэсса пристрастие к свободному пространству. Я говорила тебе однажды о корабле, о маленьком народе и посещении других миров».

«Такое в принципе возможно, но будет стоить больше весовых знаков, чем хранится в сокровищнице храма Ырджара. Такой корабль надо строить в другом мире после долгого изучения и экспериментов. Это только мечта, Майлин, потому что ни у кого нет и не может быть такого богатства, чтобы воплотить эту мечту в жизнь».

«Что является сокровищем, Крип Ворланд? Что есть богатство? В разных мирах оно принимает разные формы?»

«Сокровище — это редкая и ценная вещь на каждой отдельной планете. В некоторых случаях редкость — самое прекрасное и ценное, в других же — самое бесполезное. На Закате сокровище — это знание, закаты считают его своим богатством. Привези им неизвестный артефакт, легенду, намёк на что-то новое в галактической истории — и ты дал им сокровище. На Сарголе — это мелкая травка, когда-то бывшая самой обычной на забытой Земле, она неотразима для сарголийцев, которые охотно отдают в обмен на неё драгоценные камни. А на другой планете в обмен на такой камешек величиной с ноготь твоего мизинца человек может жить, как лорд на Йикторе лет пять, а то и больше. Я могу насчитать тебе целую кучу сокровищ для четверти Галактики, так как они проходят через наши склады. Так вот, у каждого мира — своё сокровище, то, что кажется целым состоянием на одной планете, — а на другой окажется либо ничем, либо даже большим».

Он мысленно засмеялся, даже пасть барска раздвинулась в слабом подобии улыбки.

«Но чем меньше, тем больше. Лучше всего камни, потому что камни и произведения искусства у многих рас и народов считаются ценностью и тщательно оберегаются».

«А какого рода сокровища понадобятся в тех местах, где могут построить такой корабль для моего маленького народа?»

«Всё, что является высокой ценностью. Люди на внутренних планетах пресыщены самым лучшим из сотен миров. У них есть торговля, есть корабли, привозящие им сокровища, какие только можно достать. Нужно что-то очень редкое, никогда не виданное, или такая сумма торговых кредитов, на которую можно купить половину наших складов».

Я запрягла казов, и мы снова двинулись в путь. По дороге я думала о природе сокровищ и о том, как по-разному они ценятся в разных мирах. Я знала, что инопланетники берут на Йикторе, и представляла себе,

какой груз считается обычным. У нас есть камни, но не такие редкие, чтобы инопланетные торговцы стремились их покупать. И я решила, что в глазах экспертов Йиктор может считаться весьма бедной планетой.

«Тэсса не собирали материальных богатств, как равнинные жители. Если у нас оказывалось больше вещей, чем было необходимо, мы оставляли лишнее в тех местах, где собирались, чтобы их взяли те, кому они понадобятся. Наши шоу животных собирают много денег, но мы не копим их. Мы рассматриваем шоу как тренинг и для животных, и для Певца, и кроме того, как хороший предлог для скитальческой жизни.

Сидеть на каком-то сокровище и беречь его — это чуждо нам. Если мы поступали так в прошлом, когда жили в городах, то теперь забыли об этом».

Пока мы медленно ехали по дороге, я спросила:

«А что у вас считается самым драгоценным? Камни? Какие-нибудь редкие вещи?»

«Ты имеешь в виду меня или мой народ?»

«И то, и другое».

«Я отвечу одним словом, потому что как для меня, так и для моего народа, самое дорогое — корабль».

«И вы ничего не собираете?»

«Мы собираем, сколько сможем, те сокровища, которые нужны другим, и всё это, за исключением, конечно, того, что мы тратим, вкладываем в корабль на наш счёт».

«И много ли ты когда-нибудь соберёшь?»

«Может быть, столько же, сколько в поместьях лордов на Йикторе. Им тоже нелегко завоевать состояние, хотя способы у нас разные».

«А ты уверен, что у тебя будет когда-нибудь это богатство?»

«Никто добровольно не расстаётся с мечтой, даже когда возможность её реализовать ушла в прошлое. Я думаю, человек всегда надеется на счастье, пока жив».

Мы сделали привал, но не на всю ночь, а лишь на несколько часов. Я смотрела, как восходит луна, но не сделала ни одного движения, чтобы призвать её власть — сейчас не время, так что я не поднимала жезл и не пела. Я

только помогала казам мысленной силой, когда и где могла.

Луна низко висела, когда мы подъехали к спуску в Долину. Барск завозился и попытался встать. Я остановила его.

«Мы над Долиной. Лежи, отдыхай, пока можно».

«Ты спускаешься?»

«Я приму все предосторожности», — я выставила жезл, запела внутреннюю песню и стала спускаться.

Глава 17

КРИП ВОРЛАНД

Когда я проснулся с сознанием, что всё ещё жив, перевязан Майлин и нахожусь опять в фургоне Тэсса, мне показалось, что сон, завладевший мной, совершил полный круг.

Когда мы спускались в окутанную туманом Долину, Майлин вела фургон точно по середине дороги. Я читал в её мозгу, что те предосторожности или защита, о которых она говорила, вполне могут стать нашей гибелью, несмотря на то, что мы шли с миром. Могло случиться, что мы разделим участь тех, за кем следуем.

Еще одна печаль изводила меня. Хотя мой мозг и был настроен, тело было ещё совсем слабым и не повиновалось мне. Если на нас нападут, я ничего не смогу сделать, даже защитить себя. Я мог только поднять голову и вытянуть лапы, лёжа на мате. Если я делал глубокий вдох, начиналась боль. Майлин владеет властью исцеления, это я знал, но может ли она сделать что-нибудь с такой раной? Были все основания полагать, что лезвие Озокана прошло глубоко, и что возвращение к жизни моего теперешнего тела не означало выздоровления.

Когда я выслеживал Озокана и его приверженцев, я искал смерти. Поражённый известиями, привезёнными Майлин из Ырджара, я впал во временное безумие. Но в каждом человека, по крайней мере, в моей породе, сидит

упорное сопротивление концу существования. И теперь крохотный клочок надежды послужил оплотом моему духу. Альтернатива, внушённая мне Майлин, предоставляла некоторые возможности. Обрядившись в тело Тэсса, я действительно мог вернуться в Ырджар. У Торговцев на планете имеется консул. Я видел его, когда «Лидис» приземлился здесь. Я мог пойти к Прайдо Алсею, рассказать ему всё и просить его известить капитана Фосса. Проще простого составить такое сообщение, какое мог послать только Крип Ворланд, и тем самым удостоверить свою личность. Затем, когда вернётся моё собственное тело, последует новое переключение, и я по-настоящему стану самим собой.

Конечно, на этом трудном пути множество препятствий и ловушек. И какие-то из этих ловушек, может быть, лежали прямо перед нами. Я постарался сдвинуться, поднять отяжелевшую голову, чтобы взглянуть на переднее сидение, но ничего не вышло, и я лежал, страдающий, слабый, встревоженный своим состоянием.

Только теперь я начал осознавать, что Майлин не просто направляет казов вниз по дороге: вокруг неё вилась аура, исходящая из мозга, посыл энергии. Я лежал так, что мне видел был её профиль, суровый и неподвижный. Волосы были не уложены затейливыми локонами, как при нашей первой встрече, а подняты вверх и слабо связаны, как серебряный шлем. Не было и арабеска из серебра и рубина на лбу. Глаза её были полузакрыты, веки опущены, она словно смотрела внутрь себя. Однако в лице женщины Тэсса был такой свет, что я даже опешил. То ли свет падал на её прекрасную кожу, то ли это был внутренний свет — отражение хранившейся там силы. Сначала я видел в Тэсса человека, но теперь она казалась мне более чужой, чем животные, с которыми делил я жизнь и сражения в эти последние дни.

«Принять предосторожности», так она это назвала. Я бы сказал: «Вооружиться». Я опустил тяжёлую голову и больше не видел Майлин, но осознание её, как она сидит, что делает, было во мне, как будто я по-прежнему наблюдал за ней.

Пока фургон громыхал по дороге, к нам пришло новое ощущение — нечто вроде предупреждения, как если бы некий разведчик с отдалённого холма отгонял нас, и так как мы не послушались этого предупреждения, беспокойство возрастало, и в мозгу появилась тень предчувствия, становившаяся всё чернее. Может, это был кто-то из защитников Долины, я не знал. Но, по-видимому, на Майлин это не произвело какого-либо эффекта и не отклонило её с пути.

Моя усталость всё увеличивалась. Временами я сознавал, где я и что со мной, а потом продолжал кружить в пустоте небытия, результатом чего я получил страшное головокружение, и даже не мог сказать, был ли реальным туман, заволакивающий мои глаза, когда я пытался рассмотреть какую-то часть фургона, или туман пришёл как порождение моей невероятной слабости.

Путь казался бесконечным. Время исчезло, вернее, его нельзя было измерить. Я был потерянным, словно лежал на челноке, снующем туда и сюда и ткавшем будущее, которое ускользало от меня.

Воздух дрожал и бился вокруг — может, от качания челнока, который нёс меня? Нет, это была пульсация, прерываемая ритмом, который удерживал меня в фургоне. Затем я услышал звук, составлявший часть этого биения, — наверное, песню. Звук исходил не от Майлин, а поднимался из Долины, и он становился громче с каждым шагом казов.

Это странное биение звуков делало меня сильнее, будто в моё вялое тело вливалась жизненная сила, ушедшая с тех пор, как нож Озокана искал моей смерти. Я лежал и чувствовал, как сила входит в меня. Правда, что-то снова отходило, отказывалось, но то, что оставалось, бодрило меня. Теперь я уже не просто упрямо цеплялся за жизнь, я был способен думать о чём-то, помимо собственного тела.

Я ещё раз приподнялся и взглянул на Майлин. Она откинула голову и протянула руки перед собой, держа жезл между ладонями. Он кружился, разбрасывая серебряные искры, которые падали ей на голову и грудь, незаметно

исчезая. И она пела песню — не ту, что до сих пор витала в воздухе, но высокую и нежную, и звуки её неудержимо притягивали меня.

Я кое-как опёрся передними лапами о пол, и мне удалось встать. Теперь мои глаза оказались на уровне сидения Майлин. Я бросил взгляд наружу: ещё стояла ночь или очень раннее утро. Луна уже не сияла. Впереди внизу виднелся другой свет, но не оранжевый свет пожаров, а голубые отблески ламп, подобных лунному шару Майлин, только они не были зафиксированы, а качались, как мощные фонари. Как раз из этого освещённого места поднималось пение, становясь всё сильнее и глубже. Я подтянулся дальше, пока не поднял, несмотря на боль, одну переднюю лапу на сидение и положил на неё голову. Майлин не обратила на меня внимания, она была поглощена пением.

Двое мужчин с лунными шарами пришли встретить нас. Я увидел чёрные с белым и жёлтым узором мантии жрецов. Однако они не приветствовали Майлин и не остановили нас, а лишь стояли, один справа, другой слева. Лица их оставались бесстрастными, и они продолжали свою песню, слов которой я не понимал.

Мы проехали мимо многих жрецов Умфры, занятых работой на дороге. Я слышал вонь горелого, и нос барска улавливал в нём запах крови. Нет, Долина не избежала участи Йим-Сина. Однако я посчитал, что несчастье здесь не столь полное, как в городке.

Казы повернули без всякого видимого знака от Майлин, и мы проехали через ворота. Весь портал покрывали трещины и зарубки, стены ошетинились стрелами из боевых луков. Дым разрушений стоял, как туман. Мы въехали в первый двор храма. Только тут Майлин сдвинулась с места, подняла свой всё ещё сверкающий жезл и приложила его к своему лбу. Свет, выходявший из него, погас, и когда она снова опустила руки, в них была всего лишь палочка. Майлин открыла глаза. К нам подошёл жрец. Его голова была забинтована, правая рука на перевязи.

— Где Оркамур? — спросила Майлин.

— Он осматривает свой народ, Госпожа.

— Зло крепко поработало здесь, — она серьёзно кивнула. — Как велико это зло, брат?

— Большая часть стен разрушена, — мрачно проговорил он. Поднятое к нам лицо с глубоко сидящими глазами было лицом человека, вынужденного стать свидетелем разрушения того, что было большей частью его самого. — Но фундамент уцелел.

— С Йим-Сином поступили хуже. А кто эти люди?

— Насчёт Йим-Сина мы знаем. Кто они? Люди, впавшие во тьму, выросшую из откуда-то принесённых семян. Однако они не преуспели в своём зле.

— Они убиты?

— Они сами себя убили, потому что не обратили внимания на стражников, но после себя оставили руины.

— А те... те, кто находился под покровом Умфры... — начала она почти робко. — Что с ними, брат?

— Тот, кого ты держишь в сердце, жив. Некоторые другие отпущены Умфрой по Белой Дороге.

Она вздохнула и, положив жезл на колени, потёрла лоб. Итак, Маквэд остался жив. Я ухватился за это.

Приступ боли в груди заставил меня отползти назад и свалиться на мат. Последние остатки сил покинули меня.

Яркий свет ударил мне в морду, проник в неплотно зажмуренные глаза. Я попытался отвернуться, но меня удержали. Я вдохнул резко ароматизированный пар, и в моей голове прояснилось. Открыв глаза, я увидел, что лежу в комнате, а Майлин наклонилась надо мной с чашей золотистой жидкости, от которой исходил пар, приведший меня в чувство.

Здесь же находился человек, чьё старое доброе лицо было мне знакомо: когда-то, очень давно, мы с ним сидели в тихом саду и разговаривали о жизни за той звездой, что служит Йиктору солнцем, о людях, выполняющих своё предназначение во многих чужих местах. Это был Оркамур, слуга Умфры.

«Младший брат, — его слова проникли в мой мозг, — ты желаешь... в самом деле желаешь оставить своё теперешнее тело и получить другое?»

Слова, слова... Ну, да, конечно, я этого желаю! Я был человеком — человеком! Я требую человеческое тело. И это поднялось во мне не как простое желание, а как просьба, сконцентрированная со всей силой, на какую я был способен.

— Будь по вашему желанию, сестра и брат!

Оркамур ушёл из моего поля зрения, как бы отплыв назад. Майлин снова наклонилась надо мной с чашей, чтобы оживляющие пары очистили мой мозг.

«Повтори, Крип Ворланд, слово в слово: я желаю со всей своей силой избавиться от меха и клыков и снова стоять и ходить, как человек!»

Я медленно и торжественно мысленно проговорил эту просьбу. Мне хотелось бы произнести её вслух, громко, с вершины какой-нибудь горы, чтобы меня услышал весь мир.

— Пей! — она ближе поднесла чашу с ароматной жидкостью. Я стал жадно лакать, мне показалось, что это холодная вода из горного источника. Я не осознавал своей жажды, пока не сделал первый глоток. Это было очень вкусно, и я пил, пока чаша не опустела, пока язык не слизнул последнюю каплю.

— Теперь... — Майлин убрала чашу и выдвинула вперёд одну из лунных ламп. В комнате и так было светло, а теперь стало ещё светлее. — Посмотри на неё! Отпускай, смотри и отпускай!

Отпускать? Что отпускать? Я уставился на лампу. Это был серебряный мир, какой можно было увидеть на видеоэкране «Лидиса», когда корабль снижается над планетой в новой системе: серебряный шар вытягивался, притягивая к себе...

Кто бродит на серебряных шарах, и что они там видят? Из каких-то глубин пришла ко мне эта мысль. Это был не сон, а явь, однако, мне не хотелось открыть глаза и посмотреть, потому что тут было нечто иное, и какая-то осторожная часть меня желала изучить это иное, ничуть не торопясь.

Я глубоко вздохнул, ожидая, что мой нос барска расскажет мне обо всём. Но обоняние как будто усыхало,

умирало. Конечно, запахи тут были — аромат какого-то растения, другие запахи, но все они были очень слабыми. Я не решался двигаться, но когда ещё раз глубоко вдохнул, то оказалось, что боль, которая не покидала меня и стала почти частью меня, исчезла! Я открыл глаза. Искажение! Цвета стали, с одной стороны, менее отчётливыми, а с другой — пронзительно яркими. Я щурился и мигал, чтобы окружающее стало выглядеть нормально, но сразу этого не произошло. Потребовались немалые усилия, чтобы заставить глаза снова послушно служить. А ведь это случалось уже один раз — мелькнуло в моей памяти.

Я уставился вдаль. Широкое пространство, стена, в ней окно. За окном колышутся на ветру ветки. Мой мозг легко давал названия всему, узнавая то, о чём сообщали глаза, хотя видели они совсем по-другому. Я открыл рот и хотел облизать свои острые клыки, но язык стал короче и касался зубов, а не клыков барска.

А лапы? Я приказал передней лапе вытянуться в пределах моей видимости, так как не решался ещё поднять голову, и увидел... руку, кисть, пальцы, сгибающиеся по моему приказу.

Рука? Значит, я не барск, а человек!

Я резко сел, и комната, всё ещё какая-то искажённая, стремительно завертелась. Я был один. Я поднял человеческие руки, осмотрел их, потом взглянул на человеческое тело. Оно было бледным, таким бледным, что почти неприятно было смотреть. Это неправильно — я должен быть смуглым. Я сел на край постели и внимательно оглядел своё новое тело, его бледность, худобу, близкую к истощению. Затем ощупал лицо. Оно было явно человеческим, хотя я не мог определить на ощупь, похоже ли оно на лицо похищенного на ярмарке в Ырджаре Крипа Ворланда. Нужно зеркало. Я должен УВИДЕТЬ!

Слегка покачиваясь от усилий держаться прямо, как человек, после того как долго бегал на четырёх лапах, я встал и неуверенно сделал шаг вперёд. Руки мои балансировали, пока я покачивался с одной ноги на другую. Но стоило мне повернуться, чтобы подойти к окну, как моё доверие к такому способу передвижения вернулось, будто

прежнее умение, забытое на время, снова ожило. Я огляделся, ища глазами мохнатое тело, которое звалось Джортом, но его не было видно. Я так никогда и не увидел его больше.

Комната была маленькой, большую часть её занимала кровать. В противоположной стене была дверь, в углу сундук, служивший также и столом, судя по тому, что на нём стояли на подносе чашки и кувшин. Из окна несло холодом, так что я вернулся к кровати, снял с неё одеяло и завернулся в него. Мне страшно хотелось увидеть своё лицо. Судя по телу, я был Тэсса — Маквэд...

С некоторым удивлением я обнаружил в себе смутное сожаление о чувствах, которыми так хорошо пользовался Джорт. Похоже, Тэсса обладают теми же ограничениями, что были у бывшего моего тела.

Я подошёл к сундуку и посмотрел на чашку. Она была пуста, но кувшин полон. Я осторожно налил в чашку золотистую жидкость. Она была холодной, прекрасно утоляющей жажду, и по моему телу распространилось ощущение радости бытия, единства с моим новым телом. Я услышал покашливание и увидел жреца с забинтованной головой. Он поклонился и, подойдя к кровати, положил на неё одежду с красными крапинками, какую носят Тэсса.

— Старейший брат хочет поговорить с тобой, брат, когда ты будешь готов, — сказал он.

Я поблагодарил и начал одеваться, ещё не вполне уверенный в своих движениях. Одевшись, я подумал, что, наверное, теперь похож на Малика.

«Малик!» — болезненно кольнуло в памяти. Малик вывел меня из ада, уготованного барску в Ырджаре, и каков был его конец! Я так мало его знал и так много ему должен!

На моём поясе висел длинный нож, но меча не было и, конечно, не было жезла, какой носила Майлин. А мне хотелось бы схватиться за оружие при мысли об убийцах Малика.

Как мне ни хотелось, но без зеркала я не мог увидеть весь облик, который теперь имел. Выйдя из комнаты, я встретил ожидающего меня мальчика-жреца. Он хромал, и на лице его лежал тот же отпечаток шока и усталости, как

и у старших жрецов. Здесь всё ещё пахло горелым, хотя и не так сильно, как пахло для Джорта.

Мы пришли в тот же садик, где Оркамур однажды уже принимал меня. Он сидел в том же кресле из дерева с побегими, только листья на них увяли и засохли. Теперь там стояла ещё одна скамейка, и на ней сидела, опустив плечи, Майлин. Глаза её были пустыми, как у человека, затратившего большие усилия к собственной невыгоде. Во мне вспыхнуло желание подойти к ней, согнать это её равнодушие, взять её вялые руки в свои, поднять её. Когда я тайно подглядывал за ней в Ырджаре, она казалась мне чужой, и чужой она была всё время наших путешествий. Теперь казалось, что только она имеет права на меня, что она устала и измучена. Но Майлин даже не взглянула на меня и не поздоровалась. Глаза Оркамура встретились с моими и так всматривались, будто он хотел видеть каждую мысль, как бы глубоко она ни пряталась. Затем он улыбнулся и поднял руку, и я увидел на ней большой, страшного вида кровоподтёк, а один из пальцев был расщеплён и туго связан. Жест его был изумлённо-радостным.

«Сделано, и сделано хорошо!» — он сказал это не вслух. Его мысль вошла, видимо, и в мозг Майлин, потому что она встрепенулась, и её глаза, наконец, остановились на мне. Я увидел в них изумление и, в свою очередь, удивился: ведь она сама проделала этот обмен, почему же результат её удивляет? Она сказала:

— Это хорошо сделано, Старейший брат.

— Если ты имеешь в виду, сестра, что выполнила то, чего желала — да, это сделано хорошо, если же ты думаешь о том, что это приведёт к ещё большим осложнениям, — тогда я не могу ответить ни да, ни нет.

— Мой ответ... — прошептала она, если можно мысленно шептать. — Ладно, что сделано, то сделано, а это надо было сделать. С твоего разрешения, Старейший брат, мы поедem и увидим конец всего этого.

Она пока ещё не говорила со мной и не хотела смотреть на меня, потому что после первого взгляда опять отвернулась. Я похолодел, как если бы протянул в приветствии руку, а её не только не взяли, но и самого меня игнориро-

вали. Теперь я не стал бы делать никакого движения, чтобы привлечь снова её внимание.

Мы вышли поискать еду. Майлин ела явно только по необходимости, как заправляют машину перед поездкой. Я тоже поел и обнаружил, что моё тело с удовольствием принимает всё, что я ему даю. Майлин была как за стеной, и я не мог ни пробить эту стену, ни перелезть через неё.

Мы вышли во двор храма. Там не было и признака фургона, но нас ожидали два оседланных каза, через седла были перекинуты дорожные плащи, седельные сумки полны провизии. Я хотел помочь Майлин забраться в седло, но она оказалась проворнее меня, и я пошёл к своему казу. Неужели она теперь относится с отвращением к любому контакту со мной?

Мы ехали по опустошённой Долине. Там до сих пор дымились почерневшие от огня руины, повсюду виднелись и другие признаки ударов ярости, которые калечили, но не полностью разрушали. Майлин поехала по дороге в Йим-Син. Видно было, что она отчаянно пытается осуществить свой план — вернуться со мной в Ырджар и разрешить, насколько возможно, роковое сплетение, опустившее нас.

Она по-прежнему не смотрела на меня, даже не обменивалась мыслями. Неужели ей так неприятно, что я нахожусь в теле её близкого родственника, который теперь кажется ей умершим дважды? Меня это стало раздражать. Я не виноват в том, что со мной случилось, и я ни о чём не просил. Ан нет, ответила мне память, дважды в какой-то степени я просил ритуалов Тэсса для этих обменов. И они дважды спасали меня от смерти.

Поскольку мы ехали быстрее, чем в фургоне, то выехали из Долины ещё до заката. На рассвете мы могли бы увидеть руины Йим-Сина, но мы поехали прямо через равнины к Ырджару. И всё-таки, что тут произошло? Мне нужно было хоть чуть-чуть заглянуть в будущее, поэтому я заставил себя обратиться к своей спутнице:

— Рассказали ли слуги Умфры, что тут случилось?

— Те, кто пришёл с запада, — ответила она, — были иноземцами. Похоже, что Йиктору угрожает новый враг,

гораздо более безжалостный, чем любой равнинный народ, и эта сила идёт от инопланетников.

— Но ведь Торговцы... — я был так поражён, что у меня перехватило дыхание.

— Не все Торговцы такие, как на «Лидисе». Эти пришельцы режут друг друга, чтобы укрепиться на нашей земле, завоевать власть и основать своё королевство. Часть лордов уже разбита, потому что среди их людей тайно велась подрывная работа, других привлекли обещанием большого богатства, их натравливают одних на других и помешивают в котле войны той ложкой, которая заставляет его яростно кипеть. Не знаю, что мы найдём в Ырджаре, не уверена даже, что мы попадём в город. Но попытаемся...

Всё это не слишком-то обнадеживало. Похоже, случилось большее, чем мы предполагали. Страшно было углубляться в страну, где каждый поднимал руку на соседа, но порт находился на границе Ырджара, и там находилась моя единственная надежда на возвращение на «Лидис».

До Ырджара было ещё далеко. Обдумывая сказанное Майлин, я представил себе, каким долгим покажется нам это путешествие, да и разумно ли ехать вообще?

Я крутил в мозгу эту мысль так и сяк, когда пришёл зов, резкий и сильный, как сигнал горна, но я услышал его не ушами.

Минута тишины — и снова трезвон, приказ, которому нельзя было не повиноваться. Лёгкий протестующий крик Майлин...

Помимо своей воли мы повернули казов направо, к диким горам, на зов, которому должны подчиняться и мозг, и тело. Это был внутренний горн Тэсса, он звучал только в исключительно важных случаях.

Глава 18

КРИП ВОРЛАНД

Йиктор, который я знал, был похож на все планеты этого типа: равнины, перемежающиеся холмами, соответствующая растительность в разных климатических поясах.

Ырджар, форт Озокана, Йим-Син, храм Умфры имели свои аналоги на многих планетах, но там, где мы ехали сейчас, всё было по-другому.

Призыв накладывал такие обязательства, что нам и в голову не приходило ослушаться его. И мы ехали дальше и дальше на север и поднимались всё выше и выше. Здесь уже не было ни деревьев, ни кустарников, и только небольшие участки, покрытые травой, уже убитой первым дыханием зимы, прерывали общее уныние камней.

Поистине печальная местность. Я бывал на планетах, сожжённых атомной войной в незапамятные времена, задолго до того, как мой народ вышел в космос. У каждого, кто видел эти руины, сжималось сердце. Здесь же всё выглядело ещё более чуждым: бесконечное, безбрежное одиночество, отвергающее ту жизнь, которую мы знаем, обглоданные кости самого Йиктора.

Тем не менее, жизнь была и здесь. Пока мы углублялись в дикую страну камня и песка всё дальше и дальше, мы видели следы тех, кто прошёл тут до нас — следы фургонов и верховых казов.

Мы ехали как очарованные. Мы не разговаривали друг с другом, и у меня не было желания оглянуться на равнины, на то, что раньше казалось мне самым неотложным делом. Наступала ночь. Время от времени мы спешили, давали отдых казам и затем снова пускались в путь.

На рассвете мы проехали между двумя высокими утёсами. Я подумал, что когда-то, на заре йикторианской истории, здесь пролегало русло великой реки. Здесь были песок, гравий и валуны, но ничего живого, даже обычного кустика высохшей травы. Это речное русло вывело нас в громадную круглую чашу. Видимо, когда-то здесь плескалось озеро, по краю которого шёл целый ряд широких отверстий, обрамлённых резьбой, теперь уже почти незаметной. И теперь в этом каменном жилище были обитатели, поскольку перед ним стояли фургоны и поднимался дым от костров. Но людей не было видно.

Майлин подъехала к частоколу, сошла с каза и тут же расседлала его. Каз потряс головой, лёг и с фырканьем стал

кататься по песку, мой каз проделал тоже самое, когда я расседлал его.

— Пойдём, — обратилась ко мне Майлин впервые за эти часы.

Я положил седло и пошёл через долину к южной точке стены. Там открывался вход раза в два больше остальных. Я подивился затейливой резьбе, но не смог понять, что там было изображено, настолько она стёрлась от времени.

Где же Тэсса? Повсюду я видел только фугоны и казов и получил ответ на свой вопрос, лишь когда подошёл к двери: оттуда доносился звук, который был гораздо большим, чем просто песня. Он каким-то образом смешивался с движением воздуха — в нашем словаре нет слов, чтобы описать это. Я бессознательно уловил ритм и тогда понял, что мне хорошо. Рядом со мной подняла в песне голос Майлин.

Через тяжёлый портал мы вошли в зал. Там было светло от лунных ламп, висевших высоко над головой, и мы шли в лунном свете, хотя в нескольких шагах за дверью светило солнце. И Тэсса здесь было так много, что и не сосчитать. Перед нами в самом центре зала находилось возвышение, и Майлин подошла к нему. Я неуверенно ступал шага на два позади. Песня звучала в ушах, билась как кровь, стала как бы частью нас.

Мы подошли к овальной платформе, на которую вело несколько ступенек. На платформе стояли четверо: двое мужчин и две женщины. Они были крепки телом, с живыми блестящими глазами, но над ними витала такая аура возраста, авторитета и мудрости, которая поднимала их над другими так же, как их теперешнее положение на платформе ставило их физически выше остальных.

Каждый из них держал жезл, но не такую относительно короткую палочку, как у Майлин — верхушки их жезлов доходили до головы, а концы упирались в пол, и свет, сиявший на древках, соперничал со светом ламп и даже заставлял его бледнеть.

Майлин не стала подниматься по ступенькам, а остановилась у их подножия. Когда я нерешительно подошёл и встал рядом, я увидел её замкнутое холодное лицо.

Они все пели, и мне стало казаться, что мы не на твёрдом полу, а плывём в волнах звуков. Мне казалось, что я вижу не Тэсса, а каких-то духов. Я не видел их полностью — они были призраками тех, кем могли бы быть.

Долго ли мы стояли так? Я по сей день не знаю и могу только догадываться о смысле того, что происходило. Я думаю, что своей объединённой волей они составляли большую силу, из которой черпали, сколько требовалось, для их целей. Это очень неумелое объяснение того, к чему я присоединился в этот день.

Песня умирала, слабая в серии рыдающих нот. Теперь она несла с собой тяжкий груз печали, как будто вся личная скорбь старого-старого народа просочилась сквозь века, и каждая мельчайшая капля отчаяния хранилась для будущей пробы.

Эта последняя песня Тэсса не предназначалась для посторонних ушей. Я мог носить тело Маквэда и каким-то образом соответствовать путям Тэсса, но всё-таки я не был Маквэдом и потому зажал уши — я не мог больше выносить эту песню. Слёзы текли по моим щекам; из груди рвались рыдания, хотя вокруг меня люди не выражали никаких внешних признаков нестерпимого горя, которое они разделяли.

Один из четверых на возвышении качнул жезлом и указал им на меня — и я больше ничего не слышал! Я был освобождён от ноши, которую не мог нести. И так продолжалось, пока не кончились песни.

Затем пошевелился второй главный в этом собрании и указал жезлом на Майлин. Её собственный символ власти сам собой вырвался из пальцев девушки и полетел к большому жезлу. Майлин вскинула руку, как бы желая удержать его, но тут же опустила её и застыла.

«Что ты скажешь в этом месте и времени, Певица?»

Вопрос, прозвучавший также и в моей голове, не был высказан вслух, но был от этого не менее понятным.

— Дело было так... — начала Майлин и рассказала всё просто и ясно. Никто не перебивал её, не комментировал наши невероятные испытания. Когда она кончила, женщина на помосте сказала:

— И ещё что-то было в твоём уме, Певница: в твоём клане есть одна, испытывавшая сердечный голод, и если подобие того, о ком страдает её сердце, вернётся, возможно, это принесёт ей облегчение.

— Это правильно? — спросил мужчина, стоявший справа от говорившей.

— Сначала я не думала об этом. Позже... — рука Майлин поднялась и упала в слабом жесте покорности.

— Пусть та, кого это касается, выйдет вперёд! — приказала женщина.

Лёгкое движение в толпе — и к нам вышла девушка. Хотя я не силён в определении возраста Тэсса, я сказал бы, что она была ещё моложе Майлин. Она протянула Майлин руку, их пальцы сцепились во взаимном приветствии и глубокой привязанности.

— Мерли, взгляни на этого мужчину. Тот ли это, кого ты оплакивала?

Она быстро повернулась и посмотрела на меня. На секунду на лице её появилось что-то вроде пробуждения, глаза вспыхнули, как у человека, увидевшего чудо, затем они погасли, а лицо затуманилось.

— Это не он, — прошептала она.

— И не может быть им! — резко сказала другая женщина на помосте. — Ты и сама это знаешь, Певница! — её резкость усилилась, когда она обратилась к Майлин. — Уставные слова не могут измениться, Певница, ради личных причин, каковы бы они ни были. Ты давала клятву, и сама же её нарушила.

Мужчина на возвышении поднял свой жезл и провёл его светящейся верхушкой по воздуху между Майлин и остальными тремя Старейшими.

— Уставные слова, — повторил он. — Да, мы полагаемся на Уставные слова, как на якорь и поддержку. А теперь мне кажется, что эта печальная спираль началась как раз из-за Уставных слов. Майлин, — он один назвал её по имени, и в его голосе слышалось страдание. — Первый раз она спасла этого человека, уплачивая долг. За большую часть того, что случилось с тех пор, она также не ответственна. Поэтому мы обязаны сделать то, что она предполагала —

вернуться с ним в Ырджар и исправить то, что было сделано её властью.

— Она не может этого сделать, — сказала женщина с резким голосом, и я расслышал в её голосе удовлетворение. — Разве вы не слышали, что случится с Майлин-Певницей, если её там увидят?

Майлин подняла голову и с удивлением посмотрела на неё:

— Что ты имеешь в виду, Старейшая? Какая опасность грозит мне в Ырджаре?

— Инопланетники, которые зажгли пожары, убивали людей и выпустили барсков войны, объявили, что Майлин околдовала Озокана, сделала его сумасшедшим, и её нужно убить. Многие этому верят.

— Инопланетники? Какие? И зачем? — я вмешивался вроде бы не в своё дело. Оно касалось только Майлин и правительства её народа. Но инопланетники? Причём тут они?

— Не твоего племени, сын мой, — сказал один из мужчин. — Это тот, кто приходил к Майлин до всей этой истории и хотел сделать её своим орудием, а также тот, для кого он действовал. Похоже, что у тебя и твоего народа тот же сильный враг, что принёс войну на Йиктор.

— Но... если ты имеешь в виду людей Синдиката, — я ничего не понимал. — У меня нет личных врагов среди них. В древние времена наш род и их враждовали, это правда. Но в последнее время наши разногласия были улажены. Это какое-то безумие!

Одна из женщин на платформе печально улыбнулась.

— Всякое убийство и война — безумие, будь то между человеком и человеком или между человеком и животным. Однако по каким-то причинам те люди сражаются на равнинах и назначили цену за Майлин. Возможно, они боятся, что она слишком много знает о них. И ехать теперь в Ырджар...

— Как Майлин, — сказала девушка, стоявшая рука об руку с моей спутницей, — наверное, нельзя. А как Мерли?

Старейший задумался, затем кивнул почти с сожалением.

— Сейчас самое время. Третье кольцо уже начинает бледнеть, а только под ним можно по-настоящему обменяться Тэсса с Тэсса. У вас это сохранится не более четырёх дней.

— Наверное, надо, — сказала Мерли, — произвести обмен не здесь, а на холмах, на границе с равнинами. Тогда четырёх дней будет достаточно, чтобы съездить в Ырджар.

Майлин покачала головой.

— Лучше уж я поеду в своём теле, чем рискну твоим, сестра. Я сама плачу свои долги.

— Кто говорит, что ты не платишь, — возразила Мерли. — Я прошу только, чтобы ты следовала мудрости, а не глупости. Ты говорил, — Мерли обратилась к вождю, — что Майлин имеет право довести эту авантюру до конца. В Ырджаре многие знают, что Маквэд и я были спутниками жизни. Если мы пойдём вместе, кто нас в чём-нибудь заподозрит? Это самый лучший способ.

Наконец было решено, что её план хорош. Меня не спрашивали. По правде сказать, я был занят мыслями об инопланетниках. По словам Майлин, Слэфид с самого начала был замешан в интригах Озокана и угрожал Майлин и Малику. Но ведь я знал, что он всего-навсего младший офицер на корабле Синдиката. Зачем Синдикату война на Ыикторе? В прошлом они устраивали такое на примитивных планетах — мы знаем об этих кровавых историях — и ловили рыбку в мутной воде, когда обе воюющие стороны истощались. Но на Ыикторе, насколько я знал, нет таких богатств, чтобы стоило идти на риск привлечь внимание Патруля.

Я ломал себе голову над этим, пока мы ехали обратно по своему же следу. Ехали мы верхом — я, Майлин, Мерли и двое мужчин Тэсса, ехали с такой скоростью, на какую только были способны животные. Через три дня скачки мы добрались до укромного уголка у спуска на равнины и разбили там лагерь.

Мы проспали всю ночь и на следующий день оставались там же, так как обмен между Майлин и Мерли требовал ненапряжённых, отдохнувших тел. Тем временем я пытал-

ся узнать всё относительно инопланетников. Понимая мою заинтересованность, все обсуждали со мной этот вопрос, но никто не мог представить себе, по каким причинам Йиктор оказался мишенью для подобного вмешательства.

— Ты говорил о сокровищах, которых во Вселенной множество и самых разных, — сказала Майлин. — Ты говорил, что вещь, стоящая в одном мире дороже человеческой жизни и свободы, в другом мире — ничто, детская игрушка. И я не знаю, что у нас есть такого ценного, что принесло нам бедствие со звёзд.

— Я тоже не знаю, — сказал я. — Ничего нового и потрясающего на ярмарке не появилось. Все товары, что были там, уже известны Вольным Торговцам. Мы, наверное, взяли на Йикторе выгодный груз — иначе «Лидис» не ушёл бы — но груз не столь дорогой, не тот, что мог заставить Синдикат броситься в набег.

— Матэн, — сказал один из Тэсса своему товарищу, — когда мы снова поедem, нам, пожалуй, не придётся говорить: «это не наше дело, пусть равнинные жители сами разбираются», потому что весь наш мир может оказаться запутанным в это дело, и тогда это коснётся и нас.

— В Ырджаре есть консул-инопланетник, — я ухватился за последнюю надежду узнать, как и почему случилось всё это. — Он должен знать, хотя бы частично!

На вторую ночь заработала магия Тэсса. На этот раз я в ней не участвовал, и меня послали ждать ту, что выйдет из маленькой палатки, которую они поставили для своих действий. И когда она вышла, одетая в плащ и готовая ехать, мы с ней направились к равнинам. Сопровождавшие нас ранее Тэсса остались.

Признаки войны были теперь заметны и здесь, и мы старались как можно меньше быть на виду. Я уже начал сомневаться, попадём ли мы вообще в Ырджар. Вполне возможно, что город в осаде. Майлин, пребывавшая в теле Мерли, не разделяла моего пессимизма. Ырджар всегда был нейтральным городом, местом для встреч, даже когда ярмарка не работала. И если восстание действительно

спровоцировано инопланетниками, они первым делом постараются сохранить свободный доступ к космопорту. Войны на Йикторе в основном проходят в набегах, быстрых атаках, а не в осадах хорошо укреплённых фортов. От такой осады мало пользы, и свободно организованные бойцовые объединения быстро теряют терпение.

К счастью, нам не надо было въезжать в окружённую стеной часть города, так как дом консула стоял на краю площади порта. Поэтому мы свернули на юг, оставив дорогу в Ырджар в стороне, и никем не замеченные добрались до порта. Там стоял всего один корабль — официальный курьер, и я заметил, что он стоит необычно близко к дому консула. В остальном порт был абсолютно пуст. Мы ехали медленно, усталые от двухдневной скачки. Наши казы чуть не падали от усталости, и нам нужны были новые, если нам, вернее, Майлин придётся ехать снова. Если всё пойдёт хорошо, меня выгонят из Ырджара только на корабле.

Мы доехали до края поля без какого-либо оклика, и мне не понравилась тишина, ощущение, что жизнь существует только по ту сторону, в остальном мире. Мы осторожно подъехали к воротам консульства и там были остановлены, но не стражниками, а силовым полем. Видимо, оно окружало всё здание.

Я приложил ладонь к переговорному устройству внешнего поста, хотя ладонь Тэсса ничего не значила для силового замка, и сказал в микрофон, что у меня важное дело к Прайдо Алсею. Долгую, очень долгую минуту я думал, что либо войду в пустой офис, либо покажусь столь подозрительной фигурой, что немедленно скорчусь от удара луча.

Но затем экран осветился, и я увидел лицо консула и знал, что он тоже меня видит.

Когда я заявил о своём деле, я говорил на языке Торговцев, и теперь консул смотрел на меня с удивлением.

— Что у вас за дело? — спросил он по-ырджарски.

— Важное, и именно к вам, Достопочтенный, — ответил я на Бэйсике.

Видимо, он не поверил мне, потому что не ответил. Но

через несколько секунд отворилась дверь во внутренний двор, и консул появился там с двумя охранниками. Да и силовой щит был достаточно надёжной защитой против любого оружия, известного на Йикторе.

— Кто вы?

Я решил сказать правду, в надежде, что кажущаяся ложь разбудит его любопытство, и он позволит мне рассказать всё.

— Крип Ворланд, помощник суперкарго, Вольный Торговец с «Лидиса»!

Он уставился на меня и сделал какой-то жест. Один из стражников подошёл к стене, и на мгновение свет силового поля исчез. Оба охранника направили на нас излучатели, как бы захватывая нас лучом. Мы въехали на качающихся казах во двор, и я услышал свист, будто за нами задвинулся экран.

— А теперь, — торопливо сказал Алсей, — для разнообразия начните с правды.

Все, кто ходят по звёздным переулкам, должны принимать самые невероятные вещи, переходящие всякие границы дозволенного. Однако я думаю, консул в Ырджаре нашёл мой рассказ наиболее странным из всего, что когда-либо слышал. Но хотя я и выглядел Тэсса, я выложил столько инопланетных деталей, что консул согласился, что такое мог знать только тот, кто служил на корабле Торговцев. Когда я закончил, он долго смотрел то на меня, то на Майлин.

— Я видел Крипа Ворланда, вернее то, что от него осталось, когда его принесли. А теперь являетесь вы и рассказываете мне обо всём этом. Что вы хотите?

— Сообщить на «Лидис». Позвольте мне самому составить сообщение. Я могу указать детали, которые докажут, что я говорю правду.

— Я дам вам разрешение, Ворланд, — он сухо улыбнулся, — передать всё, что вы захотите — если вы сможете.

— Как это — если смогу?

— Я, как вы могли бы угадать по моему приёму, больше не являюсь агентом Вольных Торговцев на Йикторе. Тут работает спутник-перехватчик на орбите.

— Спутник-перехватчик! Но...

— Вот вам и «но». Сто лет назад это было бы обычной, вполне приемлимой ситуацией, но в наше время это просто ошеломляет, не правда ли? Кобург — глава Синдиката — или какие-то его агенты — представители этого Синдиката — высадились здесь и теперь полностью уверены, что всё в их руках. Я видел доказательства их безжалостных действий.

— Но чего они добиваются? — спросил я. Как он справедливо заметил, сто лет назад такое пиратство никого не удивляло, но сейчас! Патруль давно уже подрезал аппетиты крупных компаний и Синдиката, и за подобные действия строго взыскивалось.

— Что-то здесь есть, — ответил Алсей, — но что именно — не вполне ясно. Итак, ваша проблема становится относительно малой — разумеется, не для вас. Дело в том... — тут он замаялся. — Наверное, я не должен рассказывать вам об этом, но вы должны быть готовы. Я видел ваше тело, когда оно вернулось сюда. Ваш врач не был уверен, что вы сможете лететь, и протестовал. «Лидис» получил частное предупреждение от местных купцов и согласился отвезти моё письмо на ближайший пост Патруля. Потом из разных намёков и слухов я понял, что «Лидис» стартовал как раз вовремя.

Я взглянул на свои руки, лежавшие на столе. Длинные тонкие пальцы, кожа цвета слоновой кости — чужие руки, но они служат мне хорошо и слушаются моих команд. А что, если консул прав, если Крип Ворланд, взятый обратно на «Лидис», теперь мёртв, положен в гроб по обычаю моего народа и будет вечно кружиться среди звёзд?

Рядом зашевелилась Майлин.

— Я должна ехать, — голос её был слабым и очень усталым. Я вспомнил: обмен между Майлин и её сестрой не может длиться долго. С каждой минутой опасность для них росла.

— Вы так и не узнали, чего здесь хочет Кобург?

— Тут многое. Недавние перемены в совете, особенно потому, что они касались правительств некоторых внут-

ренных планет. Этот мир может послужить убежищем или базой, временной, конечно, но, возможно, необходимой для какого-нибудь экс-президента, которому не повезло в его родном мире. Здесь он может натренировать армию, а потом вернуться с нею.

Это звучало неправдоподобно, но консул был лучше меня подготовлен к угадыванию правды. Ясно, что сейчас нечего и думать добратся до «Лидиса». Если капитан Фосс сумел попасть на пост Патруля, то пройдёт некоторое время, прежде чем они появятся на Йикторе.

С другой стороны, у Майлин остаётся очень мало времени. Нам лучше вернуться к её народу и переждать войну. Я попросил аппарат для звукозаписи и продиктовал письмо, по которому, как я надеялся, меня узнают на «Лидисе». Затем я сообщил Алсею, что собираюсь делать, и он одобрил мой план.

Он дал мне новых казов, правда, не таких выносливых и привычных к горам, как те, что везли нас в Ырджар. В сумерках мы выехали из порта. На этот раз нам не удалось остаться незамеченными: нас выследили, и только благодаря влиянию Майлин на казов мы ушли от преследования. Пение ещё больше истощило Майлин, и она потребовала увеличить скорость, так как боялась упасть раньше, чем мы достигнем лагеря. Под конец этой кошмарной скачки я пересадил Майлин на своего каза, потому что она не могла больше сидеть одна. Выбываясь из сил, мы въехали в овраг между двумя холмами, где остальные должны были ждать нас.

На земле валялась скомканная, разодранная палатка. Запутавшись в её складках, лежал один из Тэсса. — Мунстэнс! — Майлин вырвалась из моих рук и кинулась к нему. Она взяла соплеменника за голову обеими руками, вглядываясь в неподвижное лицо и прислушиваясь к его дыханию. Весь перед его туники покрывали алые пятна, однако он каким-то образом удерживал последние капли жизненных сил до нашего приезда.

«Мерли, — раздался его мысленный шёпот, хотя ни одного слова не слетело с помертвевших губ, — её увезли, думали, что это ты».

— Куда? — одновременно спросили мы.

«На восток...»

Он многое сделал для нас, но это был конец. Лёгкий вздох — и жизнь ушла из него.

Майлин взглянула на меня.

— Они искали меня. Хотят моей смерти. Если они поверили, что теперь я в их руках...

— Мы поедem следом! — обещал я, и — будь, что будет — но я сдержу свое слово!

Глава 19

КРИП ВОРЛАНД

Я увидел, что воля человека может заставить его перейти границы физических возможностей: Майлин, которую я вёз почти на руках, проявила такую волю, выехав из разорённого лагеря.

Я закатал тело Тэсса в лоскут палатки и огляделся в поисках следов нашего другого спутника.

— А где Матэн?

Майлин уже сидела в седле, закрыв лицо руками.

— Он ушёл вперёд, — ответила она.

— Тоже пленником?

— Моя сила так быстро падает. Я не могу сказать, — она уронила руки и взглянула на меня такими пустыми глазами, будто жизнь до конца вылилась из них. — Привяжи меня. Я не знаю, смогу ли ехать сама.

Я сделал, что она меня просила, и мы выехали из оврага по следу налётчиков, которые даже не потрудились скрыть его. Там оставалось множество следов казов. Я подумал, что тут появлялось не менее десятка всадников.

Мы ехали теперь не по дороге, как раньше, а через холмы. Майлин не правила своим казом, тот сам вплотную следовал за моим. Она опять закрыла лицо руками, и я подумал, что она скрылась как от физического, так и от умственного мира, чтобы поддерживать связь, ведущую к цели.

Ночь сменилась днём, и мы обнаружили место привала, где зола была ещё горячей. Голова Майлин опустилась, руки бессильно повисли, она тяжело дышала и поднялась только по моему настоянию. Я влил ей в рот воды и увидел, как ей больно и трудно глотать. Она выпила совсем немного.

Странно было видеть её такой покорной, в то время как я привык считать её одарённой сверхчеловеческой властью. Полузакрытые глаза девушки остановились на мне, когда я напоил её, и в них было знание.

— Мерли ещё жива. Они везут её к какому-то Верховному лорду, — еле слышно прошептала она.

— А Матэн?

Я надеялся, что второму Тэсса удалось избежать смерти или пытки, и что он сможет присоединиться к нам в слабой попытке отбить Мерли у захватчиков.

— Он... ушёл.

— Умер?!

— Нет. Он ушёл звать...

Её голова снова упала на грудь, стройное тело качалось на ремнях, которые удерживали девушку в седле. Я не стал поднимать её. Я растерянно стоял в пустом лагере врага и думал, что же теперь делать. Майлин явно не может продолжать путь, а ехать одному глупо. Но бросить след я тоже не мог.

— Ах-х-х... — не то вздох, не то тихое пение послышалось со стороны Майлин. Я подскочил к ней. Этот звук действительно исходил из её губ, но она ещё не вышла из оцепенения.

В кустах зашуршало. Я быстро обернулся, неуклюже выхватив нож Тэсса, — я ещё не привык к этому оружию. Из кустарника, до сих пор сохранившего листья, появилось животное — нет, животные, причём разных пород. Первый зверь, высунувший клыкастую морду из кустов, вовсе не был похож на остальных. Тут были Борба и Ворса, похожая на них Тантака, были и похожие на Симлу — в общем, великое множество!

Животное, которое привело это молчаливое, целеустремлённое воинство, оказалось новым для меня: длинное

гибкое тело, грациозные кошачьи движения, остроухая голова и... глаза, светящиеся человеческим разумом!

— Что это? Кто это? — встретил я лидера вопросом.

— Матэн!

А другие? Тоже Тэсса? Или кто-то из тех, кого отпустила Майлин? Может быть, компаньоны других хозяев и хозяек?

«И те, и другие», — ответил Матэн, мягко прыгнул к казу Майлин, встал на задние лапы и посмотрел на неё.

— Ах-х-х... — снова протянула она, не открывая глаз и не глядя на Матэна и компанию. Это была именно компания, а не полк.

Снова шелест веток, новые головы. На меня смотрели суженные глаза животных.

— Она не может ехать дальше, — сказал я Матэну. Мохнатая голова повернулась, круглые глаза встретились с моими.

«Она должна! — он схватил зубами один из ремней, которыми она была привязана, и резко дёрнул. — Это удержит. Она ОБЯЗАНА ехать!»

Если он и дал своей армии какую-нибудь команду, я её не слышал, но они хлынули живым потоком мимо Майлин к западу и исчезли. Не знаю, сколько их было, но, во всяком случае, много больше, чем я когда-нибудь видел. Кошка-Матэн пошёл перед нами, и мы поехали. Я старался держаться рядом с Майлин, чтобы поддержать её, если понадобится. Она наклонилась вперёд и почти легла на шею каза, полностью забыв о нас и о дороге.

Животные появлялись и исчезали, временами они подбегали и смотрели на Матэна. Я был уверен, что они приносили сообщения, но никакой информации уловить не смог. Мы быстро ехали по холмам, и дорога привела нас не к ущелью, а к крутому подъёму. Я спешил и пошёл рядом с Майлин. Здесь не было даже признака какой-нибудь тропы, и мы некоторое время потихоньку двигались по острому гребню скалы. Я не поднимал глаз от своих ног, чтобы не закружилась голова.

Наконец мы вышли на ровное пространство. Здесь шёл

снег, и тонкие его хлопья жалили мне ноздри, яркими точками сверкая в воздухе. На равнинах ещё стояла осень, а здесь зима уже пригладила землю. Я плотнее запахнул плащ на Майлин, она зашевелилась под моей рукой. Я чувствовал, как пробегает дрожь по её тонкому телу, слышал её тяжёлое дыхание, затем раздался крик. Она оттолкнула мою руку, села, как не сидела уже несколько часов, посмотрела на меня, на скалы, на снег сначала диким невидящим взором, а потом узнавая всё.

— Майлин! — пронзительно крикнула она. Ей ответило эхо и низкий рык животного с глазами Матэна. Она сразу же прижала руки к губам, как бы желая заглушить свой крик.

Только что усталая и беспомощная, она теперь сидела прямо, как будто в неё вливались волны силы. На её щеках появился даже нежный румянец, более яркий, чем я когда-либо видел у Майлин.

Майлин? Теперь мне стало ясно, что это уже не Майлин. Мерли вернулась в своё тело. Прежде чем я успел высказать это или спросить, она кивнула.

— Мерли.

Это я и сам угадал. Время Майлин кончилось, обмен совершился без всякой церемонии и без внешних признаков.

— А Майлин? — спросили мы с Матэном — я вслух, а он мысленно.

— С ними, — она вздрогнула, и я знал, что не от холода, хотя дул сильный ветер.

Она обвела глазами пики, как будто искала ориентиры, а затем показала на один из пиков справа.

— Их лагерь там, на дальнем склоне.

— Надолго? — спросил Матэн.

— Не знаю, они ждут кого-то или какое-то распоряжение. Они держат Майлин по приказу начальника. Не думаю, что у нас много времени в запасе.

Матэн снова зарычал и исчез, блеснув красновато-серым мехом, и я знал, что не все те, кого он призвал в свой необычный отряд, помчались за ним. Мерли взглянула на меня.

— Я не Певница. У меня нет власти, которая могла бы помочь нам сейчас. Я могу быть только проводником.

Она погнала каза вслед за Матэном, и я поехал за ней. В эти минуты я хотел бы снова оказаться в теле барска и бежать за воином Тэсса. Бег уверенно ступающего животного в этом лабиринте скал и обрывов куда быстрее, чем наши осторожные шаги. Меня подгоняло нетерпение, я еле сдерживался, чтобы не обгонять Мерли.

Она несколько раз бросала на меня быстрый взгляд и тут же отводила его, как будто искала что-то и каждый раз убеждалась, что этого нет. Я знал, что именно привлекало и затем отталкивало её.

— Я не Маквэд.

— Нет. Глаза могут обмануть, они — врата для иллюзии. Ты не Маквэд. Однако я рада, что ты сейчас носишь то, что принадлежало ему. Майлин попала в спираль, не соответствующую её вращению. Сердце не один раз предавало мозг.

Я не понял её слов, да это и не имело значения, потому что я знал только одно: пусть я Тэсса только внешне, я никуда не сверну с дороги, лежавшей теперь перед нами. Был ли я всё ещё Крипом Ворландом, спрашивал я себя, не скрывая перед самим собой сомнений. Когда я жил в теле барска, случалось, что человек терялся перед животным, теперь я тоже мог соединиться с тем, что оставалось от Маквэда в его оболочке. А если я снова вернусь в тело Крипа Ворланда — на что теперь оставалось весьма мало надежды — стану ли я прежним Крипом Ворландом?

— Зачем им нужна Майлин? И как они нашли вас?

— Они не случайно нашли нас, а выследили, но как именно, не знаю. Зачем им Майлин, тоже трудно сказать. Я слышала, что они хотят возложить на неё вину за то, что с ними случилось. Думаю, что они собираются как-то воспользоваться ею, чтобы склонить Осколда на свою сторону и открыть какую-то дверь на западные земли, где он может стать Верховным лордом. Тем, кто её держат, дан приказ — только держать и больше ничего. Решать будет тот, кого они ждут.

Мы поднимались, спускались и опять поднимались по

дикому бездорожью, но где казы всё-таки могли ставить ноги. Мы уже достигли тени пика, на который указывала Мерли. Вокруг стояла тишина, не было ни одного животного из той армии, что маршировала с нами, если не считать чётких подписей — отпечатков лап то там, то тут.

— Казы дальше не пройдут, — Мерли спрыгнула с седла.
— Отсюда мы пойдём сами.

Путь был крутым и опасным. Временами мы почти висели, удерживаясь кончиками пальцев, но всё-таки дюйм за дюймом продвигаясь вперёд. Мы обогнули скалу и вышли на другую сторону горы.

Снегопад прекратился, но сменился морозом, щипавшем лёгкие при каждом вздохе. Мы вошли в нишу и заглянули вниз, в красноватую бездну у подножия восточных холмов страны Осколда.

Наступила ночь. Я жалел, что у меня теперь нет глаз Джорта, чтобы видеть в темноте. Земля была такой же жёсткой и шероховатой, как и пещера, где мы укрылись. Спускаться в темноте было очень рискованно, но медлить мы не могли. Мерли показала:

— Там!

Ни палаток, ни фургонов, только костёр. Видимо, там не боялись привлечь внимание. Я попытался определить место на склоне, где мог находиться их пикет разведчиков. Мелькнула тень. И сразу прикосновение к мозгу — это прибежала Борба.

— Иди... — она качнула головой, показывая тропинку, и мы побрели за ней следом, стараясь как можно меньше шуметь. Спускаясь, мы заметили чёрную кучу. Из неё высовывалась рука ладонью вверх, с неподвижными пальцами. Борба оскалила зубы, зарычала и прошла мимо руки и того, что лежало на земле. Отсюда нам не был виден маяк лагерного костра, пришлось положиться на мохнатого проводника. У меня не было больше обоняния Джорта, но, возможно, нос Тэсса устроен лучше, чем у моей породы: я улавливал запахи животных и мог сказать, что армия Матэна залегла здесь в ожидании. Затем как из-под земли выросло животное покрупнее, и я уловил мысль Тэсса:

— В лагерь идёт отряд. Торопись!

Мы пошли в тени скалы. Огонь костра поднялся выше, дал больше света: двое мужчин энергично подбрасывали в костёр топливо. Я насчитал восемь человек в поле зрения. Все они, по-моему, были копией любого присягнувшего на мече, которых я видел в Ырджаре. Эмблемы на их плащах я не смог рассмотреть.

— Чьи? — послал я мысль Матэну.

— Люди Осколда — тот, тот и тот, — указал он на троих.

— Остальные... Я никогда не встречал этой эмблемы.

Резкий и отчётливый звук горна оборвал разговор в лагере. Секунда молчания — затем зашумели приветственные крики.

— Где Майлин?

— Там, — ответила Мерли. В свете костра неподвижно лежало то, что я принял за свёрток одеял. — Они боятся её, боятся взглянуть ей в глаза. Они укутали её плащами, чтобы она не обратила их в животных. Они говорят, что не только она, а все мы можем делать это.

Я не слышал рычания Матэна, но чувствовал вибрацию мохнатого плеча, прижавшегося ко мне.

— Если мы подберёмся к ней... — начал было я, но тут на свет костра вышел другой отряд. На плащах и шлемах сверкал и искрился орнамент.

Предводитель был заметно выше остальных.

— Осколд, — опознал его Матэн.

До нас донеслись голоса, но слова чужого, неизвестного языка я не понимал и попытался распознать эмоции. Торжество, удовлетворение, злоба. Да, эмоции легче понять, чем слова.

Один из тех, кто занимался костром, схватил узел с Майлин и потянул вправо. Другой выступил вперёд, взялся за ту часть плаща, которая покрывала её голову и плечи, и сдёрнул. Её серебряные волосы оказались на свободе. Гордо подняв голову, она стояла перед Осколдом.

— Берегись, лорд, она превратит тебя в зверя! — крикнул один из спутников Осколда, оттаскивая его назад. Его мысль была так интенсивна, что я смог прочесть её.

Осколд засмеялся. Его рука в перчатке, усиленной кастетом с металлическими шипами, размахнулась и уда-

рила Майлин в лицо. Она упала. Так Осколд дал нам сигнал. Как только Майлин упала, из темноты выпрыгнули тени — они рычали и визжали, выли и рвали, рвали, рвали. Я услышал крики людей, вопли животных и бросился к Майлин.

Я не мастер меча, и мой нож был для меня плохим оружием, но я снова почувствовал в себе ярость Джорта, в мозгу вспыхнул красный занавес, закрывающий мысли и оставивший мне только одну цель. Так было, когда я гнался за Озоканам и его людьми...

Она не шевельнулась под моей рукой, в ней совсем не было жизни, лицо было обращено к небу — кровавое месиво из костей и мяса. Я наклонился над ней и зарычал, как те мохнатые существа, которые сражались рядом.

Что произошло с отщепенцами, убившими Малика, то случилось теперь и с этими. Их охватил дикий ужас от такого способа ведения войны, человеческий ум не мог постичь его. Волны животных обрушивались на них. Некоторые от страха лишились присутствия духа, хотя были воинами, другие сопротивлялись, убивали, третьи отступали, но животные преследовали их, сбивали с ног и убивали.

В этой вражеской группе для меня существовал только один, и я пошёл на него, сжимая в руке нож. Несмотря на внезапность нашего нападения, один из охранников Осколда держался рядом с ним, ограждая его своим щитом от напора двух венесс, которые прыгали и снова отскакивали, ожидая удобного момента. Споткнувшись о чьё-то тело, я упал вперёд, едва не угодив в костёр. И руки мои попали на лучеёт — вещь, котрую я никак не предполагал найти здесь, но которая улеглась в моей ладони так же привычно, как разношенная перчатка. Я даже не стал вставать, а лёжа нажал кнопку оружия, которое не имело права быть здесь.

Его луч пронёсся опаляющим глаза огнём. Никакой щит не мог устоять против него, не только человек. Я хотел, чтобы Осколд почувствовал на себе мои руки, но я держал то, что послала мне судьба, и воспользовался инопланетным оружием. Раз... два! Осколд, наверное, уже упал, но

там дрались и другие его люди. Шипение — и луч умер, кончился заряд. Я швырнул луче­мёт в костёр и бросился к Майлин.

Её глаза над ужасной раной были теперь открыты. Она увидела меня и узнала — в этом я был уверен. Я поднял её и отнёс к скале, где сидела Мерли. Я слегка пошатывался и вынужден был прислониться к холодному камню. Мерли была всё ещё там, она не дотронулась до того бедного свёртка, который я держал, а только положила руку мне на плечо. Поток сил перелился от неё ко мне.

Это была жуткая битва, здесь сражались и умирали и люди, и животные. Для меня она осталась таким кошмаром, что я даже не помню деталей. Наконец всё успокоилось, и мы снова подошли к костру. Всё выглядело как наша победа, но вполне могло оказаться и поражением.

Я положил Майлин на платье Мерли, которое она расстелила прямо на земле. Майлин всё ещё смотрела на меня, на Мерли, на животных, на оставшегося пока кошкой Матэна, у которого кровоточила рана на боку. Но мысли Майлин не доходили до меня. Только глаза её говорили, что она жива. Внезапно я почувствовал, что не могу ни на кого смотреть, встал и пошёл куда глаза глядят, спотыкаясь о мертвецов. Кто-то пошёл за мной и, подпрыгнув, ухватил зубами мою болтающуюся руку. Я взглянул — это была Борба. Из её разорванного уха капала кровь, но неустрашимые глаза пристально смотрели на меня.

«Иди...»

Ничто теперь не имело значения, и я пошёл за нею. Мы пробрались через кусты и подошли к ряду казов. Кто-то двигался впереди, раненый. Борба зашипела и потянула меня за руку, понуждая идти туда. Фигура, нащупывая поводья, повернулась ко мне. В темноте я не мог разглядеть лица, но понял, что это беглец из лагеря, и тут же бросился на него. Он упал под моим весом, но попытался сопротивляться. Я нанёс ему такой удар, что моя тонкая рука Тэсса онемела. Но и тот подо мной не шевелился более. Я схватил его за воротник и потащил к свету.

«Крип Ворланд!» — донёсся до меня призыв. Я бросил

бесчувственного пленника и побежал к тем троем, что ждали меня. Матэн лежал, положив голову на колени Мерли, а Майлин... Я не мог собраться с духом и взглянуть на неё. Но ведь это она призывала меня! Я опустился на колени и взял её руки в свои. Они не ответили мне пожатием. Жили только её глаза. Рядом с ней кто-то шевелился и скулил — Ворса или кто-то из той же породы.

Мерли пошевелилась. Матэн поднял голову. Было светло от костра, и над нами висела луна. Её три кольца, бывшие такими яркими и отчётливыми в начале нашего безумного приключения, теперь затуманились. Видимо, они скоро исчезнут.

«Луна! — чуть шептала мысль. — Матэн, луна!»

Её руки были совсем холодными, и не существовало ничего, что могло бы согреть их. Глассия вдруг пронзительно вскрикнула. Голова Матэна поднялась выше. Из его горла вырвался громкий крик, но это не было звериным рёвом, это было пение, которое входило в мою голову, в кровь, проходило сквозь меня. Мерли подхватила песню, она не могла быть запевалой, но вторить могла. А глаза Майлин были прикованы к моим, они старались найти что-то, прикоснуться к той части моего теперешнего мозга, о которой Крип Ворланд ничего не знал. И я, кажется, тоже запел, хотя не особенно в этом уверен. Мы сидели в лёгком тумане утасающих лунных колец и песней помогали Майлин выйти из смерти в новую жизнь.

Когда я снова обрёл полное осознание окружающего, мои руки сжимали руки оболочки, которую покинул дух. А на сгибе моего локтя лежала маленькая, тёплая мохнатая головка...

Я выпустил руки смерти, чтобы прижать к себе тепло и жизнь.

Пленник, захваченный мной у привязи казов, видел меня, когда мы привели его в чувство, но, конечно, не узнал. Зато я узнал его: он мало изменился с того дня, когда внушил мне мысль встретиться с Майлин. Гек Слефид! Он попытался торговаться с нами — это с Тэсса-то! Такой глупости я от него не ожидал — разве что мой способ брать в плен временно лишил его разума. Затем он стал угрожать,

рассказывая, что случится со всеми Тэсса, если его немедленно не отпустят, намекая на тех, кто стоит за ним. Тут, видимо, его тоже подгонял страх. Но мы услышали достаточно для того, чтобы я смог угадать остальное...

Алсей попал в точку относительно начала всего этого. К Йиктору уже не первый год приглядывались те, кто нуждался в примитивной планете как базе и складе боеприпасов. Кобург так глубоко увяз в политической игре, что мог утонуть, если эти гангстеры не помогут ему. Они считали, что Тэсса представляют угрозу, и планировали организовать против них великий крестовый поход. Предполагалось объединить лордов в армию под одним вождём, чтобы можно было отправить эту армию куда потребуется. Однако старинная вражда и соперничество между лордами затрудняли работу, и было решено воспользоваться столкновением Майлин с Озоканом, чтобы подхлестнуть этот крестовый поход.

Кто знает, к чему это могло привести? Теперь Слэфид выбыл из игры, и я уверен, что сознание этого съедало его, и он без устали бормотал, отказываясь признать крушение своих честолюбивых планов.

Мы взяли его с собой в ту странную долину на дне бывшего озера. И там мы все предстали перед Старейшими. На Слэфида они почти не потратили времени, а отдали его мне, чтобы я отвёз его в порт и поставил перед судом его собственного народа. Они знали, что он моей крови, и потому должен пребывать под моей ответственностью.

Затем они судили Майлин по своим законам. Мне не позволили ни спрашивать, ни говорить, и дали понять, что только из любезности разрешают мне присутствовать.

Когда я уезжал оттуда, я вёз с собой мохнатое существо, но не Ворсу, а другое.

Таков был их приговор — она остаётся в теле, добровольно отданном ей той, которая любила её, и будет жить в нём до тех пор, пока луна и звёзды не встанут в благоприятном для неё положении, согласно каким-то неясным подсчётам Старейших. И всё это время она должна оставаться со мной, поскольку, как они сказали, я стал её жертвой — с чем я не был согласен.

Мы привезли Слэфида, впавшего теперь в мрачное молчание, в Ырджар. Здесь ему пришлось заговорить — с офицерами Патруля, которые прилетели по письму, доставленному «Лидисом». Так кончилась эта инопланетная авантюра, по крайней мере в том, что касалось Йиктора. Планете же предстояло зализывать раны и наводить хоть какой-то порядок в хаосе.

И вот я уселся с капитаном Фоссом и остальными членами экипажа «Лидиса» и поглядывал в зеркало, висевшее на стене жилой комнаты консула. Там я видел Тэсса. Но в теле Тэсса жил, может, изменившийся, но всё-таки Крип Ворланд. Пути Тэсса — не мои пути, я не был настоящим Тэсса и не мог жить их жизнью. Они открыли бы для меня свои фургоны и палатки — Матэн, снова приняв человеческий облик, приглашал меня в свой клан, но среди них я был бы кем-то вроде однорукого, хромого и одноглазого калеки.

Всё это я рассказал Фоссу, но, по нашему обычаю, решение принадлежало не только ему, но всей команде. Ведь пустая скорлупа от Крипа Ворланда, увезённая с Йиктора, умерла и была выброшена в космос. И теперь я ждал, сочтут ли Крипа Ворланда действительно умершим или позволят ему вернуться к жизни.

— Вольный Торговец, — задумчиво сказал Фосс, — я видел за свою жизнь много вещей и много обменов в разных мирах, но впервые вижу обмен телами. Ты сказал, что эти самые Тэсса смотрят на свою внешность, на мясо и кости, как мы смотрим на одежду, и могут сменить её в случае необходимости. Это остаётся в силе и для тебя?

Я покачал головой.

— С моим собственным телом — да, но не с другим. Я Тэсса только по виду, но не по власти. Я навсегда останусь таким, каким вы меня видите.

— Вот и хорошо! — Лидж ударил ладонью по столу. — Раньше ты знал своё дело, делай его и в другом теле. Как, ребята, согласны?

Он взглянул на Фосса и на остальных. И я почти прочёл их вердикт ещё до того, как услышал его. По правде сказать, я внутренне сомневался, имею ли я право просить

о возвращении на «Лидис»: ведь во мне сосуществовала какая-то часть Джорта и Маквэда. Возможно, я получил не только тело. Но если они считают меня Крипом Ворландом, я постараюсь стать им полностью. Я должен отбросить всякие сомнения. Джорт и Маквэд ничто по сравнению с тем, чего ждали от меня. Я Крип Ворланд, Торговец, вот и всё. Так и должно быть!

Но я увёз с Йиктора не только новое тело. Мою каюту и мои мысли делит маленькая мохнатая особа. Я часто вижу её не такой, какая она сейчас, а какой она была. Она пришла по своей воле и по воле Тэсса.

Время между звёздами растягивается, и судьба поворачивается то хорошей, то дурной стороной. Есть сокровища и сокровища. Может, одно из них попадёт в наши руки и лапки. И мы обретём свой корабль и с компанией маленького народа пойдём по звёздным трассам. Как знать?

Я — Крип Ворланд с «Лидиса», и все уже забыли, что я раньше выглядел по-другому. Но я не забыл, кто живёт в шкурке глассии и в один прекрасный день снова пойдёт на двух ногах. Мы снова увидим Йиктор, и если он пребудет тогда под Луной Трёх Колец — кто знает, что может случиться?

ИЗГНАННИКИ ЗВЁЗД

Глава 1

КРИП ВОРЛАНД

Что-то изменилось в комнате — или это потемнело у меня в глазах? Я прикрыл глаза руками и задумался, глаза ли меня подводят или здесь что-то не так? Потому что это появившееся марево вполне могло быть порождением сильных эмоций, и любой человек, обладавший хоть какими-то задатками эспера, легко мог определить, каких именно — это были вкус, запах и прикосновение страха. Не нашего собственного страха, а страха того города, что нервно пульсировал вокруг нас, как огромный испуганный зверь.

Мне захотелось убежать из этой комнаты, из этого дома, из этого города в безопасность «Лидиса» и спрятаться в раковине корабля Вольных Торговцев, бывшего моим домом, от этого страха, граничащего с ужасом. Но я остался сидеть, где сидел, руки мои спокойно лежали на коленях, и я продолжал наблюдать за своими собеседниками и вслушиваться в щёлкающие звуки речи людей из города Хартума планеты Тот.

Их было четверо. Двое из них были священники преклонного возраста. Дорогие фиолетовые накидки, которые они так и не сняли, несмотря на жару в комнате, говорили об их принадлежности к высшим слоям местного духовенства. Тёмная кожа лиц, бритые головы и оживлённо жестикулирующие руки согласно древней традиции были окрашены в жёлтый цвет. Каждый ноготь на пальцах закрывался металлической пластинкой, украшенной драгоценными камнями. Даже в приглушённом свете комнаты камни мерцали, вспыхивали и переливались, когда их пальцы привычно рисовали в воздухе символы общения со своим Богом.

Их сопровождали официальные представители правительства Хартума. Они расположились за столом напротив нашего капитана Урбана Фосса, полностью предоставив ведение переговоров священникам. Руки их постоянно находились рядом с оружием на поясах — словно каждую

минуту они ожидали, что распахнётся дверь и в комнату ворвутся враги.

Нас было трое с «Лидиса» — капитан Фосс, суперкарго Джел Лидж и я, Крип Ворланд, самый младший в этой компании Вольных Торговцев. О Вольных Торговцах говорят, что они не могут жить без Космоса и его бесконечных звёздных дорог. Действительно, эта бесконечность расстояний и столь же бесконечная свобода наших передвижений составляли весь смысл нашей жизни. Мы были скитальцами так долго, что, похоже, превратились в новую расу человечества. Нам было наплевать на все эти внутрипланетные и даже межпланетные интриги, хотя порой мы оказывались втянутыми в них. Впрочем, это случалось достаточно редко. Опыт — жестокий учитель. Он научил нас держаться как можно дальше от политики.

Я сказал, что нас было трое. Я ошибся — нас было четверо. Стоило мне опустить руку, как пальцы прикасались к жёсткому взъерошенному меху глассии. Она сидела рядом с моим стулом и гораздо острее, чем я, ощущала тревогу, сгустившуюся вокруг нас.

Посторонний, взглянув на нас, решил бы, что около меня сидит обыкновенная глассия с Йиктора. Чёрный густой мех, венчик жёстких серо-белых волос на голове в виде короны, тонкий и длинный, как всё её тело, хвост, большие лапы с узкими и острыми, как кинжалы, когтями. И всё-таки это была не глассия. В теле животного жила душа Майлин. Раньше она была Лунной Певницей Тэсса. Она обрела эту оболочку, когда её настоящее тело было разбито и умирало. Её собственный народ приговорил Майлин остаться в нём, пока она не заслужит прощение. Это было жестокое наказание. Те, кто приговорил её, считали, что она нарушила законы своего народа.

Йиктор в пору Луны Трёх Колец — всё случилось именно тогда, чуть больше планетарного года назад, и навсегда теперь впечатано в мою память. Я не забуду ни одной мелочи, связанной с тем временем. Майлин спасла меня. Спасла мою жизнь, но не тело, которое было у меня, когда я приземлился на Йикторе. То тело давно «умерло» и вынуждено скитаться среди звёзд, пока однажды не

попадёт в огненные объятия одного из солнц и не сгорит дотла.

Тогда-то у меня и появилось второе тело. Оно было на четырёх лапах, охотилось, убивало, лаяло на Сотру — луну Йиктора. Оно оставило в моей памяти странные воспоминания о мире, полном запахов и звуков. А сейчас у меня уже третья оболочка, очень похожая на моё первое тело, но всё же отличающаяся от него. Это последнее тело сохраняет бесчисленные воспоминания прошлого. Воспоминания постепенно проникают в моё сознание, и тогда мой привычный, обыденный мир «Лидиса» (который я знаю с самого рождения) начинает казаться мне незнакомым и странным. Моё прошлое не узнаёт его. И всё-таки я остаюсь Крипом Ворландом, независимо от внешней оболочки (ныне ею служит тело Макведа из рода Тэсса). Это двукратное переселение моей души совершила Майлин, и за это она заключена теперь в тело зверя, ходит на четырёх лапах и сидит рядом с моим стулом. И, честно говоря, я очень рад, что она осталась со мной.

Сначала я был человеком, потом барском, сейчас я — Тэсса. Частицы каждого облика неразрывно смешались в моём сознании. Поглаживая жёсткий хохолок Майлин, я слушал, смотрел и вдыхал в себя воздух, пропитанный не только запахами, характерными для домов Хартума, но и эмоциями его обитателей. Я умею улавливать чужие мысли. В этом нет ничего необычного — многие Торговцы обладают подобным даром. Но я знал, что у Макведа, как представителя расы Тэсса, это чувство развито намного сильнее. Поэтому меня и пригласили на переговоры. Мои руководители решили использовать меня как эспера, чтобы как можно лучше понять тех, с кем нам пришлось общаться.

Гораздо более чувствительная, чем я, Майлин тоже должна была помочь нам проанализировать полученную информацию. Фосс использует наш отчёт, когда станет принимать решение. А решение это должно быть принято очень быстро.

«Лидис» приземлился здесь четыре дня назад с грузом порошка палма, получаемого из бурых водорослей Гавай-

ки. В обычное время этот порошок был бы продан храмам, использующим его в качестве горючего для вечнопылающих ритуальных огней. Торговля эта не особенно прибыльна, но, как говорится, жить можно. К тому же в обмен (если расположить к себе священников) можно заполучить что-нибудь из сокровищ Нода. А они стоят очень дорого в любом внутреннем мире.

Планеты Тот, Пта, Анубис, Сехмет и Сет* вращаются вокруг звезды Амон-ра. Из этой пятёрки Сет расположена слишком близко к солнцу, чтобы на ней могла появиться жизнь, а Анубис представляла собой безжизненную ледяную пустыню. Оставались Тот, Пта и Сехмет. Все они были исследованы, а две — частично колонизированы несколько поколений назад переселенцами с Земли. Но только оказалось, что они не были первыми.

Наш народ поздно вышел в космос. Мы это обнаружили уже во время первой галактической экспедиции. Оказывается, существовали расы, империи, которые возвысились, распались и исчезли задолго до того, как наши предки обратили свой взор к небу, чтобы узнать природу звёзд. Куда бы мы ни прилетали, везде встречали следы этих других людей — в основном, не поддающиеся изучению. Мы называли их «Предтечами», считая, что это представители какой-то единой великой расы. Мы тогда ещё многого не знали и не понимали. И только гораздо позже мы убедились, что существовало и существует множество галактических империй и множество рас, путешествующих в бесконечном времени и пространствах. Да и теперь мы знаем лишь ничтожную часть их.

На планетах звезды Амон-ра люди отыскивали немало древних следов этих межзвёздных скитальцев. Но до сих пор всё ещё не было установлены истоки и генезис расы, которая здесь когда-то процветала: покорила ли она только систему звезды Амон-ра, или же была отдалённой ветвью ещё не классифицированной галактической цивилизации. В пользу последней гипотезы говорила необычность и

* Амон-ра, Тот, Пта, Анубис, Сехмет, Сет — боги древнеегипетского пантеона. *Прим. ред.*

древность найденных на здешних планетах «сокровищ», над которыми священники чуть ли не с первых дней появления установили строжайший контроль.

Каждый народ имеет своих богов, свои управляющие силы, порождаемые какой-то внутренней потребностью верить в существование чего-то сверхъестественного, чего-то высшего. В некоторых цивилизациях эта вера выродилась в религии страха и тьмы с кровавыми жертвоприношениями, безжалостностью и неумолимостью служителей ужасных культов. В других — просто признают существование души и обходятся без всяких формальных ритуалов. Но во многих мирах, как, например, в этом, боги сильны, а их служители почитаются непогрешимыми и стоят намного выше светских правителей. Поэтому Торговцы ведут себя очень осторожно в подобном мире, где много храмов и священников.

Система Амон-ра была колонизирована беженцами с Веды. Они сбегали от всеобъемлющей разрушительной религиозной войны. Поэтому, конечно, с самого начала всем здесь заправляли церковные иерархи.

К счастью, они не были фанатиками и не боялись неизвестного. В некоторых мирах артефакты древних цивилизаций просто уничтожались как дьявольские изделия. Но здесь некий дальновидный высокопоставленный священник в первые же дни очень быстро сообразил, что эти останки обладают немалой ценностью, которую можно использовать с большой выгодой. Он объявил все эти находки собственностью Бога. Было решено, что они должны храниться в храмах.

Когда Торговцы установили контакт с Тотом (поселение на Пта было слишком мало для космических визитов), им предложили для продажи ничтожную часть этих сокровищ. Но даже эта мелочь оказалась настолько ценной, что Торговцы зачастили сюда, хотя здесь не было больше никакого другого товара, способного заинтересовать внешний мир.

Во время первой продажи им предложили самые незначительные предметы, почти крохи. Наиболее же ценные вещи использовались для украшения храмов. Но и этого

было вполне достаточно, чтобы сделать путешествие далеко не бесполезным для Вольного Торговца, хотя подобная выгода не привлекала крупную компанию. Торговое пространство нашего народа довольно ограничено. Мы живём на самой окраине торговой зоны галактики, и крупные Компании сюда почти никогда не залетают.

Так что торговля с Тотом стала для нас обычным делом. Но время на корабле течёт не так, как на планете. Между нашими визитами здесь проходили годы, и за это время могут произойти огромные перемены в любой сфере жизни — политической и даже физиологической. И когда на этот раз «Лидис» совершил посадку на Тоте, мы обнаружили здесь серьёзные перемены. Напряжённое бурление общественной жизни, которое мы сразу же почувствовали в городах планеты, предвещало начало социального хаоса. Постепенно мы начали разбираться в происходящем. Правительство и религия — долгое время правившие совместно — впали в противоборство.

Полгода назад в горной стране на запад от Хартума появился новый пророк. Так бывало уже не раз, но раньше тем или иным способом служителям храмов удавалось нейтрализовать их влияние без существенных волнений. На этот раз духовенству пришлось защищаться более серьёзно. Из-за их самодовольства и самоуверенности, укрепившихся за долгие годы незыблемого правления, они с трудом справились с первыми трудностями.

Как это иногда бывает, одна ошибка приводила к другой, гораздо более серьёзной, и это происходило до тех пор, пока правительство Хартума не оказалось в опасности. Одержав над священниками ряд побед, восставшие почувствовали уверенность. Здешнее дворянство, как правило, неплохо относилось к духовенству. За долгие годы их интересы так переплелись, что теперь было очень сложно отделить их друг от друга. Но, как и в любом обществе, всегда найдутся недовольные. Небольшая часть дворянства (среди них попадались даже члены древнейших фамилий) считала, что имеет меньше, чем хотелось бы. Предвидя возможность извлечь для себя выгоду из происходящего, они объединились с мятежниками.

Искрой, которая разожгла пламя восстания, послужила попытка вскрыть один из тайников с сокровищами. В нём оказалась заключена и неизвестная таинственная инфекция, быстро убившая всех, кто участвовал в той операции. Болезнь стремительно распространилась дальше, унося жизни многих, не имевших никакого отношения к этому делу. Объявившийся священник-пророк стал внушать недовольным, что эти сокровища от дьявола и должны быть безоговорочно уничтожены.

Он взвинтил толпу, разбудив в ней жажду разрушений, призывая уничтожать монастыри, в которых тоже хранятся сокровища. Только тогда власти зашевелились. Но вирус насилия уже проник в народ. Восстание ширилось, находя сторонников среди тех, кто хотел изменить существующее положение вещей.

Обычно там, где действуют вековые и, казалось бы, незыблемые законы, власти часто не осознают серьёзности местных бунтов. Однако среди духовенства всё же нашлось несколько человек, согласившихся, хоть и с неохотой, выехать для увещевания восставших. Но эти попытки обернулись лишь никому не нужной говорильней.

Теперь на планете полыхала первоклассная гражданская война, и, как мы уже успели понять, правительство чувствовало себя весьма неуверенно. Поэтому и была организована эта секретная встреча в доме местного правителя. «Лидис» на этот раз привёз не очень ценный груз. И мы хорошо знали, что если однажды Вольный Торговец может позволить себе совершить невыгодную поездку, то следующий раз повлечёт за собой продажу корабля за долги Лиге.

Для Вольного Торговца остаться без корабля равносильно гибели. Мы не знаем иной жизни — осёдлое существование на планете для нас тюрьма. Даже если удастся устроиться на какой-либо другой корабль, нам придётся начинать всё сначала, и почти нет шансов выкарабкаться к самостоятельности. Для молодых членов экипажа, вроде меня (я был всего лишь помощником суперкарго), ещё оставалась кое-какая надежда добиться

большого. Но и нам на первых порах пришлось бы отчаянно сражаться даже за наши низшие места. Для капитана же Фосса и других офицеров это означало бы полное поражение.

Таким образом, хотя мы и узнали о событиях на планете уже через полчаса после приземления, сразу мы не улетели. Пока оставалась хоть какая-то надежда окупить поездку, мы предпочитали не спешить со взлётом, хотя и были уверены, что не найдём здесь рынка сбыта для нашего груза. Фосс и Лидж поспешили связаться с духовенством. Но вместо того, чтобы, как обычно, организовать открытую встречу, они пригласили нас сюда.

Судя по всему, положение у них было настолько критическим, что они не стали тратить время на официальные приветствия, а сразу перешли к делу. Наконец-то после всех неудач, которые преследовали «Лидис», у нас появился товар, которым мы могли выгодно торговать — безопасность. Безопасность не для тех людей, которые сидели с нами в зале и даже не для их владык, а безопасность для самых ценных сокровищ планеты. Нам предложили как можно скорее погрузить их на «Лидис» и вывести в безопасное место.

Это уже превратилось в традицию — как только начинались волнения, верхушка духовенства улетала на планету Пта. Там в своё время построили огромный неприступный храм, стены которого были сложены из местных необычайно твёрдых минералов. Именно там они и собирались спрятать ценности храмов. А «Лидис» должен был перевезти бесценный груз.

Когда капитан Фосс спросил, почему они не используют свои собственные транспортные корабли (спросил вовсе не потому, что отказывался от их предложения), у них уже был готов ответ. Во-первых, их корабли летают на твёрдом топливе и пилотируются автопилотом, а экипаж их состоит из одного или двух техников. Отправлять сокровища на таком корабле весьма рискованно. При неполадках в управлении, которые случались довольно часто, сокровища могут быть потеряны навсегда. Во-вторых, на «Лидис», корабль Вольных Торговцев, можно

положиться. Такова репутация Вольных Торговцев. Действительно, все знают, что, однажды связав себя обещанием, мы свято держим слово. Не использовать такое предложение было бы глупо.

Священники сразу же заявили, что если мы согласимся на их условия, они не сомневаются, что груз будет доставлен. И не один груз, а по меньшей мере два или три. Если восставшие не захватят город в ближайшее время, священники будут продолжать отправлять свои сокровища до тех пор, пока это возможно. Но самые ценные вещи они отправят первым кораблём. Они хорошо нам заплатят, и именно это было предметом обсуждения на встрече. Не то, чтобы у нас были какие-то особо спорные вопросы. Но человек никогда не станет Торговцем, не умея, в зависимости от обстоятельств, чётко и точно определять цену своих услуг. В настоящее же время у нас была монополия на то, что мы могли предложить.

За последние десять дней правительственные войска потерпели два серьёзных поражения. И хотя королевская армия продолжала упорно защищать дорогу к городу, было ясно, что ей долго не продержаться. Фосс и Лидж знали об этом. Кроме того, существовала опасность восстания в самом Хартуме. Три других города уже сдались восставшим. Их агенты сумели проникнуть за стены города и поднять там бунт. Как сказал один из священников, это похоже на буйное помешательство, передающееся от одного человека другому.

«Тревога!»

Мне не нужен был этот мысленный сигнал от Майлин, так как я и сам почувствовал зловещее сгущение темноты. Мысль о том, что экстрасенсорными способностями обладали явившиеся на переговоры священники, я решительно отбросил — мы бы давно знали об этом. Эта аура страха почти наверняка была вызвана действиями неизвестного нам, но явно одарённого противника. Тем не менее, я не чувствовал никакого чётко выраженного воздействия.

Я пошевелился. Лидж быстро взглянул на меня, уловив моё мысленное предупреждение. Члены команды «Лидиса» доверяли мне и хорошо знали, что когда я вернулся на

корабль в облики Тэсса, мои эсперные способности стали намного больше, чем были до того.

— Считайте, что мы договорились.

Как суперкарго, Лидж принимал окончательное решение. В таких ситуациях его слово было важнее слова капитана. Торговля была главной и единственной его обязанностью.

Священники после его слов успокоились, но атмосфера в комнате оставалась напряжённой. Майлин снова коснулась моего колена, почему-то на этот раз она не захотела говорить со мной мысленно. Только после этого я заметил, что хохолок на её голове уже не топорщится. Я вспомнил, что знаком злости или ощущения опасности у глассий был ровный хохолок, лежащий на лбу. Поэтому я сам послал мысль на поиск, пытаюсь разобраться, где таится опасность.

Прямое чтение мыслей невозможно без взаимного согласия участников. Но на эмоции настроиться достаточно легко, и я тут же обнаружил нечто такое, что заставило меня непроизвольно взяться за рукоять станнера. На некотором расстоянии ощущалась угроза, куда более сильная, чем атмосфера беспокойства в комнате. Ещё труднее было определить, была ли эта угроза направлена на тех, кто нас собрал здесь, или опасности подвергалась наша команда.

Священники ушли первыми. У них была охрана. У нас её не было. Фосс посмотрел на меня.

— Что-то неладно, не как обычно, — прокомментировал он.

— Нас ждут там серьёзные неприятности, — я кивнул на входную дверь. — Большие, чем мы ожидаем.

Майлин поднялась, положила передние лапы мне на плечи и подняла голову так, чтобы заглянуть мне прямо в глаза. Её мысль сразу передалась мне в мозг: «Нужен разведчик. Разреши мне пойти первой».

Мне не хотелось разрешать ей. Здесь она была совершенно чужой и сразу же привлекла бы внимание. В ситуации, когда пальцы лежат на спусковом крючке, это может спровоцировать атаку.

«Ты не прав!»

Она уже прочитала мои мысли.

«Забываешь, что уже ночь. А я знаю, как сделать ночь днём».

Чуть помедлив, я приоткрыл дверь, и она выбежала на улицу. Холл был весьма плохо освещён, и я в очередной раз удивился тому, как умело она использовала сумерки для прикрытия. Она исчезла раньше, чем я осознал это.

Фосс и Лидж присоединились ко мне. Капитан проворчал:

— Очень напряжённая атмосфера. Чем быстрее мы отсюда вылетим, тем лучше. Как долго продлится погрузка?

Лидж пожал плечами:

— Это зависит от размеров груза. В любом случае мы должны сделать всё, чтобы подготовиться к его приёму.

Он включил передатчик на запястье и отдал приказ на корабль, чтобы выгружали порошок и освобождали место под груз. Это было одним из наших условий, и священники вынуждены были согласиться. Они позволили нам самим рассчитать, что именно и сколько мы возьмём у них, и, когда груз уже будет переправлен на Пта, самим отобрать причитающуюся нам часть сокровищ. Хотя обычно Торговцы вынуждены брать то, что им дают.

Один за другим мы вышли на улицу. По просьбе Фосса встреча проходила за стенами города. Мы не хотели рисковать, пересекая границу Хартума. Но я чувствовал, что не успокоюсь, пока не вступлю на трап «Лидиса».

Наша встреча началась в сумерках, сейчас уже стояла ночь. Даже сюда доносился тревожный гул города.

И вдруг...

«Берегись!»

Предупреждение Майлин прозвучало в моём мозгу отчётливей, чем крик.

«Бегите к воротам!»

Майлин послала сигнал такой силы, что даже Фосс принял его, мне не пришлось передавать его другим. Мы бросились к воротам вслед за Фоссом, который расчищал нам путь.

У стены, к которой мы бежали, завязался настоящий бой. Звучали выстрелы, хрипло кричали люди, раздавался грохот какого-то орудия. К счастью для нас, на этой планете технология не достигала уровня лазеров и бластеров. У них было старое стрелковое оружие, производившее сильный грохот. Но нас могли убить и этим оружием не хуже, чем бластером. Наши же станнеры не убивали, а только вызывали обморок.

Фосс нажал кнопку станнера, я и Лидж сделали то же самое, превращая узкий поражающий пучок в широкую полосу. Такая стрельба быстро истощает заряд, но в подобной ситуации у нас не было иного выбора. Нам необходимо было расчистить дорогу впереди.

— Беги направо!

Команда Фосса была лишней. Лидж уже метнулся в одну сторону, я в другую. Мы спешили. Нам надо было подойти как можно ближе к противнику, чтобы наша атака прошла более эффективно. Затем в дверном проёме я заметил Майлин. Она неслась ко мне, готовая присоединиться к нашему последнему натиску.

— Огонь!

Мы выстрелили одновременно, без разбора сметая всю эту сражающуюся толпу и врагов, и друзей, если таковые у нас имелись среди воевавших. Люди беспорядочно метались и падали, а мы попытались уйти, перепрыгивая через неподвижные тела, неуклюже распростёршиеся около ворот. Но сами ворота всё ещё были закрыты, и мы тщетно наваливались на них.

— Рычаг! В охранке... — Фосс уже задыхался.

Майлин опять исчезла. У неё, скорее всего, больше не будет человеческих рук, но лапы глассии тоже кое-чего стоят. В следующее мгновение она показала нам, как можно их использовать. Почти сразу створки ворот раздвинулись, пропуская нас вперёд.

Мы бежали так, как будто все дьяволы неба вселились в наши ноги. В любой момент оружие сражавшихся могло быть направлено на нас. У меня появилось неприятное ощущение между лопатками, я почти физически ощущал, как туда ударяет пуля...

Однако нам повезло. Мы благополучно добежали до трапа, сулившего безопасность. Все четверо, включая Майлин, с невероятной лёгкостью бежавшую рядом со мной, влетели на «Лидис». Едва мы проскочили открытый люк, как услышали лязг металла и поняли, что наши вахтенные закрыли вход на корабль.

Фосс прислонился к стене у трапа и перезарядил свой станнер. Стало ясно — с этого момента нам надо быть готовыми защитить себя и корабль.

Я посмотрел на Майлин:

«Ты знала, что у ворот будет бой?»

«Не совсем. Кто-то в темноте подбирался к нам и хотел вас схватить. Они собирались помешать вывозу сокровищ, но пришли слишком поздно. Бой у ворот спутал их планы».

Фосс не понял нашего мысленного разговора, и я объяснил ему, о чём мы говорили. Он стал очень серьёзен.

— Мы согласились вывезти их сокровища, но пусть они сами доставят их сюда. Ни один член экипажа не покинет корабля.

Глава 2

КРИП ВОРЛАНД

— Что же нам теперь делать? На корабле мы пока в безопасности. Но как долго нам придётся ждать?

Манус Хнольд, наш астронавигатор, включил обзорный экран, и мы, до отказа заполнившие кабину управления, изучали с его помощью то, что происходило сейчас снаружи.

Толпа, заполнившая площадку вокруг «Лидиса», проявляла нездоровый интерес к его пусковым ракетам. Но держались они пока на безопасном расстоянии от выжженной зоны. Хотя аборигены были неплохо вооружены и довольно дисциплинированы, это были отнюдь не войска, защищавшие правительство. Но как они предполагали причинить нам какой-то вред, пока мы внутри корабля, я не имел ни малейшего понятия.

Я решил снова использовать мысленный поиск — вокруг бушевали волны самых необузданных эмоций. И не было никакой возможности сосредоточиться на одной из них в этом море ярости.

— Не совсем же они дураки, чтобы рассчитывать на успех своей атаки на нас, — сказал наш инженер Паулин Шаллард.

— Нет, конечно, — Лидж поднял голову и внимательно посмотрел на экран, словно хотел выделить из толпы какого-то конкретного человека. Хнольд включил «обзорное» изображение, и мы стали разглядывать панораму места посадки.

— На нас они не рискнут напасть. Им надо что-то другое. Они хотят помешать нашей торговле. Это горожане. Никогда не поверю, чтобы восставшие прорвались сюда в таком количестве и так быстро... — он замолк и нахмурился, глядя на толпу.

— Подожди! — Фосс нажал кнопку, изображение замерло.

Мы увидели ворота, через которые недавно прорывались сами. Из них выходили хорошо вооружённые отряды в форме. На восставших явно готовилась атака правительственных войск. Отряд растянулся цепью, создавая прикрытие для большой платформы, на которой была укреплена длинная, на вид очень тяжёлая труба. Солдаты скатили её на землю, развернули и направили на толпу, находившуюся между ними и кораблём. Крайние ряды восставших поспешили отойти от линии огня, но огромный ствол поворачивался вслед за ними.

Люди начали разбегаться. Сначала по одному, по два человека, затем целыми группами. Мы не очень-то разбирались в современном оружии на Тоте, но было хорошо видно, что это неуклюжее орудие внушает уважение и страх местному населению. Тем не менее, перед кораблём оставалось ещё довольно много восставших. Но ряды солдат, постоянно пополнявшиеся подкреплением со стороны города, всё сильнее и сильнее напирала на толпу, с мрачным молчанием отступавшую перед ними.

— Вот они! — Лидж сделал движение в сторону входного

трапа. — Они, кажется, собираются загружать корабль. Будем открывать?

При обычных обстоятельствах погрузка и разгрузка корабля относилась к обязанностям Лиджа. Но при угрозе безопасности «Лидису» командование автоматически переходило к Фоссу.

— Прикрой люки станнерами и открывай сначала верхний. И пока мы не убедимся, что они владеют ситуацией... — приказал капитан.

Несколько минут спустя мы стояли у верхнего люка. Он был открыт, и меня грызло неприятное чувство незащитности, словно я находился на боевом дежурстве. Мой калькулятор был пристёгнут к запястью, оставляя руки свободными для оружия. На этот раз я настроил станнер на узкий поражающий луч. Посмотрев на меня, Грис Шервин, наш второй инженер, вжался в стену по другую сторону люка и установил своё оружие на высокоэнергетическое распыление.

Солдаты тем временем выдвинули своё орудие вперёд, освобождая проход в городские ворота. Его огромное дуло всё ещё продолжало раскачиваться, очевидно, стараясь не выпустить из прицела нападавших. В узкой полосе смотровой щели мы уже почти не видели восставших. Хорошо были видны только убитые в перестрелке — их тела лежали неподалёку от трапа.

Городские ворота уже раскрыли настежь. Из них выезжал первый тяжелогруженный транспорт. Тоттианцы использовали машины на жидком топливе. Нам они казались весьма неповоротливыми по сравнению с машинами внутренних планет, использующими солнечную энергию. И всё же это было намного лучше, чем гужевые повозки примитивных обществ. Теперь к «Лидису» по полю катили три первых грузовика.

Каждую машину вёл священник в рясе, а в кузовах ехала охрана в полной боевой готовности. Головы охранников были защищены странными круглыми касками, а руки сжимали оружие. Мы увидели, как первый грузовик остановился на платформе под качающимися тросами нашего подъёмника.

Началась погрузка на «Лидис». Священники работали с энтузиазмом, но очень неуклюже. Я спрыгнул вниз, чтобы помочь им, стараясь не думать о том, что со стороны толпы запросто может прилететь шальная пуля, так как стрельба всё ещё продолжалась. Вверх и вниз, потом внутрь, и снова — вверх-вниз. С грузом надо было обращаться чрезвычайно осторожно. Хотя всё было хорошо упаковано, мы постоянно помнили о том, что грузим бесценные сокровища. Первый грузовик разгрузили, он быстро отъехал в сторону, а люди, разгружавшие его, остались. Я продолжал руководить погрузкой и в то же время составлял список поднятых на борт предметов, занося каждый номер в регистрационную книгу. Лидж стоял у люка наверху и делал то же самое. Когда погрузка закончится, эти два списка будут заверены печатью в присутствии представителей духовенства.

Мы разгрузили уже три грузовика. На следующем привезли только четыре вещи — одну очень большую и три маленькие. Я просигналил, чтобы удвоили мощность подъёмника, будучи не совсем уверен, пройдёт ли такая большая корзина через люк. Груз с трудом, но прошёл. Убедившись, что груз исчез в люке, я спросил у священника, отвечающего за погрузку:

— Есть ещё что-нибудь?

Он покачал головой, продолжая смотреть туда, где исчез этот большой груз. Потом взглянул на меня.

— Нет, больше нет. Но Верховный Священник должен прийти за списком погруженных вещей.

— Когда? — настаивал я, решив пока не включать мыслепоиск. Наверняка на меня обрушатся дикие эмоции, бушующие неподалёку отсюда, где бой ещё не утих. Конечно, «Лидис» был крепостью, которую не возьмёшь приступом, но чем быстрее мы улетим с Тота, тем лучше.

— Когда сможет, — ответ прозвучал настолько неопределённо, что мог легко вывести из равновесия кого угодно. А священник уже повернулся ко мне спиной, отдавая приказы на своём родном языке.

Я пожал плечами и поднялся к люку. Там работал робот-погрузчик. Мой начальник стоял у стены напротив и

считывал показания приборов. Когда я вошёл, он остановил робота и нажал кнопку вывода списка.

— Они не возьмут списки, — доложил я. — Они говорят, что за ними придёт Верховный Священник.

Лидж в ответ лишь недовольно хмыкнул, а я пошёл осмотреть груз. Большой предмет, который погрузили последним, всё ещё держали на весу два робота. И хотя они были весьма крепкими, было видно, что они с трудом удерживают его. Я проследил, как роботы установили предмет в центре платформы и закрепили его ремнями, чтобы тот не сдвинулся во время взлёта и посадки. Вскоре они закончили свою работу, и я смог наконец закрыть и опечатать грузовой отсек. Он будет закрыт до тех пор, пока мы не приземлимся на Пта. Теперь Лидж поставит свою подпись рядом с моей, и после этого только серьёзная опасность, например, пожар, может заставить нас вскрыть отсек.

Потом я прошёл в свою кабинет. Там, как обычно, на время погрузки расположилась Майлин. Она лежала, положив голову на передние лапы. Но не спала. Её золотые глаза были открыты. Ещё раз взглянув на неё, я понял, что она ушла в себя, и не стал её тревожить. Хотя то, что она могла сейчас узнавать, было крайне интересно. Увидев, что я собираюсь уйти, она слегка приподняла голову. Я остановился и подождал, пока она заговорит.

«Пришёл человек. Но это не тот, которого вы ждёте».

Я подумал было, что это пришёл за списком Верховный Священник, но она продолжала:

«У него иной склад ума, чем у тех, которые просили нашей помощи».

«Из восставших?»

«Нет. Этот человек носит такую же рясу, как и другие священники. Но он не разделяет их убеждений. Он считает, что это великий грех, дьявольский поступок — увозить сокровища из храма, где он служит. Он верит, что в наказание за это его Бог наслёт зло на всех, кто замешан в этом преступлении. Сейчас он пришёл для того, чтобы передать нам проклятие своего Бога. В этом Боге больше гнева, чем любви и справедливости. Он пришёл проклясть нас...»

«Так он пришёл только проклясть нас или попытаться убить?»

«Не думай, что одно слабее другого. Иногда проклятие может стать очень сильным оружием. Особенно если оно направлено против верующих».

Надо сказать, что я достаточно серьёзно отнёсся к её словам. Любой скиталец звёздных дорог подтвердит — нет ничего такого, даже очень необычного и странного, чего не могло бы случиться в том или ином мире. Я уже встречался с проклятиями, которые приводили к смерти. Правда, это могло произойти, как сказала Майлин, только если тот, кого проклинали, тоже был верующим. Вполне возможно, что священники, которые передали нам на хранение свои сокровища, поверят в проклятие и умрут. Но вряд ли это проклятие представляет угрозу для команды «Лидиса». Вообще-то, у нас тоже есть вера. Каждый человек верит в своего Бога или Высшую силу. Есть свой Бог и у Майлин — она называет его Моластером, и вся её жизнь подчинена ему. Но я совершенно не верил в то, что нам может угрожать божество Тота.

Майлин легко разобралась в моих мыслях:

«Верить в него или нет — это, конечно, твоё личное дело. Но любое проклятие — тяжёлая ноша. Зло порождает зло, тьма держится за тени. Проклятие верующего — это его собственная сила. Этот человек искренен в своей вере, и его вера настолько велика, что дала ему большую силу. Вера — это всегда сила».

«Ты предупреждаешь?» — я почувствовал тревогу. К словам, которые говорит Майлин, надо всегда относиться серьёзно.

«Я не знаю. Если бы я была прежней...»

Её мысли внезапно закрылись от меня. Никогда ещё я не слышал, чтобы она сожалела вслух о том, что случилось на Йикторе, даже когда её телу был нанесён смертельный удар, а Старейшие, в дополнение ко всему, наказали её годами пребывания в теле глассии. Когда её одолевала депрессия, она наглухо замыкалась в себе. И только сейчас, пожалуй, впервые за всё это время, внезапно обронённая фраза выдала её тоску и желание обладать своим прежним

телом Лунной Певицы Тэсса. Так человек в тяжёлые минуты жизни жалеет об оружии, которое потерял.

Я решил, что её сообщение должно быть как можно скорее передано капитану, и поспешил в рубку управления. Фосс внимательно смотрел на экран, на котором было видно, как колонна пустых грузовиков возвращалась в Хартум. Орудие ещё стояло за воротами, а его расчёт по-прежнему был в полной боевой готовности. Было похоже, что они ждут нового нападения.

— Люк закрыт, груз опечатан, — доложил я, хотя это была лишь пустая формальность. Лидж уже сидел на месте навигатора, пристегнувшись ремнями, и с задумчивым видом жевал кусочек укрепляющего сло-го.

— Майлин сообщила... — начал я, не совсем уверенный, слушают ли они меня. Они молчали, и я продолжил доклад.

— Проклятие? — переспросил Фосс. — Но почему? Разве мы не спасаем их сокровища?

— Мне кажется, — сказал Лидж в ответ на первый вопрос капитана, — что у их Верховного Священника и без того слишком много забот, чтобы он рискнул ещё рассказывать о них нам. Хотя не мешало бы поинтересоваться, почему он не рассказал об ереси в своём храме до того, как был подписан контракт.

На экране появились новые действующие лица. Хотя грузовики уже проехали ворота, охрана не сдвинулась с места. Теперь из ворот выходила процессия, подобная бывающим на здешних религиозных праздниках. Отчётливо был виден пурпур ряс священников с ярко-малиновыми полосками или пятнами жёлто-оранжевого цвета, вспыхивающими то здесь, то там. Мы не могли слышать, но хорошо видели огромные барабаны, в которые изо всех сил били несущие их люди.

— Если они поднимутся на корабль, это будет похоже на огонь, поднесённый к фитилю, — хмуро заметил Лидж, не отрываясь от экрана и продолжая жевать свою жвачку. — Мы взяли на борт Трон Квира.

Я с изумлением уставился на него. Кто-то рассказывал мне легенду об этом Троне. Но одно дело легенда, другое — нечто реальное, что можно увидеть, к чему можно

прикоснуться. Значит, последний груз, который мы взяли на борт, был Троном Квира!

Кто был первым, настоящим владельцем сокровищ Тота — неизвестно. Хотя найденные предметы свидетельствуют о том, что здесь в давние времена была высокоразвитая цивилизация, никаких письменных памятников обнаружено не было. Поэтому мы не знаем имён королей, знати, священников, и тем более названий предметов. Люди, находившие эти сокровища, сами давали им названия.

Трон нашли в одном из первых тайников. Он был замурован в конце тупикового коридора. Изыскатель, который руководил поиском и вскрытием того тайника, не был жителем Тота, этот археолог приехал с Фафора. Он назвал свою находку в честь божества своей родной планеты. Но не того Бога, который принёс ему удачу, а его антипода. Такое кощунство оскорбило местных священников. Изыскатель скоро умер, смерть его приписали случайности, и храм сразу же предъявил свои права на Трон, несмотря на то, что на эти раскопки священники продали права фафорцам. Именно в те времена на поиски сокровищ была наконец установлена полная монополия церкви. Чтобы найти Трон, изыскатель отдал свою жизнь. Он наверняка понял, что ему не удастся скрыть существование бокового коридора и тайно вывезти Трон самому. А после того, как Трон был обнаружен, прятать его было уже поздно.

Считалось, исходя из его формы, что Трон принадлежал галактической расе, внешне очень похожей на людей. Сиденье Трона было отлито из красного металла, удивительно лёгкого, но очень прочного. По бокам его располагались две подставки для рук в форме голов неизвестных существ, покрытых золотыми и полированными зелёными пластинами, с глазами из молочно-белых камней. Позади поднималась расширяющаяся высокая спинка — самая красивая деталь. Казалось, что она составлена из широких перьев, искусно украшенных золотом и зеленью. Кончик каждого пера был украшен вставками из синезелёных камней, а всего их насчитывалось ровно сто.

Но не только великолепное искусство замечательного

мастера поражало в Троне. Удивительно было и то, что все эти сине-зелёные и молочно-белые камни в подлокотниках не только не были обнаружены на Тоте, но они были неизвестны и на других мирах. Трон не был похож ни на один предмет, найденный на этой планете.

После того, как Трон нашли, его перевезли в храм Хартума, и он стал там одной из основных достопримечательностей. С тех пор доступ к нему позволялся после бесконечного ожидания лишь очень немногим и под строжайшим контролем церкви. Таким образом изучение Трона застопорилось — хотя изображения его имелись на любой плёнке, упоминавшей Тот.

Процессия прошла ворота и направилась к «Лидису». Стало ясно, что красные и жёлтые пятна были шарфами и шальями на плечах людей, вытянувшихся в колонну за одним человеком. Он был высок, заметно выше остальных, и так худ, что лицо его напоминало череп. В лице этом не было мягкости и смирения, его сжигал огонь фанатизма. Рот его то и дело раскрывался, как будто он что-то говорил, кричал или пел под гром барабанов. Его взор был неотрывно устремлён на «Лидис».

По движению воздуха я понял, что подошла Майлин. Она вытягивала шею, пытаясь заглянуть в экран. Я взял её на руки, чтобы ей было удобней, в который раз удивившись тяжести её тела.

«Опасный человек, — передала мне Майлин. — Хотя он и не такой сильный, как наши Старейшие, но мог бы стать таким, как они, если бы пошёл по пути Моластера. Берегись его, он закрыл своё сердце и мысли от нас. Он видит только одну цель и готов отдать всё, даже жизнь, чтобы добиться того, что он хочет. Такие люди опасны...»

Лидж обернулся:

— Ты права, малышка.

Он, должно быть, уловил мысли, переданные ею. Для всех членов экипажа Майлин была только глассией. Правда, Грис Шервин видел её однажды в теле Тэсса, но сейчас даже он, казалось, не мог соотнести животное и женщину. Все они знали, что она не та, кем кажется, но постоянно забывали об этом.

Процессия священников со своим лидером во главе напинала клин. Острие этого клина было нацелено на корабль. Мы всё ещё ничего не слышали, но увидели, что барабанщики отложили палочки. У высокого священника двигались уже не только губы, но и руки. Он наклонился и захватил полные пригоршни примятой песчаной почвы. Он плюнул себе в ладони, хотя смотрел не на руки, а на корабль. Затем начал скатывать землю в комок, поднимая руки всё выше и выше.

— Он проклинает, — сообщила Майлин. — Он призывает своего Бога проклясть всех, замешанных в вывозе сокровищ из храма. Он клянётся, что сокровища будут возвращены, а те, кто забрал их, умрут. Он будет ждать возвращения сокровищ на том самом месте, где стоит сейчас.

Священник замолчал. Двое из сопровождающих встали по обе стороны от него. Они вытащили из-под одежды две полоски материи и расстелили их на земле. Не глядя на них, священник опустил на колени и сложил руки на груди. Он по-прежнему не сводил взгляда с «Лидиса». Сопровождавшие и барабанщики отошли на несколько шагов назад.

В это время из ворот выехала маленькая машина, на большом расстоянии объехала коленопреклонного священника и подъехала к «Лидису».

— Наше разрешение на взлёт, — сказал Лидж и поднялся со своего места. — Пойду возьму его. Чем быстрее мы взлетим, тем лучше для нас.

Он завернул недожёванный кусочек сло-го в обёртку, положил его в карман и вышел из кабины. Уверенные, что это действительно прибыло разрешение на взлёт, мы разошлись по своим местам, чтобы готовиться к старту. Я положил Майлин на её верхнюю полку, пристегнул ремнями, которые она не могла застегнуть своими лапами, и улёгся на своё место. Ожидая сигнала к взлёту, я думал о том священнике.

Ему придётся долго ждать, пока мы не вернёмся за второй партией груза. И что призойдёт, когда мы вернёмся, доставив груз на Пта? Наше возвращение опровергнет

его предсказание. Он потеряет своих сторонников и, возможно, усомнится в своей вере?

«Нам надо сначала вернуться», — пришла ко мне мысль Майлин.

Мысли не как слова, произнесённые голосом, они приходят без интонации. Но всё же было что-то непонятное в её сообщении. Неужели она верит, что нас может постигнуть неудача?

«Весы Моластера взвешивают слова точно. Но за этими словами должно стоять добро. Зло они не взвешивают. Мне не нравится...»

Сигнал ко взлёту прервал её мысль. Она закрыла свой мозг, как некоторые закрывают рот. Мы лежали и ждали знакомых неприятных ощущений, связанных с запуском «Лидиса». На этот раз мы стартовали не к звёздам, а к четвёртой планете этой системы, бледный полумесяц которой недавно появился в западной части неба.

Так как для столь короткого перелёта не надо было набирать гиперскорость, мы отстегнулись сразу, как только корабль вышел за пределы атмосферы. Мы находились в невесомости, состоянии, которое никогда не бывает приятным, хотя мы знакомы с ним практически с рождения. Майлин совсем не нравилась невесомость, и она предпочитала оставаться на своём месте всё это время. Я убедился, что ей удобно, насколько может быть удобно в таких условиях, и направился в каюту Лиджа.

К моему великому удивлению, мой начальник был не один. Лысая голова человека, лежавшего на месте суперкарга, хоть он и был без рясы и капюшона, несомненно, принадлежала священнику. Вольные Торговцы очень редко перевозят пассажиров. Настолько редко, что каждый раз это событие чрезвычайное. Священник лежал неподвижно и, казалось, был в обмороке. Я повернулся к Лиджу за разъяснениями. Лидж вытолкнул меня из каюты и следом вышел сам. Он выдвинул панель и закрыл каюту.

— Он привёз приказ, который мы должны были выполнить, — объяснил Лидж. Я видел, что сам он не одобряет случившегося. — Он не только привёс приказ взлететь как можно быстрее, но и указание Верховного Священника

сопровождать груз до места назначения и отвечать за него там. Я не знаю, что у них произошло, но они настаивали, чтобы мы покинули планету с максимальной быстротой. В конце концов, почему нам не сделать исключение для одного человека? К тому же, он летит только до Пта.

Глава 3

МАЙЛИН

Я лежала на своём месте на корабле и снова вела свою изнурительную битву, битву, которую я не могла ни с кем разделить. Даже с Крипом, которому в своё время было не легче, чем мне сейчас. Раньше я была Лунной Певницей, слишком гордой и самонадеянной в своих поступках и словах. Я наивно верила, что одна распоряжаюсь своей судьбой, и всё остальное должно происходить так, как я этого хочу.

Никогда мы, Тэсса, не должны забывать о Весах Молас-тера, на которых будут взвешены и дела тела, и мысли разума, и желания сердца — всё будет оценено с позиции высшей истины! Мои деяния уже оценили, у меня теперь другое тело — тело моей маленькой подружки Ворсы. Ворса с удовольствием отдала мне своё тело, когда мое собственное перестало мне служить. Я не должна преуменьшать ту огромную жертву, которую она принесла. Поэтому я заставляю себя терпеть, терпеть и ещё раз терпеть. Эту бесконечную битву с самой собой никто не должен видеть, о ней никто не должен знать.

Я сделала выбор. Как Лунная Певница, я должна была научиться быть на равных с другими живыми существами и вместе с ними достичь горных мест Йиктора в животном облики. Только так может исполниться предназначенное. Но если раньше душу всегда согревало успокоительное чувство, что моё родное тело ждёт меня, что это изгнание временное, то сейчас...

Хотя я всегда оставалась Майлин, мною теперь была ещё и часть, остававшаяся в теле Ворсы. Я очень её любила

и благодарна ей за то, что она сделала для меня, однако я вынуждена была сражаться с инстинктами этого тела для того, чтобы оно как можно дольше оставалось только временным пристанищем и не подавляло меня. Но в последнее время всё чаще набегала тень страха — что избавление не придёт, с годами во мне Ворсы будет всё больше и больше, а Майлин — всё меньше.

Я очень хотела расспросить своего друга Крипа Ворланда, приходил ли к нему такой же страх, когда он бегал в теле барска? Но я не могла показывать кому бы то ни было своё беспокойство. Я не знаю, говорила ли во мне прежняя гордость и привычка лидировать в любой ситуации, или это было чисто внешнее средство защиты. От прежней жизни во мне осталось неистребимое желание играть свою роль как можно лучше. Но к этому неожиданно добавилась необходимость играть определённую роль и в жизни «Лидиса». И когда это происходило, мне начинало казаться, что Майлин стала полноправным членом экипажа. Впрочем, так оно и было в те последние часы на Тоте, когда я, забыв о себе, полностью окунулась в заботы экипажа.

Я всё ещё лежала на своем месте, и мои мысли были мрачны. Я вспоминала священника, который проклял нас. Когда я сказала Крипу, что в чистой вере этого человека таится огромная сила, я была права. Хотя он и не использовал жезл, чтобы указать им на нас Силам Тьмы, но он призвал другие силы, которые, по его мнению, могли помешать нам. И ещё — я так и не смогла добраться до его мыслей. В его мозгу существовал барьер, отгораживающий его от меня так надёжно, словно он был одним из Старейших.

Сейчас, пристёгнутая ремнями к полке (за свою короткую жизнь на корабле я так и не смогла приспособиться к невесомости), я решила воспользоваться мыслепоиском.

Мысли экипажа «Лидиса» были обычными. Я лишь слегка касалась их. Это такое лёгкое прикосновение, что ни одно живое существо не может его почувствовать. Но внезапно в своём поиске я наткнулась на чей-то чуждый разум...

Я резко дёрнулась и оскалила клыки. Но скоро здравый

смысл взял верх, и я послала сигнал Крипу. Он ответил мгновенно, должно быть, уже почувствовав моё беспокойство:

«Что случилось?»

«На борту человек с Тота. У него дурные намерения».

Крип помолчал, потом пришёл его ясный ответ:

«Я слежу за ним. Он без сознания с самого взлёта».

«Но мозг его бодрствует! Крип, этот человек не такой, как те, с которыми мы встречались на Тоте. Он похож, он очень похож на священника, который проклинал нас. Следи за ним, хорошо следи!»

Но тогда я ещё не осознала, насколько же этот незнакомец отличался от других, и как мы должны его опасаться. Как и у того священника, у этого тоже стоял в мозгу барьер, за которым он прятал большую часть своих мыслей. И хотя я не могла их прочесть, я чувствовала страшную опасность.

— Не сомневайся, за ним будут следить.

И тут незнакомец как будто услышал наш мысленный разговор. Возможно, так оно и было. Последовал скачок, резко уменьшивший излучение его мозга. Хотя это могло произойти и от физической слабости. Но теперь я была наготове, как если бы расхаживала на страже по всему «Лидису».

На корабле не было ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера. Когда я первый раз появилась на борту, мне показалось, что к этому невозможно привыкнуть. Узкое пространство кабин и коридора напоминало тюрьму, особенно невыносимую для того, у кого раньше не было другого дома, кроме фургонов Тэсса, и кто жил вне человеческих стен. К тому же на корабле всегда стоял едкий запах. А рёв двигателей, нёсших нас к звёздам, иногда доводил до безумия. Единственным местом, где можно было спастись от всего этого, были мои мысли и моё прошлое. Ни дня, ни ночи, а только периоды времени, которые Торговцы произвольно установили для сна и бодрствования.

Когда я оказалась на корабле, мне не осталось ничего другого, кроме как подчиниться предложенному распорядку. Крип мне сразу объяснил, насколько привычно для экипажа замкнутое пространство звездолёта. Некоторые

из его членов мастерили что-то для того, чтобы отвлечься. Другие загружали свой мозг, обучаясь чему-нибудь с помощью информационных кассет. Они делали всё, чтобы корабль не превратился для них в тюрьму.

На Крипа же, возможно, как и на меня, влияло тело, в котором он теперь находился. Будучи теперь Тэсса, он часто расспрашивал меня о прошлом, пытаясь как можно больше узнать о моём народе. Я с удовольствием делилась с ним воспоминаниями, скрывая только то, что не стоило знать чужеземцам. Так что мы оба обитали как бы вне стен корабля.

Вскоре он вернулся и стал стелить свою постель.

«Лидж всё взял на себя и после моего предупреждения обещал дать ему лекарство, облегчающее перегрузку при взлёте. Наш гость проспит большую часть полёта», — сказала мне Крип, а потом поинтересовался, не узнала ли я чего-нибудь нового о нашем пассажире.

«Нет, пока всё без изменений».

Я уже настолько освоилась с распорядком на корабле, что меня тоже потянуло ко сну.

Пробуждение было ужасным. Мне показалось, будто петля, обвившись вокруг моего тела, рванулась и резко вздёргнула меня вверх. Я забилась в привязных ремнях, удерживавших меня на полке, хотя разум быстро успокоился.

Момент ошеломления прошёл, и я никак не могла понять, что же меня разбудило. Затем поняла, что не слышу больше равномерного гула двигателей, в режиме их работы явно произошёл какой-то сбой. А секунду спустя над головой раздался резкий звук — селектор внутренней связи корабля объявил на «Лидисе» тревогу.

Крип кубарем скатился с полки. Так как мы были в невесомости, его резко отбросило к противоположной стене. Я слышала, как он что-то буркнул, ударившись о стену, а потом поплыл в обратную сторону. Держась рукой за полку, он развязывал мои ремни. После первого, разбудившего нас сигнала, из селектора раздалось тревожное сообщение:

— Всем приготовиться к выходу на орбиту!

Крип замер, всё ещё занятый моими ремнями, а я по-прежнему цеплялась передними лапами за край полки, чтобы не уплыть от неё. Потом Крип положил меня обратно и собрался уходить.

«Мы ещё не могли долететь до Пта!» — сказала я.

«Нет, но корабль...»

Он мог и не продолжать. Даже я, так и не ставшая настоящим космическим путешественником, поняла, что с двигателем не всё в порядке.

Я не стала использовать мысленный контакт, чтобы не отвлекать мозг, сосредоточившийся на работе двигателей, а пустила в ход мыслепоиск. Возможно, я это сделала инстинктивно. В первую очередь он был направлен на нашего пассажира.

Не знаю, может быть, я вскрикнула, и Крип тут же отозвался. Но когда он узнал то, что уже знала я, его тревога перешла в ужас.

Я была Лунной Певницей и пользовалась волшебным жезлом. Я могла читать мысли и проводила обмен телесными оболочками под тремя кольцами Сотры. Под покровительством Моластера я использовала свой талант. Но то, с чем я столкнулась сейчас, было совсем новым, чужим, тёмным и разрушительным.

Из каюты, где лежал тот странный священник, исходил поток чистой энергии. Я смогла проследовать вдоль этого потока, и, сделав это, мне удалось вслед за собой увлечь мысли Крипа, через весь корабль, вниз, к чему-то, находящемуся под двигателями, под самым сердцем корабля, к тому, что таилось в грузовом отсеке. Мысленная энергия нашего пассажира освободила силу того, что было там спрятано, и теперь обе эти энергии слились воедино, превратившись в смертоносную силу, замедлившую работу двигателей «Лидиса» и разрушавшую его сердце. В любую минуту эта сила могла окончательно уничтожить его.

Я попыталась сдержать энергию, изливавшуюся из мозга священника. Но поток её был настолько велик, что легче было сдвинуть с места гору Тормора. Я уже знала, что если этот поток остановится, уменьшится и сила, заклю-

чѐнная в предмете, упрятанном в грузовом отсеке. Узнав это, Крип сразу же ответил мне:

«Если не мысль его, то он сам связан с этой штукой! Подберись к человеку!»

Он был прав. Я прекратила битву с потоком и вместе с Крипом бросилась разыскивать Лиджа, который должен был находиться ближе всех к пассажиру. Вскоре нам удалось найти и предупредить суперкарга, побудив действовать немедленно.

Наконец-то! Струя питающей энергии запульсировала, стала ослабевать и, ещё раз дрогнув, исчезла. Сразу же уменьшилась вибрация корабля, а затем и вовсе прекратилась.

И тут неожиданно резко изменилась гравитация. Мы вышли на орбиту, но на какую...

Тело глассии не приспособлено к таким перегрузкам. Хотя я и старалась изо всех сил сохранить сознание, мне это не удалось.

Во рту появился сладковатый привкус крови. Та часть меня, которая принадлежала Ворсе, слишком хорошо помнила её вкус. Мне было очень больно. Я с трудом открыла глаза, поначалу всё вокруг было как в тумане. Потолок каюты по-прежнему был надо мной, а я была прижата к койке гравитацией более сильной, чем притяжение Тота.

Мы приземлились. Неужели вернулись на Тот? Это было крайне сомнительно. Цепляясь лапами за полку, я подтянулась к краю и посмотрела вниз на своего друга.

Когда он поднялся, его взгляд встретился с моим. В нём мелькнуло беспокойство.

— Майлин! — встревоженно сказал он. — Тебе больно!

Я осмотрела себя. Да, было несколько кровоподтѐков. Кровь текла из носа, изо рта и измазала шерсть. Но ушибы были не очень серьёзными, так я ему и передала.

Так мы приземлились — но не на Тоте и не на Пта, к которому стремились. Мы сели на Сехмете. Какие-то странные все эти названия. Крип раньше рассказывал мне, что первые исследователи его расы обычно называли звѐзды и миры вокруг них именами древних богов и богинь народов из их собственной истории. А там, где не было

коренных жителей, которые могли бы дать свои названия, имена давались из богатого богами прошлого Земли.

Так и система Амон-ра получила имя из легенды. Крип показывал мне символы, обозначающие каждую из планет. Их имена были взяты из очень древней истории. Планета Сет, слишком горячая для жизни, имела знак ящера. Тот изображалась длинноклювой птицей. Пта имела вид человека, а Сехмет была представлена головой мохнатого существа, которое Крип хорошо знал и которого называл «кошка».

Кошки легко переносили космические путешествия, и на раннем этапе космической эры их часто брали в полёты. Но сейчас их осталось очень мало. Какими силами обладала эта богиня, Крип не знал. Её знания были забыты. Но у мира, носящего имя богини, была не очень-то хорошая репутация.

На этой планете притяжение было намного сильнее, чем на Пта или Тоте, и поэтому исследователи даже не пытались колонизировать её. Изредка на ней появлялись разведчики, но они так и не обнаружили здесь ничего такого, чего нельзя было бы встретить на Пта. Где-то на этой планете под вечно мрачным небом и суровыми ветрами был установлен маяк Патруля. С его помощью можно было передать сообщение или вызвать помощь.

Наше приземление на этой суровой планете не оказалось роковым только благодаря высочайшему мастерству пилота и инженера. И всё-таки мы оказались на ней в роли заложников. Объединённая сила священника и груза произвела такие разрушения в нашем двигателе, что исправить их с помощью инструментов, которые находились на борту «Лидиса», не представлялось возможным.

От священника мы так и не получили никакого ответа — он оказался мёртв. Это обнаружил поднятый по нашей тревоге Лидж. Было похоже, что неожиданное ослабление его силы настолько испугало его, что он умер от страха. Мы так и не узнали, почему он нанёс вред кораблю, но полагали, что он пытался не пустить нас на Пта.

Прежде всего нам было необходимо обеспечить собственную безопасность. Где-то на планете среди остроконечных гор и долин, таких глубоких и узких, что

они казались совершенно непроходимыми, был спрятан маяк Патруля. Найти его и передать сообщение о помощи было нашей единственной возможностью спастись.

Для исследовательских полётов на борту «Лидиса» имелся маленький двухместный флиттер. Его достали и подготовили к работе. Для тех, кто вылетит на нём искать маяк, который мог оказаться даже на другой стороне планеты, поиск может стать опасным. И хотя все члены экипажа выразили желание принять участие в разведке, было решено, что надо бросить жребий.

Жребий тянули из чаши, в которой перемешали карточки с должностными значками. Жребий пал на нашего астронавигатора Мануса Хнольда и второго инженера Гриса Шервина. Они приготовили всё необходимое, загрузили запас пищи, всё проверили и перепроверили и, прежде чем капитан разрешил отправиться на поиски, совершили на флиттере два пробных полёта.

В галактических логиях было записано, что пребывание на этой планете не сулит нам ничего хорошего. И хотя кроме суровой природы мой мыслепоиск не обнаружил на ней никакой видимой угрозы, мы приготовились к самым серьёзным испытаниям.

В ландшафте преобладали чёрные или тёмно-серые цвета. На Йикторе тоже имеется немало бесплодных пустошей и гор. Но они рождали у Тэсса ощущение света и свободы. Здесь же всё было погружено в полутьму.

Каменные стены гор мрачно чернели, а та скудная растительность, которая встречалась на планете, была светло-серого цвета. Трава почти не отличалась от почвы, на которой росла. На черные почки деревьев не хотелось смотреть, а чтобы дотронуться до них, требовалась немалая смелость.

Даже песок, поднятый в воздух с дюн на равнине, где капитан Фосс посадил корабль, больше походил на пепел старых костров. Он был такой рассыпающийся и мелкий, что на нём почти не оставалось следов. Сильные холодные ветры поднимали в воздух целые облака этой пыли. Ветры выли и стонали, и с каждым часом их враждебность становилась всё заметнее.

Именно эти порывы ветра были наиболее опасны для

флиттера. Стоило им усилиться, и прожектор не мог уже пробить пелену песка и осветить дорогу. А селекторная связь с «Лидисом» во время песчаных бурь становилась ненадёжной и на большом расстоянии могла вообще прерваться. Правда, наш техник-связист Сансон Корд был уверен, что маяк находится недалеко от места нашей посадки. Но почти никто не разделял его оптимизма.

Мне же совсем нечего было делать. Мои лапы не годились для управления флиттером. Так что я сама себе дала задание мысленно побродить среди этих гор, прислушиваясь ко всему, что может обитать здесь и причинить нам зло.

На Сехмете имелась кое-какая жизнь. Здесь обитали маленькие бегающие насекомые, которые прятались в щелях между камней. Но, как мы определили, они не обладали сознанием. Следов более крупных существ я не обнаружила. Это, конечно, не значило, что их вообще здесь не было, просто они могли находиться вне радиуса моего поиска.

Хотя я и не нашла здесь проблесков сознания, всё же на этой планете существовало нечто, чего я не могла объяснить. Меня не покидало ощущение близости чего-то очень важного. У меня появилось чувство, никогда не испытанное мною раньше. В горной части Йиктора у Тэсса есть свои особые, «святые» места. Раньше, как говорит легенда, мы вели оседлый образ жизни. Нам, как и сегодняшним жителям равнин, было знакомо ощущение замкнутой жизни в городах, в стенах каменных домов.

Но пришло время, и мы сделали выбор, который изменил не только живших тогда людей, другими стали все последующие поколения. Мы отказались от физической работы, от совершенствования техники и строительства бесчисленных городов и обратились к другой силе, невидимой, неизмеримой. Именно тогда Тэсса выбрали путь, ведущий к превосходству ума над телом. Постепенно исчезла необходимость жить в одном месте. Мы поняли, насколько мало значат в жизни вещи. Если мужчина или женщина имели больше, чем им было необходимо, они делились с менее удачливыми.

Мы стали скитальцами, чувствовали себя в полях и лесах так же уютно, как наши предки в своих поселениях. Но до сих пор у нашего народа сохранились священные места. Это были очень старые места, такие старые, что их первоначальное назначение забыто даже древними легендами. Мы хранили эти места для тех случаев, когда нам было необходимо собраться вместе для концентрации силы — для выбора Старейших или для других подобных случаев.

В тех местах особая атмосфера, аура, которая присуща только им. Когда мы собираемся там, они оживают, одаривая нас духовным теплом, и возрождают нас. Это похоже на то, как глоток чистой воды утоляет жажду измученного человека. Так вот, это чувство — чувство безграничной древности и одухотворённости — было очень похоже на то, что я почувствовала на Сехмете.

Но почему именно здесь у меня появилось ощущение чего-то очень-очень древнего, полного смысла, которого я не могу понять? Как будто мне показали учебный фильм, переполненный символами, настолько чуждыми, что они абсолютно ничего не говорят мне. И это чувство не покидало меня постоянно, в каком бы месте вокруг посадочной площадки я не находилась. Мне не было ясно, где истоки этого чувства. Как понимать причину появления их? Я приписала эти ощущения сухому песчаному воздуху и горечи ветров, тоскливо завывавших в горах.

Беспокойство моих друзей с «Лидиса» было совершенно иного рода. Они выяснили, что священник привёл в действие некий механизм, который и вызвал нашу аварию. Механизм был спрятан в очень необычном месте. Тщательные поиски привели к Трону Квира. Сначала они думали, что устройство находится в упаковке Трона, но вовремя поняли, что ошиблись. Они полностью распаковали Трон, но ничего не нашли. Тогда дюйм за дюймом с помощью самых лучших приборов обследовали сам Трон. И Лидж обнаружил полость в его спинке. Надавив на два камня, обнаружили нишу. Внутри находилась коробка из тёмного металла.

От неё шло такое мощное излучение, что Лиджу при-

шлось надеть защитные перчатки. Он достал коробку из Трона и перенёс в специальное хранилище, а затем и вообще вынес из корабля и оставил среди скал, где её энергия никому не могла причинить вреда. За время долгих и бессчётных путешествий у Торговцев накопились знания о многих мирах, но конструкция коробки и природа заключённой в ней энергии была им неизвестна. Но все согласились с тем, что коробка сделана не на Тоте, где техника пока пребывала на довольно примитивном уровне.

— Если только, — прокомментировал капитан Фосс, — эти священники не нашли в своих сокровищницах такие секреты, которые не желают так просто раскрывать. Бесспорно, этот тайник был сделан одновременно с Троном, а не выдолблен позже. Скорее всего, и коробка сохранилась с тех времён. Теперь у нас на руках мёртвый священник и опасный предмет, вынудивший нас приземлиться на Сехмете. Мы отыскиали это приспособление, но не думаю, что нам от этого стало легче.

— Зачем им это вообще было надо? Мы ведь легко могли затеряться в космосе вместе с их сокровищами! — воскликнул инженер Шаллард. — Просто счастье, что нам удалось удачно приземлиться.

Фосс мрачно уставился на скалы и на дюны чёрного песка, похожего на пепел.

— Это действительно загадка, — не сразу сказал он, а потом повернулся к тем двоим, которые вытянули жребий. — Я начинаю думать, что чем быстрее мы свяжемся с Патрулём, тем лучше. Приготовьтесь к отправке. Поднимитесь, как только стихнет ветер.

Глава 4

МАЙЛИН

Флиттер улетел. Связь с «Лидисом» была постоянной, хотя кроме краткой информации о местах, где они пролетали, Хнольд и Шервину сообщать было нечего. Однако

Фосс выходил с ними на связь чуть ли не каждую минуту, и его беспокойство было тем очевиднее, чем громче он кричал в микрофон.

Теперь уже всем было понятно, что авария была кем-то запланирована. Не ясна была только цель. Нас могли задержать до старта с Тота, что было бы гораздо легче. Это могли сделать как силы повстанцев, так и тот фанатичный священник. Но удар был нанесён в середине полёта.

Собирались ли посадить нас именно на Сехмете? Капитан сомневался в этом. То, что мы приземлились здесь, было чистой случайностью. Он склонялся к тому, что они хотели оставить «Лидис» болтаться в беспомощном состоянии посреди космоса. Все члены экипажа согласились с ним. В космосе мы были бы совершенно беспомощны, здесь же мы могли защищаться и даже предпринять меры для своего спасения. Тем не менее, и здесь угроза нападения была слишком велика. Прежде чем отправить флиттер, техники тщательно проверили всю систему связи, которая тоже могла оказаться повреждённой, а также попробовали оценить шансы на переделку передатчика для организации сверхдальней связи. Торговцы всегда славилась подобными техническими импровизациями.

Пришла ночь, хотя и день на Сехмете был не ярче поздних сумерек. Горы скрылись за чёрными облаками. С наступлением ночи холод усилился. Но вставшая дыбом шерсть неплохо согревала меня, и я не мерзла.

Крип позвал меня вернуться на корабль. Они хотели закрыться изнутри, превратив «Лидис» в крепость, как это было у Хартума. Я последний раз провела мысленную разведку и не обнаружила ничего угрожающего. Ничего, на что бы я могла указать и сказать: «Это опасно!». И всё же...

Когда люк закрылся за мной, а тепло и свет «Лидиса» вернули ощущение безопасности, меня всё равно продолжало беспокоить чувство, что мы находимся рядом... С чем?

С трудом я начала взбираться по лестнице в жилую часть корабля. И оказалась как раз напротив люка, ведущего в грузовой отсек, где находился Трон. Неожиданно мою голову развернуло в сторону закрытой двери отсека. Я это

сделала словно под действием непреодолимой силы. Давление было таким сильным, что я даже перегнулась через перила и, продолжая тянуться к двери, почти коснулась её.

Коробка, которая вызвала нашу аварию, была сейчас вне корабля — я видела, как её выносили. Но из закрытого отсека исходило мощное излучение «жизни». Это самое близкое по смыслу слово, которым я могу описать его. Мех на моём тельце зашевелился, как от сильного ветра, тело пощипывало, в глазах поплыли разноцветные круги. Я отправила сигнал, и почти мгновенно пришёл ответ Крипа:

— Майлин, что это?

Я попыталась объяснить, но было слишком мало информации, чтобы дать правильный ответ. Однако то, что я передала, оказалось вполне достаточным, чтобы Крип, капитан и Лидж тут же бросились ко мне.

— Но коробки больше нет на корабле, — недоумённо сказал Фосс. Он отошёл в сторону, пока Лидж открывал люк.

— Может, там есть ещё одна?

Крип гладил меня по голове. Я видела, что его беспокойство вызвано не только чувством неведомой опасности, он ещё беспокоился и за меня. Крип ни разу не видел меня в таком состоянии. Меня било, как никогда ранее. Он хорошо знал, что если я не могу сказать, что происходит со мной и что находится за закрытой дверью, то это значит, что опасность намного сильнее, чем может показаться на первый взгляд.

Лидж открыл дверь. В это же время в комнате вспыхнул свет. Трон стоял прямо напротив нас. Он был всё ещё распакован. Только ниша в спинке была снова закрыта. Капитан повернулся ко мне:

— Что это?

Вместо ответа я посмотрела на Крипа:

«Ты чувствуешь?»

Он смотрел на Трон, лицо его застыло, тёмные глаза не мигали. Я видела, как он облизнул нижнюю губу.

— Я чувствую что-то, — его замешательство было очень сильным.

Двое других Торговцев смотрели то на него, то на меня. Стало ясно, что они ничего не чувствуют. И тогда Крип шагнул вперёд и положил руку на сиденье Трона.

Я зарычала. Но было уже поздно. Кончики его пальцев уже коснулись красного металла. Дрожь пробежала по его телу, он отшатнулся, как будто сунул руку в открытый огонь, и упал на Лиджа, который вовремя вытянул руки, чтобы поддержать его. Капитан повернулся ко мне.

— Что это? — вновь спросил он.

«Сила, — отправила я ему мысленное послание. — Огромная сила. Я такой никогда не встречала».

Он быстро отошёл от Трона. Лидж, поддерживавший Крипа, сделал то же самое.

— Но почему мы не чувствуем её? — спросил капитан, глядя на Трон с таким видом, словно ждал, что разряд энергии вот-вот ударит ему в лицо.

«Я не знаю. Может быть, потому, что Тэсса более чувствительна к проявлениям энергии. Это энергия передатчика, и уходит она туда, — я кивнула головой в сторону стены корабля. — Что-то там притягивает её».

Капитан задумался. В конце концов он пришёл к решению, которое может сделать только Вольный Торговец: безопасность «Лидиса» превыше всего.

— Мы разгружаемся — не только Трон, но и всё остальное. Мы спрячем сокровища до тех пор, пока не узнаем, что за этим стоит.

Я услышала, как Лидж тяжело вздохнул.

— Прервать контракт... — начал он цитировать основную заповедь Торговцев.

— Ни один контракт не обязывает перевозить опасный груз. Кроме того, мы не были предупреждены об опасности при заключении сделки. «Лидис» приземлился по вине этих сокровищ! Только по счастливой случайности мы сейчас не мечемся в открытом космосе. Груз надо сгружать, и немедленно!

Итак, несмотря на темноту, роботы тут же принялись за работу. Они торопливо вывозили все эти корзины, коробки и тюки, которые с такой осторожностью грузили на Тоте. Несколько роботов спустили на землю, и они с

трудом перетаскивали груз в убежище среди скал. Последним они отвезли туда сверкавший в лучах прожекторов Трон Квира.

— А что, если предположить, — заметил Лидж, отмечавший все вынесенные роботами предметы, — что это как раз то, чего они от нас добиваются? Возможно, они только того и хотят, чтобы мы выгрузили сокровища там, откуда их легко будет забрать!

— Мы смонтируем там сигнализацию. В случае опасности она сработает, и мы сможем защитить их, — сказал капитан, а затем повернулся ко мне: — Ты сможешь организовать охрану?

За все эти месяцы, что я жила на корабле капитан очень редко давал мне задания, хотя знал, что я могу сделать то, чего не может ни один член экипажа. Обычно я сама предлагала свои услуги, когда знала, что они кому-то нужны. Я чувствовала, что он и сейчас колеблется, вправе ли он просить меня охранять сокровища. Он ждал, что я вызовусь сама.

Я ответила, что могу и буду, хотя мне не хотелось даже приближаться к этому грузу, особенно к сверкающему Трону. Они подключили сигнализацию. Но когда они уже поднимались на корабль, по трапу спустился Крип.

Происшествие в грузовом отсеке сильно подействовало на него. Он молча ушёл тогда к себе в каюту. Сейчас же он вышел в термокомбинезоне для холодных миров. И он нёс оружие, которого я ещё ни разу не видела у него в руках — бластер.

— И куда же ты собрался? — начал было капитан, но Крип прервал его:

— Я останусь с Майлин. Хотя у меня нет большой силы, но всё же я ближе к ней, чем все остальные. Я остаюсь.

Капитан, казалось, хотел возразить, но затем согласно кивнул:

— Хорошо.

Когда они наконец ушли и подняли трап, Крип перелез через сыпучие пески посмотреть на Трон. Теперь он держался от него на безопасном расстоянии.

— Что же это такое, и почему в нём заложена такая сила?

«Действительно, что и почему? — отозвалась я. — Ответов может быть столько же, сколько у меня когтей. Возможно, капитан не прав, возможно они на самом деле хотели, чтобы мы приземлились именно здесь и выгрузили сокровища. Только мёртвый священник мог ответить нам на эти вопросы — что и почему?»

Чтобы оглядеться, я встала на задние лапы, стараясь сохранить равновесие. Порывы холодного ветра усиливались, но мех хорошо согревал меня. Клубы чёрного песка кружились вокруг Трона Квира. Я прищурилась и сквозь этот кружащийся песок уставилась на Трон. И вдруг в какой-то неуловимый миг я увидела... Или мне только показалось? Пыльное облако вдруг обрело очертания человека, сидящего на Троне, как мог сидеть только судья, призванный судить наши поступки!

Это было мгновенное видение. Оно тут же исчезло. Пыльное облако осело на красном металле. И я была уверена, что Крип ничего не заметил.

Ночь тянулась без происшествий. Проекторы продолжали освещать клубы пыли, которая уже начала заносить наш груз. Мои до предела обострённые чувства не улавливали никакой опасности. Не было ничего живого среди этих гор и ущелий. Если бы я не была твёрдо уверена в реальности событий, можно было бы подумать, что всё это мне приснилось. Мысль, что нас заставили выгрузить сокровища на открытом месте и именно на этой планете так глубоко засела во мне, что я почти поверила, будто это правда. Но если так, почему никто не пытается забрать их?

У Сехмет нет луны. За кругом прожекторов лежала полная темнота. Ветер вскоре стих, улеглись песок и пыль. Стало очень тихо, даже слишком тихо. Такая тишина напоминает затишье перед бурей.

Пока никто на нас не нападал. Было похоже, что неведомая опасность отступила и затаилась. Однако рано утром на наш маленький экипаж свалилось новое несчастье, которое вряд ли можно было приписать слепому случаю. Неожиданно прервалась связь с флиттером. Все попытки восстановить её ни к чему не привели. Где-то в пространстве, среди холмов, скал и ущелий маленькое

судёнышко и его экипаж из двух человек должно быть попали в беду.

Так как «Лидисе» имел только один флиттер, не было никакой возможности отправить спасателей. Любая подобная экспедиция неминуемо окончится крахом. Сама земля здесь делает это невозможным. Теперь мы зависели только от импровизированного передатчика на корабле. Чтобы получить мощность, достаточную для посылы сигнала в космос, Корд должен был подсоединить к источникам питания наши двигатели.

Обычно в таких трудных ситуациях члены экипажа собираются на общий совет. Ни одна из планет галактики не была родиной Вольных Торговцев. Их Родина — Корабль. Может быть, поэтому они так привязаны друг к другу. Оставить своих друзей в беде для них просто немыслимо. Предложение отправить на поиски пешую экспедицию было отклонено сразу и без обсуждения. Горы и ущелья на этой планете непроходимы. Загнанные в ловушку, они судорожно искали выход. Шаллард предложил было взлететь, но он сомневался, сможет ли корабль благополучно приземлиться. Все его копания в двигателе так и не прояснили, что же произошло с ним. Единственное, о чём он доложил, — все важные схемы сгорели.

Каждый выдвигал свои предложения. Но в конце концов осталось лишь одно, которое можно было осуществить, — надо постараться наладить внешнюю связь. После этого слово взял Лидж. Обращаясь ко всем, он сказал:

— Нельзя отказываться от версии, что нас заманили в ловушку. Я знаю — очень сложно подстроить всё заранее так, чтобы мы приземлились на Сехмете. С другой стороны, известно немало случаев грабежа кораблей в космосе. Итак, во всём, что с нами случилось, виноват груз. Кому он нужен? Восставшим? Фанатику-священнику? А может, некой неизвестной компании, которая, отобрав у нас сокровища, загребёт такой куш, какой ей нипочём не заработать за долгие годы полётов и честной торговли?

Они отвезут сокровища куда-нибудь подальше за пределы этой системы, где никто не поинтересуется, кому они принадлежали. Собственность священников на эти сокро-

вища может быть безусловно признана только здесь. Вы же слышали об экспедиции Абна и Гарри Ларго, организованной десять лет назад? Они приземлились, нашли сокровища и улетели. Священники заявили протест, но находки были признаны законными, они ведь не были украдены.

Потом был принят закон «о спасении имущества». Подумайте хорошенько об этом. Предположим, что «Лидис» здесь разбился. В таком случае наш контракт теряет силу. Стоит поразмышлять над тем, как можно использовать эту ситуацию. Любой, кто обнаружит обломки корабля на необитаемой планете...

— Только в том случае, — перебил его Фосс, — если все члены экипажа погибли.

Этого капитан мог и не уточнять. Подумав, он добавил:

— Я думаю, нам ещё предстоит удостовериться, что всё подстроено. И вполне можно предположить наличие некой третьей силы. Тогда понятно, что случилось с флиттером.

Как он сказал, все события тесно связаны. Но, наверное, из-за того, что я мыслю как Тэсса, а не как Торговец, я не могла полностью принять его аргументы. То, что я почувствовала у Трона Квира, то, что почувствовала и увидела, выходило за рамки обычного опыта и бесспорной логики. Каким-то странным образом всё это было сродни вере Тэсса. Я была уверена — в случившемся с нами были замешаны совсем другие силы, а не те, которые знали и в которые верили Торговцы. Но у меня не было доказательств.

Не было ничего, кроме ощущений, потому я и промолчала. Экипаж «Лидиса» решил, что находится в состоянии войны и должен ждать появления неизвестного врага. И они проголосовали за то, чтобы все усилия направить на восстановление связи.

Однако только двое из экипажа могли со знанием дела помогать Корду. Остальным капитан Фосс дал другое задание. Сокровища, выгруженные у скал, надо было перепрятать и как можно скорее. Пока роботов готовили к работе, меня и Крипа послали отыскать неподалёку от корабля место, где можно укрыть сокровища.

На этой горной планете укромных мест хватало. Но тем не менее мы искали наиболее подходящее. Оно должно было находиться недалеко от корабля и быть достаточно незаметным. Вход в тайник предстояло опечатать, когда перенесут сокровища. И мы тщательно обследовали все узкие расщелины, внимательно осмотрели все более или менее подходящие дыры, которые могли быть входом в пещеру.

Я больше не чувствовала потока энергии, исходящего от Трона и направленного к какому-то месту за равниной. В тусклом свете раннего утра Трон стоял, занесённый чёрной пылью, скрывшей его красоту. Он потерял всю свою загадочность и одушевлённость. Я готова была поверить, что воображение сыграло со мной ночью злую шутку. А может, излучение, как маяк, проинформировало кого-то о нашем положении?

И если так, то они уже всё знают и могут спокойно выключить свою сигнальную систему груза. Поэтому, как только мы отправились в скалы, я включила свой мыслепоиск на полную мощность, целиком сосредоточилась на нём и выбросив из головы всё остальное.

Вскоре мы забрались на горный хребет, который был несколько выше, чем те, что окружали нашу посадочную площадку. Свет здесь был ярче, а облака не такие тяжёлые. А вдоль гряды...

Штрихи теней на песке как-то странно перемешались. Я поднялась на задние лапы и вытянула короткую шею, пытаясь как можно лучше разглядеть то, что мне показалось.

Свет и песок нарисовали на камнях чёткие линии. Я хорошо видела их рисунок, слишком правильный, чтобы поверить в то, что он образовался случайно, всего лишь под действием ветра.

«Крип!»

Он обернулся на мой зов.

«Стена...» — я показала ему на то, что мне было уже хорошо видно. Рисунок так стёрся за бесчисленные годы, что в первый момент был почти неразличим.

— Что «стена»? — он смотрел на неё и ничего не видел. На лице его появилось удивление.

«Здесь рисунок».

Для меня рисунок был уже так ясен, что я не могла понять, почему он его не видит.

«Ну, смотри же, — я с нетерпением показала ему передней лапой на линии. — Здесь, здесь и здесь...»

Линии, конечно, иногда прерывались, но, в общем, рисунок был достаточно ясен. Крип внимательно следил за движениями моей лапы. Потом я увидела восхищение на его лице.

— Да, да... — он провёл рукой в перчатке по рисунку.

«Слишком правильный, чтобы быть случайным. Но...»

И тут я почувствовала шепоток тревоги в его мозгу. Что-то в этом рисунке было не так. А когда я снова посмотрела на стену, отойдя подальше, чтобы увидеть рисунок целиком, то поняла, что это вовсе не абстрактная мазня, как мне показалось вначале. На скале было изображено лицо. Или маска? Но не человека или животного, знакомого мне.

У Крипа вспыхнуло в мозгу лишь одно слово: «Кошка!»

Однажды он уже показывал мне её, и теперь я действительно уловила сходство между наскальным рисунком и изображением на карте планетной системы Амон-ра. Но, конечно же, в деталях они отличались. Та голова была округлее и гораздо больше походила на голову живого существа. Здесь же голова имела форму треугольника. Меньший его угол показывал на подножие скалы.

В широкой части поперёк изображения пролегли две глубокие борозды, изображающие глаза. Глубокие и очень тёмные, они выглядели весьма зловеще. В общем, это действительно было похоже на морду. Легко можно было разглядеть рот, а несколько линий изображали стоящие торчком уши. Не было ничего естественного в этой гротескной маске.

Когда я увидела кошку на карте, я не почувствовала ничего, кроме любопытства и желания посмотреть на настоящее животное. Но это изображение вызывало совсем иные чувства!

Меня заинтересовала впадина, изображавшая рот кошки. Я решила её получше исследовать. Щель была такой узкой, что человек только ползком смог бы забраться в неё.

Для меня же это была пара пустяков. И я полезла внутрь, чтобы попытаться выяснить, с какой целью неведомыми строителями были затрачены такие усилия. По-видимому, у них были какие-то серьёзные основания, если они так упорно работали.

Места во впадине было мало — я не смогла поместиться туда целиком. Было очень темно. Вытянув лапу и ощупав стены, я почти сразу наткнулась на пазы и поняла, что это стыки между хорошо подогнанными каменными блоками.

Сообщая об этом Крипу, я уже знала, что нам удалось обнаружить. На Сехмете раньше никогда не находили сокровищ (возможно, их просто плохо искали). Нам же удалось обнаружить тайник. Впрочем, времени, чтобы доказать или опровергнуть это, у нас сейчас почти не было.

Я попыталась когтями раздвинуть камни, но это было совершенно безнадежное предприятие. Пока я выкарабкивалась оттуда, Крип доложил о нашей находке по наручному передатчику. Капитана это сообщение почти не заинтересовало, и он приказал нам продолжать выполнять основное задание — искать место, где можно спрятать груз.

«Только не здесь!»

Решение Крипа совпало с моим.

«Если они, кто бы это ни был, придут грабить, мы не должны привести их на тайное место!»

И мы пошли совсем в другую сторону — на северо-запад. Скоро мы нашли в скалах подходящую щель. Посветив в неё, мы увидели, что она переходит в пещеру. И так как мы не обнаружили ничего более подходящего вблизи от посадочной площадки, то решили остановиться на этом.

Песок и обломки камней превращали работу тяжело нагруженных сокровищами роботов в сложнейшую операцию, которой надо было тщательно руководить. Фосс не дал времени даже на то, чтобы расчистить путь к тайнику. Весь остаток дня мы занимались перевозкой груза. Наконец всё было закончено. Тайник прикрывала нависшая часть скалы. А под ней вход в пещеру был завален огромной грудой камней. Теперь найти щель стало прак-

тически невозможно, если только тщательно не проверять каждую скалу.

Затем принесли маленький резак, наподобие тех, что используются для ремонта обшивки, и сплавили всю эту грудку в единый монолит.

Лидж провёл последний осмотр.

— Отлично! А теперь давайте посмотрим вашу вторую находку.

Мы провели их к маске на скале. Вечером разглядеть её было гораздо труднее. Линии, хорошо различимые при утреннем свете, теперь были почти не видны. Я подумала, что, может быть, их занесло пылью. Мы осветили стену фонарями. Сначала Лидж сказал, что ничего не видит. И только после того, как он нащупал внутреннюю каменную кладку в щели рта, он убедился, что находка — не плод нашего воображения.

— Неплохо, неплохо. Интересно, конечно, что там. Жалко, у нас нет сейчас времени. Но потом...

Однако я видела, что за своим внешним спокойствием он прятал лихорадочное возбуждение. Эта находка могла окупить «Лидису» все расходы, затраченные на путешествие, и даже, может быть, принести огромную прибыль.

Глава 5

КРИП ВОРЛАНД

— Тот, кто ищет неприятностей, далеко за ними не ходит, — Лидж откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Почему-то он смотрел не на меня, а на стену над моей головой. Для кого-нибудь другого его тон мог показаться спокойным. Но я-то хорошо знал, что Джел Лидж не из тех, кто отступает перед неприятностями. Смелости у него всегда было в избытке.

— Это мы, что ли, ищем неприятностей? — спросил я только затем, чтобы он продолжил разговор.

— Возможно, и мы, Крип, возможно...

Он не отрывался от стены, как будто на ней был нацарапан или напечатан ответ на все наши вопросы.

— Я не верю в проклятия, даже в свои собственные. Не уверен я и в том, что тот священник, на Тоте, точно знал, что он делает. Зато теперь он воспользуется обстоятельствами с большой выгодой для себя. Когда они узнают, что мы пропали, его престиж возрастет до небес. Реальность его общения с богом будет доказана.

— Значит, ты думаешь, что это причина всего, и нам можно не опасаться нападения? — я решил продолжить его мысль. — Всего-навсего церковные интриги?

— Не перебивай меня, Крип Ворланд. Я не чародей с Маникала, который рисует линии на ладони волшебной палочкой, капает на них красное вино и затем предсказывает судьбу корабля. Я пытаюсь найти во всём произошедшем логику. Мне кажется, что это напоминает церковные интриги. Но для нас сейчас самый главный вопрос — как выбраться из этой ловушки?

И мы с ним снова вернулись к таинственному исчезновению нашего флиггера. Мир этой планеты суров и жесток, и если Хнольд и Шервин ещё живы, им придётся очень и очень нелегко. Попытаются ли они добраться до маяка, или повернули назад к «Лидису»? Всё зависит от того, к чему они сейчас ближе.

Лучше всего Торговцы чувствуют себя на своём корабле и в космосе. Долгое пребывание на земле порождает нетерпение и неуверенность. Но страшнее всего для нас неподвижность и бесцельность. Мы готовы были пойти на любые испытания и жертвы в поисках потерявшихся друзей, лишь бы не бродить без толку по посадочной площадке и коридорам «Лидиса».

— Если существует хоть один шанс из тысячи, то Корд наладит связь. На астероиде между Сехметом и Тотом расположена станция Патруля. Если он сможет отправить достаточно мощный сигнал, который достигнет станции, тогда мы спасены.

Значит, Патруль? Да, без Патруля нам на этот раз не обойтись. Патруль строго блюдет закон — помогает любому кораблю, попавшему в аварию. Должен же быть какой-то закон и порядок в космосе. Но Вольные Торговцы слишком горды, чтобы просить о помощи. Мы всегда высоко

ценили нашу независимость. Я подумал о том, что будет чувствовать капитан, когда мы пошлём сигнал о помощи.

Между тем Лидж продолжал:

— В этой вынужденной посадке есть один положительный момент — стена с изображением, найденная твоей мохнатой подругой. Если там тайник с сокровищами, то священники до него не доберутся. А мы доберёмся.

И он опять устался на стену. Я даже не пытался с помощью мыслепоиска проникнуть в его мысли. Мне и без того было ясно, о чём он думает. Такая находка могла не только прославить «Лидис», но и поднять нас по служебной лестнице до уровня людей на контракте, с настолько высокими кредитами, что можно будет подумать и о собственных кораблях. И даже больше того — ведь находка была сделана на неисследованной планете, где мог скрываться не один такой тайник.

Я не переставал думать об этом с того самого момента, как Майлин привлекла моё внимание к рисунку на скале. Даже просмотрел кое-какие ленты из моего собственного собрания плёнок.

Успех Вольных Торговцев зависит от многих вещей, и прежде всего от удачи. Судьба могла быть благосклонна к нам, могла и обмануть. И всё-таки в своей работе мы больше полагались не на удачу, а на знания. Не на специальные технические, а на самые широкие знания. Мы должны знать и помнить всё, начиная от легенд разбойников на одной планете, до особенностей развития морских растений на другой. Мы слушали, записывали на плёнки и запоминали всё любопытное, что нам встречалось, где бы мы ни были. Слушали во все уши, смотрели во все глаза и запоминали, регулярно обмениваясь новостями с другими экипажами.

— Когда Корд наладит передатчик, как ты думаешь, сможет он смастерить одну вещь? — я знал, что именно я хотел, но технические навыки лежали вне моей компетенции.

— Смотря что и зачем.

— Бур-перископ.

Термин не совсем подходил к тому, что я имел в виду,

но, в то же время, достаточно точно описывал предмет, о котором я знал с плёнок.

— Такой прибор, оснащённый импульсным сканнером, использовался на Саттра-2, где закатане разведывали гробницы Ганквиса. Нечто подобное можно использовать, чтобы узнать, что находится за той стеной. Это избавит нас от земляных работ — вдруг там нет ничего стоящего. Как на Джейсоне, где захоронения Трехглазого были уже разграблены...

— Что ты знаешь об этом приборе?

— Только самые общие сведения, — я покачал головой:

— Может, попытаешься выяснить?

— Стоит попробовать, если найдётся время. Принеси мне ту плёнку, где записано сообщение о нём.

Когда я зашёл в свою каюту за плёнкой, Майлин подняла голову со скрещённых передних лап, и её глаза засветились. Хотя передо мной была глассия, мысленно разговаривая с ней, я видел её такой, какой она навсегда осталась в моей памяти — в жилетке из золотистого красного меха, со сверкающим на высокой причёске серебряным арабеском с рубином... Воспоминания сближали нас, и хотя она никогда не говорила об этом, я чувствовал, что ей приятно знать, что я видел и помнил её в образе Тэсса, Лунной Певицы, которая спасла мне жизнь, когда за мной гнались по просторам Йиктора.

«Есть новости?»

«Пока нет, — я отодвинул один из стульев, стоявших у стены. — А ты не можешь с ними связаться?»

Впрочем, я мог и не спрашивать об этом. Если бы она могла, я бы это знал. Сейчас её способности намного уменьшились, если сравнивать их с порогом чувствительности, который был достаточно высок на Йикторе.

«Нет. Наверное, они слишком далеко. Или у меня не хватает сил обнаружить их».

Я перебирал коробки с плёнками, отыскивая нужную мне.

«Майлин, как по-твоему, можно мысленно определить, что находится за стеной с маской?»

Она ответила не сразу. Ей нужно было всё обдумать, прежде чем ответить.

«Мысленный запрос должен иметь определённую цель. Если я знаю, что там есть хоть искра жизни, я могу сконцентрироваться на ней. В данном случае — нет. Но ты, кажется, уже придумал способ?» — она всегда очень быстро схватывала мои мысли.

«Прибор, о котором я когда-то слышал. Бур-перископ. С его помощью мы сможем узнать, обнаружили ли мы тайник с сокровищами».

Я поставил плёнку и быстро перекрутил её на нужное место. Она согласилась со мной, что это лишь весьма поверхностное сообщение молодого Торговца, которого наняли для оснащения экспедиции закатан. О приборе он только упомянул.

«Очень сложный прибор, — заметила она без всякого интереса. Её реакция была типичной для Тэсса, которые недолго любили любые механизмы и приборы и старались их не использовать. — Но если он будет работать, то почему бы не испробовать его здесь. Я думаю, ты прав. Если это тайник с сокровищами, то он должен быть здесь не один.

Крип, помнишь, как однажды мы говорили о сокровищах, и ты сказал, что у каждого мира свои сокровища? Ты сказал тогда, что для тебя было бы пределом мечтаний иметь собственный корабль. Это именно то, что твой народ считает настоящим сокровищем. Предположим, что сокровищ этого тайника хватит для осуществления твоей мечты. И что тогда? Опять полёты, как на «Лидисе», в поисках выгодных сделок?»

Она была права, именно корабль был мерилем богатства у Торговцев. А чтобы купить каждому члену экипажа «Лидиса» по кораблю, нужно гораздо больше денег, чем стоимость всех сокровищ, вывезенных с Тота. Находки делятся поровну. Никакой доли не хватит, чтобы приобрести корабль.

Мечта остаётся мечтой. Но для того, чтобы она воплотилась в жизнь, к ней надо быть готовым. Я хотел стать суперкарго, но мне надо ещё долго и много учиться, чтобы суметь когда-нибудь взять всю ответственность за полёт на себя. Я не пилот, не инженер и не астронавигатор.

Действительно, что я буду делать, если завтра у меня появятся деньги и я смогу купить корабль?

Она внимательно следила за ходом моих мыслей.

«Помнишь, Крип Ворланд, как я рассказывала тебе о своей мечте: вывести мой маленький народ к звёздам? Скажи, на эти сокровища можно купить корабль?»

Выходит, она тоже не отказалась от своей мечты. Хотя для реализации этого у неё куда меньше шансов, чем у меня.

«По всем расчётам, там должны быть немалые сокровища», — ответил я.

«Прекрасно! Выходит, всё это время я не напрасно путешествовала с вами. Народ Тэсса знает Йиктор вдоль и поперёк, но абсолютно не знает космоса. Познакомившись с вами, я узнала, что существуют пространства и миры, о которых я и не подозревала, когда была Лунной Певницей. Оказывается, мы очень маленький народ среди множества других народов и рас. Для начала было бы неплохо узнать и понять это. Если время позволит, Крип, ты должен с помощью этого прибора найти сокровища».

«Лидж считает...» — я передал ей, что сказал мне суперкарго. Она покачала головой, не соглашаясь с тем, что считает Лидж.

«Логично. Но вот что ещё я скажу тебе. Когда мы с тобой дежурили ночью у сокровищ, я поняла, что за нами следят».

«Кто и откуда?»

«Как раз из-за того, что я не могу ответить на эти вопросы, я и не посылала тебе предупреждения. Я почувствовала присутствие посторонних, но они находились вне пределов моей досягаемости. Я не могу, как раньше, читать мысли на больших расстояниях. Старейшие забрали большую часть моей силы, когда отобрали мой облик. Осталась только способность к предупреждению. Пока за нами только наблюдают. Скажи мне, Крип, почему на скале изображена морда кошки?»

Неожиданная смена темы сбила меня с толку, и я не смог ей ответить.

«Вот что я имею в виду, — в её мыслях появилось

нетерпение и раздражение. — Кошка — древний символ Сехмет, ты сам мне это говорил. И этой звезде и окружающим её планетам дали названия первые разведчики твоего народа, высадившись здесь для исследований. Следовательно, кошка — внепланетный символ.

Когда мы обнаружили его здесь, ты сразу сказал: «Кошка». Но ты даже не подумал о том, что это могли оставить представители твоего народа. Вот и получается загадка — неизвестные и давно забытые существа использовали изображение кошки».

«Возможно, это действительно осталось от первых поселенцев. Может быть, они пытались колонизировать Сехмет до других планет».

«Не думаю. Это очень древнее изображение. Сколько лет назад заселили эту систему? У тебя есть такая запись?»

«Не знаю. Если это было переселение первой волны, то тогда тысячу лет назад или чуть меньше».

«Изображение старше в два или даже три раза. Чтобы камень так выветрился, надо очень много времени. Наши святилища на Йикторе подобны этому. Кто были те боги, в честь которых названа эта система, эта Сехмет с кошачьей головой?»

Я покачал головой.

«Они земного происхождения и чрезвычайно древние, даже для этого мира. И земляне вышли в космос тысячи лет назад. Много страниц истории забылось в потоке лет. Земля расположена в другой половине галактики. В те времена, когда они поклонялись тем богам и богиням, они ещё не выходили в космос».

«Но ведь это прародители твоего народа. Может быть, когда-то они побывали здесь? Вспомни о расе Предтеч — сколько таких цивилизаций возникало и рушилось?»

«Никто о них не знает, даже закатане, для которых история и искусство составляют смысл всей жизни. Сейчас Земля стала полуполюгендой. Я ещё не встречал ни одного путешественника, который там был или общался с землянами».

«Сказки, легенды... В каждой из них есть зерно правды. Может быть, и здесь...»

Передачик над моей головой захрипел, и Фосс объявил главную новость.

— Связь налажена. Мы посылаем сигнал о помощи.

Сообщение было радостным, но поможет ли это нам? Я взял плёнку и отправился к Лиджу. Вместе с Лиджем и Шаллардом мы ещё раз просмотрели её. Шаллард не был уверен, что он и Корд смогут сделать нечто подобное, но обещал посмотреть свои собственные записи.

Ожидание для Торговцев хуже любого наказания. Ожидание в нашей ситуации изнурило, как болезнь. Мы установили дежурство, не включая в состав Корда и Шалларда, которые не отходили от передатчика. Я и Майлин дежурили вместе. Мы обошли площадку, на которой стоял «Лидис», и направились к скале с изображением кошки. Мы очень хотели найти какие-нибудь другие следы древних людей.

Но мы абсолютно ничего ни увидели, ни услышали. Не было ни малейших признаков того, что мы не одни на этой пустынной негостеприимной земле. Однако Майлин продолжала утверждать, что вокруг нас существует какое-то влияние, которое раздражает и беспокоит её.

Майлин всегда оставалась для меня загадкой. Сначала нашему сближению препятствовала её отчуждённость. Этот разрыв только увеличился, когда она использовала свою силу, чтобы спасти меня единственным возможным тогда способом — превратив в зверя. Просто она перенесла то, что было Крипом Ворландом, из одного тела в другое. Она не была виновата в том, что моё человеческое тело умерло в результате несчастного случая, но тогда потеря казалась мне невозполнимой, и сначала я не был даже ей благодарен за то, что она переселила меня в тело барска. Потом она дала мне ещё одно новое тело.

Теперь я нахожусь в теле Тэсса. Возможно, именно эта внешняя оболочка Тэсса сблизилась меня наконец с Лунной Певницей, Покровительницей Малого Народа. Время от времени я ловлю себя на том, что специально пытаюсь использовать то, что сохранилось в моём теле от Тэсса, чтобы лучше понять Майлин.

Я обладал тремя телами меньше, чем за планетарный

год, — человека, зверя и Тэсса. В глубине моего сознания засела мысль, что каждая плоть оставила во мне неизгладимый след. Маквэд, чьё тело теперь стало моим, давно умер. По обычаям Тэсса, его душа на время переселилась в животное, и в том виде он был убит безжалостной рукой охотника, пробравшегося на запретную территорию. После в теле Тэсса осталась жить душа животного, которое сошло с ума, и его нельзя было вылечить. Поэтому то, что осталось от него, было только живой оболочкой. Я никого не вытеснял, когда перешёл в эту оболочку.

А тело, в котором была Майлин, умерло... И только потому, что Ворса — одна из представительниц её маленького народа — отдала ей свою плоть, она выжила. Старейшие приговорили её находиться в теле Ворсы до тех пор, пока звёзды в небе Йиктора не разрешат ей сменить его. Но когда наступит то время, неизвестно. И где она возьмёт другое тело, когда оно наступит, — тоже никто не знает.

Вопрос этот мучил меня чрезвычайно, хотя я пытался скрыть от неё свои мысли. Я чувствовал, что лучше мне об этом не думать, пока она сама не примет решение. Она же никогда об этом не говорила. Я хотел как можно больше знать о Тэссе, но существовал барьер, до сих пор отделявший от меня некоторые стороны их жизни, и я не отваживался разрушить его.

Сейчас мы стояли вместе на вершине скалистого гребня. Майлин смотрела в ту сторону, куда улетел наш флиттер. Ветер ворошил её мех, забираясь под мой термокостюм.

«Там... ждёт...» — пришла ко мне её мысль.

«Что?»

«Не знаю, кроме того, что там лежат и ждут, наблюдают. Или это сон?»

«Сон?» — именно это слово удивило меня. Хотя я и пытался всеми силами уловить излучение, которое ощущала Майлин, почувствовать его было невозможно.

«Да, сон. Существуют реальные сны, вещие сны. Уверена, что ты знаешь об этом, — она ещё больше забеспокоилась. — Мне что-то снилось, я знаю. Но о чём

он был, тот сон, не могу вспомнить. Какие-то обрывки света, цвета, чувства».

«Чувства?»

«Ожидание! Именно это чувство!»

Она очень обрадовалась, когда нашла точное определение.

«Я ждала чего-то для себя. Чего-то очень важного, от чего зависела моя жизнь. Ожидание! Ожидание!»

Она повторяла это слово, как заклинание.

«А остальное?.. Что ты ещё помнишь?»

«Место неизвестное, и, вместе с тем, чем-то знакомое. Я знаю его, а вроде бы и не знаю. Крип! — она повернула голову. — Когда ты бегал в теле барска, боялся ли ты, что когда-нибудь звериного сознания в тебе окажется больше, чем человеческого?»

Наконец я узнал об её страхе. Я понял теперь, чего она боится больше всего. Я опустился на колено, обхватил её мохнатое тело и прижал к себе. Никогда не думал, что этот страх может прийти и к ней, ведь перемена тел была обычным явлением в жизни Тэсса. Вероятно, ей больше не помогали силы, оберегавшие её на Йикторе.

«Ты боишься, что с тобой может такое случиться?»

Она не шевелилась в моих объятиях, мысли её блуждали в ином месте. Может быть, она уже сожалела о своём признании, внезапно обнаружившем её слабость.

«Не знаю, я уже ни в чём не уверена. Я стараюсь, я очень стараюсь остаться Майлин. Но если я стану Ворсой...»

«Я буду помнить Майлин за нас двоих!»

Что я мог ещё предложить ей? Это была правда! Даже если в ней победит животное, я по-прежнему буду видеть светлые серебристые волосы, тёмные глаза на человеческом лице, грацию, гордость и красоту Лунной Певицы.

«Я не дам тебе забыть, Майлин. И никогда не позволю себе забыть!»

«Память может ослабеть...» — если мысль приходит, как шёпот, то её силы уже совсем иссякли.

Мой наручный передатчик зажужжал, пришлось снять перчатку, чтобы услышать сообщение. Удача улыбнулась нам. На наш сигнал мы получили ответ намного быстрее,

чем можно было предвидеть в самом оптимистическом прогнозе. Нас вызывали на «Лидис» — приближался катер Патруля.

Спасатели приземлились ночью неподалёку от нас. Они не захотели посылать к нам краулер до утра, мы же отправили им полный отчёт о том, что случилось с нами с момента взлёта с Тота. Мы сообщили им всё, кроме одного, — нашей находки изображения кошки в скале.

В свою очередь, и спасатели сообщили кое-что интересное для нас. В Хартуме разразилось восстание. Бунту немало способствовал раскол внутри монархической партии, вызванный отлётом нашего корабля. Священник пошёл на священника, единство правящей касты треснуло. Восставшие легко проникли в город и заняли его. Те, с кем мы подписывали контракт, были уже мертвы. Восставшие потребовали возвращения сокровищ и обвинили нас в том, что мы забрали эти сокровища, как свою добычу.

Мы выслушали всё это, и Фосс сказал:

— Кажется, перед нами встала новая проблема. Вероятно, мы сделали самое лучшее, когда спрятали здесь груз. До тех пор, пока не разберёмся, кому принадлежит сейчас законная власть, пусть сокровища останутся здесь.

— По контракту груз должен быть доставлен на Пта, — заметил Лидж. — Мы только выгрузили его, чтобы огладить себя от возможной опасности.

— Наш контракт подписан человеком, который уже мёртв. Нам следует выяснить ситуацию на Пта, прежде чем мы туда вылетим. Вдруг восставшие уже высадились там? У мёртвых нет ничего, кроме их могил. Если сменилось правительство, мы можем предъявить законные права на то, что имеем. Но если нас поймают на какой-нибудь другой планете с грузом непонятного происхождения, то нас могут вывести из сословия Торговцев. Не исключено, что навсегда. Пока мы не будем уверены, кто настоящие хозяева сокровищ, мы не должны давать повод для обвинения, что мы похитили их. Отдадим на хранение второй экземпляр контракта Патрулю. Это защитит нас на некоторое время. И пока мы не получим сообщение из храма Пта, сокровища останутся здесь.

— А как быть с оплатой? — спросил Лидж. — Согласно контракту, мы берём нашу часть после того, как приземлимся на Пта. Мы не имеем права взять её до доставки. Но мы не можем себе позволить перевозить груз без оплаты. Мы ведь оставили свой прежний груз в Хартуме, чтобы взять этот. Надо платить за помощь и за ремонт...

— Нам потребуется помощь, — не выдержал я. — По крайней мере для того, чтобы отремонтировать корабль. Мы можем доказать, что всё произошло из-за той коробки и священника. Надо потребовать, чтобы суд...

— Да, — согласился Лидж. — Но если мы обратимся в суд, дело может затянуться на годы. И если мы получим нашу часть сокровищ после суда, она нам будет уже ни к чему. Мы или разоримся, или умрём до того, как звёздные законники закончат дело. Мы должны потребовать этот груз в качестве гонорара. Иначе мы не сможем продолжать полёты.

Но ведь мы не хотим, чтобы нас обвинили в краже сокровищ? Лучше всего сейчас будет составить «Жалобу о Вмешательстве». К ней мы приложим наши плёнки и попросим Патруль разузнать, что творится на Пта. Если они ответят, что там всё как обычно, попробуем доставить туда груз.

Мы согласились. Мне хотелось узнать, почему Фосс с такой неохотой приступает к делу, причём без подписания с экипажем соглашения. Обычно Торговцы очень педантичны в подобных вопросах. Правда, Вольные Торговцы, особенно четвёртого класса, к которым относился Лидж, не раздумывают долго над деталями. Мы принадлежим к братству разведчиков, готовых броситься в любое рискованное предприятие. Может, Фосс подозревал что-то такое, чего ещё не знали другие члены экипажа; особенно непонятным было предложение Фосса, чтобы корабль после ремонта не летел на Пта.

Когда мы остались одни для подготовки копии материалов, Лидж так ничего и не сказал. Я тоже промолчал.

Рано утром, когда флиттер Патруля, перелетев через скалы, приземлился рядом с «Лидисом», подняв в воздух тучи песка, плёнки были готовы. Двое спасателей, выбрав-

шись из флиттера, не торопились встретиться с Фоссом, который стоял на трапе. Один из прилетевших, встав на колени на песок, положил на землю какой-то прибор. Другой внимательно следил за ним. Они что-то тщательно замеряли.

Глава 6

КРИП ВОРЛАНД

В присутствии людей, обладающих властью, от которых в значительной степени зависит твоя судьба, становится не по себе даже человеку с чистой совестью. Столкнувшись с представителями Патруля, мы почувствовали себя в положении провинившихся школьников. Как законопослушные и безобидные космические торговцы, регулярно вносящие налоги за приземление, у которых безупречно оформлены все документы, мы могли со спокойной душой обратиться к ним за помощью. Им достаточно было беспристрастно взглянуть на нас, чтобы понять, что у нас всё в порядке.

К тому же у нас была коробка, вынутая из Трона Квира. Тщательно обследовав её с помощью своих приборов, они обнаружили неизвестное им излучение. Коробка вместе с гелом священника, которое сохранялось в холодильной камере, были передана под их контроль. Каждый из нас записал свои показания на плёнку. Изменить их было невозможно.

И, тем не менее, все мы почему-то волновались и облегчённо вздохнули, когда они не задали тех вопросов, которые могли задать. Наша находка в скале с кошкой до сих пор оставалась тайной, хотя о том, что мы спрятали сокровища, мы сообщили сразу. Лидж, который был знаком с космической юриспруденцией, объяснил, что поскольку поломка устранена, мы должны продолжать наше путешествие и доставить сокровища в храм Пта, предварительно, конечно, убедившись, что священники,

которым мы должны передать груз, согласно контракту, ещё находятся у власти.

— У нас пока нет новостей с Пта, — ответил пилот Патруля. Он не проявил никакого интереса к тому, что говорил Фосс. Было видно, что к нашим проблемам он относится с совершенным равнодушием. — По поводу ремонта... Наш инженер вместе с вашим проверил двигатель. Для отчёта нам необходим список повреждений. Мы можем вывезти вас и вашего инженера на нашу космическую базу, где вам выдадут всё, что необходимо, по контракту Лиги.

Получить что-либо по контракту Лиги — означало влезть по уши в долги. Однажды мы уже попали в подобное положение, и нам пришлось держать ответ перед собственным народом. Если долг не будет выплачен в положенный срок, на «Лидис» будет наложен такой штраф, что нам потребуются годы работы и большая удача, чтобы мы могли снова поправить свои дела. Штраф может означать даже потерю корабля. Так что у нас не оставалось другого выхода, кроме как доставить груз на Пта и получить по контракту свою долю сокровищ. Оставалась, правда, ещё надежда, что в скале с изображением кошки спрятаны сокровища, которые поправят наши дела. Но времени на то, чтобы их найти, у нас не было.

Мы решили, что Фосс и Шаллард вылетят на катере Патруля, а вооружённый отряд Патруля и их флиттер останутся на Сехмете для поисков пропавших членов экипажа.

Флиттер Патруля был сверхмощным судном, вооружённым и защищённым самыми современными средствами. В нём размещались пилот, два стрелка и ещё оставалось место для двух пассажиров. Перед отлётом Фосс вызвал меня к себе.

— С флиттером полетишь ты и Майлин. Она — как искатель, а ты — как связной...

Конечно, он был прав, хотя представитель Патруля с явным недоверием воспринял это предложение. Однако я дал понять, что Майлин обладает телепатическими способностями и будет нашим проводником. Так как ни один

человек не может знать всего о всех чужаках, они приняли на веру, что она будет нам полезна.

Целый день после отлёта катера, капитана Фосса и Шалларда на планете бушевала буря, поднявшая в воздух тонны песка. Вместе с оставшимися членами Патруля мы сидели в «Лидисе», как в заточении. В такой мгле невозможно было лететь, мы могли легко потеряться на неизвестной планете.

Но на следующее утро ветер утих, и, хотя в воздухе ещё кружился песок, а флиттер был наполовину засыпан, мы смогли отправиться в путь. Мы поднялись над скалистой равниной. Плотные облака слегка рассеялись и пропускали бледный солнечный свет, лишённый, казалось, всякого тепла. Блеск солнца скорее подчёркивал, чем рассеивал темноту ландшафта под нами.

Пилот летел очень медленно, стараясь при помощи приборов засечь какое-нибудь излучение. Майлин лежала на полу возле меня в тесной кабине флиттера. Я редко отдавал себе отчёт в том, как она выглядит, но Патрульные поглядывали на неё, как на нечто очень странное. Поневолe я вспомнил о том, что со мной рядом лежит мохнатый четвероногий зверёк глассия. Теперь, когда я знал, как она боится, что звериная оболочка когда-нибудь поглотит душу Тэсса, я стал лучше понимать её. Я и сам помнил то время, когда зверь начинал побеждать во мне человека. А что, если бы я всё-таки потерял себя?

Майлин была сильнее, была более подготовлена, чем когда-то я, к подавлению звериных инстинктов, сохранявшихся в теле, которое она носила. Она прекрасно осознавала всю опасность такой жизни. А что, если всё-таки внутреннее её «я» станет ослабевать?..

Она замерла, мышцы напряглись. Потом быстро обернулась.

«Что?» — спросил я.

«Не то, что мы ищем. Но там, внизу, что-то, состоящее не из камня и песка».

Я посмотрел в иллюминатор, Ничего, кроме скал, полуразрушенных ветрами, в которых можно спрятать что угодно.

«Внутри, — передала она мне. — Мы уже пролетели. Я думаю, ещё один тайник...»

Я попытался запомнить это место, но вид с воздуха совсем не похож на вид с земли. Однако, если Майлин права (а я безоговорочно ей верил сейчас), может быть, нам удастся выпутаться и мы рассчитаемся со всеми своими долгами. Второй тайник! Возможно, Сехмет так же богата сокровищами, как и Тот? Или ещё богаче?

Майлин больше ничего не говорила, хотя в своём зигзагообразном полёте мы несколько раз пролетали над этим плато. Землю было видно очень плохо. На плато виднелось немало глубоких и узких ущелий, в которых мог бесследно затеряться наш приземлившийся или разбившийся флиттер. Мы старались придерживаться основного направления их полёта, хотя то и дело возвращались назад, чтобы ещё раз осмотреть округу.

Кругом громоздились скалы. Было трудно отличить одно ущелье от другого. Иногда мы пролетали над более широкими долинами, где была видна слабая растительность. В одной долине мы даже обнаружили воду — маленькое тёмное озерцо с широкой окантовкой беложёлтого цвета. Наверняка это — вредные химические отложения.

Майлин снова замерла, прижавшись ко мне и пристально вглядываясь в иллюминатор.

«Что теперь?»

«Жизнь...» — передала она.

В то же самое время пилот наклонился к одному из приборов.

— Слабое излучение, — сообщил он.

Хотя мы летели очень низко, он опустил флиттер ещё ниже, и на небольшой скорости, почти в свободном полёте, мы внимательно обследовали территорию. Мы пролетали над полукруглой равниной. Здесь росли деревья (если их только можно назвать деревьями), которых я до сих пор ещё не видел на Сехмете. У них была очень тёмная листва, начинавшая расти почти от самой земли. Земля вокруг них была покрыта серой травой.

— Здесь!

Не было необходимости указывать место, оно было отчётливо видно. На земле стоял наш флиттер. Вокруг не было никаких признаков жизни. Пилот послал запрос флиттеру и кружил вокруг, ожидая ответа. Садиться он не спешил. Я не спрашивал, почему. Было что-то жуткое в этой долине, в этой зловещей растительности, в неподвижной машине.

«Ты чувствуешь их?» — спросил я Майлин.

«Там никого нет».

Мне показалось, что она противоречит сама себе.

«Но ты же сказала?..»

«Это не они. Там что-то другое», — её мысленная волна дрогнула, как будто она смутилась от того, что не может объяснить понятнее. Моя тревога возросла. Я подумал, что произошло то, о чём предупреждала Майлин, — она больше не уверена в своих силах.

— Датчики ничего не регистрируют, — заметил второй Патрульный. — Есть только один способ всё проверить — приземлиться и посмотреть.

— Не нравится мне это. Всё выглядит так, будто флиттер специально выставлен здесь, чтобы мы его заметили. Приманка...

Мы согласились с таким вариантом. Но чья приманка? Весьма рискованно строить ловушку флиттеру со знаками Патруля. Моя вера в могущество Патруля была почти безграничной. Всё-таки мы приземлились. Оба стрелка оставались на своих местах, пока мы пробирались в густой траве к стоящему неподалёку флиттеру.

Жёсткая, ломкая, с острыми краями трава была нам почти по грудь. За нами оставалась хорошо заметная ложбина. Это могло в дальнейшем подсказать нам, что случилось с нашими товарищами. Во флиттере никого не было. Запас еды на борту был почти цел. Очевидно, Шервин и Хнольд не собирались надолго покидать корабль.

От флиттера в сторону деревьев вёл отчётливый след. Трава была сильно примята, как будто по ней тащили тяжёлый груз. Хотя кое-где на небольших участках земли стебли уже поднялись.

Я внимательно обследовал флиттер и нашёл плёнку с записью. В ней было зафиксировано то же самое, что видели этим утром и мы, пролетая над плато. Запись обрывалась на полуслове, остальное, казалось, было стёрто. Я никак не мог себе этого объяснить. Оставалось загадкой и то, что заставило их здесь приземлиться. Все приборы были в порядке. Мне удалось включить двигатель на полную мощность, подняться на большую высоту и снова приземлиться. Флиттер был вполне исправен.

Пока я проверял флиттер, один из стрелков и пилот Харкон пошли по тропинке в сторону деревьев. Майлин осталась рядом с флиттером, на границе примятой травы. Выбравшись из флиттера, я задал ей всего лишь один вопрос:

«Давно они сели?»

Она понюхала траву, как это делают глассии.

«Больше суток. Может быть, всё то время, которое прошло с момента их последнего сигнала. Я не уверена, Крип! Здесь какой-то странный запах — человека. Иди сюда!»

Её голова мелькнула в траве. Я побежал туда, где она своими лапами раздвигала траву. Майлин было тяжело, и я помог ей. Среди густой травы мы обнаружили непонятный квадратный след. Когда вернулись Патрульные, Харкон подошёл ко мне. Датчик в его руках защёлкал.

— Остаточное излучение, — сказал он, затем замерил след на земле и задумался — Здесь что-то было. Судя по величине остаточного излучения, его мощность была так велика, что вполне могла вывести из строя двигатель и заблокировать сигнал бедствия.

— Кому это было надо?

— Ваши люди вмешались во что-то серьёзное. Если бы они нашли маяк, то могли бы помешать каким-то событиям, которые разворачивались здесь. Только по счастливой случайности мы уловили ваш сигнал. Один шанс из пятиста. Те, кто прячутся здесь, не могли это предвидеть. Если они хотели оставить вас на планете, то первым шагом было — отрезать вас от маяка. Они думали, что, захватив ваш флиттер, успешно справились с этой задачей. Что

касается того, кто «ОНИ»? — он пожал плечами: — Вам лучше знать. Или, вернее, у вас должны быть какие-нибудь предположения.

— Это могут быть только те, кто заинтересован в нашем грузе, — других преследователей я не вижу. А что Шервин и Хнольд?

Последний вопрос я задал скорее Майлин, чем Харкону.

«Они были живы, когда покинули это место», — ответила она.

— Даже след не пытались замести, — продолжал размышлять вслух Харкон. Потом добавил: — Не беспокойтесь. Преданность Вольных Торговцев своим товарищам хорошо всем известна. Они наверняка оставят их в живых, чтобы потребовать за них выкуп.

— Но нам нечего предложить им, нечего. А потом, кому предлагать? Кто они, где?

— Появятся рано или поздно.

Я поднялся, стряхивая листья травы со своего комбинезона.

— Но вряд ли они появятся сейчас, особенно после того, как увидели ваш корабль.

Эти неизвестные наверняка были не из пугливых. Тем более, что они знали, какой богатый улов ждёт их на «Лидисе». Патрульный корабль уже улетел с планеты. Оставались три Патрульных со своим флиттером и неполный экипаж «Лидиса» — более удачное время для нападения трудно было выбрать. Враг мог напасть в любой момент, если он постоянно наблюдал за нами и был в курсе того, что происходит.

— Мы пойдём по этому следу до леса, — сказал Харкон. — Если там ничего нет, будем ждать подмоги. Не можем же мы вдвоём сражаться против целой шайки.

Я отметил, что мы для него не являемся боевыми единицами и он не причисляет нас к своему отряду. Насколько я знал, Патруль никогда не брал в расчёт тех, кто не принадлежал к их компании.

Мы отправились в путь. Майлин бежала рядом со мной, Харкон шёл впереди, его напарник прикрывал тыл. Чем ближе мы подходили к лесу, тем отчётливее в сплошной

стене зарослей проступали эти деревья. Они были лишены всякой привлекательности. Ветки у них были скрючены, как спирали, листья — почти чёрного цвета. Их было немного, но всё-таки они образовывали завесу, почти полностью перекрывавшую бледный солнечный свет.

Тропинка вела не в лес, она бежала вдоль кромки леса. Травы здесь почти не было, и на серой земле виднелись весьма нечёткие следы. Обогнув лес, тропинка спускалась в долину. Майлин неожиданно рванулась вперёд и забралась под скалу.

Она присела, вывернув голову, словно рассматривала что-то, изображённое на этой неровной каменной поверхности. Я тоже пытался разглядеть хоть что-нибудь, но ничего не увидел, хотя искал очень внимательно, полагая, что она нашла ещё одно изображение кошки.

«Что на этот раз?»

Впервые она не ответила. Её мозг был закрыт так плотно, как будто она отгородилась от врага. Она всё ещё смотрела на скалу, поворачивая голову то вправо, то влево. Но вокруг не было ничего, что могло бы привлечь столь пристальное внимание.

— Что это? — повторил мой вопрос Харкон.

Я дотронулся до торчащего хохолка на её голове. Она отпрянула от этого лёгкого прикосновения. Но мозг по-прежнему оставался закрытым, она не показала, что воспринимает меня. Такого раньше никогда не было.

«Майлин!» — я вложил в обращение всю силу, требуя, чтобы она ответила мне. И всё-таки мне не удалось до неё добраться. Это меня не на шутку испугало. Я даже подумал, не оказалась ли внезапно её сущность человека поглощённой телом зверя.

Она медленно повернула голову, немигающий взгляд её чуть дрогнул. Затем высунула язык и стала облизывать морду, после чего передними лапами обхватила голову, словно пытаясь заткнуть уши от звука, который больше не могла вынести.

«Майлин!» — я встал на колени. Наши глаза оказались почти на одном уровне. Сняв перчатки, я взял её за передние лапы, сжимавшие голову, и повернул морду так,

что наши глаза встретились. Она заморгала, как только что проснувшийся человек.

«Майлин, что случилось?»

Мозг её начал открываться. Мысли успокаивались.

«Крип, я должна уйти отсюда».

«Появилась опасность?»

«Да, по крайней мере, для меня. Но не от тех, кого мы ищем. Здесь что-то ещё. Оно затаилось на краю моего разума с того самого момента, как мы ступили на эту тёмную землю. Крип, я должна быть очень осторожной. Здесь существует некто, и он имеет право требовать от меня! Я — Тэсса, я — повелительница!.. — я знал, что она говорит не мне, а себе, пытается овладеть собой: — Я — Тэсса!»

«Ты и в самом деле Тэсса!» — честно говоря, я поторопился произнести это, словно слова были спасательным кругом, брошенным утопающему.

Она опустила передние лапы на землю. Всё её тело тряслось, как будто она плакала. Я попытался погладить её, она приняла ласку. Тогда я обнял её со всей теплотой, на которую был только способен.

«Ты — Майлин из рода Тэсса! — я старался говорить спокойно. — Ты всегда ею будешь! Ничего не надо больше говорить!»

— Что случилось? — Харкон положил мне руку на плечо и слегка потряс меня.

— Я не знаю. Что-то подавляет её силу эспера.

— Харкон! — другой Патрульный, который шёл вдоль скалы, остановился и звал его. — Следы посадки. Флиттер, и огромный, судя по следам.

Харкон отправился посмотреть, а я остался с Майлин. Она повернула ко мне голову и прижалась с нежностью, какой никогда раньше не выказывала.

«Хорошо, как хорошо, что ты здесь, — пришла ко мне её мысль. — Оставайся, оставайся со мной, Крип. Я не должна превратиться в кого-то другого, кроме меня самой, не должна! Но меня зовут, меня так зовут...»

«Кто?»

«Я не знаю. Похоже на то, что требуется помощь, которую могу оказать только я. Но я знаю, что если

отзовусь на это требование, то как личность перестану существовать. Я стану не-Майлин! А я не смогу жить, если буду не-Майлин. Эта сила похожа на открытый вызов».

«Ты — Майлин, и не будешь никем, кроме Майлин! Скажи, как я могу помочь? Я здесь...»

«Помни Майлин, Крип, помни Майлин!»

Я понял её и воспроизвёл в памяти картину, которую запомнил лучше всего. Я вспомнил Майлин такой, какой впервые увидел её на Большой Ярмарке в Ырджаре. Богиня, гордая повелительница маленького мохнатого Народа, дающего представление перед публикой. Такой была и навсегда останется для меня Майлин!

«Ты действительно видишь меня такой, Крип? Мне кажется, ты изобразил меня более красивой, более уверенной, чем я была на самом деле. Сохрани этот образ для меня, Крип».

Вернулся Харкон.

— Здесь больше нечего делать, — в его голосе чувствовалось раздражение. — Нам лучше вернуться. Они улетели на флиттере, это значит, что они могут оказаться где угодно. Ты справишься с вашим флайером?

Я кивнул, продолжая смотреть на Майлин. Она высвободилась из моих объятий и с удовольствием бегала вокруг. Потом забралась во флиттер, свернулась клубочком на месте второго пилота, а я сел за пульт управления.

Флиттер Патруля взял курс на «Лидис», мы полетели вслед за ним. Майлин, свернувшись в кресле, казалось, спала. Она не предпринимала никаких попыток к мысленному контакту. Однако мы недолго наслаждались спокойной обстановкой. Мой приёмник защёлкал, и я включил связь.

— Ты можешь связаться со своим кораблём? — в вопросе Харкона звучала тревога. Я был настолько поглощён Майлин, что совсем забыл отправить сообщение на «Лидис». Теперь же торопливо нажал кнопку связи. Послышался сигнал зуммера — канал был готов. Но когда я набрал наши позывные, ответа не последовало. Удивившись, я снова набрал позывные. Канал приёма был открыт, сигнал должен был проходить без помех. Но ответа не приходило.

Я доложил об этом Харкону, и он сообщил, что ему тоже не отвечают.

Мы вылетели рано утром, сейчас уже смеркалось. Наползали тяжёлые облака, поднимался ветер. Для безопасности мы летели высоко над землёй. Сбиться мы не могли — радиомаяк на корабле уверенно показывал курс. Но сильный ветер делал посадку весьма затруднительной. Посадка вслепую? Нет, не должно быть. Если нас ждут, то зажгут посадочные огни на площадке. А если нет? Нам не ответили. Знают ли они вообще, что мы возвращаемся? Почему не пришло ответа? Я продолжал посылать позывные в надежде получить ответ, способный положить конец усиливавшимся подозрениям, что дела наши совсем плохи.

Глава 7

МАЙЛИН

Как же тяжело было перебороть чувство, навалившееся на меня в долине, где мы нашли флиттер. Никогда ещё я не была так не уверена в себе и — более того — в том, кто я есть. Сейчас я уже не могу точно вспомнить, что происходило в моей голове, путало мысли, старалось изгнать моё внутреннее «я». Кто лучше меня знает, как происходит изменение форм? Но тут было нечто иное, не то, что обычно делают Тэсса. Это была концентрированная попытка заставить меня делать то, что не входило в мои планы.

Лёжа на месте второго пилота, я, подобно прохожему, кутающемуся в накидку на морозном воздухе, старалась собрать вокруг себя остатки своей уверенности. Я была не в состоянии определить источник того, с чем встретилась здесь, но точно знала — действия его мне не нравятся.

Я была настолько занята собственными неудачами и страхами, что не осознавала действий Крипа до тех пор, пока его мысль не проникла в моё погруженное в себя сознание быстрым и ясным требованием:

«Майлин! «Лидис» не отвечает. Что ты можешь узнать?»

На мгновение мне показалось, что его мысленное послание прозвучало на незнакомом языке. Усилием воли я отогнала мысли об ужасном контакте в долине. «Лидис», «Лидис» не ответил!

Наконец-то у меня появилась конкретная цель для поиска. Я больше не сражалась с неизвестным. Так как корабль, сам по себе, неодушевлённый предмет и не может служить объектом мысленного поиска, лучшим объектом для контакта мне представлялся Лидж. Я мысленно представила суперкарго, выпустила поисковое щупальце...

И наткнулась на пустоту. Но нет, под слоем небытия очень слабо пульсировали токи живого существа. Я использовала более мощный вид мысленного контакта. Такой обычно пробивался до сознания тех, с кем я очень хотела связаться, даже если они спали или были в глубоком обмороке, вызванном болезнью. Сегодняшний контакт был очень похож на этот последний случай, но потеря сознания оказалась слишком глубокой. Я не смогла мысленно дотянуться до Лиджа. Обратилась к Корду, но результат оказался тот же...

«Они без сознания. И Лидж, и Корд», — доложила я.
«Спят?»

«Это не совсем сон. Я назвала их состояние — они без сознания, но они не спят, их мозг не открыт для контакта со мною, как это бывает при обычном сне. Здесь что-то другое».

Я попробовала опуститься глубже, чтобы получить информацию, вызвать хоть какой-нибудь ответ. Сконцентрировалась, как только могла, и ухватила! Появилось странное ощущение, что цели я достигла, но вокруг меня внезапно взвилась ловчая сеть. Это было то же самое чувство, что охватило меня в долине. На этот раз оно было даже сильнее и гораздо крепче держало меня этой невидимой сетью, словно другое существо, более сильное и неодолимое, соединилось с первым, чтобы связать и утащить меня. Я еще могла видеть Крипа и флиттер. Я могла ещё взглянуть на своё мохнатое тело и лапы с выпущенными когтями, как будто я приготовилась к бою.

Но между мной и реальным миром возникла стена тумана.

Майлин, я была Майлин!

«Крип, подумай обо мне, о том времени, когда я была Майлин. Как ты это делал в долине! Помоги мне увидеть себя такой, какая я есть на самом деле, какой я была всю свою жизнь, несмотря на моё теперешнее тело. Я — Майлин!»

Моя мольба, должно быть, не дошла до него. Я с трудом осознавала, что из селектора звучат какие-то слова. Звучат, но ничего не значат для меня.

Майлин! Все силы разума и воли вложила я в сохранение своей индивидуальности, осаждаемая вздымающимися волнами неведомой силы, которые обрушивались на меня, одна сильнее другой. Так как я была одной из тех, кто мог менять внешнюю оболочку своего духа, я понимала, хотя и неясно, что это самая большая опасность, и она делала меня более восприимчивой ко всему, что здесь происходило.

Но я была Майлин — не Ворса, не кто-то другой, только Майлин из рода Тэсса. Мой мир сузился до одной единственной мысли, которая стала моим щитом, моим оружием. Только Майлин, какой её видел Крип в своём сознании. Хотя, как я ему говорила, никогда раньше я не была так сильно напугана, как теперь. Майлин!

Всё внешнее ушло. Я закрылась от всего мира, чтобы ничто не потревожило созданную мной защиту. Как долго продолжалось моё восстановление в Майлин? Не знаю, потому что время не поддавалось никакому измерению. Но больше всего, больше, чем физической смерти, я боялась потерять выдержку.

А атака всё нарастала и вскоре достигла такой силы, что, казалось, если она увеличится ещё хоть на каплю, я не выдержу. А затем — она начала спадать. С отступлением этой силы пришло новое ощущение — сначала сильного возбуждения, а потом страха и отчаяния. Я не была уверена, что выдержу третью атаку столь странной силы, уже неоднократно пытавшейся воздействовать на меня. А Крип, где он? Он обещал быть рядом со мной!

Меня бросило в жар. Страх перерос в злость, вернее, в сомнение. А вдруг в минуту моей величайшей нужды в нём он оставит меня сражаться одну?

Влияние, испытывавшее меня в этот второй раз, уже прошло, лишь его остатки мерцали, как огоньки в темноте. Я чувствовала себя такой обессиленной, что не могла даже повернуться. Меня словно вернули из небытия, лежащего вне пределов моего понимания.

Крип всё ещё сидел за пультом управления флиттера. Но флиттер стоял на земле. Я видела в иллюминатор сопла «Лидиса», верхняя часть корабля скрывалась в высоте.

«Крип!» — я попыталась окликнуть его.

Попыталась... И тут же столкнулась всё с тем же небытием, что и при поиске Лиджа и Корда! Я привстала в кресле, стараясь заглянуть в его лицо.

Глаза Крипа были открыты, он, не мигая, смотрел перед собой. Я вытянула переднюю лапу и коснулась его плеча. Тело было неподвижно, будто заморожено. Неужели он угодил в ту же сеть, что и я, только засел более прочно?

Я начала новое сражение, пытаюсь на этот раз понять, что находится под этим слоем небытия, но была слишком слаба после собственного испытания и никак не могла найти то место, где Крипа Ворланда держали в заточении. Он сидел неподвижно, будто замороженный, уставившись прямо перед собой, и мне казалось, что он ничего не видит в окружающем мире. Я выбралась из кресла и неловко принялась открывать своими лапами люк флиттера.

Громада корабля достаточно ясно проступала в темноте, а всё остальное вокруг него терялось в ночной мгле. Я выпрыгнула из люка на мягкий песок, поднявшийся клубами под моими задними лапами, когда я скатывалась с края дюны. Люк автоматически закрылся за мною. Крип не заметил моего ухода, не попытался последовать за мной.

Стоя в тени флиттера, я оглядела долину. Подъёмный трап на «Лидисе» был убран, входной люк закрыт, как обычно мы это делали ночью на Сехмете. За «Лидисом» стоял флиттер Патруля. Ни единого движения вокруг. Я подошла к флиттеру и уловила слабеющее излучение, видимо, оно шло от блока управления.

Глассии могут карабкаться, но они неважные прыгуны. С огромными усилиями, вкладывая энергию в каждый прыжок, я пыталась зацепиться передними лапами за борт и повиснуть так, чтобы подтянуться и заглянуть внутрь. Наконец мне это удалось.

Пилот сидел в своём кресле так же неподвижно, как и Крип. Его ближайший сосед держал наготове оружие, но застыл в том же положении. Я смогла разглядеть только затылок второго стрелка, но так как и он не двигался, стало ясно, что тот заморожен, как остальные. И пилот, и Крип благополучно посадили флиттеры, но всё равно выглядели пленниками. Их будто приковали цепями в каком-нибудь подземелье Ырджара. Пленники кого или чего? Судя по тому, что они успешно сели, враг не хотел их смерти, а только установил контроль над ними.

Я не была уверена, что им удастся долго пробыть в таком состоянии. Предусмотрительность подсказывала, что я должна где-нибудь спрятаться и оставаться там до тех пор, пока не узнаю, что же здесь произошло. Должно быть, с какого-нибудь места в долине так же наблюдали и за мной.

Я попробовала применить мыслепоиск и обнаружила, что он крайне ограничен и истощён, моя борьба забрала слишком много энергии. Поэтому я не отважилась при помощи его прощупать местность на большом расстоянии. В настоящий момент мои способности ограничивались пятью чувствами, заложенными в моём теперешнем теле.

Хотя меня и расстроило, что я могу положиться только на возможности глассии, я ослабила бдительность и контроль над своим телом и подняла голову, чтобы нос мог улавливать запахи, и слушала настолько чутко, как могла, вглядываясь в тени, как только позволяло зрение. Глассия — не ночной зверь. Он видит ночью, вероятно, не намного лучше человека. Но тёмные силуэты флиттеров и «Лидиса» на светло-сером песке были хорошими ориентирами. Если мне удастся добраться до скалистой стены, в ней легко найдётся место, чтобы спрятаться. Я присела в тени флиттера Патруля и рассчитала маршрут по наиболее тёмным местам.

Может быть, я напрасно тратила время, и долина не

находилась под наблюдением, так что я могла достаточно свободно передвигаться. Но это было бы слишком хорошо. Поэтому я устремилась к скале с предельной скоростью и сноровкой, на какую только было способно моё тело, настороженно вслушиваясь в любой звук, который мог бы означать, что меня обнаружили.

Я быстро нашла расщелину, в которую, как мне показалось, можно спрятаться. Она была такая узкая, что в неё пришлось вползать спиной вперёд. В расщелине я припала к земле, положила голову на лапы и больше не спускала глаз с корабля и двух флиттеров.

Облака чуть-чуть разошлись, стали видны звёзды, но луны не было. С горькой тоскою вспомнила я яркое свечение Сотры, которая давала свет Йиктору, наполняя ночь мерцающим великолепием.

Но где же звёзды, которые должны сиять надо мной? У животного угол зрения изменён и расстояния искажены. Звёзды светили, как прожектора! По крайней мере, нижние над горизонтом точно были искусственными огнями и ярко светили на дальнем конце долины. Я насчитала их три. Где-то там находился тайник, в котором мы спрятали наш груз. Пока экипаж корабля и спасатели пойманы в ловушку, таинственные силы, которые, по моему мнению, и были причиной всех наших бед, пытались выкрасть сокровища!

Обнаружив огни, я уловила ещё и вибрацию, доносящуюся сквозь скалы. В долине по-прежнему не было видно ни малейшего движения, никаких намёков на наблюдателей. Возможно, те, кто устроил эту ловушку, были настолько уверены, что держат нас в своих сетях, что даже не выставили постов. Я вслушалась. Мне совсем не хотелось делать то, что представлялось необходимым, а именно — пойти, проверить моё предположение и убедиться, действительно ли сокровища крадут. Нужно было посмотреть, кто это делает. Но страх приковывал меня к кажущейся безопасности укрытия — расщелине, оставить которую выглядело величайшей глупостью.

Я не была привязана к «Лидису». Не была я и Вольным Торговцем. Крип, Крип Ворланд — да, именно он был той

нитью, что связывала нас. И я не хотела её рвать. Но остальные... Однако Крип был связан с ними ещё более тесными узами, а потому и я была связана с судьбой корабля, хотела я того или нет. Если бы глассия могла вздохнуть, я бы вздохнула, когда с неохотой покидала мой оплот безопасности. Опять я начала пробираться вдоль подножия скалы, используя каждое прикрытие.

Когда мы с Крипом обследовали эти места, то выбирали пути, подстраиваясь под его человеческое тело. Но я-то могла гораздо быстрее преодолеть это расстояние, потому что мои сильные лапы лучше приспособлены для карабканья по скалам, испещрённым разломами и щелями. Я обошла скалу, пока не выбрала место, которое, как мне показалось, находилось на одной линии с огнями, и отсюда стала взбираться наверх. Моё тёмное тело было совсем незаметно на поверхности скалы, а светлые пятна песка я старалась обходить стороной. Как я и думала, мои лапы быстро находили выступы и расщелины в скале, ловко цепляясь за них.

По скале я поднималась быстрее, чем кралась по земле, и уже через несколько минут была на вершине. С этого удобного места нетрудно было убедиться, что мои подозрения оказались правильными лишь частично. Три прожектора, так ярко светившие в ночи, действительно находились в том месте, где Фосс и остальные наивно полагали, что надёжно спрятали груз. Хотя удалить ту часть скалы, что закрывала вход в тайник, по-видимому, было нелегко. По вибрации в скале и слабому жужжащему звуку, который теперь уже можно было уловить, я поняла, что скалу долбят каким-то механизмом.

Наблюдая за тем, что происходило невдалеке, я не сразу осознала, что нахожусь совсем рядом от не менее опасной силы, и вновь луч неведомого происхождения одним своим краем задел меня. Я почувствовала удар неимоверной силы. Окажись я в области большей его интенсивности, вероятно, меня бы просто смело в долину.

Это была практически чистая энергия, причём такой мощи, что луч становился почти невидимым. И это была мысленная сила! Она достигала такой концентрации, что

раньше я бы ни за что не поверила, что такое возможно. Такой не достигали даже наши Старейшие, когда объединяли свою энергию для какого-нибудь действия. Я не сомневалась, что именно эта сила покорила сознание людей внизу. Но теперь я была уже предупреждена и спряталась в кокон своих защитных сил, а потому могла обойти эту опасность и не угодить снова в ловушку. И ещё я знала, что непременно должна найти источник этой силы.

Вторично повстречаться с этим смертельным лучом у меня не было желания, но, чтобы проследить его, следовало поддерживать контакт с ним. Я ограничилась небольшими касаниями границы луча, избегая непосредственного контакта. Луч привёл меня к нише в скале. Ни на самой скале, ни вокруг неё света не было. Я несколько раз раскидывала мыслепоиск, прежде чем обойти эту нишу и приблизиться к ней с тыла. В нише было очень темно, и что бы в ней ни находилось, это располагалось где-то глубоко внутри.

Наконец, собравшись с силами, я начала карабкаться по гребню, убедившись прежде, что единственное отверстие ниши выходит на передний склон скалы. На животе, полпластунски, я подползла к нише, наклонила сверху голову, надеясь, что луч не заполняет всего отверстия ниши, и через некоторое время смогла увидеть то, что находилось в ней.

Сначала мне показалось, что там темно. Но вскоре в чрезвычайно узком пространстве щели я заметила слабое мерцание, достаточное, однако, чтобы обнаружить обитателя ниши. Взглянув из крайне неудобного положения «вверх ногами», я, потрясённая, чуть не скатилась со скалы.

Передо мной в глубокой тени медленно проявлялось лицо... Лишь овладев собой, я смогла сконцентрироваться на его застывших зловещих чертах. Глаза незнакомца были плотно закрыты, лицо ничего не выражало, будто он спал. Тело этого человека было заключено в короб, закреплённый так, чтобы лицо смотрело в долину. Короб был покрыт инеем, и только часть его, закрывавшая лицо, оставалась

прозрачной. На лице совсем не было волос — даже бровей и ресниц, а кожа казалась бледно-серой.

На стенке короба перед спящим (мне показалось, что это был именно мужчина), находилась прозрачная панель, напоминавшая кристалл, вмонтированная в широкий металлический каркас, местами покрытый маленькими цветными пятнышками, цвет которых я не могла точно определить.

У основания короба лежал ещё один прибор. И хотя спящий (если он спал) не напоминал мне никого из виденных ранее, тот прибор в его ногах был мне знаком. Всего несколько дней назад я видела, как подобный работал на «Лидисе». Это был усилитель связи. Такой же собрал Корд, чтобы подать сигнал о помощи.

Увидев его, я смогла сделать лишь один вывод. Мысленный заряд выходил из тела в коробе и усиливался, проходя через селекторный передатчик. Нахождение его здесь имело, по-видимому, единственную цель — держать Крипа, людей Патруля и весь экипаж «Лидиса» в рабстве. Если я смогу каким-нибудь образом разъединить этот прибор или ослабить поток энергии, они смогут освободиться.

Со спящим в коробке я ничего поделывать не могла. У меня не хватило бы сил, чтобы справиться с ним. Его очень плотно задвинули в нишу. Мои глаза уже привыкли к очень слабому свечению, исходящему из каркаса, и разглядели, что скала выдолблена как раз под размер короба и крепко держит его в одном положении.

Поэтому до источника мысленного рабства я добраться не могла. Совсем другое дело — усилитель. Я хорошо помню, с какой осторожностью устанавливал Корд прибор, столь похожий на этот, на «Лидисе». Его постоянные предупреждения, что малейшее сотрясение может преломить луч, надоели всем. Эту задачу мне и предстояло сейчас осуществить. Я очень устала от битвы с силой, пытавшейся подчинить мой мозг, и потому тело давно уже посылало сигналы об истощении ноющих мышц, неизменно уставших конечностей.

Я опустилась на землю и чрезвычайно осторожно поползла вдоль боковой стенки, держась как можно ниже и

надеясь не угодить под основную силу луча. К счастью, луч не шёл по земле.

Обнаружив это, я спокойно подобралась ближе. Я видела лишь один возможный путь, а удача зависела от того, насколько моё тело сможет преодолеть свою неуклюжесть зверя. Отступив, я пошла искать оружие. Однако продувающие всё ветры хорошо делали своё дело — в ближайшей округе не нашлось ни одного камня, которым я смогла бы воспользоваться. Я пошла дальше, заглядывая в каждую дыру и отчаиваясь все больше и больше. Если бы мне пришлось даже вернуться к подножию скалы, я всё равно бы это сделала. И я продолжала надеяться.

Наконец моё упорство было вознаграждено. В одной из расщелин я нашла треснувший кусок скалы, который раскачивала до тех пор, пока он не выпал. Я еле-еле вытащила его на поверхность. Привыкнув пользоваться руками, очень трудно делать это ртом, но я ухватила камень зубами и потащила его.

И вот снова, как можно ниже припадая к земле, я подползла к коробке. Зажав камень в зубах, я принялась бить им по усилителю до тех пор, пока совсем не расплющила его. Те, кто оставил его здесь, теперь вряд ли смогут воспользоваться им.

К самому коробу со спящим я не приближалась — от него веяло влажным холодом, похожим на сильный порыв ветра зимой в горах на Йикторе. Я понимала, что если дотронусь до этой замороженной коробки, то сейчас же отморожу лапу. Лицо спящего не изменилось и походило на лицо каменной статуи. И тем не менее спящий был живым или когда-то был живым. Вид этого заживо погребённого вызывал у меня смешанные чувства.

Я быстро отвела глаза от неподвижного человека, отступив также с линии немого взгляда его закрытых век. Присутствие чужака — то же чувство было и во флиттере. Это ощущение вызвало во мне такую тревогу, что я ринулась бежать, не разбирая дороги.

Когда я пришла в себя и обрела контроль над своими эмоциями, избавившись от страшного влияния, то обнаружила, что двигаюсь не назад в долину, к кораблю, а к

прожекторам и жужжащему звуку. Я уже неплохо ориентировалась. У меня появилась надежда, что влияние прекратилось, что экипажи «Лидиса» и флиттеров свободны. И они оказались бы в более выгодном положении, если бы я, вернувшись с разведки, всё рассказала им.

Напавшие на нас так и не выставили никакой охраны или караула. Возможно, они настолько были уверены в непогрешимости своего аппарата, что чувствовали себя абсолютно свободно. Я без труда нашла хорошее место для наблюдения.

Они были заняты в тайнике. Прожекторы освещали его сильнее, чем дневной свет на Сехмете. Два робота пытались ликвидировать запор, установленный нами, чтобы скрыть тайник. Торговцы хорошо сделали своё дело, и даже их машины не могли быстро сломать преграду. У них имелось достаточно средств, и они с силой атаковали скалу.

Роботы на «Лидисе» предназначались, в основном, для погрузки, но в экстремальных ситуациях могли быть модифицированы простыми приспособлениями. Эти же были больше и сложнее. Ими руководил человек, державший в руках панель дистанционного управления. Хотя я и была знакома с подобными механизмами, мне показалось, что они предназначены главным образом для земляных работ.

Судя по тому, что знали мы, на «Лидисе», на Сехмете пока не было рудников. А случайным изыскателям не требовались такие сложные и дорогие машины. Кроме того, мы обнаружили следы того, что могло быть складами сокровищ. Значит, этих роботов привезли для того, чтобы вскрыть тайники?

Люди внизу, а их было трое, выглядели как обычные астронавты, одетые в простые комбинезоны экипажа космического корабля. Они были похожи на людей, как и Вольные Торговцы. Двое из них, которые не управляли роботами, держали в руках оружие, точнее — бластеры. Их внешний вид был достаточно угрожающий, и я решила держаться от них на расстоянии.

В поле моего зрения попал четвёртый человек. Я замер-

ла. Воздух со свистом выходил из моей пасти сквозь клыки — природное оружие глассии. Лицо этого человека хорошо освещали огни. Это был Грис Шервин!

По его виду я бы не сказала, что он тоже в плену. Он стоял возле одного из стрелков и с интересом наблюдал за действиями роботов, будто сам заставлял их работать. Неужели это он? Неужели Шервин заманил свой экипаж в ловушку? Но почему? Очень трудно тому, кто знает Торговцев, поверить, что один из них стал предателем своего народа. Их преданность была врождённой. Я могла поклясться всем, что подобное предательство абсолютно невозможно. И всё же он стоял и, казалось, находился в прекрасных отношениях с ворами.

Время от времени управляющий роботами регулировал дистанционное управление. Я уловила его чувство нетерпения и, поняв это, осознала, что слабость моя прошла, силы возвращались ко мне. Это означало, что я могу с помощью мысленного поиска попробовать выяснить, что же здесь делает Шервин. Устроившись как можно удобнее, я начала зондировать.

Глава 8

КРИП ВОРЛАНД

Стояла гулкая тишина, не чувствовалось ни вибрации стен, ни привычного ощущения безопасности, которое давал корабль. Я открыл глаза... и увидел отнюдь не знакомые стены своей каюты на «Лидисе». Передо мной помигивала лампочками панель управления флиттера. Пока я, более чем ошеломлённый, беспомощно моргал, всё постепенно становилось на свои места. Последнее, что я отчётливо помнил, было то, как я летел над скалистыми кряжами по направлению к кораблю.

Но теперь-то я больше не летел. И как же я приземлился? И...

Я повернулся и взглянул на место второго пилота. Мохнатый зверёк куда-то исчез. Нетрудно было убедиться,

что во флиттере оставался я один. Несомненно, Майлин посадить флиттер не могла. А за иллюминатором уже стояла глубокая ночь.

Какое-то мгновение потребовалось мне, чтобы открыть выходной люк и выйти из флиттера. Рядом возвышался «Лидис». В темноте возле корабля я различил второй флиттер. Но почему я ничего не помню? Что случилось перед самой посадкой?

— Ворланд! — позвал меня кто-то из темноты.

— Кто здесь?

— Харкон, — тёмная тень отделилась от второго флиттера и двинулась по песку ко мне. — Как мы здесь очутились? — спросил он.

Я не мог ему ничего ответить.

Со стороны корабля внезапно донёсся скрежет. Я поднял голову и увидел, что из верхнего люка выдвигается трап, длинный, как язык. Мгновение спустя его конец коснулся земли рядом с нами. Но меня больше интересовали поиски Майлин.

Вокруг на песке не было никаких следов, я не заметил ни единой тропки. Но если трап был поднят, значит, она не могла подняться на корабль. Я не представлял, что заставило её покинуть флиттер. Её странное поведение там, в дальней долине, подсказывало мне, что какое-то чуждое влияние могло вывести из-под контроля её силы сопротивления. Если так, то что это за влияние, и почему оно подействовало здесь с такой силой? Ведь и я не помню, как приземлился.

Я попробовал применить мыслепоиск. И сразу голова у меня закружилась. Я прислонился спиной к флиттеру и начал медленно опускаться на колени, обхватив руками голову. Мысли смешались, я пытался вздохнуть...

Когда Харкон подбежал ко мне, я, должно быть, был близок к полной потере сознания и какое-то время потом, пока меня вели на корабль, не очень ясно соображал. Я был в состоянии шока, задыхался, тряс головой, как в сильном припадке, пробиваясь сквозь мглу страха, которая выросла между мной и остальным миром. Однако постепенно я приходил в себя. Передо мной возвышались стены кораб-

ля. Рядом стоял наш врач Лукас, а из-за него выглядывали Лидж и Харкон.

— Что случилось?

— Расскажи нам, — спросил Лукас.

Моя голова... Я слегка повернул её на подушке. Слабеющая волна атакующей темноты смешалась с ужасной болью.

— Майлин... Она ушла. Я попытался найти её с помощью мысленного поиска, и вдруг что-то ударило внутри головы, — было так сложно описать природу той атаки, как и вспомнить сейчас, каким образом я до этого посадил флиттер.

— Всё сходится, — кивнул Лукас.

Но что с чем сходится, никто мне не объяснил, пока врач не продолжил:

— Эсперная сила увеличивается до степени, когда её можно воспринимать как энергию. Я считал, что создать такое невозможно, но всегда в том или ином мире невозможное становится реальным.

— Эспер, — повторил я.

Голова разболелась с такой силой, что я совсем ослаб. Майлин, что с ней? Может, ещё раз попробовать пустить в ход мыслепоиск? Но это вызовет ещё одну ответную атаку... Страх стал понятнее, когда Лукас произнёс:

— Держись подальше от этого, Крип. Хотя бы до тех пор, пока мы не узнаем больше о том, что происходит. Ты получил такую дозу энергии, что был практически нокаутирован.

— Майлин! Она ушла!

Он отвёл от меня взгляд. Мне показалось, я догадался, о чём он думает.

— Это не её рук дело! Я знаю её сигнал.

— Тогда кто? — поинтересовался Харкон. — Ты всегда говорил, что она обладает высокими телепатическими способностями. А это было сделано телепатом с необычными способностями и, возможно, хорошо натренированным. И я хотел бы знать, кто посадил нас здесь, раз мы этого не помним! Нами управлял твой зверёк?

— Нет! — я пытался подавить тошноту и головокружение, которые никак не покидали меня. Лукас быстро вложил мне что-то в рот, и через трубку я начал пить прохладную жидкость, которая будто растворяла мою боль. — Это не Майлин! — проговорил я. — В мысленном сообщении ошибиться невозможно. Оно так же индивидуально, как голос или лицо. Это было нечто чуждое, — теперь, когда у меня появилось время, чтобы подумать, я понял, что так оно и есть.

— А теперь, — Лукас повернулся к Лиджу, — расскажи, что зарегистрировали здесь наши приёмники.

— У нас есть запись, — начал суперкарго. — Эта эсперная атака началась не так давно. Вас здесь ещё не было. Интенсивность излучения упала приблизительно полчаса назад, упала очень сильно, хотя до сих пор силовой поток регистрируется приборами. Как будто некий датчик энергии был поставлен на максимум, а потом частично уменьшен. Пока он работал на полную мощность, никто из нас ничего не помнит. Мы пробудились, если это можно так назвать, когда интенсивность стала падать. Но остаточное излучение, очевидно, имеет достаточную силу, чтобы выбить любого, кто попытается установить эсперный контакт, как это сделал Крип. И если это была не Майлин...

— А где она сейчас? — приподняв голову, я обнаружил, что чувствую себя уже гораздо лучше. — Во флиттере я был один, когда очнулся, и никто не видел её следов на песке.

— Может быть, она отправилась искать источник энергии, захватившей нас. У неё больше эсперных способностей, чем у любого из нас, — предположил Лидж.

Я заставил себя подняться, оттолкнув руку Лукаса, который попытался меня удержать.

— Или её тоже взяли под контроль. Она почувствовала что-то там, в долине, где мы нашли флиттер, и умоляла увезти её оттуда. Она... Может, её захватило то, что проявилось здесь?

— Не стоит идти ей на помощь, не зная, против чего придётся сражаться, — добрые намерения Лиджа не дошли до меня, но так как он, Лукас и Харкон встали между мной и дверью, я понял, что обойти их так просто не удастся.

— Если ты думаешь, что я собираюсь оставаться здесь в бездействии, пока... — начал было я.

Но Лидж покачал головой:

— Я только говорю, что мы должны побольше узнать о нашем противнике и только после этого вступать с ним в бой. У нас уже достаточно фактов, говорящих о том, что это нечто, с чем мы никогда прежде не встречались. И какая польза будет для Майлин, Шервина и Хнольда, если мы тоже попадём в ловушку до того, как свяжемся с ними.

— Что же вы предлагаете? — спросил я.

— Мы засекли источник излучения или то, что им может быть. На вершине скалы на северо-востоке. Однако среди ночи мы не собираемся карабкаться к нему. И ещё хочу тебе сказать вот что. Излучение зарегистрировано в слишком постоянном режиме, чтобы быть человеческим мысленным воздействием. Если это какой-то прибор, который, как мы полагаем, действует на телепатическом уровне, то должен быть и кто-то, отвечающий за его работу. И этот кто-то, вероятно, знает эту страну намного лучше нас. Мы выставили дальномер...

— И кое-что ещё, — решительно вставил Харкон. — Я выпустил зонд-разведчик, работающий в режиме приёма, как только Лидж обнаружил это. Он передаёт собранную информацию обо всём, что состоит не из одного лишь камня.

— Итак, — заключил Лидж, — сейчас мы спустимся в рубку управления и посмотрим, что нам сообщает зонд.

Патруль располагал сложнейшим оборудованием. У них имелись приборы, далеко обогнавшие по своей сложности оборудование кораблей Вольных Торговцев. Я уже слышал о зондах-разведчиках, но никогда не видел работу хотя бы одного из них.

Изображение на маленьком экране сильно тряслось, всё покрывали волнистые линии. Рябь шла без остановки, и моё беспокойство росло. Всё, что говорил Лидж, несомненно, было правдой. Если я не могу использовать мыслепоиск, не вызывая ответного удара, то совсем нет шансов отыскать Майлин в этой переменчивой стране, особенно ночью.

— Поступает какой-то сигнал! — голос Харкона отогнал мои тёмные мысли.

Волнообразные линии на экране покрывали изображение. Но пока мы внимательно следили, изображение приобрело ясные очертания. Мы видели, что свод скалы образовал нишу. Ниша была чем-то занята. На экране возникло лицо человека или какого-то существа, стоявшего там и поначалу привлёкшего наше внимание. Человек или нет? Глаза его были закрыты, будто он спал или сконцентрировался. Потом появилось изображение всей ниши. Человек не был свободен. Он находился в коробе, сплошь мутном, кроме того места, через которое виднелось лицо. Короб был закреплён таким образом, что лицо было обращено в сторону выхода из ниши. Внизу лежала коробка поменьше, но она была сломана, грубо разбита. Из неё торчали провода и обломки металла. Харкон заговорил первым.

— Я думаю, теперь понятно, почему излучение ослабло. У его ног лежит усилитель «Альфа-10» или, вернее, лежал до того, как кто-то хорошенько расколотил его. Он используется для трансляции и усиления селекторной связи. Но я никогда раньше не слышал, чтобы его применяли для усиления телепатических сигналов.

— Тогда это человек, — Лидж говорил, будто не совсем в этом был уверен, — тогда это телепат, чей мысленный сигнал был многократно усилен.

— И телепат такой силы, какой мы до сих пор не знали, — заметил Лукас. — И ещё одно. Он, конечно, гуманоидной расы, но не ветви землян. Возможно, сильно мутировавшего рода...

— Откуда ты знаешь? — за всех нас спросил Харкон.

— Он заморожен. А в этом состоянии невозможно излучать энергию. В таком состоянии даже жизнь, как мы её понимаем, невозможна.

Он взглянул на нас, как бы ожидая взрыва отрицания. Но я, как и другие, знал, что Лукас никогда не позволит диких или необоснованных утверждений. Если он считает, что этот неизвестный с закрытыми глазами заморожен, то я принимаю его диагноз.

Харкон медленно тряс головой. Он это делал не потому, что был готов возразить Лукасу, а просто не мог полностью принять то, что видит.

— Ну, хорошо. Пусть он заморожен, но ему, должно быть, тесно в этой коробке. Сам он туда забраться не мог. Кто-то помог ему в этом.

— А зонд-разведчик не может продемонстрировать прошлое? — Лидж показал на экран. — Например, кто установил этого эспера и усилитель?

— Мы можем наблюдать только то, что происходит в настоящее, реальное время, — Харкон изучил шкалу на наручном передатчике и очень осторожно что-то отрегулировал на нём. Изображение на экране исчезло с яркой вспышкой, и снова появилась рябь.

— Он не воспроизводит прошлого, — повторил Харкон. — Так что можно только вести наблюдение в реальном времени. Но для чего...

— Там... я что-то вижу! — Корд рванулся вперёд и наполовину закрыл экран. Пришлось его немного отодвинуть.

Корд был прав, на экране появилась новая сцена. Мы увидели более освещённый участок долины.

— Тайник! Они крадут наши сокровища! — восклицание Лиджа было излишним.

Мы смотрели, как работают роботы. Они уже взломали наш замок, который мы считали вполне надёжным. Три, нет, четыре человека стояли немного в стороне и наблюдали за их работой. Двое из них были вооружены бластерами, один держал пульт управления. Но четвёртый...

Лидж припал к экрану.

— Я не верю! Не могу поверить в это! — так мог воскликнуть любой из нас.

Я знаю Грису Шервина. Я как-то провёл вместе с ним отпуск на одной из планет. Он был со мной на Йикторе, когда я впервые увидел Майлин. Совершенно невероятно, что он стоял среди них и спокойно наблюдал, как воруют наш груз. Он был Вольным Торговцем, кровь и плоть этой жизни, а среди нас нет и не было предателей!

— У него, должно быть, стёрли память, — тихо произнёс

Лидж, и это было единственное объяснение, которое мы могли принять. — Если эспер такой огромной силы, с которой недавно столкнулся Крип, повлиял даже на него, то ничего удивительного, что они нашли тайник. Они выудили это место прямо из его мозгов! Хнольд тоже должен быть у них. Но кто они? Изыскатели? — он обращался к Харкону, вызывая к авторитету того, кто должен знать преступивших закон и может дать ответ.

— Изыскатели с подобным оборудованием? Они не используют столь точные инструменты в своей работе. Это больше похоже на дело Гильдии...

— Воровская Гильдия здесь?!

Лидж был очень удивлён. Все знали, что Воровская Гильдия сильна. Но обычно они не орудовали на далёких окраинах Галактики. Они не тратили время на то, чтобы извлекать выгоду от налётов на приграничные планеты. Такие мелкие дела они оставляли другим. Гильдия планировала крупные операции на внутренних планетах, где ценности были уже собраны в результате крупных авантюр. Если эти люди имели отношение к Гильдии, то это означало, что они попали в зависимость от ещё более сильного преступника. Их было слишком мало, чтобы действовать самостоятельно. Кто-то за ними стоял.

— Как бы там ни было, это рука Гильдии! — упрямо твердил Харкон.

Если так, наше положение становилось ещё более опасным. Хотя, что может быть опаснее тех дел, в которые втянули «Лидис» и здесь, и в космосе.

У Гильдии имеются такие резервы, о которых Патруль даже не подозревает. Ходят упорные слухи, что они готовы завладеть, используя любые, даже самые грубые методы, всеми новыми разработками и открытиями, чтобы быть впереди своих противников. Да, эспер в коробке с усилителем вполне мог быть оружием Гильдии. И эти роботы для горных работ, которых мы видели...

Я подумал о маске кошки на скале и об уверенности, с какой заявила Майлин, что здесь существуют и другие тайники. Предположим, что некая компания молодчиков, честолобивых и дальновидных, обнаружила, что на Сех-

мете есть такие тайники. Зная это, они порвали с Гильдией, имея в активе современное горное оборудование и такую силу, как эспер, для защиты. Один из этих людей на Тоте мог узнать о нашем грузе, и они решили забрать и его в качестве дополнительного гонорара. Трон Квира стоил любых усилий. Мне ничего не оставалось, как поверить во всё это.

Но какие приборы у них имеются ещё? Мы до сих пор не поняли, что вызвало поломку «Лидиса». И эспер был чем-то новым, о чём Вольные Торговцы никогда раньше не слышали.

— Посмотрите-ка!

Я очнулся от своих мыслей при крике Харкона. Мы увидели приблизившееся изображение нашего тайника. Роботы начали вытаскивать всё, что мы там хранили. Но не это привлекло наше внимание и внимание пилота Патруля.

Один из охранников повернулся. Его бластер был нацелен прямо в наш экран. Через секунду экран погас.

— Испортил зонд! — меланхолично прокомментировал Харкон.

— Теперь им известно, что эспер нас больше не контролирует, и что мы, в свою очередь, узнали об их деятельности, — задумчиво проговорил Лидж. — Теперь надо ожидать силовой атаки.

— Какое оружие у вас имеется? — спросил Харкон.

— Не больше того, что позволено... Можно вскрыть опечатанное оружейное хранилище и взять оттуда бластеры. Вот и всё. Торговец зависит от разных обстоятельств в космосе. «Лидис» никогда не приземляется на планеты, где оружие сложнее, чем на Тоте. Мы уже много лет не вскрывали арсенал.

— Но мы не знаем, что есть у них, — заметил Харкон. — А ведь у них может быть всё, что угодно. Интересно, кто разбил усилитель? Может, кто-то действует по собственной воле, тот, кого мы не видим?

И тут для меня всё стало настолько ясно, будто я присутствовал при этом.

— Это сделала Майлин.

— Животное, даже с телепатическими способностями...
— начал Харкон.

Я холодно взглянул на него.

— Майлин не животное. Она Тэсса, Лунная Певица с Йиктора, — он не понимал значения этих слов, и я продолжил: — Она не такая, как мы, она носит шкуру животного временно. Это обычное явление у её народа... — я не хотел вдаваться в подробности. — Вполне в её силах проследить излучение эспера и испортить усилитель.

Но где она сейчас? Может быть, она побежала к тайнику разузнать, что там происходит? Я не понимал, как охранник с такой точностью попал в зонд-разведчик. Ведь они запрограммированы уклоняться от атаки. Он мог так же быстро уничтожить и Майлин, если бы заметил её. Они, вероятно, приземлились на Сехмете давно и хорошо ознакомились с его дикой природой. Боюсь — они могут узнать, даже в образе зверя, существо другого мира. Я представил себе все последствия такого узнавания.

Если бы я мог мысленно обследовать округу! Но хотя усилитель больше не работал, я знал, что, вероятно, снова вызову на себя удар, последствия которого недавно испытал. Пока этот замороженный человек или предмет не будет обезврежен, у меня нет никакой надежды мысленно отыскать Майлин. Разве только увидеть её воочию. Но в ночной темноте это невозможно.

— ...мы можем просто пересидеть, — говорил Корд, когда я вновь прислушался к его словам. — Ваш корабль, — он кивнул на Харкона, — скоро вернётся вместе с Фоссом. У нас достаточно сил, чтобы предупредить их, когда они будут приземляться.

Лидж покачал головой.

— Скверные дела. Эти люди, должно быть, просматривают нас насквозь, даже если мы этого не чувствуем. Несомненно, они обладают защитным полем, которое отгораживает их от эспера, когда они этого хотят. Майлин обнаружила их давно. Видимо, они тоже знают о нас и знают, что мы ждём помощи. Они могут ускорить дело, упаковать груз и покинуть планету до того, как к нам придёт поддержка. К тому же, их база может быть спрятана

где-то на другой стороне континента. Мы должны постараться удержать их за хвост, если сможем. Но не стоит использовать другой зонд-разведчик. Они сразу же определят его.

— У нас нет другого выхода, — сухо заметил Харкон. — Я считаю, что, в основном, ты прав. И ещё вот что. Если мы останемся на корабле или будем рядом с ним, они смогут опять сковать нас, запеленговать наше предупреждение и держать нас под контролем, как делали раньше. Я хочу сказать, что нам надо покинуть корабль, взять с собой всё оружие, а трап поднять. Мы уйдём на северо-восток от тайника и посмотрим, нет ли там их базы. Они не смогут вывезти всё, что там лежит, за один раз. И ещё, вдобавок, эспера. Кстати, если мы успеем повернуть это дело раньше, чем они поймут, что он выведен из строя, мы и его обезвредим. А что с твоей Майлин? Ты можешь каким-нибудь способом связаться с ней, узнать, где она?

Он обращался непосредственно ко мне.

— Я не могу этого сделать, пока эспер окончательно не отключён. Вы же видели, что случилось, когда я попытался связаться с ней. Но я думаю, она рядом с тайником. Может получиться, если я окажусь достаточно близко, она сама почувствует меня. Она гораздо сильнее меня.

— Хорошо. Пусть это будет наша первая попытка разведать противника, — было видно, что Харкон без согласия остальных возложил на себя роль командира в планируемых нами действиях. Не то, чтобы мы были против его плана, но вообще-то Вольные Торговцы признают только авторитеты из своего народа.

Так что Лидж вполне мог оспорить право лидерства, но не сделал этого. Он пошёл вскрывать опечатанный арсенал. Мы взяли бластеры, вставили свежие заряды, захватили НЗ (неприкосновенный запас был в пакетах) и надели термокостюмы, чтобы защитить себя от холода.

Было решено, что Корд и Алек Лалферн, наш механик, останутся на корабле. Стрелки Харкона сняли внешнюю защиту своего флиттера и готовы были присоединиться к нам. Было ещё темно, но до рассвета оставалось немного.

Мы чуть отдохнули и перед выходом съели последний полный завтрак.

Было решено также, что мы попытаемся подняться на скалу по самому крутому месту, попробуем найти там эспера и сделать так, чтобы он больше нас не беспокоил. Какой же это был подъём! Бластеры камнями висели на плечах и тянули нас вниз. Нам пришлось снять перчатки, чтобы голыми руками нащупывать уступы и впадины в монолите скалы. Камни были холодные, и приходилось быстро выпускать уступы, чтобы онемевшие пальцы не привели к катастрофе. Я подумал об острых когтях на лапах Майлин. Этот путь для неё наверняка был бы гораздо легче, но она не оставила никаких следов...

Мы добрались до вершины скалы и шли теперь гуськом, затылок в затылок, как приказал Харкон. С высоты хорошо был виден свет там, где располагался тайник. Работающие не предприняли ничего, чтобы скрыть своё присутствие. Предупреждённые зондом-разведчиком, они, должно быть, уже приготовили нам тёплую встречу.

Наше преимущество было ничтожным. На руке зажужжал приёмник. Я двинулся направо, повинувшись больше чувству, чем зрению.

Вскоре мы собрались около ниши, которую видели на экране. Разбитый усилитель валялся, как и раньше. Те, кто установил его здесь, не приходили проверять, работает ли он. Я подошёл поближе. Впервые в жизни я встретился с мысленным посланием, которое проникало не только в мой мозг, но невидимой мощной силой пронизало всё моё тело.

— Не подходите к нему спереди! — выкрикнул я.

Харкон стал обходить его с одной стороны, а я с другой. В лице замороженного не было видно ни единого признака жизни. Это был гуманоид, но чужой касты. Я бы продолжал смотреть на этого мертвеца, если бы не чувствовал сильного потока излучения. Патрульный отступил назад, уступив место Лукасу. Врач поднял руку без перчатки и подвигал пальцами на расстоянии нескольких сантиметров от поверхности коробки так, как будто гладил её.

— Очень высокая степень промерзания, — доложил он.

— Никогда бы не подумал, что можно так заморозить человека, — он открыл клапан переднего кармана комбинезона, достал датчик жизненных сил и поднял его на уровень груди спящего, хотя мы и не могли видеть тело сквозь матовую оболочку.

В тусклом свете, излучаемом коробом я увидел полное неверия лицо Лукаса. Он резко поднял детектор к голове, посмотрел на шкалу, затем опять замерил на уровне сердца и отошёл.

— Что с ним? — спросил Харкон. — Как сильно он заморожен?

— Слишком сильно. Он мёртв!

— Но этого не может быть! — я уставился на неподвижное лицо. — Мёртвый не может излучать мысли!

— Может быть, он не знает об этом! — Лукас издал странный звук, похожий на смех. Голос его не дрожал, когда он продолжил: — Он не только умер, он умер так давно, что датчик ничего не регистрирует. Подумать только...

Глава 9

КРИП ВОРЛАНД

Я не мог этому поверить. Мысленное излучение от мёртвого человека — это просто невозможно! Я так и сказал. Но Лукас утверждал, что его датчик работает нормально, в доказательство чему измерив моё излучение. Показания прибора были в пределах нормы.

Мы не могли ошибиться — мёртвое тело, связанное с усилителем, держало нас в плену до тех пор, пока усилитель не был разбит. Эсперная сила, достаточно мощная, чтобы овладеть любым человеком (я надеялся, что Майлин осталась вне его контроля), исходила из мёртвого тела...

А сокровища продолжали извлекать из тайника. Испорченный усилитель был быстро ликвидирован, но мы так и не смогли расколоть коробку. Пришлось оставить на месте странного спящего, продолжавшего каким-то образом

излучать энергию, но, как я надеялся, на не слишком большое расстояние отсюда.

Путь через скалы вниз был намного короче, чем путь в гору. Мы ползли, соблюдая все предосторожности на этой оккупированной территории, пока не смогли взглянуть вниз на наш тайник. Роботы уже достали из него всё. Слабо мерцавший Трон Квира стоял среди коробок и тюков.

В приземлившийся рядом флиттер, наверное, раза в два больше нашего, загружали пока мелкие вещи. Трое, которых мы видели при помощи зонда-разведчика, осматривали Трон. Стало ясно, что он не входит во флиттер, и, вероятно, его транспортировка представляла для них проблему.

Оказалось, что кроме тех троих у тайника больше никого не оставалось. Шервин исчез. В тот момент я опять подумал о Майлин. Если она пришла сюда, то, может быть, прячется где-нибудь среди скал, следя за всем, как и мы? Может быть, мне опять попробовать мысленный контакт?

Другого пути, чтобы найти её на этой скалистой земле, я не видел. Хотя уже близился обычный облачный рассвет Сехмета и видимость была гораздо лучше, чем тогда, когда мы начинали наш поход, я решился прибегнуть к мысленному контакту, готовый немедленно прервать его, если вновь попаду на линию излучения мертвеца. Но на этот раз ничего не произошло. Окрылённый, я мысленно представил себе образ Майлин и начал искать её поблизости.

Однако я не уловил даже предупредительного сигнала о мысленном поле. Её не было среди скал, где мы прятались. Может быть, она находилась внизу, у тайника? Чрезвычайно осторожно я стал обследовать долину, боясь вызвать удар противодействия, как случилось со мной раньше. Вполне возможно, что у них есть ещё один спящий для защиты там, внизу.

Но и там я ничего не встретил, и это, в свою очередь, тоже было странно. Мой мысленный поиск не обнаружил даже тех троих, которых я воочию видел у Трона. Их мозг был полностью защищён от всякого вмешательства. Наверное, они действительно имели дело со спящим и только

защитившись так могли его использовать? От них ничего нельзя было узнать. Ответа от Майлин тоже так и не пришло.

Убедившись в этом, я стал расширять зону поиска, обследуя юг, путь, которым мы пришли, когда впервые обнаружили это место. Мысленно продвигаясь всё дальше и дальше, я, наконец, уловил очень слабый дрожащий ответ!

«Где? Где?» — со всей силой направлял я туда мысль.

«Здесь... — ответ был совсем слабый и очень далеко. — Помоги... здесь».

Никакой ошибки в настойчивости её просьбы быть не могло. И даже сама слабость сигнала подгоняла к действию. Я не сомневался, что Майлин попала в беду. Выбор, которым мне предстояло сделать, был абсолютно ясен. Мы попали сюда из-за груза. Экипаж «Лидиса» отвечает за него. И нас восемь человек против неизвестного числа врагов.

И Майлин, которая неизвестно где, просит у меня помощи.

Решение было частично продиктовано моим телом Тэсса, в чём я теперь уверен. Однажды я уже испугался того, что барск Джорт стал сильнее человека Крипа Ворланда. Сейчас вновь тело Маквэда из рода Тэсса, или та малая часть, что от него осталась и была одновременно частью меня, изменила мою жизнь. Тэсса за Тэсса — я не мог противиться этому зову. Но другие части меня не позволяли уйти, не сказав своим, что я должен так поступить.

К счастью, Лидж прятался рядом. Я подполз к нему и положил руку на плечо. Он вздрогнул и обернулся. В сумрачном свете облачного дня мы хорошо видели друг друга.

— Майлин в беде. Она просит меня о помощи, — тихо произнёс я, надеясь, что это останется между нами.

Лидж ничего не ответил, даже выражение его лица не изменилось. Я не знал, чего ждать, но должен был выдерживать этот долгий ровный взгляд. Он молчал, несмотря на то, что я ждал его ответа. Потом он отвернулся и посмотрел

в долину. Мне стало холодно, словно с меня содрали термокостюм и я голый стоял на ветру.

Я ничего не мог поделать, что-то определило мой выбор. Я повернулся и пополз. Не только от суперкарго, но и от скалы, где спрятались наши ребята в ожидании сигнала Харкона к атаке, если он его подаст.

Теперь я должен был отринуть все мысли о «Лидисе» и полностью сконцентрироваться только на ниточке, очень тоненькой и очень далёкой, которая связывала нас с Майлин. Она была такой хрупкой, что я боялся остаться вообще без неё.

Эта ниточка и повела меня вниз со скалы. Я не мог перепутать ориентиры, которые запомнил раньше. Это был путь к скале с кошачьей маской. Вскоре я дошёл до места, откуда мог увидеть тот бледный призрачный след древнего изображения. Но в то утро свет и, возможно, отсутствие песка на бороздках изображения не позволили мне его разглядеть. Я не разглядел ничего, кроме щели, заменявшей рот.

Отчаянный зов Майлин вёл меня именно туда. Я упал на живот, полагая, что она лежит там, в тени. Но ниша была пуста! А сигнал её продолжал идти... из-за стены!

Я бил по стене, уверенный, что в ней должна найтись какая-нибудь скрытая дверь, что тот или другой блок провалится или повернётся, открывая входное отверстие. Как же ещё могла Майлин проникнуть туда?

Но блоки были так плотно подогнаны, словно стену воздвигли всего неделю назад.

— Майлин! — я пролез внутрь ниши и упёрся руками в стену. — Майлин, где ты?

— Крип, помоги... помоги!

Слабый, очень далёкий крик быстро затих. И страх, появившийся, когда я уловил её первый сигнал, проник в меня ещё глубже. Мне стало ясно, что если я сейчас не найду к ней дорогу, позже, может быть, не понадобится искать её вообще. Майлин уйдёт навсегда.

У меня оставался единственный ключ к этой «двери». Используя его, я оставался без защиты. Но у меня не было другого выбора. Я вылез наружу из щели, улёгся на

землю рядом с нею и направил внутрь бластер. Затем положил голову на согнутую руку и закрыл глаза, чтобы меня не ослепила вспышка бластера при выстреле.

Палящий тепловой поток ударил мне в спину, хотя большую часть огня погасил термокостюм. Я почувствовал запах гари от перчаток и ощутил ожог на щеке. Какое действие произвёл этот выстрел на блоки, оставалось только догадываться.

Когда я полностью истратил заряд, пришлось немного переждать, чтобы не лезть сразу в узкое пространство, пока там не спала жара. Но слишком долго я ждать не мог.

Беспокойство взяло верх, я заглянул внутрь и неслезанно поразился тому, что обнаружил в щели. Блоки, в которые я целился и которые так походили на естественные скалы, были буквально сметены, будто вылепленные из глины. Зато теперь я мог проникнуть в пространство за стеной.

Оно было не намного больше — расщелина, или туннель, или что там ещё, с бесчисленными изгибами и поворотами. Я пополз вперёд, но с каждым поворотом такое продвижение нравилось мне всё меньше и меньше. Если бы я мог встать на четвереньки. Положение, в котором я передвигался, требовало максимум усилий на преодоление минимального пространства.

Поэтому, чем дальше я полз, тем больше меня беспокоила мысль о возможности упереться в тупик или столкнуться с необходимостью вернуться назад. Это настолько волновало меня, что я еле-еле изгнал навязчивый кошмар тупика и восстановил в мозгу образ Майлин.

Путешествие казалось бесконечным! Я использовал разряженный бластер как простую палку, стуком проверяя впереди себя темноту, чтобы не наткнуться на преграду или не свалиться в яму. Наконец бластер упёрся в твёрдую поверхность.

Я ещё раз пошарил впереди бластером, и мне показалось, что путь передо мной чем-то перегорожен. Чтобы удостовериться, я прополз ещё немного, и рука коснулась преграды, за которой явственно ощущалось пустое пространство, а лица коснулось лёгкое дуновение ветра. До

этой минуты мне и в голову не приходило, как я мог дышать в этом узком и тесном туннеле.

Ощупывая пальцами поверхность, я обнаружил дыру, через которую вливался поток воздуха. Держась одной рукой за край дыры, другой я изо всех сил попытался расшатать стенку. Работа продвигалась довольно туго, пока я не сообразил, что надо выталкивать блоки, а не тащить их на себя. Скоро удалось достаточно увеличить просвет, и я пролез в него.

Помещение, в которое я попал, было не только просторным, но даже освещённым, правда, весьма тусклым светом. Вероятно, он был слабее света внешнего мира, но для моих глаз, давно привыкших к абсолютной темноте, он казался даже ярким.

Дыра, в которую я пролез, находилась на небольшой высоте от пола. Я неловко выполз, наполовину упав на пол. Так приятно было снова встать на ноги.

Свет в квадратное помещение проникал через несколько длинных, узких щелей, расположенных вертикально на стене слева от меня. Кроме них, никаких других отверстий, даже двери, не было. При этом слабом освещении в полу у стены я обнаружил решётку, достаточно широкую, чтобы воспользоваться этим входом или выходом, если удастся её поднять. Но сейчас мне больше всего хотелось заглянуть в одну из щелей.

Пришлось прижаться как можно плотнее к узкой прорези, но область обзора оставалась ничтожной. Я увидел часть большой комнаты или зала. Свет там исходил от верхушек ряда колонн или коробов. Они мне показались знакомыми... Напрягая зрение, я всматривался в глубину помещения и, наконец, догадался. Эти колонны напоминали короб, в котором находился замороженный эспер! А помещение было хранилищем замороженных существ!

«Майлин!»

Ничто не шевельнулось среди этих столбов. Я не получил ответа на свой зов. Встав на колени, я снял перчатки и попытался приподнять решётку. Собрав все свои силы, всю свою злость, мне удалось поднять её. Но, как я ни стремился к свету, ничего из этого не вышло. Дыра под решёткой уходила в тёмное никуда...

Улёгшись на пол, я всё же попытался определить, что находится внизу, опустив туда на ремне бластер. К счастью, оказалось, что это узкая, но не очень глубокая шахта. Тогда я решил прыгнуть в неё. Благополучно приземлившись, я первым делом обследовал стену, граничащую с залом спящих. Потолкав поначалу в разных местах стену, я ничего не добился, но когда мои руки случайно скользнули по поверхности неподатливого барьера, тот внезапно слегка повернулся, и я смог приоткрыть его так, что образовалась узкая щель. С трудом просунув в неё ствол бластера, я им, как рычагом, расширил проход.

Размеры зала подавляли. Он выглядел бесконечно длинным. Ряды коробов походили один на другой, так что глазу совсем не за что было зацепиться в качестве ориентира.

«Майлин?»

Меня буквально отбросило к щели-двери, в которую я с таким трудом только что протиснулся. Как и прежде, мой мысленный зов вызвал мгновенный ответ, почти сбивший меня с ног. На этот раз он пришёл не в форме концентрированного луча, и тем не менее устрашающий разряд вызвал сильнейшую боль в голове. Я упал на пол, непроизвольно закрыв руками уши, будто пытаюсь оградить себя от ужасных звуков.

Это была мука намного хуже любой физической боли. Меня предупреждали, чтобы я не искал таким образом Майлин. Значит, мне оставалось двигаться на ощупь, полагаясь исключительно на капризы судьбы.

Не подавая больше мысленных сигналов, я бросился вперёд, петляя между рядами колонн-коробов, время от времени останавливаясь и вглядываясь в лица спящих. Все они были похожи друг на друга. Казалось, всех их отлили по одной форме, и не нашлось никаких отличительных знаков для определения каждого. Когда я немного отошёл от свалившего меня мысленного удара, то заметил, что рисунок цветных искорок на рамке каждого из коробов слегка изменился.

Сначала я их считал, но дойдя до пятидесяти, решил, что в этом нет необходимости. А за рядами, меж которых я пробирался, шли ещё ряды, и ещё, и ещё... Словно целая

армия забытого завоевателя находилась здесь в замороженном виде. Я даже засмеялся, подумав, что это отличный способ сохранять войска между войнами, имея стопроцентную гарантию хорошего снабжения ресурсами без каких бы то ни было расходов на их содержание в мирный период.

Никогда раньше никто ещё не находил такой братской могилы. Сокровища, найденные на Тоте, не имели никакого отношения к залежам тел — загадка для археологов, если, конечно, кто-нибудь поверит, что существует такое захоронение. А может, это кладбище тех, кто оставил свои сокровища на Тоте? Но почему, зачем понадобилось перевозить их мёртвые тела через космическое пространство на другую планету?

И если они мертвы, для чего их тела заморожены? Такие условия создавались только в двух случаях, судя по прошлому моего собственного народа. На самых ранних этапах космических путешествий это был единственный способ перевозить экипажи кораблей во время дальних полётов, которые могли длиться несколько столетий по планетарному времени. И ещё — замораживание было единственной надеждой для серьёзно больных людей дожидаться, пока в будущем произойдёт какое-нибудь открытие, способное вылечить их.

Нации, народы, даже расы людей всегда хоронили своих мёртвых, следуя вере и надеясь, что по желанию богов или по какому-то сигналу свыше мёртвые воскреснут, станут снова живыми и невредимыми. Возможно, и это — памятник глубокой вере, и они использовали холод, чтобы сохранить своих мёртвых?

Я был готов принять такое толкование, но не мог поверить, что даже после смерти они использовали эсперную силу мёртвых. Мой мозг впадал в панику при одной лишь мысли о возможности быть поработщённым мёртвым телом!

А вот и конец зала. Меж рядами коробов я заметил противоположную стену. Арочные перекрытия обрамляли широкую дверь. Она была закрыта. Я испытывал такое отвращение к этому месту, что остановился, нащупывая

запасной заряд для бластера, чтобы силой проторить себе путь, если та дверь преградит дорогу.

Однако, к моему удивлению, дверь свободно откатилась в сторону и ушла в стену. Я заглянул за неё. Путь освещался непонятно чем, да и сами стены, казалось, испускали слабый серый свет. Держа бластер наготове, я шагнул за дверь.

По обе стороны коридора располагались плотно закрытые двери, на каждой из которых изображалось несколько ничего не значивших для меня символов. Где в этом лабиринте я мог отыскать Майлин? После жестокого урока в зале со спящими я не отваживался повторить сеанс. Ничего не оставалось, как заглядывать в каждую комнату. В первой из них оказались только двое спящих. Но вдоль стен стояли ящики, на исследование которых я не стал тратить время. В другой комнате — трое спящих и много контейнеров. В третьей — ещё двое. И ящики.

Под конец коридор раздваивался. Я свернул направо. Хотелось бы знать, на сколько миль протянулся этот коридор! Можно было подумать, что весь Сехмет изрешечён такими туннелями. Какой великолепный тайник! А что, если в контейнерах и ящиках, которые я видел, находятся такие же сокровища, как и обнаруженные на Тоте? Тогда, конечно, эти парни открыли местечко, в которое и Гильдия не побрезгует залезть. Но зачем они подвергали себя опасности, вызвав аварию на «Лидисе»? Они могли работать здесь годами и никто бы их не обнаружил. Может быть, причина в их чрезмерной жадности?

Коридор, по которому я торопливо шёл, постепенно сужался. Вскоре по нему мог пройти уже только один человек. Здесь... Я остановился, поднял голову и потянул носом воздух. Какая-то бесканальная система вентиляции пока удовлетворительно снабжала воздухом все эти пути. Но на этот раз почувствовалось что-то другое, и я узнал тот запах. Где-то недалеко жгли листья циро. К нему примешивались и другие запахи, запахи пищи, приготовленной пищи. Однако запах циро перебивал все другие, и я не мог определить их.

Циро был слегка дурманящим растением, хотя его использовали и при физическом истощении, и при нервной депрессии. Как Вольному Торговцу, мне не разрешалось принимать наркотические вещества. По самой природе нашей жизни мы должны были постоянно находиться на чеку и иметь мгновенную реакцию. Оговаривалось, что мы не будем проявлять интерес ни к каким видам одурманивающих веществ на планетах, но мы достаточно хорошо знали эти вещества, несущие опасность, окутывающие сознание и размягчающие тело. Мы настолько строго следовали предписанию, что даже малейшее употребление любого из них могло вызвать у нас сильнейшее расстройство.

И сейчас я почувствовал, что начал судорожно глотать слюну, чтобы побороть тошноту, вызванную этим запахом. Такой аромат мог означать только одно: где-то впереди сейчас или прежде находились существа отнюдь не спящие. После этого предупреждения я стал двигаться с удвоенной осторожностью.

Коридор закончился новой стеной, но справа в ней находился проход, где невдалеке что-то светилось. Так я вышел на низенький балкон над новым громадным помещением. Вверху над ним часть кровли была убрана, открывая доступ к небу. Вдали, при дневном свете, я увидел сопла космического корабля. Видимо, отсюда шёл путь к посадочной площадке.

Спуститься с балкона было невозможно, зато с него открывался отличный вид на всё, что лежало внизу. А там было что посмотреть. С одной стороны — нагромождение контейнеров и ящиков, которые я во множестве видел в комнатах. У многих из них, словно специально, были разбиты крышки. Неподдалёку от них два робота заполняли клеть космического корабля.

По другую сторону я увидел пластиковый пузырь — надувную палатку, разновидность жилого помещения, используемого исследователями в качестве базового лагерь. Он был опечатан. Двое мужчин сидели рядом с ним на перевёрнутых ящиках. Один что-то говорил в наручный передатчик, а другой держал на коленях дистанционное

управление роботами и наблюдал, как они действуют у клетки.

Я попытался определить размеры корабля по соплам и решил, что он примерно такой же, как и «Лидис», может, чуть больше. Не оставалось сомнений, что я оказался свидетелем хорошо организованной крупномасштабной операции, и что она скоро завершится.

Привлечь их внимание мне хотелось меньше всего. Майлин, возможно, бродит где-то здесь, попав в какую-то ловушку... Мною овладела нерешительность. Отважиться на мысленный зов? Спящих вокруг не видно. Но это вовсе не означает, что эти парни не используют одного из них для защиты или предупреждения.

Я всё ещё колебался, когда внизу появился третий человек. Грис Шервин!

Грис! Мне так не хотелось верить, что он по собственной воле перешёл к врагам. Я знал его очень давно, и он был Вольным Торговцем. Не мог он перейти к ним добровольно. Тем не менее он передвигался здесь вполне свободно. Ничто не говорило о том, что он пленник.

Он подошёл к тем двоим у палатки. Оба быстро вскочили. Они отвечали ему, как отвечают командиру. Что, что случилось с Грисом?

Неожиданно он отвернулся от них. Он поднял голову и уставился прямо на меня! В тщетной попытке спрятаться я упал за низкую стенку ограждения балкона. Его действия напоминали мне действия человека, готового к опасности и знающего, откуда она грозит.

Я попытался отползти к проходу, через который попал сюда, но даже не добрался до него. С тем, что обрушилось на меня, я никогда не сталкивался раньше, несмотря на многочисленные встречи с различными видами эсперной силы.

Меня лишили способности управлять собственным телом, словно мой мозг был пересажен роботу, который повиновался командам, подаваемым другим человеком. Я встал на ноги и подошёл к краю балкона, чтобы трое стоявших внизу смогли меня увидеть.

Грис поднял руку и направил указательный палец прямо

на меня. К полному своему изумлению, я оторвался от пола, на котором стоял, и, переплыв через барьер балкона, спустился вниз, как будто на мне был антиграв. Я не мог сопротивляться этой непреодолимой силе!

Эта сила уверенно доставила меня на землю, и я, пленённый, беспомощно стоял, а те двое, что вначале следили за погрузкой, направились ко мне. Грис остался там, где был, по-прежнему нацеливая свой палец мне в голову.

Человек, который всё ещё держал пульт управления роботами, свободной рукой выхватил у меня бластер. И даже после этого мои руки не изменили положения, будто я продолжал сжимать ими приклад. Второй парень достал танглер и начал опутывать меня его сетью. Только тогда Грис опустил руку, но теперь у меня не было никаких шансов освободиться. Они не связали мне только ноги. Парень с танглером схватил меня за плечо и сильно толкнул в сторону Гриса.

Глава 10

КРИП ВОРЛАНД

Тот, кто стоял там, не был Грисом Шервином, хотя он — или оно — носило тело Гриса, как люди носят термокостюм. Я понял это в то самое мгновение, когда наши взгляды встретились. Однако это не вызвало у меня шока, поскольку собственный опыт подсказывал мне — такие перемены возможны.

Но здесь перемена была осуществлена не ради науки или сохранения жизни, как то делали Тэсса. Личность, овладевшая Грисом, была чуждой нашему роду. Даже Тэсса были нам ближе. У меня тут же возник мысленный образ ужасного существа с человеческим телом и головой дьявольской рептилии — смесь, вызывающая отвращение.

На мгновение я представил это существо, и оно тут же исчезло. На лице чужака вспыхнуло скептическое удивление, словно он мог изумляться тому, что я вообще способен

уловить его настоящее обличье, так как его истинная природа была слишком хорошо замаскирована, и пока он ещё никогда не обнаруживал себя.

— Поздравляю, Крип, — прозвучал голос Гриса.

Однако я хорошо знал, что эти спокойные невыразительные слова передают мысли чужака. Я не пытался проверить его мысли, инстинктивно предупреждённый, что это наиболее опасная вещь, какую я мог бы позволить себе.

— Сколько человек с тобой? — он повернул голову немного в сторону, будто хотел лучше расслышать ответ. Мгновение спустя он улыбнулся. — Так ты один, Крип? Очень глупо с твоей стороны. Я не боюсь, что экипаж корабля может захватить нас. Хотя, если они будут настолько любезны, что придут сюда сами, это избавит нас от многих трудностей. Однако ты здесь — и это неплохое начало.

Его глаза смотрели прямо в мои, но я отвёл взгляд, используя все свои резервы, чтобы возвести мысленный барьер. В ответ на это я почувствовал, что он проверяет мой мозг, но, к моему удивлению, не пытается захватить его. Я испугался, поняв, что, если бы он захотел, то с лёгкостью разрушил бы любую защиту и узнал всё, что я стараюсь от него скрыть. Это был эспер высочайшего класса, намного превосходящий меня по способностям. Вероятно, его можно было сравнить только со Старейшими Тэсса.

— Хорошее начало! — повторил он. Затем поднял руку и вновь согнул палец, поманив меня. — Пошли!

У меня не было ни малейшей надежды на успех попытки воспротивиться этому приказу. Я безропотно пошёл за ним через пещерообразный зал. Он ни разу не обернулся, чтобы посмотреть, иду ли я следом за ним, а просто спокойно шагал, обходя покрытые изморозью короба.

Так, словно в связке, мы покинули зал через другую дверь и оказались в каком-то новом коридоре. Свет опять уменьшился до серого мрака, подобный которому я видел наверху. Мы прошли несколько поворотов, миновав множество открытых дверей, но все комнаты были пусты.

То, что это существо захватило тело Гриса, для меня, по

всей вероятности, не сулило ничего хорошего. Я знал, что единственная моя защита против ужасной и постоянной опасности — это выключить собственные эсперные силы и опираться только на пять чувств тела. Я стал прислушиваться к ним, сосредоточившись только на них, чтобы получить хоть какое-нибудь представление о том, где мы находились.

В воздухе снова запахло циро, но запах скоро улетучился, оставив еле уловимый аромат, который был мне незнаком. Я видел коридор и пустые комнаты вдоль него. Слышал чёткие шаги двух пар космических ботинок по каменному полу и моё сдавленное дыхание, больше ничего...

А где же Майлин? Может, она в палатке? Едва вспомнив о ней, я сразу же изгнал эту мысль из своего сознания. Если Майлин ещё не обнаружили, я не должен выдасть её!

Мой захватчик повернул голову и взглянул на меня. Я вздрогнул, а он тихо рассмеялся. Всё его тело сотрясало мелкой дрожью, и это выглядело ужасной пародией на истинное веселье. Лицо его словно надело маску дьявольской радости, и это выглядело хуже, чем оскал человека, испытывающего ярость.

Он не пытался заговорить со мной ни вслух, ни мысленно. И я не знал, что вызвало у него этот неприятный, тихий и злорадный смех. Продолжая смеяться, он свернул в одну из комнат, и я, беспомощный пленник, покорно поплёлся за ним.

Серый свет из коридора проникал и сюда. Комната была пуста. Тот, кто выдавал себя за Грису, подошёл к стене, поднял руку и выставил палец, точно так же, как делал это, когда захватил меня в плен. Если он и не касался камня, то рука его была в каком-то миллиметре от поверхности стены. Он стал чертить в воздухе сложные линии. Пока его палец двигался, на стене засветилась мерцающая линия, сплетавшаяся в сеть.

Я знал, что это за сигнал. У нас имелись подобные устройства, типа персонального затвора, которые могли открывать любой замок комбинацией тепла человеческого тела и отпечатка большого пальца руки. То, что я сейчас

наблюдал, могло быть очень сложной модификацией подобного охранного механизма, приходящего в действие, только если на нём концентрируется воля.

Он изобразил рисунок из острых углов, линии которого не только смешались в моих глазах, но и вызывали беспокойство при одном лишь взгляде на них, словно они строились по таким чуждым правилам, что человеческий глаз воспринимал их уже искажёнными. И всё же я не мог отвести взгляда.

Наконец чужак как будто удовлетворился сложным рисунком пересекающихся линий. Теперь его палец указывал в самую середину изображения. Этим он, должно быть, открывал надёжно запёртый замок.

Раздался скрежет, будто этот механизм очень давно не приводили в движение. Стена раскололась пополам, ровная трещина прошла по самому центру рисунка. Каждая часть отошла в сторону, образовав узкий проход. Без колебаний он шагнул внутрь, а я снова пошёл следом.

Света там уже не было, а тот, что вначале доходил из комнаты за нами, исчез, как только щель закрылась. Я не имел представления, где мы находимся, но та же неодолимая сила заставляла меня идти вперёд. Чёткие звуки, которые я различал, говорили, что чужак шагал уверенно, словно шёл по хорошо знакомой и освещённой дороге.

Я отогнал видение, которое готово было показать мне всё, что нас окружало. Сбежать я не мог, и самое лучшее для меня было — беречь силы, сохраняя контроль над собой до того времени, когда появится хоть малейший шанс противостоять чужаку, который столь бесцеремонно влез в тело Гриса Шервина.

Абсолютная темнота, царившая вокруг, безумно раздражала меня. Должно быть, прошло несколько минут, а может, и меньше, сказать не могу. Мне же казалось, что мы идём бесконечно долго. И вот вспыхнул свет! Я закрыл глаза от дикой вспышки режущего света. Поморгал, открыл их, закрыл, снова открыл...

В комнате, куда мы попали, четыре прозрачные наклонные стены сходились над нашими головами, словно мы находились внутри гигантского кристалла.

Через эти прозрачные стены можно было увидеть четыре комнаты. В каждой из них кто-то был, или, вернее, что-то было: неподвижный, недышащий обитатель, похожий не на статую, а скорее напоминающий живое или некогда жившее существо, замороженное до полной неподвижности.

Я сказал «существо», хотя те, что находились за этими стенами, были гуманоиды, по крайней мере, в недалёком колене. Но когда я внимательно смотрел на них, у меня появилось ощущение, что они чужие. По отношению к трём из них у меня определённо возникло такое чувство. Но четвёртый... Я смотрел на него дольше всех и узнал его, в шоке непроизвольно послав мысленную пробу, чтобы наверняка выяснить правду.

Грис! Это был Грис! Так же крепко скованный в том, чужом теле, как я был связан танглером. Вряд ли он мог осознавать, что произошло с ним. Но я понял, в каком бесконечном кошмаре он оказался. Смогла ли его душа вынести такое?..

Я отвернулся, боясь, что придётся взвалить на себя тяжелейшую ношу его страха как раз тогда, когда мне больше всего нужен ясный ум. Ему же это не поможет. И я решил повнимательнее присмотреться к остальным трём.

Комнаты были тщательно обставлены мебелью, инкрустированной драгоценными камнями. В двух из них стояли узкие кровати, ножки которых были выполнены в виде странных животных или птиц. Ещё там были стулья, слегка похожие на Трон Квира. На столах лежали какие-то шкатулки, шахматы...

Я стал присматриваться к обитателям. В отличие от тел, которые я видел в ледяных саркофагах, головы этих существ увенчивали шлемы или короны. И у них были ресницы и брови. Каждая корона отличалась от других, и они изображали какие-то уродливые создания. Я бросил короткий взгляд и на тело, в котором теперь томилась душа Грисса.

Надетая на него корона жёлто-коричневого цвета представляла собою большеротую рептилию из отряда ящеров,

похожую на ту голову, что раньше возникла перед моим мысленным взором. Грисс сидел на стуле. Обитатель другой комнаты откинулся на узкой кровати, а на голову и плечи его был наброшен кусок цветной материи. И ещё один из них сидел. Корона второго выглядела, как птица, а у третьего походила на остромордое животное с торчащими ушами.

Последней в этой странной компании была женщина!

На всех четверых не было надето ничего, кроме корон. Тела их были безупречны. По меркам моего народа — почти идеал красоты. А женщина — само совершенство. Я и не представлял, что подобное может существовать во плоти. Из-под диадемы струились волосы, укрывавшие её почти до колен. Они были столь насыщенного тёмно-рыджего цвета, что иногда казались почти чёрными. Корона её выглядела не такой массивной, как те, что отягощали головы мужчин. Это был просто обруч, от которого вверх шли несколько неровных нитей. Присмотревшись внимательнее, я разглядел, что на кончике каждой такой нити расположена кошачья головка, и у каждой из этих голов вместо глаз — драгоценные камни.

Я задыхался от волнения. Едва я посмотрел на женщину, кошачьи головы начали двигаться, поворачиваться, подниматься, пока все они не выпрямились и не устоялись на меня в упор в настороженном изумлении. Однако собственные глаза женщины смотрели поверх меня, словно я был настолько далёк от её внутреннего мира, что как будто не существовал вообще.

Неожиданно грубая рука развернула меня, и я оказался лицом к лицу с сидящим чужаком в короне, изображавшей некое животное. В моих ушах зазвучал голос Гриса:

— Внимание, ты! Твоему тщедушному телу оказывается великая честь. Его будет носить... — Казалось, он собирался назвать какое-то имя, но не сделал этого. Думаю, он прервал речь из предосторожности.

Это суеверие, бытующее в основном среди примитивных народов, — если сказать кому-нибудь настоящее имя, ты попадёшь в зависимость от того, кто узнал его. Но то, что подобные предрассудки могут существовать у этих

чужаков со столь высоким уровнем развития, невозможно было предположить.

Однако я не сомневался, что он собирается осуществить такой же обмен, какой произвёл с Грисом, и испугался так сильно, как никогда раньше.

Он обхватил мою голову сзади и держал её, словно в тисках, таким образом, что я вынужден был смотреть глаза в глаза тому, кто был за стеной. Я не мог сопротивляться, сражаясь за свою свободу. По крайней мере физически. Но всё же я решил бороться, а потому собрал все свои эсперные силы, все свои ощущения того, кто и что я есть. Я достаточно успел подготовиться к атаке.

Сила, противостоявшая мне, была не такой грубой и всеохватывающей, как та, с которой я столкнулся рядом с кораблём в долине. Она не нокаутировала меня. Удар был произведён с высокомерной самонадеянностью. И я бросился навстречу ему, ещё не собрав все силы для борьбы.

К моему полному удивлению его давление внезапно ослабло. Мне показалось, что оно исходило от чужака с короной животного. Он явно отступил, встретив сопротивление там, где его не должно было быть вообще, отступил, чтобы понять, с кем это он столкнулся в действительности. И в это короткое время, получив передышку, я укрепил силы, чтобы выдержать новую, более сильную и жестокую атаку.

И она пришла. Я больше не осознавал внешнего мира. Меня охватило внутреннее смятение, когда на крохотный островок моей личности обрушивались один за другим удары огромных волн воли, стремившейся сломить мою последнюю защиту и захватить моё внутреннее «я». Но я держался, зная, что тот, в короне, поражён моей стойкостью. Он наносил удар за ударом по моей воле, но я всё ещё не был поглощён им, не погиб, не сломался. Потом я почувствовал, как у моего врага нарастает ярость, а вместе с нею неуверенность. И волны давления сгладились, они утасали быстрее и отходили дальше, как прилив отходит от прибрежной скалы, которую нещадно бьёт море, а она по-прежнему непреклонна.

Сознание вернулось. Мою голову до сих пор держали

глаза в глаза с чужаком за стеной. Лицо его, как и прежде, ничего не выражало. И всё же, казалось, черты его исказились до отвращения от ярости, порождённой неудачей.

«Он не подходит! — по моему мозгу пронёсся почти визг, вызывая боль, расплывавшуюся от этого сгустка эмоций. — Уведи его прочь! Он опасен!»

Мой захватчик резко развернул меня. Передо мной снова замаячило лицо Гриса, но выражение на нём было уже совсем иным. Такой ужасной, дикой гримасы у настоящего Гриса я никогда не видел. Я подумал, что он тут же сожжёт меня дотла. Но, как оказалось, он решил поступить со мной иначе и не спешил снять с ремня бластер, а просто сильно толкнул меня вперёд. Распластавшись, я долетел до кристальной стены, за которой находилась женщина, если она когда-нибудь ею была.

Ниточки с кошачьими головами на её короне задрожали, опустились; глаза их жадно сверкали, когда они рассматривали меня. Я упал на колени, словно оказывал почтение королеве. Но она, как и прежде, смотрела невидящим взором поверх моей головы.

Чужак поднял меня на ноги и ещё одним толчком вышиб в узкую щель двери в углу комнаты. И опять я оказался в темноте коридора, но теперь уже впереди конвоира.

Однако обратное путешествие полностью совершить не удалось. Мы прошли по туннелю не так уж далеко в такой кромешной тьме, что, казалось, её можно было осязать, когда меня повернули направо. Я не ударился о стену, но, двигаясь дальше, касался плечом её гладкой поверхности.

— Не знаю, кто ты, Крип Ворланд, — прозвучал голос Грисса из темноты. — Тот бедный глупец, чьё тело я сейчас ношу, сказал, что ты из рода Тэсса. Порода показала себя, к тому же ты имеешь защиту от нашей воли. Но сейчас нет времени разгадывать загадки. Если ты выживешь, то впоследствии подаришь нам прекрасную головоломку. Е с л и выживешь!

Болезненно настроженный ко всему, что окружало меня в темноте, я вдруг почувствовал, что голос его

звучал слабее, чем если бы он находился рядом со мной. И вот опять меня окружали только темнота и тишина, тишина давящая, как и темнота, ослепившая меня. Не было больше никакого принуждения, я почувствовал себя свободным, будто влияние полностью прекратилось. Но руки мои всё ещё оставались плотно прижатыми к бокам под действием танглера.

Я прислушался, стараясь даже дышать как можно тише, чтобы ни один звук не ускользнул от меня. Ничего... Ничего, кроме ужасного давления окутавшей всё вокруг тьмы. Очень медленно я сделал один шаг от стены, затем другой. Стена была моей единственной точкой отсчёта. Ещё два-три шага, и я подошёл к противоположной стене. Если бы я только мог пользоваться руками! Было бы хоть маленькое облегчение. Но и этого я был лишён.

Обследование, произведённое с немалыми трудностями, показало, что узкое пространство, в котором я теперь находился, могло быть только концом коридора. В то же время я обнаружил, что не могу вернуться тем путём, которым пришёл сюда, если чувство направления не изменило мне. Путь был отрезан, хотя я не слышал, чтобы закрывалась какая-нибудь дверь. Меня окружали три стены. С четвёртой стороны путь был открыт. Но куда он вёл? Возможно, к бесчисленным несчастьям? Всё равно я обязан был выяснить это.

Я медленно, вслепую продвигался вперёд, прижимая правое плечо к стене, чтобы оставался хоть какой-нибудь ориентир. Я не встречал ни дверей, ни проходов — всё та же гладкая поверхность, по которой с лёгким шуршанием скользил мой термокостюм. А стена уходила всё дальше и дальше.

Я устал, но больше всего мне хотелось пить. Жажда иссушила рот и горло так же, как пепельный песок в долине. Осознавать, что несёшь на ремне средства для облегчения любых страданий, было вдвойне тяжело. Я не сопротивлялся тискам танглера. Такое сопротивление бесполезно и могло только ещё больше ухудшить моё положение. Дважды я сползал на пол прохода, такого узкого, что мне приходилось сгибать связанные колени,

чтобы сесть, потому что носки ботинок упирались в противоположную стену. А чтобы подняться, требовались такие усилия, что вскоре я твёрдо решил — лучше держаться на ногах до конца и потихоньку брести со слабой надеждой уцелеть. Если бы я опять сел, у меня не нашлось бы больше сил подняться...

Вперёд и только вперёд... Это походило на один из кошмаров, когда человека заставляют идти по непролазной засасывающей грязи, а следом гонится безжалостный охотник. Своего охотника я знал — это была моя собственная слабость.

Действие стало мне казаться каким-то призрачным. Четверо в коронах... Грис Шервин, который не был Грисом... Майлин...

Майлин! Она ушла из моего сознания во время тяжкого испытания в кристальной комнате. Майлин! Но когда я попытался восстановить мысленный портрет её, она предстала предо мной в новом виде. Майлин с длинными рыжими волосами... Ры ж и е волосы! Нет, у Майлин были серебряные волосы Тэсса, такие же, как ныне на моей собственной голове. Ры ж и е волосы — женщина с кошачьей короной! Я вздрогнул. Неужели часть того принуждения, потерпевшего ранее поражение, продолжает действовать на меня?

Майлин. Я старательно восстановил её мысленный образ в теле Тэсса. И в отчаянии, не веря, что получу хоть какой-нибудь ответ от девушки, мысленно позвал её.

«Крип! О, Крип!»

Ответ был отчётлив и ясен, словно кто-то весело выкрикнул его. Наши голоса после долгих поисков встретились. Я не мог поверить этому, хотя слышал вполне отчётливо.

«Майлин?» — если мысленное послание можно передать шёпотом, то именно так я его и отправил.

«Крип, где ты? Иди... иди...»

Я не мог ошибиться, это не обман. Она была здесь, очень близко, иначе зов её не был бы таким громким. Я собрался и отправил ответ как можно быстрее:

«Я не знаю, где нахожусь. Вижу только узкий коридор. Вокруг абсолютная темнота».

«Подожди... Позови меня, Крип! Дай мне направление!»

Я повиновался, передавая её имя, как мысленное песнопение, зная, что в имени и заключена сила. Имя — это смысл личности, и мысленная передача имени могла служить надёжным якорем.

«Кажется, я поймала... Иди прямо, Крип!»

Мне не надо было повторять, и я пошёл быстрее, хотя всё ещё должен был прижиматься плечом к стене, чтобы не потерять ориентир в темноте. И хорошо, что я так делал, потому что внезапно тьма сменилась ослепившим меня на какое-то время светом. Я прижался к стене и закрыл глаза.

«Крип!»

Крик был таким громким, что она должна была находиться прямо передо мной!

Я открыл глаза. Она и была здесь. Её тёмный мех стал серым от покрывавшей его пыли. Её шатало из стороны в сторону, словно она с трудом держалась на ногах. На виске темнело большое пятно запёкшейся крови...

Я соскользнул по стене и встал на колени, чтобы очутиться поближе к ней, а она упала, точно в ней не осталось больше ни капли сил. Забывшись, я попытался освободиться от уз, но тут же вспомнил о них, потому что сразу же был наказан.

«Майлин!»

Она лежала, положив голову на лапы, распростёртые на камне, почти так же, как лежала на своём месте в каюте «Лидиса». Казалось, усилия, которые она потратила на моё сопровождение, лишили её последних сил.

Было видно, что она страшно голодна и жажда мучает её гораздо больше, чем меня. Но я не мог помочь ей, пока она не освободит меня. А сможет ли она?

«Майлин! На моём ремне... резак...»

Это был один из инструментов, которые непременно имеются у каждого исследователя неизвестных миров.

Открыв глаза, она посмотрела на меня. Затем медленно подняла голову, что явно вызвало у неё боль. Она заскулила и поползла на животе к моему боку.

Подобравшись вплотную, она подняла голову выше. Её покрытая пылью морда тёрлась о мой бок, пока она обнюхивала ремень. Каким грациозным было когда-то это

тельце ловкого зверька! Теперь же — неуклюжее и неповоротливое... Ей потребовалось немало времени, чтобы снять резак с крючка, хотя я повернулся к ней как мог и изогнулся изо всех сил, чтобы ей было удобнее.

Резак ещё долго пролежал в пыли (а может, мне это показалось), прежде чем она заставила себя взять его в зубы и поднесла к самой низкой петле моих пут. Дважды резак соскальзывал и глухо ударялся о камень, прежде чем ей удалось нажать на кнопку, приводящую инструмент в действие. Я крайне переживал из-за того, что не мог помочь ей, и только наблюдал за неудачными попытками.

Но она упорно продолжала свои усилия, и наконец энергетическое лезвие вошло в плотную ткань нитей танглера достаточно глубоко, и моими мышечными усилиями удалось разорвать сеть.

Разрушенная таким образом, она полностью распалась. Я был свободен, хотя руки у меня совсем онемели, и я с трудом мог их поднять. Восстановление циркуляции крови происходило весьма болезненно, но я всё же нащупал в сумке неприкосновенный запас продуктов и, доставая его одной рукой, другой подтянул тело Майлин к себе, положил её голову на колени и начал потихоньку вливать воду в её пересохший рот.

Она глотнула раз, другой. Я отложил флягу с водой в сторону, облизнув собственные губы, и открутил пробку у тубика с запасом пищи. Затем принялся вливать полужидкое содержимое тубика ей в рот. Таким образом я скормил ей половину порции этой укрепляющей пищи, и только тогда утолил собственную жажду и насытил и своё истощённое тело.

Затем впервые за время нахождения здесь, с Майлин, отдыхающей у меня на коленях, я огляделся по сторонам. Это была одна из здешних пирамидальных комнат, но стены её не сходились наверху в одну точку, а были посередине перекрыты потолком намного меньшей площади, чем пол.

И стены здесь были не из прозрачного кристалла, а каменные. Горизонтальная плита, на которой мы сидели, находилась между полом и потолком. Я повернул голову,

чтобы увидеть дверь, через которую попал сюда, но в стене ничего не было. Совсем ничего! Однако я хорошо помнил тот быстрый переход от темноты к свету, словно прошёл сквозь занавес.

От края плиты шла очень крутая лестница, спускавшаяся к полу. На полу стояло несколько блоков разной величины и высоты. На каждом из них сверху лежал шар из какого-то непрозрачного вещества, не камня. Внутри шаров мерцал слабый свет.

Шары были окрашены в красный, голубой, зелёный, жёлтый, даже фиолетовый и оранжевый цвета и более бледные оттенки. Шары, что находились ближе к стенам, имели самые бледные цвета, по мере приближения к центру помещения окраска становилась всё гуще. Центральный шар был самым тёмным, почти чёрным.

На поверхности тех, что были светлее и ярче, виднелся какой-то узор. Присмотревшись попристальнее, я узнал некоторые — это были головы рептилий, напоминавшие те, что находились в короне существа, носившего тело Гриса. Я видел также головы животного, птицы. Самой дальней была кошачья маска. Но я так и не смог догадаться, что всё это могло означать. Я опёрся на стену. Майлин лежала абсолютно неподвижно. Я подумал, что она уснула, и не стал беспокоить её.

Отдых... Мне тоже необходимо было отдохнуть. Я закрыл глаза. Вне всякого сомнения, мне следовало бы оставаться начеку. Ведь мы находились в самом сердце вражеского логова. Но на этот раз я не был способен противиться тому, чего требовало моё измученное тело. Веки, против воли, закрылись, и я крепко уснул.

Глава 11

КРИП ВОРЛАНД

...Майлин стояла передо мной вовсе не в обличье животного, а такой, какой я впервые увидел её на Йикторе. Рука её сжимала тот самый серебристый жезл, который в

те времена служил ей оружием и который отобрали у неё Старейшие народа Тэсса. Она смотрела не на меня, а скорее, на каменную стену, выступавшую углом из темноты, и я отчётливо осознавал, что мы всё ещё находимся в этих норах глубоко под землёй на планете Сехмет. Мне показалось, что она использует свой жезл подобно мастерам, которые пытаются отыскать источник воды или руды, а то и какой-нибудь предмет под землёй, сделанный человеческими руками.

Как будто в подтверждение, жезл не склонился вниз, а вытянулся и указал прямо вперёд. Продолжая держать его в таком положении, словно жезл был наполнен какой-то энергией, способной провести её за собой, Майлин подалась в том направлении. Боясь потерять её снова, даже во сне, я последовал за ней.

Жезл дотронулся до стены, и преграда исчезла. Мы ступили в пространство, не имеющее границ, в котором отсутствовала какая бы то ни было субстанция. Потом оказалось, что мы вновь очутились в камере. Оглядевшись, я понял, куда мы попали: мы находились с противоположной стороны хрустальной стены.

Перед нами была узкая кровать, установленная на четырёх статуэтках — кошках, на которой лежала уже знакомая мне женщина. Кошачьи головки с глазками из драгоценных камней на её короне, казалось, вырастали прямо из их прекрасных нитей. Они ни разу не взглянули на Майлин, но закрутились на месте и принялись носиться тут и там, пока окончательно не запутались в нитях, выраставших из венца, стягивавшего рыжие волосы женщины. Казалось, их что-то встревожило.

Майлин не обращала никакого внимания на их бесконечное, почти безумное метание возле короны. По мере того, как она приближалась к кровати, жезл её поворачивался в сторону тела той, другой, а взгляд становился всё более пристальным, изучающим...

Она мельком взглянула на меня, давая понять, что знает о моём присутствии.

«Запомни — может пригодиться...»

Я едва уловил эту её мысль, словно мы были разделены

огромным расстоянием, хотя я мог спокойно протянуть руку и коснуться её плеча. Но я знал, что не должен этого делать.

«Зачем?»

Её слова прозвучали слишком неопределенно. То, что в них заключалось нечто важное, я не сомневался, но для меня они не имели никакого смысла.

Майлин не ответила, только посмотрела на меня долгим оценивающим взглядом. Затем снова повернулась к женщине с запутавшейся и перекрутившейся короной, как будто должна была запечатлеть её образ в памяти, чтобы вспомнить каждую деталь увиденного даже спустя много лет.

Жезл дрогнул и закачался из стороны в сторону. Я ясно увидел, что Майлин обеими руками пытается удержать его, но все усилия были напрасны — жезл выскользнул из её рук...

Я открыл глаза. Плечи и шея совсем окоченели от холодного камня стены. Я почувствовал внутренний озноб, от которого меня не мог защитить даже термокостюм. Опустив руку, я провёл ею по выпачканному песком и грязью меху. Глассия подняла голову и положила её мне на ладонь.

«Майлин?»

Этот сон был до того похож на явь, что я совсем уже приготовился увидеть её снова в том обличье, в каком она находилась каких-нибудь несколько мгновений назад.

«Посмотри-ка туда!»

Она повернулась в сторону больших шаров. Одни из них горели ярко, другие тускло, но все вместе довольно хорошо освещали камеру. Мне хватило одного-двух мгновений, чтобы удостовериться, что не все они до конца «ожили», — а только те, что были похожи на рептилий.

— Грис! — сорвалось у меня с языка. Только от него можно было ожидать угрозы.

«Грис Шервин? — Майлин страшно удивилась. — Какое отношение он может иметь к этому?»

— Возможно, самое непосредственное! — я вкратце рассказал ей о том, что случилось со мной после того, как

я был пленён этим существом, носящим тело Гриса, и о своём посещении комнаты с хрустальными стенами, где это существо пыталось переселить меня в тело своего приятеля.

«Она тоже была там, не так ли?» — спросила Майлин.

Я не ошибся. Это могла быть только одна женщина — та, что носила корону с кошками.

«Да! К тому же, Майлин, я только что видел сон...»

«Я знаю, что это был за сон. Я сама была опутана его хитросплетениями, — вновь прервала она мой рассказ. — Я всегда знала, что никто на свете не в состоянии превзойти Тэсса по запасу внутренней энергии. Кому-то могло показаться, что мы в некоторых вещах, словно дети, играющие разноцветными камушками, пытаемся построить идеальное общество. Я думаю, что О Н И уснули здесь для того, чтобы сохранить свою расу, которой, видимо, угрожала какая-то страшная опасность в прошлом. Но спастись удалось только четверым, которых ты видел. И, похоже, они способны возродить жизнь их расы».

«Но если они способны на самовосстановление, зачем им понадобились наши тела?»

«Может быть, они не могут достигнуть цели, используя свои собственные. А может, они просто желают превратиться в нас, чтобы сойти за существ, нам подобных».

«А затем завладеть тем, что нам принадлежит», — в это я вполне мог поверить. Если бы Грис Шервин захотел скрыть своё инородное происхождение, чтобы выдать себя за пленника этих парней, мы бы наверняка были одурачены и, бросившись спасать его, навлекли бы на себя ещё большие неприятности. Я подумал о тех, кого оставил там, на скале. Им угрожала куда большая опасность, чем попасть на мушку бластера, и теперь мне не терпелось выбраться отсюда как можно с корей, чтобы предупредить их.

Я нашёл Майлин. Значит, мы должны искать выход, вернуться на «Лидис» или хотя бы добраться до отряда. То, что происходило здесь, было похлеще любого мародерства!

«Ты прав, — Майлин, как обычно, прочитала мои мысли. — Но как нам найти тропинку, ведущую на

свободу, я не знаю. Ты сможешь найти ту дверь, в которую вошёл?»

«Конечно!» — хотя с нашего места и не было видно ничего похожего на выход, я почему-то был уверен, что легко найду то место, через которое проник на этот карниз. Осторожно отодвинув Майлин в сторону, я поднялся и подошёл к стене. Для того, чтобы случайно не пропустить запятанный в камне выход, мне пришлось прошупывать поверхность стены и все её выступы от самого края, продвигаясь к тому месту, где, по моему мнению, я вышел из коридора в камеру.

Я дошёл до самого конца каменного выступа. Никаких намёков на выход. Уверенный, что допустил ошибку, которую вроде бы не должен был совершить, я медленно обошёл выступ ещё раз, ощупывая теперь поверхность выше и ниже того уровня, что обследовал перед этим. А затем вернулся к Майлин. Ни малейшей щели в этой твёрдой каменной породе!?

— Но ведь я п р о ш ё л сквозь неё! — вырвалось у меня, и мой протест разнёсся гулким эхом по пустому пространству.

«Это правда. Но в каком месте? — её вопрос прозвучал горькой насмешкой над моей горячностью. И она продолжила: — Не думай, что я не искала этого выхода. Я дважды пыталась определить, где он. Однако тщетно. Вот после этого-то я и растерялась окончательно».

«Расскажи мне», — потребовал я.

И только теперь я узнал, как она выбиралась из долины кораблей, как обнаружила замороженного эспера и разбила усилитель, как оказалась свидетельницей разграбления сокровищницы. В общем, всё, о чём я догадывался, — подтвердилось. В остальном это была довольно долгая история о странном путешествии, об её внутренней борьбе с самой собой. Хотя, нет: с самого начала она чувствовала, что это была не она сама, что кто-то преследовал её и пытался поймать. Но борьба не была непрерывной, и она могла позволить себе передышки между боями. Этот путь привёл её туда, где находился пришвартованный корабль пиратов, и через пещеру провёл к проходу позади. Но там,

ошеломлённая потоком подхватившего её течения, она потерялась. Тогда она и установила со мной мысленный контакт, что в свою очередь было ответом на мой зов.

«Я считала, что никто не может подчинить Тэсса моему влиянию, — откровенно призналась она. — Хотя меня и предупреждали, что я чересчур горжусь своими способностями. Но если это и было когда-то, теперь от моего самолюбия не осталось и следа. Здесь я чувствую себя игрушкой в чьих-то руках, обладающих неограниченной силой. Они то позволяют мне немного расслабиться, то вновь зажимают в железные тиски. Но самое страшное в этой истории то, что эта сила, да проклянет меня Моластер, если я ошибаюсь, эта энергия вовсе не осознаёт моего присутствия здесь, как я осознаю её влияние. Создаётся впечатление, что она просто упражняется, разминает мускулы, от которых, может быть, вскоре потребуется вся их мощь, чтобы ответить на будущий зов».

«Эту силу представляют те четверо из кристального помещения?» — предположил я.

«Возможно. Или они могут быть лишь продолжением чего-то, ещё более сильного и влиятельного. Они адепты этой силы, без сомнения, и влияние их просто безгранично. Но даже мастер своего дела иногда встречает нечто, лежащее за пределами его восприятия. В молитвах мы взываем к Моластеру. Но это только имя нашего бога, то, что мы не можем ни описать, ни объяснить. Имя это является самой сутью нашей веры. А чему поклоняются эти?»

То, что она могла бы добавить, так и осталось невысказанным. Жёлтые шары с масками рептилий, что становились всё ярче и ярче, вдруг начали издавать приглушённый низкий гул. И звук этот, едва различимый поначалу, заставил нас оцепенеть. Мы припали к полу, стараясь не дышать, и с опаской поглядывали по сторонам. Затем стали осторожно пробираться вдоль стены, не понимая, что эти перемены могут предвещать.

«Ну где же здесь выход?» — взмолился я.

«Вполне вероятно, что ты найдёшь его скорее меня. Как и ты, я выпала из темноты на свет и обнаружила этот

каменный выступ, но вернуться в коридор не смогла. Когда я получила твой мысленный сигнал, я подумала, что он приведёт меня к двери. Но этого не случилось — ты сам пришёл ко мне».

«А в каком месте ты попала сюда?»

Она повела носом и указала в противоположный угол, находившийся на довольно приличном расстоянии от того места, где я пытался отыскать свой вход. Я двинулся туда, вновь ощупывая ладонями каменную поверхность, выискивая хотя бы малейший намёк на щель. При мне всё ещё находился резак, который Майлин использовала, чтобы освободить меня от нитей танглера. Должно быть, с его помощью или с помощью какого-то другого инструмента из тех, что оставались на моём поясе, я смог бы взломать замок, обнаружив его. Но на это была очень слабая надежда. Впрочем, все мы склонны цепляться за соломинку...

Гул, исходивший из шаров, стал непрерывным, и это каким-то образом отражалось на моём слухе. Звук ускользал, словно выходил за предел слышимости. Причём он не переставал влиять на моё сознание. Дважды я обнаруживал, что стою, прекратив всякую деятельность, и тупо разглядываю эти шары с совершенно пустой головой. Всё это продолжалось секунду-две, не более, но страшно напугало меня.

Не было никакого сомнения, что эти шары были волшебными. Отталкивающие фигуры на них исчезали, но как-то странно, совсем не так, как можно было ожидать. Теперь было труднее разглядеть сами чудовища, их приоткрытые продолговатые челюсти, их устрашающие клыки, но тем не менее создавалось впечатление, что скрытые таким образом чудовища казались ещё более живыми!

«Крип!» — мысленный окрик Майлин испугал возникшие в моём мозгу мысли. Мне удалось отвернуться от шаров к стене. Теперь я осознал опасность, куда более серьёзную, чем возникавшие в наших мозгах образы.

Передо мной стояла прочная непроходимая стена! Я забарабанил по ней кулаком. Мои удары становились всё

более яростными. Но это не приносило ничего, кроме боли и ссадин. Я отчётливо представил себе образ двери. Все мои желания были связаны с ней. И вдруг мой кулак не наткнулся на твёрдую породу. Мои глаза видели камень, настолько твёрдый, каким ему и положено было быть. Но рука вошла в него по самое запястье!

«Майлин!»

Её не нужно было звать. Она тут же подбежала ко мне. Дверь! Откуда появилась эта невидимая дверь?

«Думай! Д В Е Р Ы! Думай о ней! Представь в уме, что ты её видишь!»

Я послушался. Дверь — вот она, здесь, конечно, именно здесь! Рука свободно прошла в дверной проём. Невозможно было поверить в этот оптический обман, но рука не натыкалась больше ни на какое препятствие. Я положил руку на голову Майлин, и мы беспрепятственно двинулись вперёд, минуя то, что должно было быть твёрдой, прочной, непроходимой каменной породой.

И вновь мы пережили резкий перепад света и очутились в полной темноте. И вновь за нами словно захлопнулись ворота, и приглушённый гул шаров сразу стих. Я с облегчением вздохнул.

«Это твой проход?» — спросил я, хотя не имел ни малейшего представления, как это можно определить в кромешной тьме.

«Я не могу с уверенностью сказать. Но это точно какой-то проход. Мы должны держаться ближе друг к другу».

Я всё ещё держал руку на её голове, и она теснее прижалась ко мне. Так мы и тронулись, почти слившись в единое целое, продвигаясь вперёд чрезвычайно медленно и осторожно. Я вытянул перед собой свободную руку, чтобы случайно не натолкнуться на что-нибудь в темноте.

Немного погодя я нащупал стену, и мы пошли вдоль неё, пока слева по ходу не открылся ещё один, новый проход. Шли мы довольно долго, и я уже потерял всякое чувство направления. Даже Майлин призналась, что не может определить, где мы находимся. Мы шли на ощупь и смирились с этим. Следовало идти, пока не найдём какой-нибудь хотя бы немного освещённый ход. То, что

мы могли никогда его не найти, было просто страшно представить, поэтому мы старались не думать об этом.

Я не знал, существует ли у Тэсса такой же древний панический страх темноты, какой часто бывает у моего народа. Но ощущение, что тьма давит со всех сторон и удушие подступает к горлу, постоянно возвращалось. Кроме того, на этот раз я шёл не со связанными руками.

«Теперь налево...»

«Почему? Откуда ты знаешь?»

«Кто-то живой в том направлении».

Я попытался мысленно прозондировать пространство. Она была права — там ощущался источник энергии! Слабая нить связала меня с чужаками, вроде той, что я уловил, когда находился неподалёку от членов экипажа корабля. Слева открывался еще один проход.

Можно было только догадываться, насколько далеко забрели мы от того места, где располагалось помещение с шарами. Свет в конце коридора ободрил нас — тем более, что он становился всё ярче и ярче.

Только теперь мы различили какой-то звук. Скорее всего это было не человеческое бормотание, а бряцание металла. Майлин прижалась ко мне ещё плотнее.

«Это он — тот, кто носит теперь тело Грися, — впереди!»

Я даже не пытался выпустить мысленный зонд. Жаль, что я не мог сделать совершенно противоположное — свести до минимума всякую мыслительную деятельность, чтобы тот не смог почувствовать и намёка на наше возвращение. Я ещё не забыл, как легко ему удалось обнаружить меня, когда я пытался проследить за его парнями.

«Его мысли сейчас заняты только одним, — сообщила Майлин. — Все его способности направлены на что-то такое, что имеет для него огромное значение. Нам не надо его бояться. Его занимает сейчас только одно».

«И что же?»

Она ответила не сразу. И вообще не ответила, а попросила:

«Помоги мне передать кое-что...»

Наступила моя очередь сомневаться. Усилить мыслен-

ный сигнал... Она, вероятно, собиралась сделать именно это. Но тогда больше шансов за то, что нас обнаружат. И всё же я достаточно доверял ей и понимал — она не станет чего-нибудь предлагать, если не уверена в успехе задуманного. Я сдался.

Мысли Майлин ринулись на разведку, а я добавил к ним свою энергию. Мы проделывали это не часто, поэтому у меня возникло сравнительно новое и непривычное ощущение, словно меня несёт быстрый поток, которому нет сил сопротивляться. Затем в мозгу возникла неясная картина.

Казалось, мы зависли в воздухе над какой-то шахтой, или, лучше сказать, находились на вершине одной из пирамидальных скважин. Внизу, у подножия стены, в горную породу вгрызлся робот. Там уже темнел вход в пещеру, и машина только расширяла его.

Позади робота стоял Грис. У него не было в руках пульта. Можно было подумать, что он управлял роботом вовсе без приборов. Всё его внимание было поглощено тем, что он делал, и мы ясно ощущали страстное желание и нетерпение, двигавшие им. Он не выставил никаких заслонов своим мыслям, полностью сосредоточившись на том, поисками чего он сейчас занимался. Здесь располагался какой-то древний склад, возможно, в нём хранилось оборудование или оружие. Найти его было для него крайне необходимо. Я понимал, что уловил только часть его мыслей, его страстного желания. Вокруг помещения, намного выше того уровня, на котором работал автомат, проходил ещё один из многочисленных коридоров, прорытых в здешних горных пластах. Этот пересекал стену и вёл от одной двери к другой. Мне не нужно было ничего объяснять, я понял сам, что именно этим путём нам и следует идти.

А вот сможем ли мы сделать так, чтобы нас не заметили снизу, — это уже другой вопрос. Нора, которую проделывал робот, становилась всё больше. И тут машина откатилась назад и заглохла. Чужак поспешил к проделанному отверстию в стене и исчез в проломе.

«Давай!»

Мы вихрем пронеслись по освещённому коридору. Расстояние было небольшим, и вскоре мы очутились на самой кромке горного выступа. Он проходил так близко к вершине пирамиды, что противоположная стена оказалась совсем рядом. Майлин было намного легче пробираться по этой тропе, потому что я вынужден был ползти на четвереньках, так как не смог бы удержать равновесие на столь узком уступе. Я не стал тратить время, чтобы взглянуть на пролом, сделанный роботом в стене. Побystрее добраться до входа на противоположной стороне и проскользнуть в него — большего нам пока и не требовалось.

«Мы проскочили!»

«Пока да, — ответила она. — Но...»

Майлин вдруг изогнулась, опустив голову вниз. Вся её вымазанная грязью шерсть вздыбилась.

«Крип, Крип! Держи меня!» — крик о помощи был настолько неожиданен, что я в каком-то оцепенении замер. Усилием воли я заставил себя броситься на помощь Майлин, крепко обхватил упругое тельце и прижал к себе, несмотря на её яростные попытки вырваться.

То, что я изо всех сил пытался удержать сейчас, совсем не походило на Майлин. Это было животное, которое рычало и огрызалось, безжалостно колотя меня лапами с выпущенными наружу когтями. Только по счастливой случайности она не разодрала меня в кровь. Это продолжалось недолго. Затем она обмякла и привалилась ко мне, тяжело и глубоко вздыхая. На уголках её губ выступила пена.

«Майлин, что это было?»

«Зов. И на этот раз намного сильнее. Словно... словно зов тебе подобного!»

«Что ты хочешь этим сказать?» — я продолжал держать её, но теперь она не пыталась вырваться. Словно борьба с собой отняла у неё последние силы. Казалось, она находилась теперь в таком же состоянии, в каком я её нашёл недавно.

«Тот сон — женщина в короне с кошками... — мысли Майлин никогда не строились в определённой связи и последовательности. — Она очень похожа на Тэсса...»

Я не мог в это поверить. Я не мог припомнить ничего такого, что говорило бы хоть о каком-нибудь сходстве между той женщиной и Майлин.

«Может, для глаза это незаметно, — согласилась Майлин. — Крип, у нас осталось хоть немного воды?» — она всё ещё тяжело дышала, из её груди вырывались звуки, похожие на человеческие всхлипывания. Я нащупал фляжку и плеснул ей в рот несколько капель. Надо было оставить хоть что-то про запас, так как было неизвестно, когда появится возможность пополнить наши запасы.

Она жадно проглотила скудную порцию, но просить ещё не стала.

«Тот мысленный сигнал — сон. Я знала такое и раньше. Его используют Тэсса...»

Меня вдруг осенило.

«А это не может быть специально подстроено? То есть, увидев тебя, не могли они настроиться на ту же волну, что и ты, чтобы заманить тебя в ловушку?»

«Конечно, такое может быть, — признала она. — Но между мной и этой, другой, происходит что-то... Но я знаю — коли мне предстоит встретиться с нею лицом к лицу, это случится только на моих условиях, да и то, если ты одолжишь мне свою энергию, как в этот раз, когда она позвала меня».

«А ты уверена, что это была она, а не тот, которого мы видели?»

«Да. Но, повторяю, если я и приду к ней, то только тогда, когда сама захочу. Пока я этого сделать не могу».

Я вытащил тубик с концентратом, какой выдают на космических кораблях. Мы его уже наполовину опустошили. Но там оставалось ещё вполне достаточно, чтобы заморить червячка. Он очень питателен и способен поддерживать жизненные силы, пока ты не выберешься из сложного положения.

Со дна скважины не доносилось никаких звуков, хотя робот по-прежнему оставался в карауле у пробитого им отверстия. Мне было крайне интересно узнать, что же искал чужак за той стеной. Но Майлин ни разу не вспомнила об этом, пока мы шли. Напротив, она задала

мне вопрос, совершенно не относившийся к происходящему, и я снова растерялся.

«Тебе не кажется, что она прекрасна?»

Она? Ах да, я догадался — она опять имеет в виду эту чужеземку.

«Она очень красива», — честно признался я.

«У неё нет изъянов... Хотя немного странного цвета кожа. И великолепное тело...»

«Но её разум занят поисками иной оболочки. Тот, что носит тело Гриса, тоже неплохо выглядел, однако он посчитал удобным для себя поменяться с ним. И меня притащили туда, чтобы кто-то из них влез в мою плоть. Все они глубоко заморожены — я правильно понимаю?»

«Да, — совершенно определённо ответила Майлин. — А тот, другой, которого замуровали на отвесной скале...»

«Лукас сказал, что он мёртв. Причем, давно мёртв. Но эти четверо — я полностью уверен! — живы. А тот, что сидит в Грисе, — наверняка!»

«Вполне возможно, что их тела при размораживании умирают. Но я так не думаю. Мне кажется, они зачем-то стараются сохранить их. Им требуются наши тела, как нам бы потребовалась более простая и дешёвая одежда, которую не жалко испачкать и выбросить после того, когда грязная работа будет закончена. Но она — она очень красива!»

В её словах почувствовалась тоска. Как всегда, неожиданное проявление человеческих эмоций у Майлин застало меня врасплох. Это всегда трогало меня, потому что случалось очень и очень редко. И я верил, что она подвержена тем же страстям, что и мой собственный человеческий род.

«Богиня, королева — кто она такая? — допытывался я. — Нам ведь даже не дано узнать её настоящее имя».

«Да, её имя... — повторила Майлин обрывок моих мыслей. — Ей бы не хотелось, чтобы мы его узнали».

«Почему? Потому что... — тут я вспомнил древнее суеверие, — это даст нам определённую власть над ней? Но в это могут верить только люди с примитивным мышлением! А мне показалось, что она к таким не относится».

«Я тебе уже говорила, Крип, — нетерпеливо произнесла Майлин, — самое важное — это вера. Вера может мёртвого сдвинуть с места, если её направить соответствующим образом. И если уж народ поверил, что имя — нечто очень личное, принадлежащее только тебе, а его разглашение может дать другому власть над тобой, значит, для него это является истиной. В разных мирах уровень цивилизации определяется не только обычаями, присущими обществу, но зависит и от отношения к именам богов».

Я вскинул голову и принюхался, обеспокоенный скорее запахом, чем раздавшимся звуком. Должно быть, Майлин почувствовала это ещё раньше меня.

«Впереди кто-то ещё... Возможно, даже лагерь».

Там, где располагается лагерь, обязательно должен быть какой-нибудь узел связи с внешним миром. А мне ничего так не хотелось, как побыстрее вырваться из этого подземелья наружу и вернуться на «Лидис». Или хотя бы как можно скорее предупредить наших парней об опасности. Но для этого нам сначала нужно было выбраться отсюда, из самого сердца вражеской территории, и мы ринулись вперёд, в направлении опасного для нас лагеря.

Я старался не думать о том, что мои размышления вращаются вокруг одного и того же. Когда мы добрались до выхода, оказалось, что тропа действительно привела нас в лагерь бандитов. Повсюду валялись коробки и сундуки с награбленным ими добром, а в проёме, ведущем наружу, виднелась часть сопла большого корабля.

Справа от нас выстроилась целая колонна отключённых роботов. Людей вокруг не было. Если бы нам удалось незаметно пробраться меж этих коробок, используя их как прикрытие, мы бы смогли выйти наружу...

Только осторожно! Шаг за шагом!.. Майлин припала к земле, волоча брюхо по пыли, и миновала ряды пустых коробок. Я пригнулся, насколько это было возможно, и прошмыгнул следом. Мы двигались беззвучно. Должно быть, мы были здесь совсем одни, но всё ещё не смели надеяться на удачу. И слава Богу, что не понадеялись, так как в этот момент одна из стенок надувной палатки приоткрылась и оттуда вышел человек...

Когда я его увидел, у меня похолодело внутри. Харкон — и вовсе не пленник! Он открыто держал в руках бластер, затем обернулся через плечо, будто ждал появления кого-то ещё. Неужто команда «Лидиса» каким-то чудом, подаренным судьбой, захватила штаб-квартиру этих бандитов? Если так, нужно было немедленно предупредить их о том, кто носит тело Гриса. У меня не было никаких иллюзий насчёт того, что может случиться, если они столкнутся с ним. Я без колебаний поставил бы десять против одного, что этот чужак в облике Гриса выйдет из поединка победителем.

Глава 12

МАЙЛИН

Нас всегда учили, что Вселенная лежит на невидимых весах Моластера — хорошее пытается перевесить плохое, а зло старается перебороть добро. И если начинает казаться, что удача повернулась к нам лицом, то в это же время следует быть предельно осторожными. Я столкнулась со множеством вещей, которые были мне внове, с тех пор, как я очутилась в теле Ворсы и меня стали считать своей в компании людей, перелетавших с мира на мир. Тем не менее я всегда считала, что стрелка весов находится на одном уровне, незначительно отклоняясь то влево, то вправо.

Здесь же, в этих подземных переходах, мне удалось устоять против более чем осязаемого зова и необычного существования, о котором я раньше и не догадывалась. Притом очень часто мне приходилось идти вслепую, действовать наобум, словно Лунная Певица Тэсса уподобилась незрячему котенку.

Дважды мне снилась та, которую видел Крип. Почему она казалась мне такой знакомой, хотя я никогда не встречала раньше никого, даже похожего на неё? На «Лидисе» не было женщин вовсе, а те, которых я видела на трёх планетах, где мы успели побывать после Йиктора,

ничем не отличались от простолюдинок. Они всегда соответствовали требованиям мужчин — бесправные и бессловесные создания.

Но она!.. У меня появилось страстное желание увидеть её наяву, а не во сне, мне даже приходилось бороться с ним. И я не могла открыто сказать об этом Крипу. То, что мы с Крипом видели один и тот же сон, бесспорно доказывало, что главная опасность для меня таилась в прямом контакте с ней, и я не должна была пока рисковать и вступать с нею в противоборство, подобное тому, о котором рассказывал Крип, когда они собирались отнять его тело. Хотелось верить, что именно малая часть Тэсса, не дававшая до сих пор о себе знать, не позволила бандитам завладеть его телом.

За месяцы, что мы путешествовали вместе, я успела понять, что Крип стал более искусным эспером, чем был тогда, когда я впервые встретила его. Мне казалось, это медленное пробуждение энергии, это развитие его таланта происходило под воздействием тела Маквэда, хотя я и не знаю, как и почему это возможно. И я вновь думала о том, что может произойти со мной от долгого пребывания в той оболочке, в которой я находилась.

Я знала, что чужакам не удалось вырвать его из собственного тела, и что упакованное в ящик существо приказало уничтожить Крипа, почувствовав в нём опасность. Слава Богу, что теперь мы были вместе и нашли наконец дверь, ведущую наружу.

Меня порадовало, что Крип не попытался сразу обнаружить себя, когда заметил дозорного. Его предусмотрительное желание оставаться пока незамеченным и не принимать ничего и никого на веру успокоило меня и вселило ещё больше уверенности. Итак, мы лежали позади пустых коробок и наблюдали. Ни я, ни он не попытались послать мысль на контакт. Ведь если этот дозорный окажется вовсе не тем, за кого себя выдает, мы окажемся даже в большей опасности, чем были совсем недавно.

Харкон отошёл от надувной палатки, и тут же из неё выбрался ещё один знакомый человек — Джел Лидж с

«Лидиса». Он тоже держал в руках оружие. Оба были необычайно спокойны, и по их виду нельзя было сказать, чтобы они опасались какого-нибудь врага. А ведь оба они не раз сталкивались с чрезвычайной опасностью и вовсе не были безрассудными авантюристами.

Они прошли мимо нас, направляясь куда-то в глубину пещеры, к одному из входов в бесконечные тёмные коридоры. Крип так и не шевельнулся и даже не попытался окликнуть их, а я ждала его команды. Он следил за их продвижением, и когда удостоверился, что оба исчезли из виду, его рука коснулась моей головы для более тесного мысленного общения.

«У меня такое чувство, что они — вовсе не они».

«У меня тоже», — тут же ответила я.

«Неужели ледяные завладели их телами? Нам лучше всего попытаться быстрее пробраться на «Лидис». Но что, если я ошибся, и они направляются прямо туда, где лежат все эти...» — я почувствовала дрожь в его теле, пальцы, лежавшие на моей голове, нервно дёрнулись.

«Если они именно то, чего ты так боишься, тогда они здесь хозяева положения и, должно быть, скоро обнаружат нас. Но если нет — их необходимо предупредить. Нам остаётся только надеяться, что их власть ограничена лишь рамками планеты Сехмет. Ты когда-нибудь думал о том, что может произойти, если их корабль, стоящий вон там, вдруг поднимется в воздух и унесёт к другим мирам тех, кто может менять тела так же легко, как ты меняешь свою одежду. Ты представляешь, что они натворят в галактике».

«Да, большего несчастья трудно себе вообразить. Их невозможно будет найти, если им удастся покинуть эту планету».

«Следовательно, мы обязаны подать сигнал на корабль, пока в состоянии это сделать!» — я попыталась убедить его, что другого выхода у нас просто нет. Человек и глассия не могли оказать сопротивление в подземелье, не могли помешать врагам готовиться к нападению. Пришло время действовать.

«Возможно, они уже начали осуществлять свои замыс-

лы, — сказал Крип. — Как мы узнаем, сколько их здесь? Сколько рейсов этот корабль уже успел совершить?»

«Тем более нам нужно торопиться».

Мы снова двинулись вперёд, прячась за пустыми ящиками, пока это было возможно, и наконец добрались до входа в пещеру и очутились в полосе слабого дневного света.

Грузовой люк корабля был задраен, но пассажирский трап ещё не поднят. Крип внимательно изучал его. Он разбирался в этих вещах лучше меня. На мой взгляд, это был обычный грузовой корабль, разве что побольше «Лидиса», и я сказала об этом Крипу.

«Да, побольше. У нас корабль класса Д, а этот — класса С, тоже грузовой, но переделанный из корабля Компании. Он неповоротлив, но может поднять гораздо больше груза, чем наш «Лидис». На нём нет опознавательных знаков, что может означать только одно — это пиратский корабль».

Охраны видно не было, но всё же мы старались оставаться незамеченными. В этом нам, казалось, помогала сама изломанная поверхность местности, где мы находились. К тому же над нами густой пеленой висели тучи, и начал накрапывать ледяной дождь. Дрожа от хлёстких ледяных ударов мокрого ветра, мы отыскивали место, где можно было вскарабкаться на утёс. Мы подумали, что будет намного разумнее выбрать именно этот путь, а не воспользоваться разбитой роботами дорогой.

Оказавшись наверху, я смогла сориентироваться, положившись на естественные для Ворсы ощущения, и мы направились туда, где, как я была убеждена, находился наш «Лидис». Это был сущий кошмар. Нас секло дождём и снегом, темнота становилась всё гуще. Мы ползли там, где нам хотелось бежать со всех ног, боясь оступиться и сорваться с каменного уступа.

Ветер усилился. Я выпустила когти и прижалась ближе к земле, чтобы меньше скользить по мокрой поверхности под яростными порывами ветра.

«Крип?» Мне-то удавалось удерживаться на моих четырёх когтистых лапах, но я не была уверена в том, что это удаётся ему на двух ногах в сапогах. К тому же ветра такой

силы я никогда не испытывала. Казалось, что сама природа этого забытого Богом мира была на стороне грабителей.

«Давай, давай!» — в его голосе не чувствовалось усталости.

Я начала спускаться, извиваясь всем телом и цепляясь, за что только можно, стараясь защититься от ураганных порывов ветра. Мимо меня с рёвом неслись потоки воды. Я засомневалась, стоит ли нам так настойчиво пробираться на «Лидис», может лучше попытаться найти какое-нибудь укрытие и переждать бурю. Я уже стала высматривать местечко, где бы мы могли отсидеться, как камни ушли у меня из-под лап и покатались вниз, увлекая и меня за собой.

Вверх — вниз — в никуда... На какой-то момент я почувствовала, что падаю, затем взрыв боли — и темнота.

Однако охватившая моё сознание темнота не была полной. Где-то в глубине дрожала ужасающая мысль: я оступилась не случайно. Я попала в ловушку, о которой и не подозревала.

Осознав это, я поняла и то, зачем это было сделано и чем это может теперь грозить.

Обмен телами — здесь с Шервином, а с Крипом — тогда, на Йикторе. Зачем им разрушать мою нынешнюю оболочку — зачем?

Неужели ничего лучшего нельзя придумать, чтобы заставить личность подчиниться, чем разрушить тело, в котором она обитает?

Боль! Такая боль, что невозможно поверить. Моё тело больше не будет меня слушаться.

«Нельзя... больше нельзя...»

Сигнал, дошедший до моего сознания, был довольно неясным, как будто его передавали по испорченной линии связи.

«Оставь... идём... идём... идём...»

«Куда? Зачем?»

«Сила жизни... сила жизни... Снова жить... Идём...»

Я сделала над собой величайшее усилие, пытаюсь вырвать тело из тисков боли, сконцентрировав всю свою энергию и волю на том, что составляло сущность моей личности.

«Идём... Твоё тело умирает... Идём...»

Вот тут-то тот, кто так настойчиво звал меня, и ошибся. Все живые существа боятся забвения и небытия. Это один из видов самоконтроля, то, что не даёт нам вступить на путь зла. Мы всегда помним, что у каждого своя дорога, и то, как мы по ней пройдем, будет оценено и взвешено на Весах Моластера. Мы, Тэсса, легко не сдаёмся. Но и не боимся Белой Дороги, когда приходит время ступить на неё. Тот, кто поймал меня, играл на естественном чувстве страха перед небытием, как будто у тех, с кем ему приходилось иметь дело раньше, не было понятия о другой жизни, жизни после смерти. С ними, наверное, легко было добиться своего, предложив жизнь, когда смерть уже стоит у ворот.

«Идём... — всё настойчивее. — Ты хочешь превратиться в ничто?»

Теперь я, наконец, поняла, что ему было от меня нужно. Ни моя личность, ни вообще чья-либо телесная оболочка были ему ни к чему. Больше всего на свете он дорожил своей и нуждался в моей жизненной силе, как в топливе, чтобы, заправившись, снова жить как прежде.

«Майлин! Майлин, где ты?»

«Идём же...»

«Майлин!»

Два голоса звучали у меня в голове, и боль снова завладела моим телом. Моластер! Я молила о помощи, стараясь не слышать ни одного из голосов. И пришёл ответ — нет, время Белой Дороги ещё не настало, хотя могло, если бы я этого захотела. Но такой мой выбор поставил бы под угрозу выполнение другого плана. Мне всё стало предельно ясно, словно меня снова подняли на вершину скалы, и я всё увидела сверху. Что именно я увидела, я не помнила. Но я понимала, что это необходимо. Я также знала, что мне нужно бороться, чтобы выполнить то, что мне предначертано в нашем общем плане.

«Идём!» Никаких уговоров, никаких обещаний, лишь приказ, отданный так, словно я и не могла отказаться. «Ну же!»

Но я ответила на иной призыв:

«Сюда, скорее!» — как мне удастся выполнить то, что нужно, я не знала. Многое будет зависеть от умения и возможностей моего партнёра.

Тело глассии мне не подчинялось, я даже ничего не видела. Мне пришлось отключить все пять органов чувств, чтобы не сойти с ума от боли. Зато я могла ясно соображать.

«Крип!» Я не знала, находится ли он всё ещё на вершине скалы или уже где-то рядом со мной, у меня не было способа узнать это. Но добраться до него и передать своё последнее слово я должна была обязательно, иначе всё зря.

«Крип!.. Это тело, по-моему, умирает. Но оно не должно пока умереть. Если ты сможешь доставить его к морозильным саркофагам... ты д о л ж е н это сделать! Тот короб со спящим в ней — доставь меня туда...»

Я даже не могла ждать ответа. Я должна была держаться, покуда хватит сил. А на сколько их хватит, знал только Моластер.

То было странное потаённое место, откуда я, настоящая Майлин из рода Тэсса, Лунная Певица, а затем глассия, черпала все свои внутренние ресурсы. А тот, другой, всё ещё стучался в расставленные мною заслоны и твердил: «Пойдём, пойдём — живи!» Я не знала. Я не смела надеяться, что уже нахожусь в безопасности в своей маленькой крепости, которую не прекращали атаковать. Мое влияние на ситуацию и понимание происходящего становились всё слабее, а боль временами наносила предательские удары. Я старалась напевать слова, которые мне необходимо было произнести, чего я не делала с тех самых пор, как у меня отняли мой жезл. И слова, которые стали превращаться в тлеющие, едва сверкающие угольки, вспыхнули с новой силой, обнажив языки пламени. Но хотя жизнь в них едва теплилась, это поддерживало меня, заглушая боль.

Здесь совсем не ощущался бег времени — должно быть, его было слишком много. Я успокаивала себя:

«Мне удастся продержаться ещё мгновение... и ещё одно... и ещё...» — так это и продолжалось. Удастся ли Крипу спасти меня, если только можно спасти... Я не должна была думать об этом, чтобы сохранить силы и

продержаться как можно дольше, не выпуская свою личность из того укромного местечка, в котором я находилась. Держаться, держаться и держаться!

Но делать это становилось всё труднее. О Моластер! Великая сила была мне дана когда-то, и я увеличивала её мощь постоянной тренировкой. Однако всему приходит конец — и теперь я сама с этим столкнулась. Я проиграла, я не могла вспомнить тот образ жизни, который вела. Хотя и знала, насколько он важен, и понимала, что мой жизненный путь был прерван вовсе не по воле Великого Творца. Тем не менее, казалось, у меня не хватит сил довести до конца своё дело. Я — не могу — держаться...

Боль ворвалась в мой разум, захлестнув его гигантской красной волной.

«Майлин!»

Теперь я слышала только один этот голос. Другой голос перестал меня звать. Я подумала, что стоит мне сдаться, уступить, и он снова станет заманивать меня в свои сети.

«Майлин!»

«Заморозь...» — я смогла выговорить только эту свою последнюю просьбу. И она была такой тщетной, безнадёжной. Ответа не последовало.

Никакого. Но боль, слава Богу, стала понемногу стихать, становясь потихоньку более терпимой. И я всё ещё не была оторвана от тела. Что...

«Майлин!»

Я всё ещё в своём теле! Хотя я и не могла им управлять, оно служило мне символом надежды. И я почувствовала освобождение от того воздействия, под гнётом которого была столько времени. Словно процесс моего «умирания» был приостановлен, и мне дали возможность немного передохнуть.

«Майлин!» — властный, и вместе с тем умоляющий зов. Я собрала все остатки своей энергии.

«Крип — заморозь...»

«Да, Майлин. Ты уже в коробе — коробе чужака. Майлин, что теперь...»

Итак, он сделал это. Он использовал последний шанс, и он оказался верным. Но у меня не было времени

обрадоваться этому. Я должна была предупредить его о самом главном.

«Поддерживай холод... Старейшие... Йиктор...»

Я ещё управляла своим сознанием, если можно было назвать «сознательным» состояние, в котором я пребывала всё это время, с тех пор, как была переломана. Брела ли я уже по Белой Дороге? Или для меня ещё оставалось местечко на большом жизненном пути?

Глава 13

КРИП ВОРЛАНД

Хотя ветер не проникал сюда, я чувствовал, что руки всё ещё ледяные от холода. Я оглядел короб и, как только мне удалось справиться со всеми этими щеколдами и запорами, приоткрыл заслонку настолько, чтобы, по-быстрому выбросив оттуда замороженное тело, заменить его переломанным, окровавленным и бесформенным мохнатым существом. Не знаю, как я смог с этим справиться. Меня трясло от перенесённого стресса сильнее, чем от озноба. Я долго не решался нести то, что осталось от Майлин, по этой скалистой тропе. Я был уверен, что ей, как любому живому существу, будет больно и она, если бы могла протестовать, запретила бы мне тащить её неизвестно куда. Она была жива, только раненая оболочка её замёрзла. И я поклялся, что доставлю её на Йиктор — к Старейшим — и она никогда не умрёт! Но как мне удастся это осуществить, этого я пока ещё не знал.

Я тихо обернулся. Там, далеко внизу под утёсом, стояли «Лидис» и два флиттера возле него. Никаких признаков жизни вокруг не было. Среди скал что-то валялось. Приглядевшись внимательно, я понял, что это, и содрогнулся. Это был чужак, которого я в запальчивости вышвырнул из морозильного ящика...

То, что теперь лежало там, было не телом, а какой-то разложившейся массой. Я прикрыл глаза. Лукас сказал, что это существо мертво, и теперь я убедился, что это так. Но

дело уже было не в том. Главное — чтобы Майлин была спасена. Да, и предупреждение должно быть отправлено.

Харкон, Лидж — оставались ли они ещё людьми? А кем они, собственно говоря, могли быть? Осознали ли они, что не дрогнули перед врагом, который оказался намного сильнее, чем думали мы вначале?

Я просунул руку в коробку и положил её со всей нежностью, на какую только был способен, на голову мохнатого существа.

«Я не могу взять тебя сейчас с собой, — подумал я. Возможно, мои слова ещё доходили до неё, а может, и нет. Но мне хотелось дать ей понять, что я не оставляю её одну. — Я скоро вернусь, и ты обязательно увидишь Йиктор, Старейших и снова будешь жить. Клянусь!»

Затем я закрепил коробку понадёжнее среди скал, чтобы она не была опрокинута ветром или ледяным ливнем. Майлин находится теперь в безопасности, пусть потерпит немного в этом убежище, пока я не смогу выполнить своё обещание.

Проделав всё это и убедившись, что она надёжно защищена, я спустился под проливным дождём и невыносимым ветром в долину. Там я включил наручный передатчик и послал кодированный сигнал, который должен был открыть мне люк «Лидиса». Затем стал с нетерпением ждать какого-нибудь знака, подтверждения, что мой сигнал услышан внутри корабля.

И ответ пришёл, но вовсе не со стороны корабля, а откуда-то из темноты ночи. Луч прожектора прорезал ночную мглу, пригвоздив меня к скалистой стене утёса.

«Бандиты! — подумал я. — Они же меня здесь и убьют!»

Я был ослеплён ярким светом и не видел, кто стоит за ним, хотя был уверен, что направившие этот луч на меня намереваются незамедлительно расправиться со мной. У меня же не было никакого оружия... Тут кто-то ступил в полосу света, и я увидел униформу. Патруль! Только я не мог быть теперь уверен в этом на сто процентов. Особенно после того, как мне довелось увидеть Харкона и Лиджа в пещере, а также зная, кто расхаживает в теле Гриса.

Я попытался прочесть по его лицу, тот ли он, кем

кажется мне, или один из врагов. Однако в его облике разгадки не было. Он махнул мне рукой. Завывания ветра были настолько громкими, что слов я не расслышал, но он ясно указал жестом на «Лидис». Луч прожектора осветил тропу, ведущую к кораблю, и в полосе света стало видно, как медленно опускается на землю трап. Я пошёл туда.

«Лидис» был моим домом уже много лет, и я гордился тем, что это так. Но сейчас, взбираясь по трапу и цепляясь изо всех сил за поручни, чтобы противостоять ветру, я чувствовал, что приближаюсь к чему-то чужеродному, от чего веяло обманом. А это очень даже могло быть, ведь влияние чужаков распространилось уже столь широко. Я стал принюхиваться, проходя через шлюзовой люк в сопровождении Патрульного, словно и в самом деле мог учуять чужой запах, который так боялся здесь обнаружить. Но запах был совсем обычным, как на всех звёздных кораблях. Я стал взбираться по лестнице в рубку управления. Что же я там найду?

— Ворланд?

Капитан Фосс. Позади него стоял Патрульный офицер со значком командера. Дальше находились члены экипажа. Впрочем, я видел только капитана Фосса. Если только это был и м е н н о Фосс! Я уже во всём сомневался. Многое могло произойти здесь за время моих долгих скитаний под землёй. Я не ответил, а просто пристально посмотрел на него, стараясь отыскать в его лице хоть малейший намёк на то, что это не тот человек, которого я так хорошо знал.

Один из Патрульных взял меня за руку, развернул, словно я был абсолютно беспомощен, и подтолкнул к креслу, которое покачнулось под моей тяжестью. Я отважился послать мысленный сигнал — ведь мне жизненно необходимо было знать, что ещё не всё потеряно.

«Фосс — это ты?» — я не знал, подумал ли я это или произнёс шёпотом.

Я заметил, как изменилось выражение его лица и знакомо выгнулась бровь.

— А ты ожидал встретить здесь кого-то другого? — спросил он.

— Одного из них, — с трудом пробормотал я, почувство-

вав вдруг невероятную усталость. — Ты мог, как и Грис, стать одним из них... Им ничего не стоит пробраться в твоё тело...

Никто не проронил ни слова. То ли я произнёс это вслух, то ли успел только подумать об этом.

Капитан повернулся к аптечке, висевшей на стене, открыл крышку и достал тюбик с питательным рационом. Он подошёл ко мне. Я попытался поднять руку, чтобы взять это тонизирующее средство, но моё тело отказалось слушаться меня. Он поднёс тюбик к моему рту, и я отпил немного. Жидкость была горячей и вскоре должна была побороть во мне дрожь и слабость утомления.

— Один из них — и в моём теле? — произнес он спокойно, словно ничего особенного в этом не было. — Может, объяснишь, что всё это значит?

— Там, — я махнул рукой на одну из стен «Лидиса», надеясь, что показываю место, откуда пришёл, — чужеродные существа. Они могут захватывать наши тела. Они уже проделали это с Грисом. Он, вернее, его тело, вместило душу чужого человека. Нашего врага. Сам он... — я вспомнил образ безжизненного тела с головой рептилии, в котором был ныне заключён Грис, — переселён в другую оболочку. Думаю, что с Лиджем и Харконом произошло то же самое. Они чувствовали себя как дома в той пещере, словно им нечего было бояться. Может быть, и с другими поступили так же. Они попытались проделать это со мной. Но у них не получилось. Чужак был очень рассержен, сказал, что я опасен. Они заточили меня в тёмном подземелье. Там я нашёл Майлин...

Майлин! Она похоронена в том морозильном ящике на скале. Майлин!

— А что с Майлин? — Фосс занял кресло пилота. Он посмотрел мне в глаза и, протянув руку вперёд, ободряюще пожал мою ладонь. — Что случилось с Майлин?

Патрульный офицер подошёл к нам поближе. Мне это не понравилось. Я увидел, как нахмурился Фосс.

— Что с Майлин, Крип?

— Она упала. Прямо на камни. И разбилась. Она умирала, умирала! И, умирая, сказала мне, что её нужно

заморозить. Заморозить до тех пор, пока я не смогу доставить её на Йиктор. Я перенёс её, почти мёртвую, к морозильной камере чужака на скале, — я старался выдержать пристальный взгляд Фосса. Мне хотелось забыть весь кошмар этого дня, но он не позволял мне этого сделать. — Я поднял её. Открыл короб, выбросил оттуда тело чужака, и положил её туда. Она была ещё жива тогда.

— А эти чужаки, — голос Фосса был ровным и спокойным, и это придавало мне силы, как минуту назад его крепкое рукопожатие. — Ты не знаешь, кто они такие?

— Лукас говорил, что они мертвы, и уже давно. Но они — эсперы. А те, с венцами на голове, живые. Им нужны только тела! Гриса, моё, всех наших. Их там четверо. Я видел. Включая женщину.

— Он говорит какую-то ерунду! — оборвал меня офицер.

И вновь капитан Фосс нахмурился.

— Где находятся эти тела?

— Под землёй. Там переходы, коридоры, камеры. У бандитов там лагерь в пещере. И корабль наверху. Они занимаются грабежом — там полно сундуков и коробок, — воспоминания рисовали в моём мозгу быстро сменявшие друг друга картины. Я почувствовал во рту горький привкус, словно тонизирующее средство, которое я принял, собиралось вырваться обратно.

— Где под землёй?

— За тайником. Я пробрался туда через пасть кошки, — мне было тяжело рассказывать, состояние моё было отвратительное, но я продолжал. — Там есть ход. Но Грис и другие могут гипнотизировать на расстоянии. И если они все такие, как Грис, у нас нет никаких шансов. Я никогда не встречал эспера с такой мощью, даже среди Тэсса. Майлин думала, что им не удалось захватить меня, потому что во мне живёт частица Тэсса. Но им удалось призвать меня. Это сделал Грис. И у него получилось с первой попытки. Затем они просто связали меня танглером.

— Корд, — распорядился капитан, — включай скрэблер на самых высоких частотах! Передавай какуюнибудь абракадабру. Запутай их.

— Есть, сэр!

«Включать скрэмблер, — тупо размышлял я. — Зачем скрэмблер? Ах, да! Против мысленного прощупывания. Но сработает ли это против того, кто находится в теле Гриса?»

— А как насчёт остальных? — Патрульный офицер приблизился ко мне почти вплотную, обойдя Фосса. — Где остальные — и ваши, и мои люди?

— Я не знаю. Я видел только Гриса, Харкона, Лиджа...

— И ты думаешь, что Харкон и Лидж тоже захвачены?

— Я видел, как они расхаживали вокруг лагеря бандитов, не принимая никаких мер предосторожности. Мне показалось, что они это делали открыто, не опасаясь, что их обнаружат.

— А ты пробовал проверить их мысленным контактом?

— Не отважился. Попробуй я, и, если бы оказалось, что это уже не они, мы с Майлин были бы сразу захвачены ими. Грис узнал о том, что я рядом, даже не увидев меня. Это он заставил меня прийти к ним, подавив мою волю. Что касается Харкона и Лиджа — они вели себя так, будто были хозяевами в лагере. Никакой настороженности я не заметил.

Фосс кивнул:

— Должно быть, ты прав. Ты хорошо чувствуешь опасность.

Тонизирующее средство перестало на меня действовать. Я поплыл куда-то вдаль и не был в состоянии больше удерживать веки открытыми.

— Майлин... Вы должны помочь Майлин!

Глава 14

КРИП ВОРЛАНД

На «Лидисе» никогда не существовало ни дня, ни ночи, но у меня было такое состояние, какое бывает, когда спишь очень крепко и вдруг внезапно просыпаешься. Я вытянул руку, ожидая получить привычный шлепок лапой, — так она приветствовала меня с верхней полки, если просыпалась раньше.

Майлин! Её имя враз вернуло меня к реальности, и я так резко подскочил, что ударился головой о низкую перекладину. Майлин всё ещё находилась там — в морозильном ящике! Её надо было срочно перенести в безопасное место. Как же я мог забыть о ней? Я был уже на ногах и потянулся за запылённым термокостюмом, валявшимся на полу, когда отворилась дверь. Я обернулся и увидел капитана.

Фосс был не из тех людей, у которых на физиономии написано, о чём он думает. Высокопоставленный Торговец рано учится скрывать свои чувства или носить маску. И всё же существовало несколько едва заметных штрихов, известных только тем, кто тесно с ним общался, по которым можно было определить, когда он взволнован. То, что я сейчас заметил, было сдерживаемым гневом. Только раз или два за все годы совместной работы я видел, как он сердится.

Он умышленно вошёл в мою каюту без предупреждения. Одно это уже говорило о серьёзности положения. Так как на корабле мы были почти лишены уединённости, каждый член команды весьма щепетильно относился к вторжениям в свои апартаменты. Фосс опустил одно из боковых сидений на стене и присел, ничего не говоря.

Он явно пришёл сюда с намерением поговорить со мной. Но у меня не было никакого желания тратить время на болтовню. Я хотел поскорее отправиться на выручку Майлин. Ведь неизвестно, как долго я спал, бросив её на произвол судьбы.

Так как капитан, видимо, не очень-то спешил объявить мне цель своего визита, я первым нарушил молчание.

— Я должен забрать Майлин. Она находится в морозильном коробе чужака — там, на вершине скалы. Я должен перенести её в наш морозильный отсек, — произнося эти слова, я натягивал на себя термокостюм. Фосс не сделал ни одного движения, чтобы пропустить меня, пока я сам не отодвинул его.

— Майлин, — повторил Фосс, но в его тоне было что-то настолько странное, что я насторожился, вместо того, чтобы вспылить. — Ворланд, как получилось, что ты оказался не вместе с остальными, что ты отправился один

в подземные катакомбы? Ведь вы покинули корабль вместе, — казалось, он буравит меня своим пристальным взглядом. Вероятно, если бы мой мозг не был полностью занят мыслями о необходимости добраться до Майлин, мне стало бы не по себе или я почувствовал бы какой-то подвох в его вопросе и в его отношении ко мне.

— Я оставил их на вершине скалы. Майлин позвала меня, она попала в беду.

— Понятно, — он всё ещё поглядывал на меня изучающим взглядом, словно я представлял из себя партию товара, в качестве которого он вдруг стал сомневаться. — Ворланд... — тут он неожиданно вытянул руку и нажал на кнопку. Небольшой встроенный бар с автоматически открывающимися дверцами распахнулся у меня перед носом. А так как внутренние стороны дверей имели зеркала, я очутился лицом к лицу со своим изображением.

Мне всегда становилось не по себе, когда я смотрел на своё отражение в зеркале. После стольких лет пребывания в одном образе требуется немало времени, чтобы привыкнуть к другому. Моя кожа стала намного темнее, чем была на Йикторе. Но всё же она не была такой бронзовой, не могла покрыться космическим загаром, который имелся у всех членов нашей команды. Раньше он мне казался весьма красивым. Бледность моей кожи подчёркивали серебристые брови и белые-белые коротко подстриженные волосы. Короче, всё это вовсе не было похоже на мой прежний облик. Теперь у меня было лицо Тэсса, с утончёнными чертами и чётко выписанным подбородком.

— Тэсса, — слова Фосса ещё раз подчеркнули то, что я увидел в зеркале. — Ты говорил нам на Йикторе, что тела мало что значат, и что ты тот же Крип Ворланд.

— Да, — подтвердил я после паузы, будто произнесённые им слова имели глубокий смысл и к ним следовало относиться очень серьёзно. — Я всё тот же Крип Ворланд. Разве я этого ещё не доказал вам?

Неужели он думает теперь, что я и в самом деле Тэсса? И что всё время мне удавалось искусно прятать это от людей, достаточно близко меня знающих?

— Ты считаешь, что остался Крипом Ворландом? Но

прежний Крип Ворланд, Вольный Торговец, никогда бы не допустил присутствия чужака на своём корабле и не пренебрёг бы своим долгом!

Я был просто потрясён. Не только потому, что он мог обо мне такое подумать и сказать, но и потому, что в этом имелась доля правды. Крип Ворланд никогда не бросил бы отряд на вершине скалы и не помчался бы на первый же зов Майлин. Или помчался бы? Я не мог дать ответ на этот вопрос. Но все же я был Крипом. Или мои опасения, что тело Маквэда иногда движет мной, имели под собой основания?

— Видишь, — продолжал Фосс, — ты и сам начинаешь понимать. Ты вовсе не тот Крип Ворланд, хотя и утверждаешь иное. Ты не наш. А из этого следует...

Я отвернулся от зеркала и посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты думаешь, что я бросил наших людей, когда они попали в беду? Но ведь я уже говорил, что не мог рисковать и применять свои эсперные способности — по крайней мере в присутствии того, кто распоряжался телом Гриса Шервина. Только Майлин могла пренебречь опасностью и отважиться на это. А там я всё равно не повлиял бы на ход событий. Если бы я поступил так, как ты того требуешь, кто бы предупредил об опасности корабль?

— Я хочу сказать единственное: ты не должен был отправляться на поиски по собственной инициативе. Тебе нужно было разведывать всё для нас.

Я замолк, потому что и на этот раз в его словах была правда. А он продолжил:

— Если бы в тебе осталось достаточно Крипа Ворланда, ты помнил бы наши обычаи и прекрасно понимал бы, что сделанное тобою не согласуется с традициями Торговцев.

Эта мысль повергла меня в дрожь. Такое же чувство я испытывал недавно в подземелье. Если уж и Фосс видит во мне чужого, что же тогда моего осталось во мне? Тем не менее я не мог позволить себе согласиться с ним. Если он докажет мне, что я — это не я, тогда конец всему. Поэтому я попытался возразить Фоссу.

— Майлин — часть нашей гарантированной безопасности. Столь редкие эсперные способности, какими

обладает она, имеются на службе не у каждого корабля. Знаешь, ведь это именно она разбила усилитель, который превратил всех наших в беспомощных пленников, когда тебя не было. И если бы мы встретились с чужаками лицом к лицу, именно Майлин нашла бы какой-нибудь выход из положения. Она — член нашего экипажа! И она, попав в беду, взывала о помощи. Только потому, что мне удалось связаться с нею лучше, чем всем другим, я услышал её зов первым и пошёл ей на помощь.

— Логично рассуждаешь, — кивнул Фосс. — Именно таких оправданий я и ожидал от тебя, Ворланд. Но мы оба прекрасно понимаем, что за твоими словами стоит гораздо больше, чем ты мне сейчас сказал.

— Мы можем поспорить с тобой об этом как-нибудь в другой раз, когда нам удастся выбраться отсюда. Тогда и обсудим, правильно я поступил или нет. Сейчас скажу только, что мною руководило желание спасти Майлин и вывести её на «Лидис». Я и теперь утверждаю — Майлин должна быть немедленно доставлена в наш морозильный отсек!

— Я разрешаю тебе сделать это.

К моему великому облегчению, капитан встал. Я не могу ругаться, будто его убедило моё заявление, что Майлин — член экипажа и её способности могут принести нам немалую пользу. Но с меня достаточно и того, что он разрешил идти ей на помощь.

Я не знаю, как убедил он Патруль помогать нам. Всё это он делал уже без меня. Я же как можно скорей покинул корабль и стал карабкаться на вершину скалы. На оттаявшей поверхности плато не было видно каких-либо следов чужаков. Маленькое тельце Майлин занимало так мало места в коробе, что его трудно было там разглядеть. Я сразу же определил по замкам и пристяжным ремням, что никто не прикасался к ящику, пока меня здесь не было. А в том месте, куда я швырнул тело чужака, было пусто. Должно быть, ветер разметал то небольшое, что от него оставалось.

Спустить коробку с отвесной скалы было нелёгким делом, и мы не торопились. Но вот мы наконец спустились. Я не мог доверить роботам поднять этот ящик на

«Лидис», где нас уже ожидал медик с патрульного корабля. Его задачей было перенести тело Майлин в наш морозильный отсек.

Каждый космический корабль имеет такой отсек, дающий возможность позаботиться о тяжелораненом, пока его не доставят в какой-нибудь восстановительный центр. Я знал, что раны у Майлин серьёзные. Но я не представлял себе, что она так искалечена. Я думал, что врач сразу же признает её состояние безнадежным и махнёт рукой на нашу затею. Ведь она представляла из себя просто окровавленный кусок спутанного меха. Но доктор почувствовал поток жизненной энергии и не был против того, чтобы смертельно раненную глассию поместили в морозилку.

Как только засовы морозильного отсека были заперты, я провёл рукой по крышке ящика. В ней всё ещё теплилась искорка жизни — настолько её воля была сильнее тела. Я не знал, как долго она сможет просуществовать в таком состоянии, а будущее представлялось мне в очень мрачном свете. Смогу ли я теперь доставить её на Йиктор? И даже если мне удастся найти след Старейших из вечно блуждающего рода Тэсса и потребовать от них нового тела для неё, дадут ли они его? И откуда они возьмут это тело? Будет ли это плоть животного, чтобы до конца исполнить приговор судьбы, который они ей вынесли? Или её вновь заключат в оболочку человека, как меня в Маквэда, тело которого находилось под наблюдением священников Умфры, пока Моластер не разрешил ему ступить на Белую Дорогу, ведущую к избавлению от невыносимых мучений.

Однако всему своё время. Я не должен позволять себе видеть во всём только тёмную сторону. Я сделал всё возможное, чтобы сохранить Майлин в безопасности. В этом морозильном отсеке та искорка жизни, что ещё теплилась в ней, будет окружена заботой людей, которые отлично знают своё дело. Часть тяжкого груза была снята с моих плеч, но большая его часть продолжала угнетать меня. Теперь я знал, что за мной остался ещё один долг, о котором вскоре снова напомнил Фосс. И я готов был сделать всё от меня зависящее, чтобы рассчитаться с ним. Поэтому я отправился в рубку управления, чтобы предложить ему одно дело.

Я нашёл Фосса, командера Патруля Бортон и медика Тэнела возле коробки, из которой врач вытаскивал проводочное кольцо. От кольца во все стороны отходили тончайшие металлические проводки, изогнутые дугой и сплетённые в форме колпака. Он держал его в руках с необычайной осторожностью, поворачивая таким образом, что яркий свет вспыхивал искорками на изгибах проводков. Когда я приблизился, капитан Фосс предложил:

— Теперь мы можем это проверить. Ворланд — наш главный эспер.

— Хорошо. Хотя я и сам обладаю четвёртой властью, — Тэнел примерил колпак на свою голову, приставив скобы кольца к вискам, и тонкие проводки сразу же затерялись в его светлой шевелюре.

— Посылай сигнал, — приказал он мне. — Самый мощный.

Я попробовал. У меня было такое чувство, что сигнал мой ударился о непробиваемую стенку. Это было неприятно, но не так мучительно, как в тот раз, когда мне пришлось лишь слегка вторгнуться в передаваемые чужаками мысли, или когда моя интеллектуальная энергия столкнулась с потоком мысли той коронованной особы. Скорее это было похоже, как будто я пытался проникнуть сквозь выставленный против меня экран.

У Бортон в руках был небольшой предмет. Теперь он во все глаза уставился на меня. Но обратился не ко мне, а к Фоссу:

— Вы знаете, его энергия выше уровня семи?

— Мы знали, что он обладает очень высокими способностями. И рейса три назад проверяли его. Тогда его уровень был чуть больше пяти.

От пяти до семи! Я этого не подозревал. Неужели такое изменение произошло под влиянием тела Тэсса? Или, может, постоянный контакт с Майлин расширил и увеличил мои возможности?

— Попробуй сам, — Тэнел протянул мне проводочный колпак, и я натянул его на голову.

Все трое наблюдали за мной, и я догадался, что Тэнел

пытается послать мне сигнал. Но я ничего не мог различить. Я испытывал лишь довольно странное ощущение, будто заткнул уши и глух ко всему, происходящему вокруг.

— Итак, он работает на седьмой степени. Но тот передатчик-чужак, который излучал через усилитель, и другой, меняющий тела, — они, должно быть, обладают ещё большей мощностью.

Бортон задумался.

— Это наш единственный шанс, — Тэнел забрал у меня колпак. Он вытащил ещё четыре, похожих на тот, что был у меня на голове. — Это тоже экспериментальные образцы. Их используют для лабораторных исследований, поэтому нам выдали их для полевых испытаний. Это счастье, что они при нас.

— Насколько я понимаю, — заметил Бортон, — у нас почти нет выбора. Единственной альтернативой может быть лишь вызов мощных вооружённых сил, которые бы разнесли все их сооружения на Сехмете в пух и прах. Но если мы это допустим, то можем потерять нечто более ценное, чем сокровища этих бандитов, — знания. Поэтому сразу откажемся от подкрепления. Мы должны действовать внезапно и не допустить, чтобы похитители тел вышли в открытый космос и начали творить там свои фокусы.

— Мы можем пробраться в их логово через кошачью пасть. Должно быть, они ещё не подозревают о наших намерениях, — предположил я. — Дорога туда мне известна.

Мы обсудили все за и против и решили воспользоваться ходом, который находился в пасти кошки. Так мы проникнем в лагерь врага внезапно, и они не смогут засечь нас заранее. Это был риск, но другого выхода у нас не было. Мы действовали впятером, потому что у нас было всего пять защитных колпаков. Капитан Фосс представлял истаившие силы Вольных Торговцев, я был проводником, затем медик Тэнел, командер Бортон и завершал нашу компанию третий из Патруля, спец по 'Х-контактам.

Патруль обеспечил нас оружием, самым сложным из того, что мне до сих пор доводилось видеть, — многоцелевым лазером, который можно было использовать и как

оружие, и как рабочий инструмент. Затем офицер-электронщик с Патрульного Катера настроил каждый лазер так, что он отвечал на нажатие пальца только того человека, для которого был предназначен. Попади лазер в чужие руки, и он разлетится на куски при первой же попытке выстрела.

Надев защитные колпаки, вооружившись такими лазерами и запасшись свежими припасами, мы снова полезли на скалы. Поскольку колпак на голове не позволял мне чувствовать приближение чужих, нам приходилось двигаться с осторожностью, подобно разведчикам в стане врага. Поэтому мы потратили довольно много времени на то, чтобы определить, не обнаружен ли клиновидный провал, сделанный мною в пасти кота. Однако прибор для определения наличия живого противника, имевшийся в распоряжении Патруля, не давал и намёка на то, что нас могла ожидать засада.

Путь по провалу я проделал первым. Как и в первый раз, пришлось ползти на животе. Протискиваясь по узкому проходу, я прислушивался и вглядывался изо всех сил.

Хотя во время первого путешествия у меня не было возможности измерять расстояния, я начинал уже волноваться. Мы наверняка уже подходили к тому месту, где я уничтожил барьер, мешавший мне проникнуть в помещение, расположенное над хранилищем тел. Но я всё полз и полз, и не видел в этот раз ничего похожего, хотя нёс с собой факел. Я всё сильнее сомневался в том, что запомнил всё правильно. Не будь у меня на голове защитного колпака, я подумал бы, что нахожусь под чьим-нибудь мысленным контролем.

Вперёд и вперёд — а двери всё нет. Стены стали сужаться, и хотя мне не приходилось протискиваться через них, как в первый раз, с каждым движением во мне росло ощущение ловушки.

Затем факел выхватил из темноты — не дверь, которую я ожидал увидеть, — а ряд выемок на стене, и дно тоннеля стало подниматься. Раньше этого н е б ы л о, но ведь я не видел никаких ответвлений от основного тоннеля. Я совершенно растерялся, но делать было нечего — только

продолжать путь. Повернуть назад нам не удастся, у нас просто нет места, чтобы развернуться.

Углубления в стене позволяли мне продолжать движение вперёд, хотя наклон увеличился. Я никак не мог понять, что же произошло. Я мог найти всему этому только одно объяснение — я находился под чьим-то мысленным контролем в п е р в ы й р а з, когда я пришёл сюда. Вопрос — почему? Может быть, это была своего рода защита от грабителей? Установки, искажающие пространство? Такие случаи бывали, подобные установки были обнаружены на Атласе, правда, очень маленькие, но они действовали и предназначались для сокрытия прохода от глаз и других органов чувств. На других мирах встречались захоронения, оснащённые самыми хитроумными приспособлениями для того, чтобы убивать, калечить или замуровывать навсегда тех, кто осмеливался исследовать их, не зная всех секретов.

Если это тот самый случай, то что же ждало нас впереди? Может, я веду наш небольшой отряд прямо навстречу опасности? Но твёрдой убеждённости в своих выводах у меня не было. Тут меня кто-то дёрнул за ногу. Резкий шёпот донёсся из темноты:

— Ну, где же это помещение со спящими чужаками, о котором ты рассказывал?

Хороший вопрос, только ответить я на него ещё не мог. Пока я не получу исчерпывающей информации, придётся увиливать от прямого ответа.

— Расстояния обманчивы, скоро мы до него доберемся.

Я старался вспомнить, рассказывал ли я им о своём путешествии во всех подробностях. Если да, то они уже должны были заметить, что что-то не так. Я попытался ползти побыстрее, и это было похоже на то, как ползёт дождевой червяк в земле.

Факел высветил в проходе резкий поворот влево. Я с трудом пробрался туда, и увидел такой же барьер, как мне попадался раньше. Облегчённо вздохнув, я сунул пальцы в отверстие и, потянув, открыл маленькую дверцу. Протиснувшись сквозь неё, я с ужасом понял, что все мои надежды рухнули. Это был вовсе не балкон над залом с

морозильными коробами. Скорее, это был ещё один коридор, намного шире прежнего, где можно было свободно идти во весь рост, но никаких дверей видно не было. Я повернулся кругом и постарался ещё раз сравнить все, что сейчас меня окружает, с тем, что я видел здесь раньше.

Конечно, если я был прошлый раз загипнотизирован, сейчас я не смогу быстро сориентироваться и сразу попасть в то место, где застыла в смертельном карауле замороженная армия. Должно быть, это была отдалённая комната, куда они случайно завели непрошеного гостя. Вероятно, колпаки Патруля вместо того, чтобы предохранять нас от воздействия нежелательных сил, сработали совершенно в ином направлении, и то, что мы видели теперь, есть не что иное, как г а л л ю ц и н а ц и я!

Я отодвинулся от входа. Один за другим в коридор протиснулись все остальные и присоединились ко мне. Капитан Фосс и Бортон первыми спросили меня:

— Где мы находимся, Ворланд?

Мне не оставалось ничего иного, как сказать правду:

— Я не знаю...

Я положил руку на тесно охвативший мою голову колпак. А что, если снять его? Вдруг тогда я увижу прежнюю картину? Мне нужен контакт, любой контакт. А колпак гасит взаимное проникновение. Выключает все органы чувств. Вместо них и рождается галлюцинация. Почти ни на что не надеясь, я повернулся к стене, прощупал кончиками пальцев её поверхность, будто прикосновение было в силах помочь мне справиться с иллюзией, развеять которую было невозможно.

Мне было отпущено совсем немного времени для этого исследования. Рука Фосса крепко обхватила меня и развернула лицом к тем, кого я сюда завёл.

— Что ты делаешь?

Разве я мог теперь объяснить им, что я оказался такой же жертвой, как и они? Что я в самом деле не представляю, что могло случиться с нами и почему?

— Это совсем не тот путь, которым я шёл здесь в прошлый раз. Должно быть, это просто иллюзия...

Я услышал резкое и неприятное восклицание Тэнела:

— Иллюзия невозможна! Колпаки бы этого не допустили!

Бортон прервал доктора:

— Существует одно простое объяснение случившемуся, капитан. Создаётся впечатление, что ваш человек просто дурачит нас всех.

Он ни разу не взглянул на меня, а смотрел всё время только на Фосса, словно отчитывая капитана за мои поступки. Фосс протянул руку к моему поясу, чтобы разоружить меня. И в этот момент я понял, что все годы нашей долгой дружбы не могут служить оправданием тому, что произошло сейчас.

— Я не знаю, кто ты теперь, — сказал Фосс, посмотрев на меня так, словно видел во мне чужака. — Но когда твоя ловушка захлопнется, обещаю тебе, что мы сумеем позаботиться о себе.

— Мы отправляемся назад? — спросил член команды Патруля, который стоял возле входа в тоннель.

— Нет, — ответил Бортон. — У меня нет никакого желания быть замурованным в том узком проходе.

Фосс сунул моё оружие себе за пазуху. Затем развернул меня, и я ещё и понять не успел, что он замышляет, как почувствовал, что командир скрутил мои руки за спиной. Мгновение спустя кисти мои были надёжно связаны. Даже когда это случилось, я никак не мог поверить, что мой капитан так легко отрёкся от меня. На Вольного Торговца это было непохоже. Что же это за командир, который таким образом обходится с членом своей команды, не дав ему никакой возможности защитить самого себя?!

— В какую сторону идти? — прошептал он мне в самое ухо, проверяя надёжность моих оков. — Где твои дружки поджидают нас, Ворланд? Запомни одно: у нас твоя Майлин. Если ты сослужишь нам плохую службу, ты больше никогда с ней не увидишься. Или твоё беспокойство о ней лишь очередная игра?

— Я не могу понять, что с нами произошло, — ответил я, уже не надеясь, что он поверит мне. — Здесь всё изменилось. Это невероятно. Мне кажется, что в прошлый раз на меня действовал гипноз, охраняющий древние

гробницы и сокровища. Это ведь не сказки. Это ведь известно науке. Уверен, один из гипнотических замков встроен здесь. Но он не сработал из-за ваших дурацких колпаков.

— Ты думаешь, мы так и поверили всему, что ты говоришь? Когда ты рассказывал нам о своём первом походе, ты упоминал зал, который показался тебе усыпальницей. Ну так веди нас туда, — недоброжелательность Фосса стала уже совсем явной.

— Зачем мне заводить вас в ловушку? Я ведь и сам иду с вами. Значит, и я в неё попаду, — это был мой последний аргумент.

— Должно быть, мы опоздали пересест в другой поезд, где нас ждали с распростёртыми объятиями, — не без сарказма ответил Фосс. — Ну, а теперь я спрашиваю тебя, Ворланд, куда нам теперь идти?

— Я не знаю.

Тогда заговорил врач.

— То, что он рассказал, похоже на правду. Вполне возможно, что он был временно одурманен, как все остальные, о ком он говорил. Теперь же колпак, надетый на голову, разрушил их влияние, — он пожал плечами. — Скажи честно, — обратился он ко мне, — моя догадка верна?

— А также объясни, если ты вышел из-под их влияния, какой тропой нам теперь идти, — добавил Бортон. — Мы на правильном пути или нет?

Бортон и третий патрульный вышли вперёд. Фосс следовал за ними, Тэнел прикрывал тылы. Коридор был достаточно широк, чтобы мы шли рядом, не отставая друг от друга. Точно так же, как повсюду здесь, в воздухе подземелья не чувствовалось недостатка кислорода благодаря какому-то оригинальному способу, хотя я нигде не замечал чего-либо похожего на воздухопроводы, через которые кислород поступал бы извне. У нас под ногами пружинил толстый слой пыли, на котором не было видно никаких следов, что доказывало ещё раз — по этому проходу давно уже никто не ходил.

Проход внезапно оборвался, выйдя на перекрёсток. В

конце каждого ответвления было по две двери, но все они были заперты. Наши факелы, бросавшие свет прямо на них, выхватили нарисованные на стене узоры. Все их я видел раньше и, должно быть, произвольно что-то произнёс, как только узнал их.

Фосс заговорил первым:

— Что это? Ты знаешь, что это такое? — он скорее обвинял меня в чём-то, чем задавал вопрос.

Теперь было отчётливо видно, что линии, образованные тонкими металлическими нитями, а вовсе не нарисованные, как мне показалось вначале, изображали точную копию кошачьей маски, которую мы видели на вершине утёса. Выпуклые глаза кошки представляли собой ярко горевшие в свете наших факелов самоцветы. На другой двери узор походил на корону чужака — ту, что напоминала животное с торчащими ушами и длинной вытянутой мордой.

— Это символы их правителей!

Тэнел подошёл к двери с кошкой и провёл рукой по контуру изображения.

— Я думаю, что она закрыта. Может, попробовать вскрыть её нашим лазером?

Бортон тоже внимательно и осторожно осмотрел оба изображения.

— Я не хочу поднимать шума. Что ты об этом думаешь, Ворланд? Ты единственный, кто знаком с этим местом. Как нам отворить эту дверь? — он посмотрел на меня, и я понял, что это очередная проверка.

Я уже собрался было ответить, что знаю ровно столько же, сколько и он, но меня опередил Фосс. Он вскинул руки к колпаку, который по-прежнему был надет на его голову. Все поняли, что он получил сигнал. Вернее, даже не поняли, а сами его почувствовали. Тэнел скривился от боли. Он заговорил медленно, чётко произнося слова, словно повторял какое-то сообщение, предназначенное для всех остальных:

— Эти... глаза...

Бортон, стоявший ближе всех к панели, закрыл ладонью сверкавшие камнями кошачьи глаза. Я хотел предупре-

дить, чтобы он этого не делал, но слово застряло у меня в горле и обожгло его. Вместо выкрика я смог издать лишь невразумительное карканье. Я бросился вперёд, всем телом наваливаясь на его протянутую руку, чтобы сдвинуть её, но Фоссу удалось удержать меня в своих мощных объятиях.

Послышался резкий скрипучий звук. Бортон опустил руку. Дверь медленно отворилась, поднимаясь вверх. Промем её был таков, что, пригнувшись, мы вполне могли войти внутрь.

— Не входите туда! — каким-то образом мне удалось выкрикнуть предупреждение. Это не причинило мне боли. Аура опасности, исходящая из отверстия, словно невидимой сетью была накинута на нас, и я никак не мог понять, почему они не чувствуют того, что чувствовал я. Но было уже поздно. Бортон прошмыгнул под дверь, так и не взглянув на меня. Его глаза были прикованы к тому, что находилось внутри, и, вполне вероятно, он шагал вперёд под влиянием чьих-то чар. За ним последовал Тэнел и Патрульный. Фосс втолкнул меня внутрь, используя всю свою силу. Я не мог сопротивляться.

Итак, я преодолел заслон с тревожным чувством приближающейся опасности, ясно осознавая, что я был всего лишь беспомощным пленником, столкнувшимся с необычайно рискованной ситуацией, выход из которой я никак не мог отыскать.

Глава 15

КРИП ВОРЛАНД

Я не знал, что нас ожидает дальше, хотя чувствовал, что место, где мы находились, было буквально пропитано опасностью. Можно было предположить, что именно здесь находится логово чудовища. Однако, когда мы вошли, нам все вокруг показалось вполне спокойным. По крайней мере, на первый взгляд. Мы были поражены тем чудом, что нам открылось. В своё время нас околдовал своей красотой

Трон Квира. Безусловно, он был замечательной красоты и очаровывал каждого, кто смотрел на него. Но по сравнению с тем, что мы увидели перед собой на этот раз, он был сродни обычной скамье в какой-нибудь забегаловке. Хотя я и не видел сокровищ храма в распакованном виде, мне показалось, что открывшиеся перед нами затмили бы их наверняка.

В комнате было светло, но это сияние излучали не наши факелы. Сокровища в зале не были упакованы, хотя вдоль стены стояла пара вместительных сундуков. Сама стена была выложена металлическими пластинками и камнями. Одна из её секций представляла собой небольшие мозаичные картинки. Казалось, будто смотришь, как из окна, на живописные миниатюрные пейзажи. Я услышал, как кто-то из нашей компании вздохнул, прежде чем затаить дыхание. Затем Бортон подошёл к центральной картинке.

На ней простиралась пустынная до бесконечности страна. Посреди песчаной пустыни возвышалась пирамида точно такой формы, как те две комнаты, что я раньше видел здесь. Только она была построена на открытом пространстве и представляла собой сооружение из гладко обработанного камня.

— Этого... этого просто не может быть! — командир Патруля рассматривал картину так, словно ему необходимо было убедиться, что он видит её наяву и глаза не обманывают его.

— Этого не может быть!

Мне показалось, что он где-то видел это сооружение.

— Просто невероятно! — но Фосс смотрел вовсе не на картину, так привлёкшую внимание командера. Он переводил взгляд с одного сокровища на другое, как будто не мог поверить в то, что это происходит с ним наяву.

Как я уже говорил, всё, что находилось в этой комнате, было расположено таким образом, будто она использовалась как жилое помещение. Раскрашенные и инкрустированные коробки стояли вдоль стены с изображениями, столь похожими на реальность, отделённые одна от другой какими-то свисающими с потолка занавесками, которые развевались от несуществующего ветерка. От поверхности

стены шёл какой-то мерцающий свет, и нельзя было с уверенностью сказать, глядя на неё, что это всё происходит не на самом деле — тени, то возникающие, то исчезающие, словно рябь на воде, или едва видимые движущиеся фигуры.

В зале стояли два стула с высокими спинками. К одному из них примыкал небольшой столик на трёх изящных ножках. На спинке другого была высечена голова кошки, на этот раз серебряная. Стул у столика был матового голубого цвета, и на его спинке был изображён довольно сложный узор чистейшего белого цвета.

Пол под нашими пыльными сапогами покрывал сложный узор на плотно подогнанных друг к другу каменных блоках: чёрные, как один из стульев, и голубые, как другой, плиты были инкрустированы большим количеством серебряных символов. На столике с тремя ножками лежали небольшие хрустальные тарелочки и кубок.

Тэнел подошёл к ближайшему сундуку. Пробежав пальцами по его отражающей свет поверхности, он приподнял крышку, и та легко подалась. Мы увидели, что сундук доверху наполнен разноцветными — зелёными и одновременно голубыми, и также тёпло-жёлтыми — отрезами материи. Это было похоже на потрёпанное одеяние. Тэнел не стал вытаскивать его.

Коробки, ящики, сундуки, два стула, столик. На стене, что была напротив двери, висела занавеска из того же материала, что и ленты на стенах. Фосс рванулся вперёд, и я старался не отставать от него. Я почувствовал, что он хочет войти за занавеску, но он не должен был идти туда!

Но я опоздал. Он обнаружил скрытый в стене проход, в который мог протиснуться только один человек. Я шёл за ним буквально по пятам, хотя мог догадаться, что его ждало за этой занавеской. Нет, я просто з н а л это!

И, зная, я готовился вдохнуть ледяной воздух морозильной камеры, в то же время не переставая думать, почему же мы не почувствовали её дыхания, находясь снаружи?

Голова и плечи женщины покоились на высокой подушке. Она лежала, устремив взгляд куда-то вдаль, сквозь хрустальную поверхность стены. Зубцы её короны раска-

чивались и сплетались меж собой, двигаясь в разные стороны. Их кончики — головки кошек — постоянно поворачивались, то оглядываясь на нас, то беспорядочно мечась вперёд-назад. И казалось, что они пытались бороться с нитями, которыми были привязаны к ободку вокруг её огненных волос. Они, словно псы на цепи, хотели разорвать их, чтобы наброситься на нас.

Если женщина эта не была заморожена, неясно было, как она не превратилась в прах за всё это время? Не может быть, чтобы она спала, глаза её были открытыми. Между тем, нельзя было уловить ни малейшего намёка на движение тела, как это бывает, если человек дышит.

— Тэнел! — Фосс не посмел двинуться дальше.

Услыхав его голос, кошачьи головы задёргались ещё сильнее, а потом и вовсе безумно заматались.

Меня кто-то резко оттолкнул, и в комнату протиснулся врач.

— Она жива? — спросил Фосс.

Тэнел привёл в действие детектор, определяющий уровень жизненной силы. Потом он что-то там подрегулировал и повторил попытку. И мне показалось, что он делает это с большой неохотой, поглядывая время от времени на кружащиеся в вихре кошачьи головы. Он высоко держал прибор перед полулежавшей на кровати женщиной, изучая его показания с сердито нахмуренными бровями. Он нажимал какую-то кнопку и вновь считывал то, что высвечивалось на приборе.

— Ну и как? Жива? — настаивал Фосс.

— Не то, чтобы жива. Но и не мертва.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал, — Тэнел ещё раз нажал кнопку, теперь пальцем другой руки. — Это никак не регистрируется. Я не знаю ни одной жизненной силы, настолько чуждой. Мой прибор не может на неё среагировать. Её не замораживали или заморозили каким-то необычным способом. Но если она всё же мертва, я никогда не встречал такого способа консервации.

— Кто мертва? — из-за занавески появились Бортон и третий Патрульный, которые замерли на месте, увидев женщину.

Я не мог больше смотреть на неё. В беспрестанном вращении нитей её короны было что-то неприятное. Движение раздражало меня, словно от этих кружившихся металлических шариков величиной с ноготок исходила какая-то гипнотическая сила. Я сделал последнюю попытку предупредить своих.

— Жива она или мертва... — мой голос показался мне резким и громким в замкнутом пространстве этого зала, — она пытается повлиять на нас! Я повторяю: она чрезвычайно опасна!

Только Тэнел посмотрел на меня. Остальные будто и не слышали. Их внимание было целиком поглощено женщиной. Затем врач ухватил за руку командера и так резко рванул её, что Бортон развернулся на сто восемьдесят градусов, оторвав наконец от неё свой взгляд. Он заморгал и стал глотать воздух, словно хлебнул полным ртом крепкой настойки.

— Уходим! — врач толкнул его ещё разок.

Бортон, всё ещё моргая, отступил назад к занавеске, натолкнувшись на Фосса. Я очутился с другой стороны капитана и навалился на него плечом, используя ту же тактику, что и Тэнел. У меня это получилось не так ловко. Но как только я отпихнул его в сторону от прямого воздействия этой женщины, он тоже как будто сразу очнулся.

В конце концов все мы оказались по другую сторону занавески, стояли там и не могли отдышаться, словно совершили хорошую пробежку. И вдруг я почувствовал, что колпак на моей голове стал нагреваться, а проводок, касавшийся виска, чуть не обжёг меня. Я увидел, что Тэнел тоже потрогал ободок, но тут же отдёрнул руку. Ко мне подошёл Фосс.

— Ну-ка, повернись.

Я подчинился его приказанию и понял, что он развязывает мои руки. Мгновение спустя они были свободны.

— Теперь я верю, — сказал он, — теперь я могу поверить во что угодно, Ворланд. После того, что я здесь увидел, я могу поверить! Она в точности такая, какой ты её описывал. И мне кажется, что она мертва.

— А как насчёт остальных? — спросил Тэнел.

— Один из них здесь, — я потёр запястье, кивнув в ту сторону, где, по всей вероятности, располагались другие комнаты. — А ещё два — на противоположной стороне. И один из них, скорее всего, захватил тело Гриса.

Бортон вновь подошёл к картине, изображавшей пирамиду.

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет. Но мне совершенно ясно, что я где-то видел это раньше и это было не на Сехмете, — обернулся Фосс. — Это имеет какое-нибудь значение для нас сейчас?

— Возможно. Эта пирамида была построена на Земле в таком далёком прошлом, что сейчас уже нельзя определить, когда. Археологи никогда не могли сойтись в общем мнении насчёт её возраста. Предполагается, что пирамида была возведена трудом рабов в те времена, когда человек ещё не приручил вьючных животных, когда ещё не было изобретено колесо. И тем не менее, её возведение было ярким примером высокого полёта инженерной мысли. Существует несметное количество теорий, пытающихся объяснить это явление, и одна из них предполагает, что размеры и необычная правильность формы пирамиды говорят о том, что её возвели посланцы далёких миров. Это не единственная постройка такого типа, а одна из нескольких. Хотя считается, что эта — самая древняя и величественная. Долгие годы думали, что пирамида является гробницей какого-то правителя. Но это предположение так и не было полностью доказано, так как гробница могла быть встроена туда намного позже. Во всяком случае, пирамида была сооружена за многие тысячелетия до того момента, когда наша раса вышла впервые в космос.

— Но останки Предтеч, — возразил Тэнел, — так никогда и не были найдены на Земле. Ни одна из исторических плёнок не содержит записей о подобных открытиях.

— Возможно, мы просто не признаём их за останки. Но, — Бортон покачал головой, — что мы вообще можем узнать из этих копированных и перекопированных плёнок, многие из которых сами становятся живой легендой?

И всё же — это тоже представляется мне довольно странным — на той земле, где расположена пирамида, — он указал на картину, — древние люди создавали портреты своих богов с телами людей и головами животных и птиц. Фактически богиней Сехмет является кошка. У Тота голова птицы, Сет обладает обликом древнего ящера...

— Но ведь и планеты, которые первопроходцы наносили на карты, были названы по традиции именами древних богов! — прервал его рассуждения Фосс.

— Это правда. Разведчики дают новым звёздам такие имена, на которые только способна их фантазия. Иногда это боги, а в последнее время они стараются придумать название посмешнее, чтобы как-то разрядить космическую скуку. Человек, который придумывал имена этой системе, должно быть, был равнодушен к истории Земли. Хотя заметно и ещё одно влияние, — Бортон опять покачал головой. — Возможно, мы никогда не узнаем правду о прошлом, потому что всегда обнаруживается, что оно полно древних нераскрытых загадок. Возьмите хотя бы наши собственные истоки!

— У нас никогда не будет возможности узнать что-либо, если мы не разберёмся с насущными задачами прямо сейчас, — парировал Фосс.

Я заметил, что он старается не смотреть на занавески, словно та, что лежала за ними, могла заставить его своими чарами вернуться к ней. Проводки моего колпака больше не жгли мне кожу, но всё равно я чувствовал себя на этом месте не очень-то уютно. Мне хотелось выйти.

— Эта корона, что у неё на голове... — Тэнел переминался с ноги на ногу, будто хотел ещё раз взглянуть на неё. — Мне кажется — это какое-то высокочувствительное передающее устройство. Что ты об этом думаешь, Лэрд?

— Вне всякого сомнения, — ответил Патрульный. — Разве ты не понял ещё, что твой колпак постоянно отражает атаки? Ещё чуть-чуть, и произойдёт замыкание от чересчур высокого напряжения. А что ты скажешь о венцах, которые носят другие? — повернулся он ко мне. — Эти другие, они живые? Они тоже лежат или могут передвигаться?

— Те, что я видел, — не передвигаются. Они совсем неподвижны.

— Я хочу взглянуть на чужака, в котором теперь находится Грис, — вмешался Фосс. — Он в следующей комнате?

Я покачал головой, не имея ни малейшего представления, как пройти в одну из внутренних комнат хрустальной пирамиды. Память подсказывала мне, что рядом с кошачьей дверью была ещё одна. А из неё надо было войти в дверь, которая была в правом углу. Затем...

Фосс не стал ждать, когда я поведу их. Он проскользнул в приоткрытую дверь, и мы поспешили за ним. Тэнел толкнул дверь с кошкой, теперь она двигалась свободнее, чем когда нам пришлось её открывать в первый раз. Фосс стал отворять вторую. Та тоже поддавалась его усилиям, но на этот раз перед нами была не комната, набитая сокровищами, а очень узкий проход, такой тесный, что там можно было с трудом пробираться только по одному. Затем последовал поворот, за которым скрывалась ещё одна задрапированная дверь.

— Эта? — спросил Фосс.?

— Нет, — я попытался вспомнить. — Следующая, как мне кажется?..

Мы протиснулись в щель между стенами и добрались до второго поворота, который располагался так, что мы теперь находились как раз напротив комнаты женщины с кошачьей короной. Нас отделяла от неё каменная стена. Здесь была ещё одна дверь, на этот раз украшенная птичьей головой. Третий поворот, и мы нашли то, что я искал, — ящера.

— Вот здесь!

Дверная панель оказалась довольно тяжела, и её нелегко было открыть, потому что нам негде было развернуться. Но в конце концов и она подалась. Фосс и я сделали всё от нас зависящее, чтобы она отворилась.

Мы снова оказались в меблированной комнате. Но мы не стали тратить время на разглядывание здешних сокровищ, поспешив вместо этого за занавеску, в дальнее помещение. Теперь я вновь смог увидеть голову с надетой

на неё короной. Человек сидел, уставив неподвижный взгляд в пространство за хрустальной стеной.

Фосс обошёл его кругом, чтобы взглянуть на лицо. Корона была неподвижна. Вокруг царили тишина и спокойствие. Перед нами было только хорошо сохранившееся тело чужака. Но я заметил, как изменилось выражение лица капитана, который явно смог прочесть что-то в глазах сидевшего неподвижно. Точно так же ужаснулся, увидев эти глаза в своё время, и я.

— Грис! — едва слышно прошептал он.

Я прекрасно понимал, в каком состоянии находится сейчас Фосс. Мне было жаль его. Но я понимал и то, что капитан должен был всё это увидеть. Я тоже заглянул в глаза Грису. Грис был в сознании. Судя по спокойному взгляду, он отдавал себе отчёт в том, что с ним произошло. Я сам дважды выдерживал переход из одного тела в другое, но оба раза это происходило с моего полного согласия и ради моей пользы. Тем не менее, если бы эти превращения происходили против моей воли, я не уверен, смог бы я остаться в своём уме.

— Мы должны что-то сделать! — слова Фосса взорвали атмосферу, как выстрел из бластера. Я понимал, что они были подкреплены той решимостью, которая всегда проявлялась в нём, когда надвигалась опасность, грозящая «Лидису» или его команде. — Ты, — обратился он ко мне, — уже испытывал переходы из одного тела в другое. Что ты можешь сейчас сделать для него?

До сих пор я был пассивным участником этой операции, превращения проделывали в основном надо мной. Майлин вдохнула меня в тело барска, когда Три Кольца Сотры обвились вокруг луны над нашими головами. Это было время, когда магические силы Тэсса становились наиболее действенными. А в обличье Маквэда я перебрался под прикрытием Умфры, где монахи этого могучего ордена могли предоставить Майлин любую помощь, в которой у неё возникла бы необходимость.

И только однажды я был свидетелем перерождения человека. Да и то в это время я был в состоянии панического страха. У меня на глазах умирала Майлин, и маленькое

существо, представитель её народа по имени Ворса, тихонько подобралось к ней и предложило своё мохнатое тело в качестве пристанища для духа Тэсса. Я видел, как двое из рода Тэсса — сестра Майлин и её родственник — пропели заклинание. И вышло так, что я тоже подпевал, хотя я не мог понять ни единого слова из их песни. Но чтобы я один проделал такое превращение?! Нет!

— Я не могу этого сделать... — я уже готов был сказать, что не посвящён, как вдруг пришло решение из моего собственного прошлого. Я бегал в шкуре барска, теперь я хожу в теле Макведа. Возможно ли такое? Если Грис постареется и преодолеет страх, который сковал его сознание после того, что с ним случилось... Если он сможет управлять своим новым телом до тех пор, пока ему не удастся вернуться в своё собственное, — мы его не потеряем. Но сначала мне необходимо было достучаться до него. А это значило, что мне нужно на время избавиться от защитного колпака.

Я объяснил всё это Фоссу, хотя и не был наверняка уверен, что смогу осуществить то, что он просит, так как мне придётся рисковать и разрушать нашу единственную защиту, подвергая всех ещё большей опасности. Но когда я дал им ясно понять, что я имею в виду, Фосс взялся за рукоятку своего лазера.

— У нас есть ещё один способ защиты. Ты знаешь, о чём идёт речь. Ну, станешь рисковать?

Рискнуть — это значило быть заживо сожжённым, если им удастся меня подменить. Нет, мне не хотелось идти на такой риск, но желания и долг человека — две разные вещи, не всегда совпадающие на протяжении его жизни. Здесь, на Сехмете, я уже однажды увильнул, по их мнению, от исполнения своего долга, долга Вольного Торговца. Наступил момент, когда мне следовало оплатить его. Я вспомнил, что Майлин была изгнана в чужое тело, потому что приняла на себя чужой долг. Теперь пришла моя очередь.

— Это — его единственный шанс.

Не раздумывая, я коснулся колпака, приготовившись снять его с головы. Они разом окружили меня с оружием

наготове и настороженно поглядывая по сторонам, будто я сразу превратился во врага. Я снял колпак...

И почувствовал необычайную лёгкость, словно освободился от непосильной ноши, которая тяжким грузом висела на мне, а я об её существовании и не догадывался. С минуту я колебался, чувствуя, должно быть, то же самое, что и человек, выходявший на арену где-нибудь в Спарте, один на один с дикими зверями. С какой стороны ждать нападения? К тому же, как мне казалось, стоявшие вокруг меня напряжённо ожидали каких-то ужасных превращений во мне.

«Грис?!» — осознание того, что время ограничено, заставило меня включиться в работу немедленно. — «Грис!...» — я никогда не был близким другом этого несчастного пленника. Но мы долгое время жили на одном корабле, мы столько раз тянули жребий, кому из нас отстраивать сигнальные огни, столько раз ходили вместе в увольнение. Это именно он впервые рассказал мне о Майлин, что и кто она есть. И теперь я сознательно концентрировал в своём мозгу воспоминания о нашей дружбе, чтобы зарядить послание большей энергией.

«Грис!...»

И вдруг я услышал:

«Крип... Ты можешь... Ты меня слышишь?»

Невероятное везение!

«Да! — и я сразу перешёл к сути дела, сознавая всю его важность. — Грис, ты можешь управлять этим телом? Заставить его слушаться тебя?» — вопрос был задан как нельзя лучше, чтобы заставить его преодолеть собственные страхи и переступить невидимый барьер. Теперь он должен был попробовать сдвинуть эту свою новую оболочку. Его мозг был теперь приборной доской, управляемой роботом. У меня имелись определённые сложности, когда я привыкал к телу животного. По крайней мере, хоть это ему это не грозило, так как чужак, на наш взгляд, относился к гуманоидным существам.

«Ты можешь управлять телом, Грис?»

Он был удивлён вопросом. Я знал, что он никогда не задумывался над этим. Первоначальный ужас, охвативший

его после того, как всё это с ним случилось, заставил с самого начала думать, что уже ничего предпринять нельзя. Он считал себя абсолютно беспомощным. Я обладал кое-каким опытом перевоплощения, да ещё благодаря Майлин, которая была сведуща в этих делах, знал, что, когда он был захвачен в плен, его способность мыслить была парализована. Незнание всегда несёт с собой сильный страх. Это особенно заметно у представителей моего вида.

«А смогу ли я?» — повторял он, словно ребёнок.

«Постарайся! Сконцентрируйся! — приказал ему я. — Твоя рука, твоя правая рука, Грис. Подними её, прикажи ей подняться!»

Его руки покоились на подлокотниках стула. Голова не двигалась вовсе, но взгляд оторвался от моего лица, и было видно, с каким усилием он старается увидеть свои руки.

«Двигай ими!»

Он сделал невероятное усилие. Я поспешил добавить к нему свою энергию. Пальцы слегка дрогнули...

«Двигай!»

Рука поднялась, не переставая дрожать, словно она лежала столь долгое время без движения, что её мышцы, кости, плоть с трудом повиновались воле разума. Но она поднялась, сдвинулась немного в сторону от подлокотника, качнулась и беспомощно упала ему на колени. Он всё же сумел заставить её пошевелиться!

«Я... Я сделал это! Но я очень... слаб... очень...»

Я взглянул на Тэнела.

— Может, тело нуждается в каких-нибудь тонизирующих средствах? Возможно, в тех же, что мы используем при размораживании?

Он нахмурился.

— У меня нет оборудования для такого восстановления.

— Но у тебя должно быть что-то в полевой аптечке, какой-нибудь укол для стимулирования деятельности мышц.

— Нарушение метаболизма... — промямлил он и, достав свою полевую аптечку, расстегнул её. — Мы не знаем, как отреагирует на это чужое тело.

«Скажи ему... — мысль Грисса была безумна. — Пусть попробует что угодно! Лучше умереть, чем оставаться в таком состоянии!»

«Тебе ещё рано умирать», — возразил я.

Тэнел держал в руке запечатанный в стерильную упаковку шприц. Он наклонился над сидящим на стуле телом и воткнул иглу в голую грудь чуть выше того места, где у человека должно располагаться сердце. Сразу, по крайней мере, никакого отторжения не произошло. Казалось, лекарство приемлемо.

Тело конвульсивно дёрнулось, по нему пробежала видимая для глаза дрожь.

«Грис!!»

«А-ах!» — никакого мысленного сигнала, только ощущение боли или, может быть, страха. Неужели Тэнел был прав, и стимуляторы, разработанные для представителей нашего вида, опасны для других?

«Грис!» — я поймал его руку, которую ему удалось с таким трудом поднять, и зажал её между своими ладонями. Только это удержало её от спазматических движений. Вторая рука тоже оторвалась от поручня и сделала резкий взмах в воздухе. Он выбросил вперёд ноги. Всё тело его изогнулось, словно пытаюсь подняться...

Теперь стало оживать и замороженное, застывшее лицо. Рот то открывался, то закрывался, словно он пытался что-то выкрикнуть, но с онемевших губ не слетало ни звука. Сами губы вдруг потемнели и скривились в гримасе загнанного зверя.

— Это его убьёт! — Фосс выбросил вперёд руку, пытаясь вырвать шприц из тела Гриса, но доктор поймал его за запястье.

— Оставь его в покое! Если сейчас прекратить вливание, то вот это точно у б ь ё т его!

Я схватил и вторую его руку и крепко сжал их обе, пытаясь одновременно проникнуть в его мысли, скрываемые за вымученной гримасой лица.

«Грис!»

Он не отвечал. Тем не менее спазмы уменьшались, да и лицо уже не выглядело искажённой маской. Но я не мог определить, было ли это хорошим или дурным предзнаменованием.

«Грис?»

«Я... здесь...» — мысленный ответ был таким вялым, что напоминал несвязную, плохо различимую речь.

«Я... всё... ещё... здесь...»

Я отметил про себя, с каким безрадостным удивлением он это произнёс, словно сам не мог поверить, что это так.

«Грис, ты можешь двигать руками?» — я немного ослабил пожатие, выпуская его руки, и положил их ему на колени.

Они больше не вздрагивали и не тряслись. Он медленно поднял их на уровень груди и задержал прямо перед собой. Пальцы сжались в кулаки, затем вновь распрямились. Он стал их сгибать, один за другим, словно проверяя, как они работают.

«Я могу! Дайте... дайте мне встать!»

Он упёрся руками в подлокотники. Я видел, с каким трудом он пытается заставить тело удерживаться на ногах. Когда же он этого добился и выпрямился, слегка покачиваясь из стороны в сторону, стало заметно, что он только чуть-чуть придерживался за спинку стула. Тэнел в один миг очутился рядом с ним, а я подбежал с другого бока, подхватывая его под руки. Он сделал несколько неуверенных шагов, с каждым следующим движением ступая всё твёрже.

Шприц со стимулятором отвалился от его груди и упал, как только он набрал полные лёгкие воздуха и ровно и глубоко задышал. У меня появился ещё один повод восхищаться совершенством его тела. Точно вдруг ожила какая-нибудь скульптура идеальной формы и пропорций. Он оказался выше всех нас на голову, и мышцы двигались всё свободнее и раскованнее под его бледной кожей.

— Дайте мне пройти самому, — он произнёс это уже не мысленно, а вслух. В его голосе и тоне оставалась ещё некоторая вялость, неуверенность, но нам несложно было понимать его. Мы отпустили его, но встали рядом наготове, если бы вдруг понадобилась наша помощь. Он прошёлся взад и вперёд, шаги его были теперь достаточно ровные и сбалансированные. Затем он присел на стул передохнуть, приложил обе руки к голове и, сняв с неё нелепую корону, отшвырнул её подальше, так что та зазвенела, покотившись по полу.

На голове его совсем не было волос, как и у того, что лежал в морозильном ящике на скале. Он несколько раз провёл руками по бритому черепу, словно желая удостовериться, что короны на нём больше нет.

— У меня получилось! — в его словах прозвучала гордость. — Получилось, как ты и предполагал, Крип. И если я это смог, они тоже так сделают!

Глава 16

КРИП ВОРЛАНД

— Что за ОНИ? — спросил Фосс.

— Лидж и Патрульный офицер. Они находятся там! — Грис повернулся в сторону прозрачной стены, показывая на двух чужаков. — Я видел, как их привели сюда и заставили стать другими. То же произошло до этого и со мной.

— Интересно, зачем им это нужно? — сказал Тэнел. — Если даже нам удалось возродить это тело, почему они не сумели этого сделать? Зачем кого-то ловить, похищать чужие тела?

Грис потёр лоб рукой.

— Мне кажется, они слишком дорожат своими телами и не хотят ими рисковать.

— Это их настоящие сокровища! — грубо рассмеялся Фосс. — Они берегут их. Зато тела других используют для чёрной работы, рискуют ими, зная, что если произойдёт несчастье, они в любое время смогут вернуться в ту плоть, которую оставили. Они расчётливы и хладнокровны, жестоки, как хищные ночные дьяволы! Ну, да ладно, пойдёмте посмотрим, что мы можем сделать для Лиджа и вашего человека.

Бортон перегнулся через спинку стула, пытаясь достать корону, которую отшвырнул Грис.

— Не делайте этого!

Одним прыжком Грис преодолел расстояние, отделявшее его от короны, и с ненавистью пнул её ногой.

— Это — своего рода датчик, при помощи его они узнают, что происходит с телом, — объяснил он свой поступок.

— Но раз ты разбил его, — ткнул я пальцем в расколотую корону, — они могут что-нибудь заподозрить и прийти проверить, всё ли в порядке...

— Но это всё равно лучше, чем дать им возможность наблюдать за мной, — возразил Грис.

Если это действительно был передатчик, то нас наверняка засекли. Времени было в обрез.

— Надо как можно быстрее освободить остальных, — сказал Бортон.

— Который из них Лидж? — спросил Фосс, направляясь к застывшим мумиям.

— Слева.

Стало быть, тот, что в короне, похожей на птичью голову.

Мы вышли в переднюю. Грис распахнул один из сундуков, словно абсолютно точно зная, что собирается там найти, вытащил оттуда аккуратный свёрток и встряхнул его, после чего натянул на своё обнажённое тело тесно облегающий фигуру костюм насыщенного чёрного цвета, а за ним и остальное обмундирование, включая ботфорты, перчатки, пристёгнутые к запястьям, и капюшон, болтавшийся на спине меж лопаток.

Наряд показался нам весьма странным. Мрачный чёрный цвет создавал ощущение расплывчатости его форм, отчётливо были видны только голова человека и его руки. Вероятно, это был просто оптический обман. Мне показалось, что если Грисс наденет перчатки и капюшон, его вообще невозможно станет разглядеть в сумерках.

— Откуда ты узнал, что здесь находится этот костюм? — спросил Бортон, внимательно наблюдая за действиями Гриса.

Грис, застегивавший последний замок своей одежды, остановился, кончиками пальцев продолжая держаться за выступающий шов. По его правильному красивому лицу пробежала тень удивления. Он пожал плечами.

— У меня такое чувство, что я давно знаю, где он лежит, и мне необходимо надеть его.

Наверное, только я один понял, в чём дело. Дало знать о себе явление смены форм — атавизм, сознание прежней личности, покинувшей в результате определённых действий это тело. Интересно, догадывается ли об этом сам Грис, или нам ещё не раз придётся наблюдать в нём проявления чего-то чужеродного? Должно быть, Тэнел размышлял о чём-то подобном, так как вдруг спросил:

— Что ты знаешь о поведении чужаков?

Удивление Гриса граничило с неловкостью.

— Ничего! Я и подумать не успел, что мне нужна одежда. Только вдруг понял, где можно её найти. Просто понял — и всё!

— Интересно, часто ты теперь будешь «просто понимать»? — задумчиво проговорил Бортон, глядя скорее на Тэнела, нежели на Гриса, будто именно от врача ожидал ответа.

— Мы теряем время! — Фосс уже стоял в дверях. — Нам нужно добраться до Лиджа и Харкона! И успеть выбраться отсюда, пока никто не явился посмотреть, что случилось с Грисом.

— А как насчёт моего колпака? — поинтересовался я.

Тэнел передал его Патрульному. Мне вдруг ужасно захотелось спрятаться, защититься от всего, что произойдёт дальше. Патрульный протянул мне колпак, и я со вздохом облегчения натянул его на голову, хотя сразу же вновь ощутил на себе груз непосильной ноши.

Мы пробрались по узкому коридору в следующий зал, где на кушетке полулежал ещё один чужак в короне.

Освобождая второго «пленника», я действовал теперь с большей уверенностью, что, в общем, было не очень трудно, потому что Джел Лидж и сам обладал эсперной силой.

Затем мы освободили Харкона. Но я не был уверен, что Бортон очень обрадовался пополнению наших сил. Оба они, отбросив свои короны, тут же стали рваться отомстить тем, кто похитил их тела. Мы не знали, что из себя представляют противники, и вовсе не были уверены, что освобождённые смогут с ними вступить в рукопашную.

Мы вернулись к двери с изображением кошки. Здесь я

немного замешкался, изучая маску-символ. Трое мужчин и одна женщина — кто они? Правители? Священники и священница? Учёные из других времён и миров? Почему они были оставлены здесь?

Было ли это хранилище, вроде наших морозильных камер, и люди, заключённые в нём, переживали, чтобы явиться в другие времена, опасаясь политических катаклизмов, или их сюда поместили насильно?

И тут мне показалось, что кошачьи глаза-самоцветы засверкали злым светом, самодовольно глядя на нас. Холодное неживое сияние излучало высокомерие, будто то, что стояло за ним, пыталось показать, что мы со всеми нашими знаниями невежественны и достойны одного лишь презрения. Глубоко во мне загорелась искорка гнева. Я отнюдь не недооценивал то, что находилось за этой дверью, и только ждал подходящего момента, чтобы применить свои способности и энергию.

— Теперь куда? — спросил, осматриваясь, Бортон, словно ожидая вспышки сигнального огня.

— Надо отыскать остальных наших людей, — решительно заявил Лидж. — Их захватили в плен и держат где-то неподалёку.

Слово «неподалёку» вовсе не могло помочь сориентироваться в этих подземельях. Наверное, и Фосс понял это, потому что спросил:

— Надо немедленно выяснить, где они.

На сей раз ответил Харкон.

— Не где ОНИ, а где находятся НАШИ тела — это сейчас необходимо узнать. Прежде всего.

— Думаешь, это возможно? — спросил Тэнел.

— Да. Хотя вполне допускаю, что возможны ещё превращения...

— С чего это ты взял? — перебил его доктор.

— Не знаю. Просто уверен. Как уверен в том, что тело Харкона находится вон там, — без малейшего колебания он показал на правую стену коридора.

Но поскольку мы были не в состоянии просочиться прямо сквозь твёрдую каменную породу, воспользоваться его информацией не представлялось возможным. Хода же туда никакого не было.

Харкон глядел на глухую стену, нахмутив брови, и был так поглощён её созерцанием, что со стороны могло показаться, будто он видит, как проникнуть сквозь неё, хотя нам она казалась абсолютно монолитной.

Спустя минуту он отрицательно покачал головой:

— Нет, не совсем здесь, немного дальше, — и, подойдя ещё ближе к стене, принялся ощупывать поверхность, словно прикосновением пальцев пытался определить, где находятся двери. Харкон был так увлечён изучением камня, что даже мы почувствовали концентрацию его мысли, хотя я и не ожидал от этих поисков особых результатов. Наконец он остановился и резко хлопнул ладонью по камню:

— Здесь! Если бы мы только могли отворить их!

— Отойди в сторону! — словно решив проверить его способности, командер нацелил оружие на то место стены, куда указал Харкон, и выстрелил.

Оружие обладало огромной разрушительной силой, увеличенной, вероятно, ещё и тем, что мы находились поблизости от цели. Через мгновение в неприступной стене уже зияло чёрное отверстие. Прежде чем мы успели остановить Харкона, он уже проскочил в него.

Последовав за ним, мы очутились в совершенно новом коридоре, слабо освещённом тусклым светом. Не колеблясь ни минуты, Харкон помчался по нему такими огромными скачками, что мы едва поспевали за ним.

Проход оказался не очень длинным, и вскоре мы попали в галерею, проходившую под самым потолком пирамидальной пещеры, которая была раза в три больше тех, какие мне уже приходилось видеть. С козырька, куда мы выскочили, хорошо было видно всё, что творилось внизу. А там располагилось невероятное количество машин и разного оборудования, каких-то устройств, которые распаковывали и вытаскивали из коробок роботы. Детали поднимались вверх подъёмными кранами и перегружались на транспортёры, которые, кстати, перемещались вовсе не на колесах.

— Антиграв! — воскликнул Бортон, перегнувшись через край. — Они используют антиграв для передвижения в этих маленьких агрегатах.

Мы знали, что такое антигравы. Но его принцип не мог быть использован в двигателях. Антигравы, в основном, встраивали в здания, чтобы транспортировать предметы с одного этажа на другой. А здесь транспортёры с тяжёлой ношей двигались стройными рядами через дугообразный проход в противоположной стене.

— А где же оператор? — удивился Патрульный офицер, который стоял позади Бортон.

— Дистанционное управление, — предположил Фосс.

Оживлённая деятельность сама по себе не произвела на нас особого впечатления. Но зато теперь Фосс был почему-то совершенно уверен, что нам нечего бояться. Подумав минуту, он решительно заявил:

— Это запрограммированные роботы.

Запрограммированные роботы! Сложность происшедших на Сехмете процессов с каждым нашим новым открытием становилась всё более очевидной. Программные роботы — это не просто роботы-работяги, контролируемые приборной панелью, которых мы немало видели ранее и достаточно широко использовали сами. Эти были намного сложнее, требовали более высокого уровня технического обслуживания, что делало их совершенно непригодными в примитивно развитых мирах. Таких ещё не находили на приграничных мирах. И тем не менее они существовали здесь и работали на расстоянии в сотни световых лет от тех цивилизаций, где их производили. Одна только выгрузка их здесь, а затем подготовка к работе была невероятно сложным делом...

— Ну, что — двинемся в укрытие бандитов? — спросил Фосс.

— Взгляните-ка! — Бортон всё ещё смотрел вниз. — Это же склад, который чрезвычайно систематизированно опустошается. Только кто же его построил?..

— Предтечи! — ответил Лидж. — Правда, машины были привезены сюда потом.

— Нечто похожее было найдено на Лимбо, — вступил в разговор Бортон. — Но там оборудование было просто позабыто и не вывезено с планеты, а здесь как будто законсервирована целая цивилизация вместе с людьми и

машинами. Впрочем, Предтечи были не единственной цивилизацией и даже не одним каким-то племенем. Спросите закатан, и они приведут вам с десяток примеров, доказывающих, что вселенная — это кладбище затерянных рас и народов, некоторые из которых поднимались на такую высоту, какой нам никогда не достичь. Что касается этих машин, то было бы неплохо заставить их заниматься здесь другой работой.

Охотой за драгоценностями нас не удивить. Подобное мы имели удовольствие наблюдать на Тоте. Да и во всех уголках вселенной время от времени случаются счастливые находки. Закатане, эта древнейшая, необычайно образованная раса рептилий, чьей страстью была аккумуляция знаний, имеют целые библиотеки, хранящие сведения о забытых, давно канувших в Лету цивилизациях. Они направляли свои археологические экспедиции в далёкие миры на поиски сокровищ, к которым причисляли не только содержимое гробниц и припрятанное в заброшенных руинах добро, но и знания, записи тех, кто оставил нам следы прошлых цивилизаций.

Экспедициям людей тоже ингда удавалось совершать подобные открытия. Патрульный упомянул Лимбо — поразительную находку Вольных Торговцев в довольно давнее уже время.

Драгоценности этой планеты пока не появлялись на космическом рынке, иначе её уникальности давно стало бы известно. Ведь слухи о редких находках распространяются невероятно быстро и широко.

— Скорее всего, — размышлял Фосс, зачарованно не отрывая глаз от антигравов, выплывавших из складского помещения, — этот грабёж начали пираты, может быть, даже Гильдия. Но теперь, похоже, кто-то другой пытается завладеть здешним добром.

— Да, пожалуй, — быстро и сухо согласился Лидж. — И вполне возможно, что подлинные его хозяева уже идут по следу пиратов, — он поднял обе руки к своему лысому черепу и потёр пальцами кожу. На лбу у него всё ещё красовалась отметина от тяжёлого обруча.

— Ты имеешь в виду... — начал было Бортон.

— А что тут странного? — Лидж повернулся к нему. — Мы же помещаем людей в морозильные камеры на много лет. Я даже не знаю точно, каково было самое длительное замораживание, окончившееся успешным воскрешением. Может быть, и эти проснулись, чтобы начать новую жизнь, как раз с того момента, с какого покинули прежнюю. И, наверное, есть у них собственные планы действий... К тому же, у них явно имеются секреты, которые они тщательно оберегают от посторонних. Спроси своего парня, Харкон, как объяснит он то, что случилось с нами троими?

— Но ведь не все, кто здесь хранился, остались живы. По крайней мере, тот, в коробе, наверху в долине, — попытался возразить я и тут же почувствовал неубедительность своих доводов. У Лиджа на сей счёт имелись более веские аргументы:

— Возможно, большинство из них и в самом деле умерло, именно поэтому им понадобились тела живых людей. Кто знает! Но — держу пари! Эти трое, что управляют сейчас процессом погрузки, и есть те парни, которые перебрались в нашу плоть.

Харкон подвинулся ближе к краю площадки, рискуя свалиться, и заговорил сиплым сухим голосом:

— Ты можешь остановить их лазерным лучом?

Я не совсем понял его замысла, но Бортон сразу же поддержал идею.

— С такого расстояния — сложно... — стал прикидывать он.

— Сложно или нет, но попробовать надо. Дай взглянуть на твой бластер!.. — протянул руку Харкон.

Колебался ли Бортон, прежде чем передать ему оружие? Не знаю. Но если и колебался, я вполне мог его понять, потому что у меня самого где-то в подсознании шевелилась тень подозрения к этим трои́м. Нелегко привыкнуть к телесным превращениям, даже тому, кто хоть немного знает о Тэсса.

Однако Бортон, судя по всему, был склонен доверять пилоту и передал ему свой лазер. Харкон припал спиной к круто поднимавшейся стене и согнулся над тяжёлым оружием. Он щёлкнул затвором, проверив, насколько хватит заряда, затем, настроив оптический прицел, припал

к окуляру, выбирая жертву. Слева от него находился робот, перегружавший металлический контейнер на один из ожидающих рядом транспортёров. Хорошенько прицелившись, Харкон нажал на спуск.

Раздались резкие щелчки, как удары хлыста, сопровождавшие вспышки молнии, которые окружили большую несуразную башку робота. Тот к тому времени как раз обмотал контейнер гибким тросом и приготовился переместить подвешенный груз на платформу, но, так и не осуществив своё намерение, застыл на месте с болтавшей-ся в воздухе металлической ношей.

— Неплохо вышло! — чуть ли не взвизгнул Бортон.

Пилот, не мешкая, прицелился в следующего робота и таким же образом вывел из строя и его.

— Итак, ясно, что мы вполне можем справиться с ними, — сказал Лидж. — Но как нам поступать дальше? — он немного помолчал, а затем поймал Бортон за руку. — А можно ли будет их потом восстановить?

— Надеюсь, да.

Роботы, которых я знал и которых мы обычно использовали, были непосредственно управляемыми оператором. Вольные Торговцы посещали только наиболее отсталые в своём развитии миры, где существовало очень простое в обращении оборудование, если оно вообще применялось. Но я совершенно не знал, как можно перепрограммировать таких сложных роботов. Однако наши знания нельзя сравнивать с опытом и сноровкой членов Патруля. В связи с этим я не удивился, что Бортон и Харкон всё-таки рассчитывали заставить работать на нас покалеченные машины. Но каким образом?

В этом ещё предстояло разобраться. Когда шесть роботов были обезврежены, мы спустились вниз с верхней площадки. Антигравы продолжали тихо и спокойно плыть в заданном направлении, только последние из них были нагружены до половины: их не успели загрузить. Фосс и Патрульный офицер развернули свои лазеры в сторону двигательной системы ближайшей машины. Транспортёры рухнул на пол с таким грохотом, что от падения задрожали даже каменные стены.

Патрульные выбрали одного из близлежащих роботов. Харкон сразу же принялся ковыряться в его защитном корпусе, прикрывающем «мозги». Меня же больше заинтересовали транспортёры. Это были овальные металлические платформы с невысокими бортиками для удерживания груза на месте. Сила, заставлявшая их двигаться, исходила из небольшого ящичка в торце машины. Принцип движения этого механизма так и остался для меня загадкой.

— К нам что-то приближается! — предостерегающе выкрикнул Грис, и мы все повалились на землю.

Из темноты прохода выкатился пустой транспортёр, спешивший за очередной партией груза. Фосс уж было собрался расстрелять машину, но Лидж остановил его.

— Он нам может ещё пригодиться, — заявил суперкарго. Одним прыжком очутившись у транспортёра, он ухватился за борт и запрыгнул в него. Машина даже не замедлила своего движения, уверенно направляясь к коробкам, и остановилась возле неподвижного робота, всё ещё державшего на весу между крепёжными подвесками упаковку с грузом.

Лидж склонился над приборной доской, пытаясь разобраться в системе управления, пока мы вскарабкивались за ним на транспортёр. Пустая платформа слегка наклонилась, когда мы все запрыгнули на неё, и стало ясно, что надо быть поосторожнее, чтобы не перевернуться.

Лидж рассуждал вслух:

— Или этот транспортёр приходит в движение, когда на его борту оказывается необходимое количество груза, или мотор его включается и выключается в определённое время. Если всё зависит от времени, это более рискованно, так как мы должны будем либо как-то отключить его, либо позволить ему двигаться. Но если он приходит в движение от определённого веса...

— Тогда мы его используем, — подхватил Фосс.

Я догадался, что они замыслили. Нагрузить коробки по краям транспортёра, затем занять места внутри и без всякого риска выехать наружу на этом замечательном средстве передвижения.

Конечно, мы можем попасть прямо в руки врага, но момент неожиданности будет на нашей стороне.

— Время пошло, — объявил Фосс.

Я огляделся вокруг. Из темноты появился второй пустой транспортёр и направился не туда, где стояли мы в ожидании неизвестно чего, а на погрузочную площадку, где Патрульные вскрывали корпус одного из роботов.

— Берегись!

Патрульные бросились врассыпную, в то время как транспортёр лихо развернулся, едва не задев руку робота, всё ещё державшую на весу немалый груз. Затем платформа остановилась в ожидании погрузки. Парни поднялись и стали изо всех сил дёргать короткого и толстого робота, пытаясь оттащить его в более безопасное место, где они смогли спокойно ковыряться в нём, не боясь быть сбитыми очередным транспортёром.

Лидж продолжал изучать коробку с двигателем. Он, правда, уже не пытался разыскать какую-нибудь кнопку или ручку управления. Фосс приказал нам считать вслух, и мы все яростно отсчитывали секунды и минуты, напряжённо ожидая, что транспортёр двинется. Однако тот стоял неподвижно, словно чего-то ожидал. Я услышал, как капитан вздохнул с облегчением.

— Сто! — повторил он вслух. — Если не тронется при счёте пять, значит...

По его губам можно было понять, что он считает. Транспортёр не шевельнулся.

— Ну и отлично! Значит, он тронется после того, как его загрузят.

Пока мы считали, из прохода с шумом выкатился ещё один транспортёр. Вместе с испорченными их насчитывалось уже шесть. Сколько же их всего? И как скоро появится кто-нибудь, чтобы взглянуть, почему ни один из транспортёров не возвращается?

Фосс и Лидж подошли к одной из нагруженных платформ, которые мы вывели из строя. В обязанности суперкарго входит осмотр груза, определение на глаз его размеров и веса для правильного размещения на корабле. Лидж был классным экспертом в этом деле. У меня такого опыта не было, но всё же под его руководством и я мог с

достаточной точностью определить вес груза, расположенного сейчас на платформе.

Определив на глазок требуемый вес, мы вместе двинулись вдоль наваленных вокруг коробок, отбирая такие, чтобы за ними не было видно пассажиров опасного рейса. Погрузить нужно меньше той нормы, что они везли обычно, потому что к весу коробок прибавится и наш вес.

Отобрав несколько подходящих ящиков, мы принялись закидывать их на платформу. Грузить приходилось вручную, и это было очень трудно ещё и потому, что нам приходилось выполнять такую работу впервые. Однако в стрессовых ситуациях человек способен на поступки, которые в привычной обстановке кажутся невозможными. Мы расставили отобранные коробки вдоль бортов транспортёра, оставив между ними достаточно места. Бортон, осмотрев работу, одобрительно кивнул.

— Давайте-ка заставим одного из мальчиков поработать, — кивнул он в сторону роботов, — и тогда нам удастся побыстрее завершить дело.

Я не видел, как он перепрограммировал грузчика. Да и времени не было наблюдать, как он с ним возится, — мы занимались погрузкой. Но вот послышалось жужжание заработавшей машины. Робот опустил наконец свою поднятую руку, а вместе с ней и коробку, которую до сих пор держал на весу. Машина развернулась на своих гусеницах и направилась к широкому выходу.

— Пора... — Харкон подошёл ко второму роботу, словно собирался использовать и его тоже. Но сразу же схватился за голову. — Время вышло! — воскликнул он. — Если мы собираемся что-то предпринять, то должны сделать это немедленно!

Глава 17

КРИП ВОРЛАНД

Некоторое время нам навстречу не попадалось ни одного транспортёра, но Грис, Лидж и Харкон — все

повернулись в сторону выхода, будто слышали оттуда чей-то зов.

— Те, кто носят наши тела, чем-то встревожены, — сообщил Харкон Бортону. — Мы должны поторопиться, пока внезапность работает на нас.

Бортон запустил робота, и тот, став нашим проводником, двинулся вперёд по направлению к двери. Мы бросились к транспортёрам. Они осторожно, бочком отъехали от разгрузочной площадки, постепенно набирая скорость, и я чуть было не закричал от радости. Наши расчёты полностью оправдались — как только на платформу был заброшен груз определённого веса, транспортёры тронулись с места.

Но как мы ни старались, а не могли поторопить громко шагавшего впереди робота, неспешно продвигавшегося в глубь скалы. Мы не решались подойти к нему вплотную, так как, двинувшись, робот словно ожил. Он стал размахивать длинными, на шарнирах, руками, переходящими в хватающие клешни. Ещё у него были гибкие щупальца — два сверху и два снизу. И теперь все эти придатки яростно рубили воздух, раздавая хлесткие удары направо и налево.

Хотя люди стали зависеть от машин, состоящих у них на службе так давно, что только закатане могут теперь назвать точную цифру этих занесённых пылью времени лет, я всё же думаю, что в глубине каждого из нас прочно сидит страх и предчувствие, что в один прекрасный день, при соответствующих обстоятельствах, машины взбунтуются и пойдут против людей, разрушая всё на своём пути в безумстве мщения. И неслучайно ещё много лет назад было обнаружено, что роботы, которым придавали слишком уж человеческий облик, не пользуются большим спросом. Даже слабое сходство с человеком вызывало раздражение и отвращение.

И вот теперь, лёжа рядом с Фоссом и Лиджем на платформе и наблюдая за безумными движениями робота, который, казалось, совершенно спятил, я радовался, что наш транспортёр катился не сразу вслед за свихнувшейся машиной, а на безопасном расстоянии. Чем дальше я буду находиться от этого металлического монстра, готового

повергнуть в прах любого, кто подвернётся ему под руку, тем лучше.

— Они уже совсем близко, — я едва расслышал слова Лиджа сквозь звон железяк робота.

— Как близко? — поинтересовался Фосс.

— Прошу извинить, но я не могу быть точным до метра, — сухо пошутил, как это бывало раньше, Лидж. — Я только знаю, что моё тело недалеко. Моё тело! Скажи, Крип, — повернулся он ко мне, — тебе хоть раз доводилось стоять в сторонке и наблюдать за самим собой там, на Йикторе?

Да, нечто подобное мне пришлось испытать. Правда, разница была невелика. Адаптация к телу животного вызвала у меня невероятное напряжение, я был больше сконцентрирован на размышлениях о своих чувствах, чем на заботах о том, что же произошло с моим телом, которое так срочно пришлось сбросить.

— Да, я видел своё тело со стороны, но совсем недолго, — отозвался я. — Это люди Озокана забрали меня, то есть — его, и унесли. И с того самого момента мне весьма долгое время пришлось рыскать в шкуре барска.

— По крайней мере, мы этого не испытываем, — заметил Лидж. — Тяжело, конечно, привыкать к новой оболочке, но надо признаться откровенно, она обладает и некоторыми преимуществами над моею собственной. Исчезли многие болячки и недомогания, преследовавшие меня в последнее время. Это вовсе не означает, что я и дальше готов оставаться в арендованной робе. Боюсь, что тут я слишком консервативен.

Я был просто восхищён тем, что мой непосредственный начальник столь оптимистично и спокойно воспринимает ситуацию, способную лишить не только равновесия, но и рассудка менее сдержанного в проявлении своих мыслей и чувств человека.

— Надеюсь, — продолжал Лидж, — тот, кто носит сейчас моё тело, не очень-то склонен к героическим поступкам. Будет большим огорчением для меня, если он вдруг вдребезги разобьёт моё тело прежде, чем я успею в него вернуться.

Этимися словами он воскресил мои собственные пережи-

вания. Я вспомнил Майлин. Её теперешнее тело уже неспособно выжить и недолго протянет, если мы извлечём Майлин из морозильной камеры. И сможет ли она сохраниться в нём до тех пор, пока мы не доставим её на Йиктор? Я пытался поразмышлять о том, как бы нам завершить это путешествие без особых потерь, а между тем свет впереди становился всё ярче.

Бряцая железом, сумасшедший робот ковылял прямо на свет. За роботом шёл первый транспортёр, следом тащился наш, безо всякого вмешательства и руководства со стороны. Мы были вооружены и находились под прикрытием бруствера из коробок, выложенных по всему периметру платформы, но теперь наше укрытие уже не казалось таким надёжным, как несколько минут назад.

Мы попали в новый зал, в котором находилось множество вещей, перевезённых сюда со склада. Между наваленными коробками и упаковками сновали обычные роботы, сортируя и отправляя груз на лебёдке в грузовое отделение корабля. Одного беглого взгляда хватало, чтобы понять, что мы теперь находимся на той же стартовой площадке и видим тот же самый корабль, который я и Майлин обнаружили, выбираясь из подземных лабиринтов. Как же давно всё это было! Мы подкреплялись сухим пайком, глотали пилюли, поддерживающие жизненные силы, совершенно потеряв счёт времени. С помощью стимуляторов и тонизаторов человек может долго продержаться, не думая, что ему не мешало бы немного отдохнуть.

Транспортёры наши продолжали медленно плыть вперёд, а робот стал вести себя совсем вызывающе. Он пёр напролом и даже не пытался обходить попадавшиеся ему на пути предметы. С треском разрубая металлическими клешнями воздух, он раздавал тумаки направо и налево. Врезавшись в платформу, ожидавшую погрузки, он смёл стоявшие на ней коробки, некоторые из них тут же расплющив своими массивными гусеницами.

Сюрприз удался полностью. Я услышал крики, увидел огонь лазеров. Мощный напор лазерного пламени сделал своё дело. Люди, суетившиеся возле люка корабля, повалились на землю лицом вниз, не в силах сопротивляться,

покорившись огню нашего оружия. Мы выпрыгнули из транспортёров, стараясь использовать разбросанные вокруг коробки в качестве прикрития.

Выхватив танглеры, команда Патрульных бросилась к притихшим на земле бандитам, а мы помчались дальше, стараясь отыскать среди роботов людей. Наш перепрограммированный робот по-прежнему крушил всё на своём пути, пока наконец не добрался до одного из стабилизаторов грузового корабля. Там он и остановился, продолжая мрачно жужжать. Вытянутой клешней он поймал болтавшийся конец лебёдки и, зацепившись за него, потянул цепь на себя. И прежде чем кто-либо смог что-нибудь предпринять, робот начал карабкаться вверх. Под тяжестью робота цепь сначала натянулась, а потом оборвалась. Упав, робот не перестал двигаться, хотя неудачная атака немного повредила его. Одна из его рук беспомощно болталась вдоль тела, царапая обшивку, а вторая продолжала размахивать с ещё большим ожесточением.

Завернув за штабель коробок, я заметил Лиджа, который направлялся в противоположную от робота сторону. Он пригнулся на ходу, словно опасаясь выстрелов бластера. И что-то такое промелькнуло в его лице, что заставило меня последовать за ним. Через мгновение к нему присоединился Харкон, выскочивший откуда-то слева. Его чёрный костюм сразу бросался в глаза на этом открытом, залитом светом пространстве. Затем появилась ещё одна тёмная фигура — это был Грис. Они бежали, странным образом вытянув перед собой руки, и в этом положении напоминали клешни робота, который всё ещё бессмысленно что-то крушил около корабля. Они не смотрели по сторонам, а глядели только прямо перед собой, будто ясно видели конечную цель своего маршрута.

Наблюдая за ними, я вдруг понял, что во мне поднимается волна прежних страхов. Вполне вероятно, что сейчас вся эта троица находилась под контролем тех, кто похитил у них тела. И было бы лучше для всех нас, если бы я выпустил волну своего лазера, чтобы вывести их из строя.

Я стал прицеливаться, но Грис стремглав метнулся вперёд и скрылся в пещере, где было пристанище банди-

тов. Благодаря этому неожиданному и резвому прыжку ему удалось увернуться от вспышки зеленоватого луча. Следующая моя очередь полоснула по тому месту, где только что, полусогнувшись, бежал Харкон, но пилота там уже не было. Его реакция оказалась не по-человечески быстрой. У меня создалось впечатление, что предчувствие опасности помогло ему на какое-то мгновение раньше переместиться в другое, безопасное место. Там же, где лопнул зелёный пузырь волнового заряда, я успел заметить лишь его мгновенно промелькнувшую тень.

Итак, стало совершенно очевидно, что чужаки находятся внутри пещеры. Я не мог состязаться в проворстве с теми троими, которые бежали впереди меня, но всё-таки рванул за ними. Никто не мог бы предсказать, чем может закончиться встреча этих троих с чужаками. Вполне возможно, что, столкнувшись с неприятелем лицом к лицу, наши парни превратятся в их руках в марионеток. Если так и случится — что ж, у меня был бластер, и я знал, что с ним делать.

Но как я ни старался, мне не удавалось догнать Грисса, Харкона и Лиджа. Поняв, что это просто невозможно, я сбавил усилия и стал наблюдать за ними через оптический прицел лазера. Груды награбленного в пещере заметно поредели с тех пор, как я в последний раз был здесь, и теперь укрыться за ними было не так-то просто. Но эти трое, похоже, и не собирались прятаться. Напротив, они открыто все вместе вышли вперёд. Харкон шёл посередине, а его товарищи по бокам. Я не знал, находятся ли они под контролем. А пока не убедишься — так ли это, лучше к ним не приближаться. Я спрятался в тени у входа в пещеру, ругая себя за собственную нерешительность.

Те, кого искала эта троица, находились в дальнем тёмном углу пещеры, под нависающим балконом. Здесь однажды я уже попался в ловушку того типа, что ныне носил тело Гриса. Но теперь-то я хорошо знал, что в телах Лиджа, Харкона, Гриса новое содержание. Без всякого сомнения в их облике обитали чужаки. И ОНИ приближались к нашим, настоящим. Там же находились и остальные наши люди — те, с кем я отправился в своё время на

разведку, — парни с «Лидиса» и из Патрульной команды.

Они выстроились вдоль стены и стояли совершенно неподвижно. На их застывших лицах не отражалось никаких чувств, а в напряжённом ожидании чудилось что-то роботоподобное. Рядом с ними стояли и ещё какие-то люди, наверное, сами пираты. Все они держали наготове бластеры и, видимо, их хозяева-чужаки были абсолютно уверены в покорности и полном повиновении своей столь разнородной команды.

Однако оружие было направлено не на приближавшуюся троицу, которая уже никуда не спешила и замедлила шаг, а затем и совсем остановилась. Под защитным колпаком я смог уловить лишь слабый отголосок развернувшейся борьбы. Было совершенно очевидно, что чужаки прилагают все усилия, чтобы взять под контроль свои прежние тела.

Из всех троих Грис развернулся первым. Выражение его лица сейчас стало столь же тупым и бессмысленным, что и у остальных парней, попавших под влияние чужаков. Затем повернулись Харкон и Лидж. Они так же, как вошли в пещеру, теперь направились к выходу, а за ними двинулась и остальная заторможенная компания.

Видимо, чужаки решили использовать их в качестве прикрытия, чтобы спокойно добраться до нас. Если это так, то они были явно не из тех полководцев, которые сами идут во главе армий.

Некоторое время я выжидал. Следовало воспользоваться бластером со всей возможной осторожностью, хотя, в любом случае, смерть для лишённых воли была более желательна, нежели жизнь, которую уготовили им эти мерзавцы.

Я взглянул ещё раз на идущих впереди троих наших парней и выстрелил поверх их голов.

Фейерверк освобождённой энергии оказал неожиданный эффект. Те, над головами которых полыхнул лазерный луч, вскрикнули, побросали оружие, зашатались и повалились на пол. Трое, шедших впереди, сделали ещё пару шагов, и я уже было подумал, что мне не удалось вырубить

их, как они тоже сникли, силы изменили им, и они упали, хотя и упираясь руками в землю, словно искали опору, чтобы подняться.

В то же самое время поток принуждающей силы, который я почувствовал с самого начала, усилился, и я забеспокоился — враги не должны меня обнаружить! Но они с самого начала знали, где я нахожусь, хотя мне казалось, что я неплохо спрятался. Тогда я вышел из укрытия и, переступая через распростёртых на земле людей, предстал перед ними.

Теперь их лица не выражали самонадеянности и необычайной уверенности в собственных силах, как это было раньше. Словно маски сковывали черты чужаков. Тем не менее их вера в себя и свои силы пробивалась и сквозь непроницаемое выражение лиц, была почти осязаемой.

Но я не сдавался, хотя и понимал, как им хочется, чтобы я скис. Видимо, они меня, как и других, желали использовать как оружие против своих же собратьев. Однако вместо этого я шёл сейчас прямо на них.

Они настолько полагались на свои эсперные способности, что об оружии вспомнили слишком поздно. Я выстрелил первым, выпустив поверх их голов ещё один разряд сокрушительной энергии. Я метился выше их, хотя руки у меня чесались расстрелять их в упор. Но я прекрасно понимал, что последнее допустимо лишь в крайнем случае, поскольку тела эти необходимо сохранить.

Выстрелив ещё раз, я с тревогой обнаружил, что расстрелял весь заряд. Правда, оставался ещё запасной блок в патронташе, но будет ли у меня достаточно времени, чтобы успеть заменить его...

Никогда бы не подумал, что моя реакция может оказаться столь молниеносной, и я буду в состоянии опередить хорошо тренированного противника. Но тут я превзошёл самого себя. Почти не задумываясь над тем, что делаю, я громадным прыжком метнулся влево. И всё же полностью избежать опасности, подкравшейся сзади, не удалось. Кто-то чуть не схватил меня за плечо, стремительно выбросив вперёд руку. Я пошатнулся, едва удержавшись на ногах, и тут увидел, что сзади на четвереньках стоит Грис, вновь

изготовившись к атаке. Но тут небольшая искорка энергии, что ещё теплилась в нём, окончательно затухла, и он вновь распростёрся на земле лицом вниз, хотя длинное и чужеродное его тело ещё продолжало вздрагивать и извиваться, словно мышцы боролись с волей, а воля, в свою очередь, с мясом и костями.

Я отступил назад, в угол, чтобы видеть и тех троих у стены, и этих, которыми они пока ещё владели. Лежавшие на земле судорожно шевелились, словно из последних сил пытаясь встать на ноги, но никак не могли этого сделать. Насколько я мог заметить, те, что мнили себя здесь хозяевами, стояли в прежних позах и даже не пытались поднять руки с круглыми предметами, которые, как я подозревал, и служили им оружием. Они просто спокойно стояли, вытянув руки по швам.

Затем тот, кто находился в теле Лиджа, неожиданно повалился вперёд, ударившись со всего размаха лицом о каменный пол, но не предприняв ни малейшей попытки смягчить падение. За ним последовали двое других. Как только это произошло, конвульсивные телодвижения их рабов мгновенно прекратились. Стало тихо, как на кладбище.

— Ворланд! — Фосс и Бортон выкрикнули моё имя одновременно, отчего голоса их слились в один.

Оглянувшись, я увидел их у входа. Очевидно, им показалось, что я сражаюсь здесь не на жизнь, а на смерть. Бортон склонился над безжизненным телом Харкона. Затем взглянул на тех троих у дальней стены.

— Что ты сделал?

— Применил лазерный шок, — отозвался я, пристегнув к ремню оружие, которое до того не выпускал из рук.

Фосс подошёл к Лиджу.

— Мёрть? — спросил он, не глядя на меня.

— Нет, он жив, — отозвался я.

Они приблизились к тем трем, что лежали у стены. Осмотрели и перевернули их на спину. Глаза чужаков были открыты, но все трое были в глубоком обмороке. Словно дух улетучился из них...

Я тоже подошёл поближе взглянуть на своих противни-

ков. И изумился. Мне показалось, что души действительно покинули их. Неужели лазерный шок мог вызвать новый обмен между телами? Если так (впрочем, и в любом случае), то нам необходимо держать обе троицы под присмотром до тех пор, пока они не придут в сознание. Я немедленно сказал об этом капитану.

— Он прав, — куда более охотно согласился со мной Бортон и, достав танглер, стал опутывать лежавшие тела. Сначала он связал троих у стены, затем, для пущей надёжности, — и компанию, находившуюся в чужих телах. В довершение всего, трём чужакам ввели инъекцию, чтобы они до лучших времен оставались в бессознательном состоянии.

Теперь мы были хозяевами в этих пиратских хоромах, но на всякий случай пришлось выставить дозорных, ведь победу пока ещё нельзя было считать окончательной. Вполне могло случиться, что и в корабле, и в подземных переходах нам встретятся новые враги. Да и вся обстановка вокруг заставляла оставаться настороже — прислушиваться к странным звукам, прятаться в тени, короче, вести себя осторожно.

Из надувной палатки, стоявшей в пещере, мы сделали своеобразную тюрьму, сложив туда пленников. С помощью передатчика пиратов Бортон собрал оставшихся людей. Подкреплённые ранее стимуляторами и тонизаторами силы начинали иссякать. Но мы даже и пытаться не стали вскрывать свои сухие пайки, а предпочли по очереди вздремнуть и подкрепиться тем, что нашли в лагере.

Было видно, что пираты обосновались здесь надолго. Глубокий след выжженной земли в долине говорил о том, что на этом месте садился и взлетал уже не один корабль. В пиратском же корабле, который мы захватили с помощью взрывпакетов со снотворным газом, ничего интересного обнаружить не удалось — обычный космический грузовик, который авантюристы использовали для переправки награбленного на внешний рынок сокровищ. Улик, представляющих интерес для Патрульных, было явно недостаточно.

Наши пленники не очень-то торопились приходить в себя, а Тэнел весьма неохотно применял лекарственные средства для приведения пациентов в сознание. Мы о них пока слишком мало знали. Но и не торопились выяснять, кто они и что из себя представляют. Всего же попало около двадцати пиратов. А наша команда состояла всего из нескольких человек, включая Хнольда. Единственное, чем мы могли как-то себя обезопасить, — это принять все необходимые меры, чтобы наши враги не смогли воспользоваться своими эсперными способностями.

Тэнел настоял, чтобы троих переселённых в чужую оболочку и их чужеродные тела положили в отдельное помещение палатки, где он проводил теперь долгие часы, наблюдая за ними. Все шестеро нормально дышали, и когда врач подносил к ним индикатор, на приборе высвечивался сигнал, регистрирующий в них жизненную энергию, хотя все жизнедеятельные процессы протекали очень медленно и были сродни тем, какие происходят у человека, подвергнутого глубокому замораживанию. Как вывести их из этого состояния, врач не имел ни малейшего понятия. Через некоторое время он попробовал применить довольно рискованный способ. Сняв с себя защитный колпак, он попытался расшевелить их. Правда, рядом стоял дозорный на тот случай, если вдруг пациенты надумают подчинить его своему влиянию. Тэнел сам хотел добраться до их разума эсперным путём, но опыт не удался.

Как только у нас появилось время расслабиться, я уснул. Не могу сказать, сколько я проспал. Сон мой неожиданно прервал Фосс.

— Тэнел хочет видеть тебя, — коротко бросил он.

Я поднялся. Фосс уже направился к выходу из пещеры, где в темноте ночи едва различался стоявший на приколе корабль.

Однако вовсе не свежесть ночного ветерка, разгуливавшего по пещере, заставила меня зябко поёжиться, когда я посмотрел на уходящего капитана. Холодом одиночества повеяло на меня. В своей жизни я знал одиночество. Наверное, самым ужасным образом проявилось оно на

Йикторе, когда до меня вдруг дошло, что я могу никогда больше не вернуться в человеческий образ и буду вынужден до конца жизни оставаться в теле животного. Тогда я буквально впал в бешенство, позволив тому, что осталось во мне от зверя, взять верх над человеком. Я носился по долине, крался по-звериному, убивал... Теперь я просто не могу припомнить всего того, что делал тогда. И всё это вызвало одиночество!..

Сейчас же надвигалось одиночество совсем иного свойства. Увидев удаляющегося Фосса, я почти осязаемо почувствовал стену, отделявшую нас друг от друга. Возводилась ли она с моей стороны? Возможно... Правда, оглядываясь назад, я чувствовал, что всё делал правильно и, окажись я снова перед тем же выбором, я не поступил бы иначе. Да, я больше не принадлежал «Лидису».

Конечно, я и дальше мог бы на нём путешествовать и выполнять свои обязанности так же хорошо, как делал это год назад, а может, даже и лучше. Но теперь я уже не мог сказать, что «Лидис» является моим единственным домом, пристанищем Вольного Торговца.

Что же случилось? Я настолько растерялся, словно опять бегал на четырёх лапах по равнинам Йиктора. И если я больше не был Крипом Ворландом, урождённым Вольным Торговцем, кому не нужно было в жизни ничего, кроме койки на «Лидисе», тогда кем же я был вообще? Не Маквэдом же — конечно, нет! Если бы я мог выбирать между принадлежностью к Тэсса или к членству экипажа корабля, конечно же, я бы выбрал второе.

Я был совсем один!.. Но я постарался взять себя в руки, встряхнуться, отогнать прочь мрачные размышления и поспешил к Тэнелу, надеясь, что его поручения хотя бы на время отвлекут меня от тягостных мыслей.

Врач ожидал меня во внутренней секции палатки, где продолжали лежать без движения шесть тел. Выглядели они точно так же, как тогда, когда я помогал втаскивать их сюда. У Тэнела был страшно утомлённый вид.

К моему удивлению, в палатке он был не один. Рядом с ним стоял Лукас, ещё не так давно связанный гибким тросом. Лукас и заговорил первым.

— Крип, ты единственный среди нас, кто переходил из одного тела в другое. Тэсса делают это регулярно. Разве не так? — спросил он.

— Я ничего не слышал о регулярности таких превращений, — возразил я. — Но любой, кто хочет попробовать себя в качестве Лунного Певца, действительно делает это. Однако число Лунных Певцов ограничено. Они разбросаны и не знакомы друг с другом. Так что они даже сами не знают, сколько их. У них тоже бывают свои промахи и неудачи, — рассказывал я, а сам думал: мое теперешнее тело тому доказательство.

— Нас волнует другое. Знаешь ли ты, как они это делают? — перешёл к сути дела Тэнел. — Тебе самому удалось это пережить. К тому же ты был свидетелем превращения Майлин. Они что — используют какие-то машины, лекарство, какой-то особый гипноз? Что происходит при этом?

— Они поют, — я сказал то, что знал.

— ПОЮТ?

— Да, по крайней мере, они сами это так называют. И самое хорошее пение получается тогда, когда луну Йиктора опоясывают три кольца — явление, повторяющееся не очень-то часто. Можно, конечно, подобные превращения делать и в другое время, но тогда требуются совместные усилия нескольких Певцов. Когда Майлин перебиралась в тело Ворсы, кольца уже исчезали, поэтому совершали этот обряд несколько Певцов...

— Майлин была Лунной Певницей. Она и сейчас Певница, — задумчиво проговорил Лукас.

— Её способности были значительно уменьшены, когда Старейшие отправили её в изгнание, — напомнил я.

— Это всё, что ты знаешь? — спросил Тэнел.

— Да, — пожал я плечами.

— Как бы там ни было, но факт остаётся фактом — налицо замена тел, до этого известная лишь на Йикторе. Вполне естественно, что нам лучше погрузить этих, — он показал на спящих, — на корабль и отправить туда, но вполне возможно, что ваши Тэсса могут отказаться про-

вести обмен телами. А вот Майлин сейчас здесь, и если она знает, что можно сделать для них...

Тэнел осёкся. Наверное, он увидел выражение моего лица и понял, как я удивлён его предложением.

— Она вовсе не животное! — воскликнул я. Но разве мог я заставить его понять это? Человека, который ни разу не видел Майлин, Лунную Певицу, в её настоящем облики, а знал её только в облике маленького мохнатого существа, с которым я делил каюту. Для него она была всего лишь зверьком, которого можно пожалеть, но не считаться с ним, как с любимым, кто носит человеческую оболочку.

— Я ничего такого не сказал, — стал успокаивать меня Тэнел, однако не мог больше растопить мою настороженность. — Я просто подумал, что на этой планете у нас есть существо, которое мы могли бы подключить к нашим проблемам и попытаться справиться с ними непосредственно здесь, а не в другом конце галактики.

Однако нарочитая его рассудительность только подлила масла в огонь, и я выпалил:

— Вы вытащите её из морозильной камеры, и она умрёт! Ты, — я повернулся к Тэнелу, — видел, в каком она состоянии! Ты сам помещал её в морозильный отсек. Сколько она протянет, если ты оживишь её теперь?

— Существуют новые технологии... — он говорил спокойно и тихо. Я же наоборот — взволнованно и громко. — Мне кажется, я могу предотвратить любые физические изменения, освободив только её мозг.

— Тебе «кажется»... — ухватился я за характерное для него словечко. — Но ты не можешь быть до конца уверенным, не так ли? — настаивал я, и он, будучи человеком достаточно честным и откровенным, подтвердил мою правоту кивком головы.

— Тогда я запрещаю делать это. У неё должен оставаться шанс.

— Но каким же образом ты собираешься ей его предоставить? На Йикторе? Что они смогут там для неё сделать, даже если тебе и удастся доставить её туда? У них ведь нет запасных тел?

Глава 18

МАЙЛИН

А ведь и правда, иногда мы можем вспомнить, хотя воспоминания эти будут прозрачны, словно лёгкий утренний туман, о том образе жизни, который богаче и разнообразнее нашего, и в который нас могут завести мечты или желание укрыться от реальности? Где же я бродила всё время с тех пор, как душа моя покинула разбитое тело? Нельзя сказать, что мною полностью завладела пустота небытия того глубокого сна, в котором я теперь пребывала. Нет, я что-то делала, вглядывалась в какие-то странные видения, и только потом ко мне вернулась боль. И это являлось признаком жизни. А вслед за ним пришло осознание, что необходимо что-то предпринять, как-то действовать. Хотя я и не могла понять, какой деятельности требует душа.

Очнувшись, я больше не хотела смотреть на окружающее теми глазами, что и раньше. Возможно, они утратили зрение. Скорее всего, это Крип попросил меня очнуться, его мысль пробудила меня ото сна. Я знала, что сделал он это по крайней нужде, отозвавшейся во мне этим самым оживляющим чувством долга.

Как мы всегда привязаны к уплате долгов! Особенно когда хотим, чтобы чаши Весов Моластера не перевешивали одна другую!

Услыхав зов Крипа, я почувствовала такую боль в теле, что на несколько мгновений лишилась способности отвечать. Я прервала контакт, чтобы употребить всю свою силу на разрыв связей между моим мозгом и телом. Я сделала это так быстро, что боль сразу уменьшилась до вполне терпимого уровня и стала казаться далёкой, словно утихающие вдали завывания ветра.

Отгородившись таким образом, я мысленно обратилась к Крипу с вопросом:

«В чём дело?»

Ответ был краток:

«Замена тел...»

Я не совсем поняла его. «Замена тел?..» На меня

нахлынули воспоминания. Замена тел! Я ведь находилась в совершенно разбитом и изуродованном теле, у которого не могло быть никакого будущего. Новое тело?.. Как долго я пролежала в этом месте? Хотя время — всегда относительное понятие. Неужели я уже на Йикторе, и новое тело ждёт меня? Неужели уже прошло столько времени в том реальном мире, сколько и здесь? Тогда получается, что я больше не связана с миром Крипа так тесно, хотя мне кажется, что я успела неплохо его изучить.

«Замена тела у кого?»

«Майлин!» — его мысленное послание усилилось, словно он пытался разбудить спящего тревожным своим криком, как это делает горнист на городской стене, предупреждая об опасности.

«Я здесь... — мне показалось, что он не расслышал меня. — Что тебе нужно?»

«Вот что...» — теперь мысли его прояснились, и он рассказал мне обо всём, что произошло на «Лидисе» с членами экипажа и чужаками в их телах.

Часть рассказа была мне внове. По мере того, как в моём мозгу оживали его мысленные картинки, собственные воспоминания становились всё отчётливее, выплывая из густого тумана, в плену которого я находилась в последнее время.

Обмен телами для этих троих в человеческом облике и троих чужаков... Но ведь чужаков было четверо! Я видела совершенно отчётливо, как она резко поднялась и прекрасные волосы рассыпались по её плечам. У неё на голове была... НЕТ!

Мой мысленный контакт инстинктивно прервался. В её короне заключалась опасность, всё ещё сохранилась опасность! Она оставалась там, и она ждала. Продолжала ждать. Она не могла завладеть телом кого-нибудь из наших и высосать из него жизненную силу, потому что все они — мужчины, а для того, чтобы совершить переход, ей требовался кто-то одного с ней пола. Вот в чём всё дело! Она узнала меня. Теперь я это ясно вспомнила. Но пока я сопротивлялась, она не могла подчинить меня себе и вынудить перейти в её тело. То есть заставить обменяться

талами? Нет, я не то говорю. Её желание было совсем другим. Я успела это почувствовать, когда была там, — ей требовалась моя жизненная энергия, а не тело.

«Майлин? — Крип понял, что я думаю о той женщине, хотя, возможно, и не знал, почему я это делаю. — Майлин, ты меня слышишь, Майлин?»

В его призыве теперь зазвучал страх.

«Я здесь. Чего ты хочешь?»

«Ты меняла тела для меня. Можешь ли ты сказать, как нам поменять тела этих?»

«А разве я до сих пор Лунная Певица? — горько усмехнулась я. — И разве сияет над нами сейчас Сотра, опоясанная Тремя Кольцами? И разве сейчас мои звериные губы и горло смогут пропеть Великие Песни? Я ничем не могу помочь тебе, Крип Ворланд. Те, к кому тебе нужно обращаться, высоко в горах на Йикторе».

«Это значит, нам никогда до них не добраться. Но послушай, Майлин», — начал он торопливо объяснять всю важность происходившего и, как обычно бывает, когда спешишь, стал сбиваться с мысли. Но я уловила, что он хотел сказать. Или просто предчувствовала заранее, чего от меня ждут.

«Если ты хочешь сказать, что тело, в котором я сейчас нахожусь, не может быть мною больше использовано, то я об этом уже и сама догадалась. Хотел ли ты спросить меня ещё о чём-нибудь?»

«Она — эта женщина в короне с кошками — и есть тело!»

И вновь я собрала все свои силы, чтобы проверить, не скрывается ли за словами Крипа её коварная подсказка? Не один ли это из способов её нападения? Она могла использовать Крипа, чтобы продолжать соблазнять меня. Ведь и в самом деле правда, что живые существа, поставь их перед выбором «жить или умереть», предпочтут «жить». Я думаю, что все, с кем она имела дело раньше, обладали меньшими способностями и энергией, поэтому она и становилась с каждым разом всё самоувереннее.

Но я не смогла найти в мозгу Крипа следов её присутствия. В нём не было ничего иного, кроме участия и искреннего огорчения, что утрачен тот образ Майлин,

который вынес он, впервые увидев меня на Йикторе, когда я сама ещё была уверена в СЕБЕ и СВОИХ способностях.

Поняв, что Крипом не владеет навязанная кем-то идея, я начала размышлять над его словами. Я могла отдаться во власть тумана и тьмы, освободиться от пут, связывающих меня с этим телом, которое нельзя уже было восстановить, несмотря ни на какие научные достижения. Мы, дети Моластера, не боимся ступить на Белую Дорогу, прекрасно понимая, что эта реальная жизнь — всего лишь первый неуверенный шаг на долгом пути к чудесам, о которых здесь и сейчас мы просто не подозреваем.

Однако правда и то, что мы всегда точно знаем, когда наступает момент освобождения. Я же пока не получила такого сигнала. Вместо этого я ощущала себя частью какой-то незавершённой структуры, о которой имела пока очень смутное представление. И если я решу сейчас выйти из нынешней боли или собственной робости, это будет не совсем правильно. Моё время ещё не пришло. Но и дольше находиться в этом теле тоже нельзя. Оставалось одно: использовать тело той, что продолжала ждать. За него мне придётся бороться. Это будет честная борьба — моя сила против её силы — самая справедливая война, в какую, по всей вероятности, она когда-либо вступала.

Если бы сейчас рядом со мной оказался кто-то из Старейших, мои опасения сразу же исчезли бы. Но это была только моя борьба, поэтому даже если бы целый ряд их стоял за моей спиной, я не попросила бы их о помощи. Но где же мой жезл? Кто будет петь? Допустим, я войду в тело ждущей меня чужачки и обнаружу себя в нём полнотью беспомощной.

«Майлин!» — попробовал ещё раз позвать меня Крип, словно пытаюсь хотя бы докричаться до меня.

«Перенеси меня к этой женщине, но не пытайся больше входить со мной в контакт, пока мы не прибудем туда. Мне нужно сохранять силы», — ответила я ему.

Петь? Я не могла петь! Мы находились сейчас не под Луной Трёх Колец, под которыми силы мои многократно увеличились бы. И со мной не было никого из Тэсса. Никого? А Крип? Но он был Тэсса только снаружи. И всё

же... Я стала обдумывать этот вариант так, словно всё касалось вовсе не меня, а кого-то другого, к кому я не имею ни малейшего отношения, и с кем не связана никакими чувствами.

Обмен телами должен происходить при слиянии энергий. Раз уж я решилась противопоставить себя чужачке, то должна всё взять на себя. Но чтобы заставить её принять бой, мне необходимо было по всем правилам привлечь на свою сторону союзника. Там когда-то лежал мёртвый человек, вернее, казалось, что он мёртв. Человек этот передавал сигналы, которые держали команду «Лидиса» и Патрульных под контролем. Он, а точнее его воля, использовала не от традиционные для Тэсса биологические источники, а механическое устройство. Но разве то, чем пользуется один, не может быть применено другим?

Многие века Тэсса остерегались прибегать к помощи машин. Точно так, как в своё время они приняли решение уйти из городов, отказаться от собственности. Я совсем не разбиралась в машинах. Тем не менее только ограниченный человек в критической ситуации может отказаться от помощи полезного изобретения лишь потому, что ему незнаком принцип его действия. Да, мы, Тэсса, находимся в стороне от общего потока жизни, в котором плывут обычные люди, включая звёздных путешественников, но всё-таки не стоим на месте. Мы знаем, что прогресс — дело великое. Просто мы от него в стороне.

Итак, взять машину в помощники. К тому же машина «Лидиса» или Патруля всегда будет на моей стороне, а не на стороне той, кто наблюдает за мной и ждёт. Поможет мне и то, что она не знает, как я выгляжу. Она чувствует мой дух, но тело моё ей неизвестно. Нужно немедленно предстать перед ней. Неожданность — мой конёк. Да, но если она почувствует, что мой мозг поддаётся внушению, смогу ли я вывести её из равновесия, взять инициативу, атаковать?

Обдумав действия, я снова обратилась к Крипу и посвятила наконец его в свой замысел. Идея машины ему понравилась, а я вновь погрузилась в спасительное молчание. Я стала ждать, накапливая внутреннюю энергию,

какую только была в состоянии собрать. Необходимо было приготовить себя к новой технологии, открываясь силам, которые отдаст мне машина. Правда, за моей спиной будет Крип, а на него-то я всегда могу положиться.

Таким образом, хотя я на время оборвала контакт с Крипом, до моего сознания дошёл мысленный сигнал, но не открытый и чёткий, а скорей коварный и упрямый, словно барск, рыскающий в поисках добычи вызывал переполох в душах будущих жертв.

Мне захотелось выяснить, кто скрывается, кто послал сигнал, но, боясь лишиться эффекта внезапности, я прекратила всякие действия. Интересно, подумала я, насколько хорошо знает она своё дело? Может, я перед ней сразу же спасую, как ребёнок перед нашими Старейшими? Что покажет первое столкновение? Оставалось ждать встречи и надеяться на то, что машина мне поможет.

Хотя вокруг ничего не менялось, я чувствовала, как неуклонно увеличивается давление постороннего тёмного разума и догадывалась, что подбираюсь к самому её логову. Очень трудно ограждать свой мозг от чужих мыслей на двух уровнях. Но позволяя захватчице коснуться моего открытого вовне мозга, я должна допускать такое внедрение с предельной осторожностью. Пусть моя противница поверит, что успешно проникла в меня. Пусть ей покажется, что за силами, которые я ввела в сражение, не скрыты свежие резервы, готовые к контратаке.

В этот день, или ночь, я, наверное, достигла высот своих возможностей, о которых не могла подозревать, даже когда была Лунной Певницей. Но я всё ещё не до конца осознавала силы своего искусства. Я была всецело поглощена тем, чтобы удержать хрупкое равновесие и усыпить бдительность врага, вместе с тем будучи готовой немедленно действовать.

Осторожное вторжение в мой мозг внезапно прекратилось. И хотя у меня сейчас работало только мысленное зрение, я увидела её! Она предстала передо мной во всех подробностях, и точно такая, какой её описал мне Крип и какой всё это время виделась она мне самой.

Но если образ её, впервые всплыв в моём сне, был слегка

затуманен, так как он передавался через ощущения Крипа, то теперь я увидела эту женщину чрезвычайно контрастно и рельефно, словно камни Долины Йолор, лежавшие под безжалостным сиянием зимней Луны Йиктора. Сейчас она не лежала на кушетке, как в описаниях Крипа, а, скорее, сидела на ней. Копна тёмных волос, откинутых назад, прикрывала тело, голова была немного приподнята и устремлена вперёд, будто моя противница желала встретиться со мной лицом к лицу, а извивавшиеся кошачьи головы её диадемы, прекратив свою бешеную пляску, взвились прямо на своих тонких нитях, и глаза их тоже устремились на меня. Они следили за мной и выжидали...

Диадема! У меня был когда-то жезл, помогавший концентрировать энергию, когда я пела свои заклинания. Даже у Старейших используют посохи, помогающие им фокусировать и удерживать энергию, над которой они осуществляют контроль. Её диадема служила той же цели.

Вероятно, я совершила ошибку, узнав ритуальный предмет. Она почувствовала это сразу же, и глаза её сузились. На лице больше не играла улыбка. По нитям с кошачьими головами пробежала лёгкая рябь, словно злаковое поле тронул слабый ветерок.

«Майлин — приготовься!»

Крип прорвался сквозь мысленный щит, и на этот раз я не попыталась заслониться от него. Я увидела, что кошачьи головы задёргались, повернулись и вновь пустились в неистовую пляску. Но я отвернулась от них, чтобы последовать за ведущей меня мыслью Крипа.

Каким-то чудом, ниспосланным мне Моластером, я смогла прочесть его указания. Хотя, впрочем, просто «увидела» перед собой машину. Её форма и устройство меня совершенно не интересовали — важно было только то, что она могла послужить моей собственной диадемой. Но с ней меня должен был связать Крип, ибо это скорее его наследство, нежели мое.

Соединить и удержать — понял ли он? Должен понять! Ведь образ машины очень чётко отпечатался в моём мозгу, и я решила, я направила на противницу всю свою энергию.

Ужас, безумный ужас охватил её!

Как ни пыталась чужачка увернуться, мои воля и решимость мощным потоком обрушились на неё. Правда, пока я ещё не могла сказать с уверенностью, что окончательно достигла цели. Женщина затихла, стоя совершенно неподвижно, и только диадема не позволяла ей полностью подчиниться моей воле.

А в это время между мной и моим мысленным представлением о собственной телесной оболочке в диком танце кружили кошачьи головы. Я больше не могла смотреть сквозь них и сконцентрироваться на оболочке. Страшная боль снова принялась терзать моё тело. Сил моих не хватало увёртываться от заклинаний, которые бросали в меня кошачьи головы. Я больше не могла сосредоточиться на усилителе...

Вдруг я почувствовала прилив сил — Крип! Он не подпевал мне — ведь он не был настоящим Тэсса, но он поддерживал мою связь с усилителем — небольшую, но всё же достаточно прочную. И я была рада, что таковая у меня появилась.

Моей противнице удалось немного сдвинуть меня с завоёванной позиции, но по сравнению с тем, с чего пришлось начинать, я продвинулась весьма значительно. Не смотреть на кошек! Усилитель, пустить в дело усилитель! Наполнить его потоком воли! Наполнить!..

Искажённый образ перед глазами — какой-то проблеск физической способности видеть. Стереть его! Смотреть только внутрь, а не на окружающее — вся борьба проходила внутри! Я уже знала, что приближался её конец, но всё же чувствовала какую-то растерянность. Ещё раз — усилитель! Собрать все свои силы и — огонь!

Я прорвала какую-то невидимую преграду, но всё ещё не позволяла победному чувству вырваться наружу. Успех в одном-единственном деле вовсе не означал окончательной победы. Что меня ожидало дальше? И вот наступила моя очередь содрогнуться от ужаса. Я считала, что сражаюсь за личность, вполне определённую личность, которой являюсь сама я — Майлин из рода Тэсса. Но это оказалось лишь моим желанием, страстным желанием и неясной

потребностью господствовать, что вполне вероятно, досталось мне в наследство от прежней хозяйки оболочки, в которую я теперь переселилась. А машина, брошенная своим прежним владельцем, осталась «жить» во мгле веков. Внутри же того тела, что носило диадему с кошками, не оставалось ничего, кроме крох прежней боли и желаний. И когда я прорвалась сквозь оболочку этого тела, я обнаружила пустоту, которую никак не ожидала там встретить. Я поплыла в пространстве, осваивая её и пытаясь перебороть последние следы той, другой.

Эти остатки прежней жизни, словно засевавшая в теле робота старая программа, вовсе не собирались исчезать. Возможно, управляя столь долгие годы этим телом, они превратились в самостоятельные частицы, существовавшие как бы отдельно, квази-жизнью, и теперь со всей яростью набросились на меня.

Это были кошки. Кошки!.. Внезапно я увидела их узкие головы, сверкающие злобой зрачки. Они сбились в комок над моей головой, и некоторое время только они и стояли перед взором, извиваясь в безумном танце. Кошки!.. Именно они были тем ядром, которое руководило телом и направляло его.

Но несмотря на все их попытки отгородить меня от внешнего мира, я стала видеть, я стала прорываться сквозь туман незречести. И это было уже не мысленное зрение, а настоящее. Очертания предметов, хотя мне и трудно было на них сосредоточиться, проступали всё отчётливее. Я поняла, что смотрю на мир вовсе не теми глазами, что когда-то подарила мне Ворса. Я находилась в новом теле, и наконец ясно осознала, что это было за тело!

И оказываемое на меня давление, и враждебные волны, прокатывающиеся по всему телу, — всё это исходило от кошек! Я находилась в теле, у которого имелись ноги, руки, и в котором я сосредоточила всю свою волю, но одновременно со мной яростно боролась та, вторая половина, существовавшая во мне. Она не позволяла мне почувствовать, что я на самом деле двигаюсь, убеждая, что это просто моё горячее желание.

Но всё-таки я заставила руки подняться к своей голове,

сорвать с неё кошачью диадему и с силой отшвырнуть её в сторону...

Кошачьи головы разом исчезли. Моё зрение тут же прояснилось. Я знала, чувствовала, что у меня есть тело, что я живая, дышу, и боль отступила. Но самое главное — присутствие чужой воли и следы прошлой жизни исчезли, словно отлетели прочь вместе с короной.

И я увидела стоявших передо мной капитана Фосса, незнакомца в форме Патруля, а на полу — ещё нескольких человек, опутанных верёвками танглера: Лиджа, Гриса, пилота Патруля. Рядом с ними неподвижно лежали тела чужаков.

Крип подошёл ко мне, взял за руки, посмотрел прямо в мои новые глаза. То, что он в них прочёл, было, наверное, правдой, потому что лицо его озарилось. Я никогда раньше не видела у него такого выражения.

— Тебе это удалось, Майлин — Лунная Певица, тебе это удалось!

— Да, наверное... — я услышала свой новый голос, слегка охрипший и какой-то странный. Опустив глаза, я взглянула на новую оболочку своей души. О, это было замечательное тело! Очень хорошо сложенное, хотя копна тёмных волос совсем не походила на волосы Тэсса.

Крип всё ещё держал мои руки в своих, словно опасаясь, что если он отпустит их, я снова ускользну в небытие. К нам подошёл капитан Фосс и стал разглядывать меня с таким же напряжённым вниманием, что и Крип поначалу.

— Майлин? — он произнёс мое имя так, будто никак не мог поверить в происшедшее.

— Какие вам ещё нужны доказательства, капитан?

Душа моя взмыла ввысь. Подобного ощущения я не испытывала с тех пор, как оказалась в шкуре животного на Йикторе.

Однако один из Патрульных тут же остудил мою радость.

— Ну и что из этого? — сказал он даже несколько пренебрежительно. — Сумеешь ли ты сделать то же самое для этих троих? — и показал на связанных.

— Не сейчас, — оборвал его Крип. — Она только что выиграла жестокую битву. Обождите...

— Дайте мне хоть немного времени освоиться с новым телом, — попросила я.

Я отключила физические ощущения, как делала это раньше, будучи Лунной Певницей, и отправилась бродить внутри себя. Это было похоже на исследование пустых комнат давно заброшенной крепости. То, что жило в этой крепости, занимало сравнительно мало места. В путешествии своём я уходила всё дальше и постепенно начинала понимать, что в моих руках теперь находятся совершенно новые инструменты, среди которых есть и совсем пока незнакомые мне. С ними у меня ещё будет время познакомиться, а сейчас мне хотелось узнать лишь одно — как я, Майлин, могу воспользоваться этим телом.

«Майлин!» — громкий зов вернул меня в реальность. Я ещё раз почувствовала теплоту руки Крипа, услышала его голос.

— Я здесь, — откликнулась я, полностью взяв под контроль своё новое тело. Поначалу движения его были неуверенными, будто долгое время им никто толком не управлял. Но с помощью Крипа, сначала нетвёрдо, а потом всё увереннее, я стала двигаться. Мы подошли к связанным по рукам и ногам телам чужаков, лежавшим рядом с землянами. Плоть их была прозрачна для моего нового зрения. Я знала, что в действительности представляют собой каждый из них.

Как и женщина, в которую я сейчас превратилась, чужаки обитали не в своих телах. И вообще, в эти тела не вселялась личность. Они были оболочкой, начинённой движущей силой. Это было очень странно — клянусь Словом Моластера — очень странно! Я не могла себе представить, кто же на самом деле обитал в телах чужаков. Даже наши Старейшие едва ли могли бы определить это. Но что бы они из себя не представляли, кем бы они ни были, мастерству их приходилось только удивляться. Это было верхом совершенства — подчинить себе людей, используя лишь слабые отголоски своей реальной силы.

Тем не менее, мне не составило особого труда прорваться сквозь их оболочку и выгнать чужаков из тел, которые

они занимали. Крип был рядом со мной, и я подключалась к его энергетическим ресурсам. Как только чужаки оказались изгнанными из человеческих тел, вернуть плоть своему истинному хозяину было уже несложно. Тела землян зашевелились, они открыли глаза и очнулись, как ни в чём не бывало. Я повернулась к капитану Фоссу.

— Эти трое носили короны, их надо найти и уничтожить. Я не знаю, каким образом, но в коронах сосредоточена злая сила.

— Ах, так! — Крип отпустил мою руку и отошёл к противоположной стене комнаты. Он наступил там на какой-то предмет, лежавший в углу, а затем стал топтать его своими космическими сапогами на магнитной подошве.

В моём мозгу отозвались далёкие приглушённые стенания, будто какие-то живые существа оплакивали свою кончину. Я содрогнулась, но не стала останавливать Крипа в его яростном порыве разорвать последние узы, связывающие меня, тело, которое я теперь носила, и злую волю чужака.

Новое тело было просто великолепным, я это сразу поняла. Во внешних покоях я нашла кое-какую одежду, несколько, правда, отличавшуюся от той, к какой я привыкла, когда была Тэсса: короткая туника с широким, усыпанным драгоценными камнями ремнём и обувь, подходившая к любой ноге.

Для моих новых волос, тяжёлых и длинных, у меня не было ни булавок, ни заколок, чтобы уложить их так, как носили Тэсса, поэтому я их просто заплела в косы.

Мне было интересно знать, кто же всё-таки была та прекрасно сохранившаяся женщина-красавица? Несомненно, я стала наследницей тела непростой женщины. Королева, принцесса, а возможно, и сам дьявол сидели в ней. Но кем бы она ни была, теперь её уже нет, и это навсегда. Честно говоря, хотелось верить, что на самом деле она вовсе не походила на тень, с которой мне ещё совсем недавно пришлось бороться.

Те покои, в которых находились эта женщина и трое мужчин-чужаков, представляли из себя, по-видимому,

огромную сокровищницу. Такие клады наверняка ещё не раз будут находить грабители или исследователи. Нам же просто повезло. Мы напали на контрабандную операцию пиратов (так ловко перехваченную чужаками). А так как действия мародёров были признаны незаконными и нарушали Правила Космической Торговли, экипажу «Лидиса» достались все права на разработку поземелья. А это значило, что каждый член экипажа становился хозяином своей судьбы, человеком достаточно богатым, чтобы распоряжаться дальнейшей своей жизнью по собственному усмотрению.

— Ты не раз говорил мне, — сказала я Крипу в той самой комнате, где раньше обитала женщина, в теле которой я сейчас жила, и куда мы пришли, чтобы забрать её вещи, — что сокровища могут быть разными. А для тебя настоящее сокровище — собственный корабль. Ты до сих пор так считаешь?

Крип сидел на одном из сундуков. Я нашла отрез зелено-голубого материала с золотым рисунком в виде кошачьих голов. Никогда раньше не видела ничего подобного. Теперь эти головы не вызывали у меня никакой тревоги.

— А что является сокровищем для тебя, Майлин? — спросил меня Крип. — Вот это? — показал он вкруг.

— Тут много красивого, радующего глаз, приятного на ощупь... — я смяла ткань и снова расправила её. — Но это нельзя назвать сокровищем. Сокровище — мечта, которую каждый стремится достичь с помощью Моластера. Йиктор теперь очень далеко. О чём я могла мечтать на Йикторе?.. — тут я задумалась. О чём же я мечтала на Йикторе? Мне не пришлось долго рыться в памяти. Мои малыши. Наверное, я не имела права больше называть их «моими», после того, как отпустила на волю всех зверей. Но я была сейчас так далеко от Йиктора! И не только потому, что расстояние до него было огромным. В душе моей не было места для той жизни, которой я жила раньше. Конечно, когда-нибудь мне захочется вернуться. Да. Мне хотелось увидеть Три Кольца Луны Сотра, сверкающих на ночном небе, побродить среди Тэсса, но не сейчас.

— Ты всё ещё мечтаешь о корабле с животными? Унести́сь по́дальше к звёздам со своим маленьким народом и показывать другим мирам, какими тесными могут быть связи между человеком и животными, — сказал Крип. И это действительно было моим тайным желанием. — Когда-то я говорил тебе, что невозможно раздобыть такие сокровища, на которые можно было бы приобрести корабль. Я оказался не прав. Вот они! Их тут больше, чем достаточно!

— Тем не менее, я не могу купить корабль и полететь к звёздам одна, — я повернулась и посмотрела ему прямо в лицо. — Ты говорил, что твоя МЕЧТА — тоже корабль. Сейчас она может осуществиться...

Он был Тэсса и, в то же время, не совсем Тэсса. Когда я смотрела на его лицо, я всегда могла увидеть за чертами лица Маквэда тень молодого человека с тёмной кожей, чёрными волосами — юношу, которого я впервые увидела на Большой Ярмарке в Ырджаре.

— Ты не хочешь возвращаться на Йиктор? — и вновь он не задал мне главного вопроса.

— Не сейчас. Йиктор так далеко отсюда.

Я не знаю, что он прочёл в моём голосе такого, но он поднялся, подошёл вплотную и притянул меня к себе.

— Майлин, я стал совсем не таким, каким был раньше, и с удивлением обнаружил, что являюсь изгнанником среди себе подобных. Я не сразу в это поверил, но всё, что произошло здесь, на Сехмете, явилось лучшим тому подтверждением. Только одно существо на свете способно теперь претендовать на мою безграничную преданность...

— Два изгнанника могут начать совместную жизнь, Крип. А звёзды... Наш корабль отыщет нашу звезду, и, я думаю, наши мечты, слившись в одну, вместе продолжат путь...

Вместо слов Крип крепко обнял меня, и мне это очень понравилось. Я поняла, что больше мы с ним не будем бродить по мирозданию врозь. Наши судьбы слились. И я благодарила Моластера всем сердцем за ЕГО великую доброту.

Глава 19

КРИП ВОРЛАНД

Когда я взглянул на неё, подошедшую ко мне, всегда безоглядно верившую мне (даже тогда, когда я позвал её туда, где, возможно, её ждала мучительная смерть, ведь я и сам считал, что шансов выжить у неё мало), я понял — это судьба! Мы нашли друг друга и тот образ жизни, который устраивал нас обоих.

— Не изгнанники, — поправил я её. — Это не изгнание, когда возвращаешься домой!

А дом — это вовсе не корабль, не планета, не телега путешественника, трясущаяся по равнинам Йиктора. Это чувство, которое ты, испытав однажды, уже никогда не забудешь. Мы оба были до сих пор изгнанниками. Но теперь перед нами простирались звёзды, а внутри нас был дом! И он останется с нами, пока мы будем живы!

Содержание

ЛУНА ТРЁХ КОЛЕЦ 3

Перевод Константина Прилипка

ИЗГНАННИКИ ЗВЁЗД 205

Перевод Константина Прилипка

Книготорговый отдел
издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

**предлагает книжную продукцию
в ассортименте.**

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 1700 пачек.

Тел. 8 — (095)-264-29-76

МЫ ЖДЕМ ВАС!

ANDRE NORTON AGENCY

представляет права
на публикацию
произведений зарубежных
авторов и художников.
Тематическое и жанровое
составление, детективы,
фантастика, триллеры,
ужасы, вестерны,
музыкальная
литература...

Тел., факс 8-(095)-264-29-76

Майкл МУРКОК,
Глен КУК,
Джеймс УАЙТ,
Сара ПАРЕЦКИ,
Тед ВУД, Джеймс ГРАНТ,
Эдвард ЛИ, Эрл МЭРФИ,
Майкл ВЕЛАН,
Родни МЭТТЮ
и др.

Андрэ Нортон
ЛУННАЯ МАГИЯ
книга первая

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов И. З.

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Редактор
Прилипко К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 09.10.93 г. Подписано в печать 01.12.93 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 23,5.

Физ. п. л. 13. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1767. «С» — 16.

Издательская лицензия ЛР № 070157 от 02.10.91 г.

Издательство «Зеленоградская книга».
103478, г. Москва, Зеленоград, корп. 448, к. 1
Издательство «Сигма-пресс»
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати Российской Федерации.
127018, г. Москва, Суэцкий вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

